

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

**ЯЗЫК
КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ**
К 100-летию революций в России

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2017

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра науки и культуры в Гомеле.

Язык как зеркало эпохи : К 100-летию революций в России : сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – 207 с. – ISBN 978-985-577-374-1

В сборнике помещены статьи, посвященные отражению в единицах русского и других славянских языков явлений, обусловленных развитием общества на протяжении минувшего столетия (1917–2017): изменениям, связанным с общественной природой языка; социальной дифференциации языка, языковой специфике политического дискурса. В ряде работ освещаются вопросы, относящиеся к этноязыковой ситуации в советских республиках и на постсоветском пространстве, влиянию глобализации на изменения в языке, интернет-коммуникации как современному речевому явлению.

Адресуется специалистам в области лингвистики, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Редколлегия:

В. И. Коваль (отв. ред.), И. Г. Гомонова,
С. А. Егорова, Н. И. Лапицкая, Е. В. Ничипорчик

Рецензенты:

доктор филологических наук А. А. Станкевич,
кандидат филологических наук В. В. Кузьмич

Е. И. Абрамова, В. С. Фомина

**СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА И СТИЛЯ ЭССЕ
«РУССКАЯ КУХНЯ В ИЗГНАНИИ» П. ВАЙЛЯ И А. ГЕНИСА**

В статье анализируются особенности языка и стиля эссе «Русская кухня в изгнании» П. Вайля и А. Гениса с точки зрения трансформирования коммуникативного пространства в индивидуально-стилистической эссеистической жанровой форме, что ведет к усилению художественной выразительности за счет взаимодействия разных типов языковых значений и их оттенков.

Прошло немало лет со времени выхода в свет в Америке «Русской кухни в изгнании» Петра Вайля и Александра Гениса. Русские читатели познакомились с ней в начале 90-х годов, и с тех пор она выдержала шесть переизданий в России. Сегодня со всей очевидностью можно утверждать, что книга П. Вайля и А. Гениса утвердилась в истории русской словесности, стала фактом русской культуры в отличие от многих творений эпигонов, появившихся позднее. В этих эссе авторы рассматривают не столько русскую кухню, сколько сами русские времена, русскую жизнь и русских людей.

П. Вайль и А. Генис стали зачинателями новой русской кулинарной прозы. Ее отличительной чертой является, по мнению авторов, то, что «*кулинарная художественная литература способна объединить низ с верхом, тело – с духом, желудок – с сердцем, низменные потребности – с духовными порывами, прозу жизни – с ее поэзией*» [1, с. 6], тогда как в классической русской литературе и искусстве традиционно разделялось духовное и телесное, верх и низ, но предпочтение всегда отдавалось высокому. Воспевая дух и питая его, русская литература обошла вниманием телесность, телесные практики. П. Вайль и А. Генис в «Русской кухне в изгнании» восполнили этот пробел. Задачу кулинарной прозы авторы сформулировали следующим образом: она «*...будит аппетит и дарит наслаждение от изысканной словесности. Какой еще жанр может дать такое сочетание физического и духовного?*» [1, с. 7]. В «Русской кухне в изгнании» пища рассматривается авторами не только как способ удовлетворения биологической потребности, но и как феномен культуры: «*Кулинария щедро раскрывает секреты каждой культуры, будучи ее наиболее глубокой – подсознательной – основой*» [1, с. 5]. Мало того, на уровне повседневности национально-культурная принадлежность человека определяется во многом именно его пищевыми привычками и поведением за столом. Как пишут авторы, «*ниточки, связывающие человека с родиной, могут быть самыми разными – великая культура, могучий народ, славная история. Однако самая крепкая ниточка тянется от родины к душе. То есть к желудку. Это уже не ниточки, а канаты, манильские тросы. О народе, культуре, истории можно спорить до утра. Но разве присутствует дискуссионный момент в вобле?*» [1, с. 7].

Тексты, составляющие содержание «Русской кухни в изгнании», органично вписываются в предметную основу эссеистической жанровой формы. Этот жанр, эстетически организуемый материал, обусловлен авторским целеполаганием, что находит выражение в специфике повествования, использовании определенных приемов художественного письма, в выборе интонации, в конструировании определенного диалога с читателями. В кулинарных эссе П. Вайля и А. Гениса подчеркнута индивидуальная авторская позиция сочетается с неприкрытым, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь интеллигенции 70–80-х годов XX века. Язык «Русской кухни в изгнании» ориентирован на интеллектуальный стеб, отсылающий к высокой культуре, к высокой традиции. Он провокационен, ироничен, парадоксален; его отличает сознательное и подчеркнутое смешение разных стилей, разных культурных кодов, высокого и низкого, десакрализация культурных символов и текстов, игра со смыслами, пародийность.

Провокационное иронически-шутливое смешение высокого и низкого, профанация текстов культуры представлена в заголовках эссе. Обычно это прецедентные тексты, изначальная семантика которых контрастирует с содержанием текста (описанием приготовления какого-то блюда), в результате чего тексты-цитаты получают иную коннотацию. Так, в эссе *«Души прекрасные порывы»* авторы шутливо связывают душу и желудок. В таком контексте *«души прекрасные порывы»* – это не только порывы в *«горние вершины»*, но и кулинарные впечатления: *«Нельзя унести родину на подошвах сапог, но можно взять с собой крабов дальневосточных, килек пряных таллинских, тортиков вафельных “пralине”, конфет типа “Мишка на Севере”, воды лечебной минеральной “Ессенуки” (желательно, семнадцатый номер). С таким преискурантом (да, горчицу русскую крепкую) жить на чужбине (еще масла подсолнечного горячего жима) становится и лучшие (помидорчиков слабокислых), и веселее (коньяк “Арарат”, 6 звездочек). Конечно, за столом, накрытым таким образом, все равно останется место для ностальгических воспоминаний. То в розовой дымке выплывает студень (правильнее, студень), это 36 копеек, то пирожки с “повидлой”, то “бориц б/м” (б/м – это без мяса, ничего неприличного)»* [1, с. 4]. В эссе *«И волки сыты, и овцы целы»* даются советы по приготовлению овощных супов; в *«Телячьих нежностях»* пишется о нежности телятины и том, как *«донести эту особую subtilность до стола»* [1, с. 16]; в эссе *«С легким паром»* представлены достоинства паровой кухни [1, с. 36]; *«Ни рыба, ни мясо»* посвящено тунцу и блюдам из него [1, с. 68]; в *«Родном языке»* повествуется о заливном из говяжьего языка [1, с. 35]; *«Праздник, который всегда с тобой»* – это, по убеждению авторов, домашняя кухня: *«Ведь, что-то, а есть человеку надо каждый день»* [1, с. 112] и др.

Прецедентные тексты-заголовки подвергаются трансформированию. При этом трансформация, или деконструкция исходного текста, осуществляется по-разному, при этом создается аксиологически и эстетически достаточно пестрая картина коммуникативного пространства современности: *«Цена выеденного яйца»* (сравн.: *Выеденного яйца не стоит*), *«В поисках утраченного аппетита»* (сравн.: *«В поисках утраченного времени»* М. Пруста), *«Запад есть запах, восток есть восторг»* (сравн. *«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...»* Р. Киплинг), *«Уха не суп, а средство наслаждения»* (по модели афоризма И. Ильфа и Е. Петрова *«Автомобиль не роскошь, а средство передвижения»*), *«Хлеборубы за работой»* (сравн. название фильма *«Мужики за работой»*), *«Битва за ботвинью»* (сравн.: *Битва за урожай*) и др.

Цитация и псевдоцитация, игра прецедентными именами, образами, текстами (не только литературными) характеризуют язык *«Русской кухни в изгнании»* в целом: *«Еще – горячий жир котлет, ростбиф окровавленный, страсбургский пирог. Впрочем, пардон, это уже не ностальгия, а классика. Как говорил пророк нашего безобразного поколения Веничка Ерофеев, “жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибаться в рецептах”»* [1, с. 4]; *«“Здесь русский дух! Здесь щами пахнет!” – так писал великий поэт»* [1, с. 44]; *«Понятно, что Россию считают отсталой, дикой страной. Понятно, что ее не любят и боятся. Но скажите, ради Бога, при чем тут русская кухня? Мао-Цзедун – тоже не Иисус Христос, но разве страдает репутация китайской кулинарии из-за культурной революции? Разве мир отвернулся от сосисок и баварского пива из-за преступлений Третьего Рейха?»* [1, с. 89] и др. И это связывает книгу П. Вайля и А. Гениса с другими текстами как по вертикали (историческая, временная связь), так и по горизонтали (сосуществование текстов в едином социокультурном пространстве).

В *«Русской кухне в изгнании»* используются разные приемы языковой игры. На фонетическом уровне это звуковой повтор: *«Соль солянки»*, *«Пир Пиринеев»*, на грамматическом – морфологические преобразования слова: *«Не зря щи уважительно называют не на «ты», а на «их», во множественном числе»* [1, с. 91]. Неологизмы в тексте представлены только прилагательным *антияичный*, которое является смысловым ядром авторской шутливо-иронической трактовки такого идейного течения, как западничество и славянофильство: *«Это антияичное движение поддерживается идеологией славянофильства. Оно основано на данных»*

русских сказок о том, что в яйце заключена Кащеева смерть. Поскольку русский Кащей традиционно строен и изящен, то его смерть должна означать торжество пришедшей с Запада распущенности с ожирением» [1, с. 95].

Авторы виртуозно играют со словом: с омонимами, сопрягая их в одном предложении: «В русской литературе чеснок, без всякого сомнения, держит первенство в качестве анти-семитского растения. Перьям великих российских писателей десятилетиями не давали покоя перья и луковицы этой безобидной огородной травы» [1, с. 77]; «Паровая баня не прижилась в стране, где царила баня парная (с последней вообще сочетается только трапеза из двух блюд: 1. пиво, 2. водка)» [1, с. 19]; с антонимами, в т. ч. контекстуальными: «Первое, оно же последнее» [1, с. 49]; «Если для женщины кухня – это ад, то для мужчины – храм. Женщина там трудилась, мужчина священнодействует. Для одних – рабство, для других – страсть» [1, с. 67] и др.

Намеренное нарушение принципа семантической сочетаемости слов провоцирует смыслопорождение: читатель, столкнувшись с вопиюще невозможной фразой, начнет «до-страивать» смыслы, включаясь в игру: «Трезвое пьянство» [1, с. 12], «Рыбий глас» [1, с. 18], «Родина в рассоле» [1, с. 77], «Борщ с эмансипацией» [1, с. 38], «Грибная метафизика» [1, с. 94], «Антисемитская лилия» [1, с. 36] и др.

П. Вайль и А. Генис нарочито «вольно» обращаются с однородными членами предложения, разрушая логичность их перечисления. Так, они нередко соединяют в ряду однородных членов несопоставимые понятия: «Видно, одни и те же бактерии брожения порождают сыр и гражданские свободы – так или иначе, единственным известным блюдом из сыра на нашей родине был бутерброд с сыром» [1, с. 55]; «Под паэлью марискаду хорошо идут ария Кармен, арагонская хота, танец падеспань и русский национальный напиток водка» [1, с. 22]; «Если сопоставить обыденную жизнь с остывшими макаронами, то легко убедиться, что тому и другому смысл придает острота, внезапная любовь, томатная паста, рискованные приключения, красный перец, лотерея, чеснок» [1, с. 71]; «Рубленые котлеты относятся к числу предметов любимых, но не уважаемых. Желанных, но не вожаемых. Приятных, но не престижных. В этом же ряду – оперетта, пухлые блондинки, детективный жанр» [1, с. 35].

Несоединимость перечисляемых понятий нередко подчеркивается различием их синтаксических функций в предложении (и тогда уже нет основания считать их однородными членами), но авторы в шутку объединяют их: «Одни обедают с вином, другие с друзьями, одни пользуются палочками, другие случаем, одни едят за столом, другие задаром» [1, с. 14].

Кулинарная проза П. Вайля и А. Гениса – синтез физиологического и духовного, серьезного и смешного, что находит выражение в сравнениях. Авторские сравнения – это взгляд на кухню с необычной точки зрения, при котором резко меняются масштабы и оценки наблюдаемых явлений. Сравнения выстраивают кулинарные – и исторические, литературные, живописные, музыкальные, географические, общественно-социальные параллели: «Вместительный, глиняный, обливной горшок с плотной крышкой – это вещь! Вся русская кухня вышла из него, как все русские писатели из гоголевской шинели» [1, с. 19]; «Уха и водка неразрывны в представлении настоящего русского человека – как Пушкин и Лермонтов, слон и моська, очи черные и очи страстные» [1, с. 23]; «Через полчаса подать рыбу – нежную, как невеста» [1, с. 48]; «Дело в том, что фрукты и овощи для соков можно и нужно смешивать. Это дело настолько же индивидуальное, как и выбор невесты, но общие законы действуют и там, и тут» [1, с. 59]; «Пряности способны самое скучное блюдо сделать нарядным и праздничным, как детский рисунок или картина Пирсmani» [1, с. 101]; «Возьмем банальный, как будильник, омлет. Лаконичность и строгая прелесть этого блюда одновременно проста и хитроумна, как сонет» [1, с. 71]; «Такой суп подкупает своей неслыханной, как у Пастернака, простотой и бесспорным, как у него же, благородством» [1, с. 45] и др.

Язык «Русской кухни в изгнании» афористичен. Не принимая форму сентенций и максим, авторские афоризмы строятся на пародийности и парадоксальности, демонстрируя

различные виды языковой игры с целью создания комического эффекта и межтекстовой многослойности: «Культура еды говорит о человеке больше, чем эрудиция и умение пользоваться носовым платком» [1, с. 79]; «Картошка – не омар: ею не погордишься» [1, с. 77]; «Жить с пряностями интереснее, чем без них. А так ли много в мире вещей, про которые можно сказать подобное?» [1, с. 101]; «Картошка прекрасна в обнаженном виде. Не каждая женщина может себе это позволить» [1, с. 19]; «Обед, приготовленный приятелем, скажет о нем больше, чем его врач, адвокат и психоаналитик вместе взятые» [1, с. 51]; «Ни в одном из благородных искусств, включая балет и словесность, нет такого простора для фантазий и вариаций, как в кулинарии. И ни одно из искусств так не располагает к самовыражению» [1, с. 93]; «Вопрос о том, следует ли подавать к ухе водку – в холодном, запотевшем, со слезой графине – является преступным сам по себе и в качестве такового ответа не требует» [1, с. 88] и др. Афоризмы строятся на эффектном «остранении», выявляющем неожиданность содержащегося в них суждения.

В афоризмах П. Вайля и А. Гениса различные формы интертекстуальности как фигуры мышления часто становятся творческим принципом, организующим текст афористического высказывания: «Давайте отдадим кесарю кесарево. Пусть в Англии есть Шерлок Холмс и парламент, во Франции – любовь и мушкетеры, в Америке – демократия и Голливуд. Зато Россия может гордиться балетом и солеными огурцами» [1, с. 32]. Иногда такие интертекстуальные связи проявляются как «продолжение» классической сентенции: «Конечно, мы едим, чтобы жить. Но если слегка исправить этот тусклый афоризм, можно сказать – чтобы хорошо жить, нужно хорошо есть» [1, с. 94]. Мысль Л. Н. Толстого о том, что «все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастная семья несчастна по-своему», как бы уточняется авторским афоризмом: «Несчастлив тот дом, в котором не варят суп» [1, с. 23].

Элементом авторского стеба является и прием «речевой маски». Так, в последнем эссе – «Гост за обжор» – пародируется речь-поздравление телеведущих многочисленных в советское время «Голубых огоньков»: «А пока произнесем тост за скромного труженика кастрюли, за мыслителя поварешки, за первооткрывателя съестных горизонтов. Выпьем за людей, понимающих толк в еде, за тех, кто превращает физиологическую потребность в высокое искусство» [1, с. 166].

Авторы иронизируют надо всем: над американской кухней и американцами: «Американская кулинария поклоняется стейку, и гриль – пророк его» [1, с. 117], над испанцами и русскими: «Испанскую кухню вообще отличает грубоватость, свойственная нациям, которые поздно осознали кулинарию высоким искусством. Французы и итальянцы продолжали изыски римлян, а мы с испанцами рука об руку бились за вашу и нашу свободу с маврами и татарами. Да и потом нас связывало что-то общее, боевое: светловская «Гренада», «Но пасаран!», Августин Гомес – капитан «Торпедо»... Короче, откуда у хлопца испанская грусть?!» [1, с. 69]; над эмансипацией: «Весь XX век женщина требует, чтобы ее освободили от кухонного рабства – от чугунков, кастрюль, грязной посуды; от борщей, котлет, компотов; от буайбесов, омаров, пирожных-безе; от голодного мужа, наконец. Добились, освободились, раскрепостились. Теперь домашнюю хозяйку можно увидеть только в музее, где она стоит между динозавром и первым аэропланом» [1, с. 147] и многим другим. Часто в таких случаях ситуативно обусловленные ирония, контраст, комическое преувеличение и умаление, манеры недоразумения, неожиданности находятся в меньшей зависимости от составных элементов языка.

«Русская кухня в изгнании» – блестящий индивидуально-стилистический эксперимент, направленный на переосмысление традиционных языковых средств и создание оригинального стиля повествования.

Список использованных источников

- 1 Вайль, П. Русская кухня в изгнании / П. Вайль, А. Генис. – М. : Независимая пресса, 2006. – 167 с.
- 2 Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.

А. А. Аксёникова

ИЗМЕНЕНИЕ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТА «КИТАЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ В ПЕРИОД С 1917 ПО 2017 ГОД

На материале Национального корпуса русского языка рассматривается формирование концепта «Китай» в русской языковой картине мира в период с 1917 по 2017 годы. Описаны этапы, для которых наиболее характерными являются отдельные компоненты образа Китая.

«Концепт – это отражающее культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия многомерное ментальное образование, которое имеет вербальное выражение» [1, с. 23]. Содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей.

Исследование формирования концепта «Китай» в русской языковой картине мира производилось на основе данных Национального корпуса русского языка [2] в период с 1917 по 2017 годы. Корпус содержит фрагменты художественных произведений, газетные и журнальные статьи разной тематики и специальные тексты (научные, научно-популярные и учебные).

Основные признаки концепта «Китай» имеют историческую стабильность. Китай – это уникальная цивилизация: Поэты – китайцы. Китай – вечность, неподвижность (Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)). Китай является экзотической, многонаселённой страной: *На других часах китайские болванчики принимались в момент боя серьёзно и укоризненно качать головами, их голые животы лоснились, и Миша Васильев представлял себе удивительный, волшебный Китай с золотыми драконами и заморскими птицами...* (Вл. Лидин. На завалинке // «Огонек», № 11, 1959); Самой населённой страной мира остаётся Китай (1 млрд 387 млн человек) (Коротко // «Эксперт», 2013). Китай – это древние культурные традиции и трудолюбивые люди: Китайский цирк и пекинская опера – драгоценности национальной культуры (Дмитрий Козырев. Великий труд, подчёркнутая лёгкость // «Зеркало мира», 2012); *И конечно же, весь мир надеялся на трудолюбивый Китай* (Юлия Ефимова. Пшеница – хит сезона на продовольственном рынке (2002) // «Финансовая Россия», 2002.09.19).

Необходимо отметить, что интерес к Китаю постоянно меняется, причём резкое его увеличение началось с 2000-х годов и не прекращается до настоящего времени. Это нашло своё отражение, в первую очередь, в росте количества газетных и журнальных публикаций. На протяжении 100 лет менялись не только степень интереса к Китаю, но и представление о нём. Выделяются следующие этапы, для которых наиболее характерными являются отдельные компоненты образа Китая.

1. После Октябрьской революции 1917 года Китай стал занимать весьма существенное место во внешней политике России. В формировании его образа активное участие принимает пресса. Характерно то, что в прессе Китай – это прежде всего народ. Народ – жертва, страдающая под гнётом империализма: *В течение многих лет, пользуясь феодальной раздробленностью Китая и продажностью китайских милитаристов, японский империализм, при помощи сравнительно небольших вооружённых отрядов, грабит и притесняет китайский народ* (Подрывная работа японской разведки (1937)). Народ – борец за свою свободу: *Китайские революционеры, вдохновляясь примером нашей революции, стремятся освободить Китай от экономического гнёта мирового империализма* (Колонизация Азии // «Всемирный следопыт», 1927). В то время как в художественной литературе Китай отождествляется с экзотическими вещами: *В китайский красный халат был одет барин, с золотыми головастыми змеями, и золотая мурломка сияла на голове, как солнце* (И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша (1918)); *В тихой*

прохладе кабинета шумел шёлковыми крыльями **китайский веер-вентилятор** под потолком и журчал размеренный адвокатский баритон президента (Б. А. Лавренев. Крушение республики Итль (1925)); Чай подавался самый китайский, самый душистый и сколько хочешь (А. М. Ремизов. Кукха. Розановы письма (1923)).

2. 40-е – 50-е годы ознаменованы тем, что основным вектором отношения к Китаю было рассмотрение этой страны с позиций нерушимой советско-китайской дружбы. Количество упоминаний о стране в прессе резко возрастает. Характерной чертой является доминирование политического компонента над культурным. При этом появляется новый аспект концепта «Китай» – друг: Народный Китай одерживает победы, опираясь на дружбу и помощь первой в мире страны социализма – Советской страны (В свободном Китае // «Крестьянка», 1954). В связи с этим, когда речь идёт о китайском народе, строящем новое общество, появляется постоянный эпитет – великий, имеющий позитивную коннотацию: К социалистическому лагерю примкнул великий китайский народ, сбросивший цепи многовекового рабства и угнетения (Историческая победа советского народа (1950.05.09) // «Советское искусство», № 25 (1217), 1950). Величие и мощь народа подчеркивается эпитетом многомиллионный: На пороге гигантских экономических и политических преобразований стоит многомиллионный Китай (И. Флоринский. Против вандализма! (1950.05.09) // «Советское искусство», № 25 (1217), 1950). Китай предстаёт как носитель древней цивилизации: Великий китайский народ обогатил мировую культуру многими важными открытиями и замечательными достижениями в области литературы, искусства и науки (Д. М. Российский. Из истории китайской медицины // «Наука и жизнь», 1951).

3. Резкий поворот в отношениях между странами в период 60-х – начала 80-х годов сопровождается уменьшением частотности употребления слов *Китай, китайский* в прессе, а также наличием в структуре концепта, помимо нейтральных семантических составляющих, компонентов, несущих отрицательную оценку.

С одной стороны, концепт обладает высоким культурным статусом, актуализируются такие его аспекты, как родина известных мудрецов и великих изобретений: *Китай не случайно оказался родиной фарфора – только в этой стране существуют месторождения так называемого фарфорового камня* (Не боги горшки обжигают // «Химия и жизнь», 1967); *Один из отцов акупунктуры, китайский врач в седьмом, кажется, веке, поднялся талантом своим до исключительных высот врачевания* (Владимир Маканин. Утрата (1984)); *Китайский мудрец Лао Цзы ещё две с лишним тысячи лет тому назад утверждал: «В несчастье живёт счастье, в счастье таится несчастье»* (Григорий Коган. Работа пианиста (1963)). С другой стороны, в связи с разногласиями в области внутренней и внешней политики, Китай – это страна, представляющая опасность. Отрицательную коннотацию содержат такие сочетания, как *внести вражду, развязать войну*. Характерно, что в этом случае Китай ассоциируется с государством, а не народом: *Китай стал, по существу, единственной державой, руководство которой официально отвергло разрядку и использует все доступные ему средства, чтобы внести вражду в отношения между народами* (В. Лабутин. Парламент народов // «Огонек», 1980); *А может быть, Китай сам собирается развязать войну?* (Д. Карпиль. Записки дипломата. Китай после «Культурной революции» (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05). Формируется образ отсталой в культурном отношении страны. Негативная оценочность усиливается определением *единственная: Китай сейчас, видимо, единственная страна в мире, где нет художественной литературы* (Д. Карпиль. Записки дипломата. Китай после «Культурной революции» (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05).

4. Конец 80-х – начало 2000-х годов ознаменованы новым взглядом на Китай, повышенным интересом к его экономике и культуре, который фиксируется в прессе. Представление о Китае как о бурно развивающемся регионе складывается на основе семантики часто повторяемой лексемы *реформа: Китай с его бурно развивающейся реформируемой экономикой, безусловно, является одним из наиболее ёмких рынков, потребляющих разнообразную экономическую информацию, распространяемую мировыми агентствами новостей* (Андрей

Смирнов. Китай вводит ограничения на информацию (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.17). Создаётся образ уникальной страны, выбравшей свой – непохожий на другие – «китайский путь», или «китайский вариант», который может быть предметом для подражания: *У нас очень любят приводить в пример **Китай**, что, мол, там реформы осуществляются другим путём* (Дмитрий Негреев. Мы собрались не к теще на блины // «Свободный курс», 1997); *Почему же в России не осуществилось нечто, похожее на **китайский вариант**?* (Владимир Хорос. Полупериферия в контексте глобализации // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.09). Однако этот образ не является исключительно положительным. Китай ассоциируется с товарами сомнительного качества: *Разок смотался в **Китай** – за куртками из подозрительной кожи* (Андрей Кучаев. В германском плену // «Октябрь», 2001). Оценочная противоречивость подчёркивается антитезой – «партнёр-противник». С одной стороны: ***Китай** – потенциальный противник, рвётся в Сибирь и на Дальний Восток* (Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)). А с другой – ***Китай** – один из ключевых партнёров России не только в региональных, но и в глобальных делах* (Г. Логвинов. Шанхайская организация сотрудничества – качественный шаг вперед (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.10.28).

5. На протяжении последних десятилетий можно видеть обновление смыслового наполнения концепта «Китай», обусловленное новыми социальными, экономическими, политическими, культурными реалиями общества. Китай предстаёт в прессе как очень развитая и влиятельная страна: ***Китай** стал великой индустриальной державой и претендует на реализацию своей экономической мощи в политической сфере* (Руслан Гринберг, Александр Трушин. У нас с Китаем больше конкуренции, чем кооперации // «Огонек», 2015). Основным семантическим компонентом концепта в современном русском языковом сознании является лидерство: *Итак, **Китай** медленно, но верно выдвигается в лидеры мировой космонавтики* (Александр Волков. Приватизация космоса // «Знание-сила» 2013). ***Китай** лидирует в экспорте информационно-коммуникационных технологий, опережая США* (А. А. Дынкин. О перспективах глобального инновационного развития (2008) // «Вестник РАН», 2009). Для создания более яркого образа Китая используются метафоры: ***Китай** стал заметным глобальным и ключевым (после Японии) игроком региональной восточно-азиатской экономики* (Три аспекта «глобальной проблемы» Китая (2004) // «Металлы Евразии», 2004.04.23). Роль, которую играет Китай в мире, подчёркивается словом *самый*, имеющим положительную коннотацию: ***Китай** на ближайшие годы останется самым перспективным рынком мира*. (Владимир Павлов. GM и Volkswagen инвестируют миллиарды долларов в новое производство в Китае // РБК Дейли, 2014.04.22). Уверенность в важности изучения *китайского языка* дополняет образ сильного, влиятельного государства: *Согласно опубликованному в Пекине докладу, китайский язык ныне преподаётся в более чем двух тысячах вузов почти ста государств* (В. В. Овчинников. Размышления странника (2012)). И в ближайшем будущем Китай видится ведущей страной мира, закрепившей лидерскую позицию: *К 2020 году **Китай**, по прогнозам, станет экономической номер один в мире* (Иван Антонов, Константин Волков. Китай меняет руководство // «Известия», 2012.11.08).

Таким образом, концепт «Китай» в русской языковой картине мира – это ментальное образование, отражающее систему представлений об определённом фрагменте действительности. Он обладает исторической изменчивостью, которая обусловлена динамикой отношений между концептуализируемой страной и СССР (Россией).

Список использованных источников

- 1 Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов : СГУ, 2005. – 165 с.
- 2 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.09.2017.

О. В. Банзерук

**АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЕДА» КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ
ЦЕННОСТЕЙ УКРАИНСКОГО НАРОДА
(на материале раннего творчества Н. В. Гоголя)**

На основе лингвокультурологического анализа рассмотрен один из универсальных славянских концептов. Исследована его структура (ядро, ближняя и дальняя периферия, внутренняя форма). Выделены языковые средства представления (микрочасть «Продукты», Блюда» и «Напитки» и тематические группы внутри них).

Выбранная тема недостаточно раскрыта в связи с отсутствием единого понимания термина «концепт», сложностью его семантики и структуры, неосвещенностью творчества Гоголя в лингвокультурологическом аспекте, неразработанностью вопроса о структуре и языковых средствах представления концепта. Указанные факторы и объясняют выбор объекта нашего исследования.

Исходя из лингвокультурологического подхода Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, С. Г. Воркачева, В. А. Масловой и др., концепт рассматривается как мысленное образование, сгусток культурных смыслов, объединяющих в себе культуру, сознание и язык [1, с. 46]. В нашем представлении концепт – это отражение фактов и явлений культуры, актуальных и значимых для ее носителей, таких, в которых закрепился их исторический, социальный, личный опыт и выражается национально-культурное своеобразие, в абстрактных понятиях данного языка.

Реализация диалога украинской и русской культур в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» – часть авторской задачи, стремление найти ответы на вечные вопросы о ценностях и нормах поведения человека в родственных славянских (русской и украинской) нравственных системах [2, с. 7].

Продуктивным методом исследования такого поликультурного текста является реконструкция через язык произведения модели народного, мифологического мировоззрения, моральных норм и ценностей. По нашему мнению, нахождение их через анализ языковой и концептуальной картин мира – ключ к пониманию раннего творчества Н. Гоголя.

Полистилистика структура, обусловившая систему художественных образов, сюжеты и композиции в духе украинской фольклорной традиции, переосмысленной писателем-романтиком, и создает особый, специфически гоголевский тип поэтики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» [3, с. 5]. Поэтому имеет смысл говорить не просто о языковой, а скорее, национальной картине мира Гоголя как отражении в лингвистических средствах особенностей менталитета украинского народа.

Наиболее концентрированным средством, содержащим фоновые знания, и в первую очередь этнического характера, а также являющимся сегментом концептуальной картины мира, считаем концепт. Максимально полную реализацию он находит в лексеме *еда*. Согласно методике концептуального анализа, обращение к языковым средствам позволит получить информацию, заложенную в семантике таких единиц. А это, в свою очередь, даст возможность определить содержание концепта.

Нам кажется, что наиболее благодатным материалом для изучения этой темы является именно раннее художественное творчество Н. Гоголя, представленное сборником повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» [4].

Перейдем к языковому анализу концепта.

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в структуре концепта ядро и периферию [5, с. 16]. В качестве основного признака, входящего в ядро концепта «еда», выступают наименования продуктов питания, способных удовлетворить физическую потребность организма

в питательных веществах. Дополнительными признаками, лежащими на периферии, выступают наименования продуктов питания, характерных для украинской кухни. Они образуют ближнюю периферию концепта. Сюда же входят и названия напитков, и готовых блюд. Дальняя периферия может быть представлена украинскими национальными традициями питания в целом, а также религиозными обрядами и обычаями.

Объединение гастрономической лексики в поля производится на основе естественной категоризации, которая основывается на бытовых представлениях и вкусовых ощущениях о том или ином продукте [6, с. 129].

По данным словарей, лексема *еда* в русском языке многозначная, она имеет два основных варианта: 'пища' и 'процесс употребления пищи'. У Гоголя эти семы имеются в словах *еда, кушанье, кушанья, обедеье, провянт, съестное*, содержащих явный разговорный оттенок. Напр.: *Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть пухрю с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть – обедеье, да и полно*. Как видим, гоголевский ряд шире словарного за счет стилистически маркированных вариантов. По нашему мнению, данные синонимические номинации еды образуют ядро (или основной признак концепта).

Периферия (или дополнительные свойства) представлена макрополем «Еда», в котором можно выделить следующие микрополя гастрономической лексики: «Продукты», «Блюда», «Напитки». Каждое из них подразделяется на тематические группы. Так, микрополе «Продукты» содержит названия продуктов растительного и животного происхождения, из которых готовят блюда. Внутри этой группы слов выделяем тематические группы «Фрукты», «Овощи», «Растительные продукты». Так, к ТГ «Фрукты» относим следующие гоголевские примеры: *дыни, сливы, плоды черешень, слив, яблонь, груш; горы дынь, арбузов; терновые ягоды; кавуны* и др. ТГ «Овощи» представлена в сборнике таким образом: *тыква, цыбуля, буряк* и т. д. ТГ «Растительные продукты» образуют следующие лексемы: *горох, терновые ягоды, изюм, семечки, пиеница, крапива, яровая, просо, мука, хлебные зерна, орехи, мак, хрен, печерыця* и т. д. В ТГ «Продукты животного происхождения» входят такие единицы: *гуси, рыба, раки, рыбка, свинья, свиное рыло, куры, баран, овцы, лошади, козел, утка, цука* и др. Как видно, наиболее многочисленными у Гоголя оказались названия растительных продуктов. Это вполне объяснимо историческими и религиозными фактами. Дело в том, что древняя славянская кухня не отличалась особым разнообразием, ее кушанья были просты и однообразны – из обычных продуктов, преимущественно растительного происхождения. Ведь кулинарные традиции на Руси складывались под влиянием православия со строгими и частыми ограничениями в пище – постами. Как следствие этого, долгое время постный и скоромный рационы были разделены и в древнерусской кухне преобладала растительная пища, приготовленная в основном из злаковых и других видов растительных культур [7, с. 86].

Микрополе «Блюда» в речевой ткани цикла «Вечеров...» состоит из двух ТГ: «Первые блюда» и «Вторые блюда». В первую группу входит лексема *юшка*. Во вторую группу включаем такие единицы: *каша, картофельный кисель, голубчик, пухря с молоком, раки, колбаса, галушки, варенички, вареники со сметаной, пампушечки, товченички, гречаник, горячая кутья, жареный баран*. Многочисленность ТГ, называющей вторые блюда, как видно из примеров, гораздо выше. Это можно связать с кулинарными пристрастиями славян, предпочитавших горячим, первым блюдам, именно вторые [8]. Ведь их приготовление занимало меньше времени и отвечало непрехотливым вкусам трудолюбивых украинцев, считавших пищу источником физической силы и энергии, необходимой для постоянной и изнурительной работы. Особое место у славян занимала каша, которая была обыденным, праздничным и ритуальным блюдом одновременно. Поэтому у Гоголя встречаем несколько ее разновидностей: *каша, пухря, кутья*. Любимыми атрибутами праздничного застолья хлебосольных украинцев были и *вареники, товченики* и *гречаники*, часто упоминаемые писателем. Напр.: *Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! – проговорила она (Хавронья Никифоровна – О. Б.), ставя*

на стол миски и жеманно застегивая будто ненарочно расстегнувшуюся кофту, – **варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!**; Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки перед ним (Пацюком – О. Б.) не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена **варениками**, другая сметаной и др.

В сборнике представлена еще одна группа, которую можно выделить в составе микрополя «Блюда», – ТГ «Хлебобулочные изделия». Она включает в себя названия злаковых культур и изделий из хлеба: *хлеб, пшеница, яровая, хлебные зерна; бублики, книси, пироги, маковник в меду, коржи, шишка, коровай, пампушка*. Как отмечают исследователи, хлеб – наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. К нему славяне относились и относятся с особым уважением, почти как к святыне [9]. Поэтому анализируемая группа так многочисленна у Гоголя.

Микрополе «Напитки» в сборнике представлено ТГ «Холодные напитки», ТГ «Горячие напитки» и ТГ «Хмельные напитки». Сюда отнесем найденные нами в сборнике «Вечеров...» следующие единицы: *вода, кисель, застуженный картофельный кисель, мед, грушевый квас с терновыми ягодами, молоко, сыровец, взвар, окроп*. Особое место в этой ТГ занимают номинации алкогольных напитков, изготавливаемых на растительной и другой основе. Их (с вариантами) оказалось больше: *варенуха с изюмом и сливами, панская сливянка, варенуха, водка, сивушка, брага, сивуха, горелка, горилка, пенная* и др.

Считаем, что частотность упомянутых писателем хмельных напитков в цикле ранних повестей может быть объяснена особым пристрастием славян к «животворящей влаге», не только поднимающей настроение, отвлекающей от проблем морального и материального плана в мирное время, но и преумножающей боевой дух защитников в период войн и междоусобиц.

Таким образом, проанализировав концепт «еда» в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», рассмотрели его как сложную поликультурную составляющую национальной и концептуальной картин мира, изучили его структуру, представленную ядром, ближней и дальней периферией, внутренней формой. Проследили лексические средства презентации макрополя «еда» в микрополях «Продукты», «Блюда» и «Напитки» и соответствующие им тематические группы. Аргументировали тезис о том, что концепт «еда» имеет глубокие исторические, социальные, психологические и национальные корни.

Список использованных источников

- 1 Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 991 с.
- 2 Гулова, З. А. Концепт «Еда» в русском и польском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / З. А. Гулова. – Душанбе, 2013. – 24 с.
- 3 Раимбекова, А. А. Художественная антропология Н. В. Гоголя и своеобразие ее воплощения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. А. Раимбекова. – Алматы, 2009. – 20 с.
- 4 Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: в семи томах / Н. В. Гоголь. – Т. 1. – М., 1966.
- 5 Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 189 с.
- 6 Дормидонтова, О. А. Семантическое поле как принцип организации лексических и фразеологических единиц гастрономической семантики / О. А. Дормидонтова // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 9. – С. 126–131.
- 7 Марушкина, Н. С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Н. С. Марушкина. – Иваново, 2014. – 166 с.
- 8 Барилова, Е. Э. «Еда» как фрагмент русской и французской языковой картины мира / Е. Э. Барилова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pskgu.ru/ngpgru_13_22.pdf. – Дата доступа : 07.09.2017.
- 9 Ян Юй. Репрезентация концепта «еда» в китайской и русской культурах / Ян Юй, А. И. Головня [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bsu/bitstream/123456789>. – Дата доступа : 04.09.2017.

Л. И. Беженару

НОМО SOVIETICUS И ЯЗЫК ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

Одним из главных концептуальных двигателей европейской культуры следует считать идею «нового Человека». Homo Sovieticus как «новый человек» – это продукт советской системы / цивилизации. Образ Homo Sovieticus / «советский человек» как ментального, культурного и антропологического феномена XX века, человека, сформированного в рамках советской культуры и советской цивилизации, имеет свои особенности, в том числе и языковые.

В советскую эпоху у партии появились новые возможности использования языка как инструмента воздействия на человека. Формирование советского человека – это, в значительной степени, борьба двух языков. Если живой язык давал возможность существования реальности, то советский язык создает и утверждает иллюзорную реальность. «Новый язык» не только стремится занять место классического языка, он самыми разными способами его разрушает. Прежде всего разрушаются те области языка, которые необходимы для разговора о социальных проблемах, истории, идеологии, политике.

Советский язык, будучи инструментом трансформации человека, является средством коммуникации между «верхом» и «низом», властью и управляемыми; это система знаков, которые одинаково воспринимаются как «наверху», так и «внизу». В условиях логократии язык разрушается и позволяет симулировать нормальность и обыденность жизни в условиях тоталитаризма.

Одним из главных концептуальных двигателей европейской культуры следует считать идею «нового человека». Сложносоставный и комплексный концепт «нового Человека» обладает главными признаками мифа в понимании Жоржа Сореля [1, с. 21–22]; это символическое и перформативное построение, организованное вокруг «образов победной битвы», с помощью которых участники социальных движений мотивируют свои действия и ведут свою пропаганду. Культура советской эпохи, основы которой закладывались в первое послеоктябрьское десятилетие, есть особое явление социокультурного мышления, массовой психологии, связанной с русским, российским и другими национальными менталитетами, с традицией беспримерной политизации и игнорирования запросов и прав конкретной личности, с ориентацией на культ Государства и лидера-вождя, со своей пестротой сложной диалектической целостности. Современные социологи отмечают, что для рассматриваемой эпохи типично известное состояние «зжатости» между прошлым и будущим, ориентации на «двоичности» духовного и человеческого; это бездуховность административно-командной системы власти, тоталитаризм, сочетание связи многовековой истории народов / «советского народа» с официальным прославлением политической системы. Стержнем всей государственной политики в области культуры становится формирование официальной «социалистической культуры», системообразующими элементами которой выступали новые традиции и мифы: светлое будущее и коммунистическое равенство, примат идеологии в духовной жизни, идея сильного государства и сильного вождя. Официальное признание социалистического реализма в качестве ведущего метода советского искусства, «основного творческого метода» советской культуры предполагало существование «нового типа сознания». Художественной культуре, искусству придавался инструментальный характер, то есть отводилась роль инструмента формирования «нового человека». Действия тоталитарного государства и жёсткого тоталитарного контроля над личностью в замятинском «Мы» включают в набор инструментов литературу и искусство; Джордж Оруэлл в «1984» на опыте революций представляет читателю основные инструменты *Newspeak* (новояз) – вымышленного языка тоталитарного общества, изуродованного партийной идеологией и партийно-бюрократическими лексическими оборотами,

с помощью которых «новый тип сознания» приобретает необходимую форму в *новом человеке*: это страх; ненависть к врагу, назначенному партией; любовь к Благодетелю; власть над памятью, личной жизнью; новояз [2].

Homo Sovieticus как «новый человек», человек с новым типом сознания – это продукт советской системы / цивилизации. С коммунистической апологетической точки зрения – это исторически и цивилизационно «новый» тип человека – «строитель светлого будущего всего человечества» – коммунизма. С историко-критической и аналитической точки зрения – это абстрактный конструкт или утопический общественно-исторический «проект», такой же, как бесклассовое общество – «коммунизм» и «советский народ».

Понятие «советский человек», или (пользуясь квазилатинским термином Александра Зиновьева) гомо советикус (*homo sovieticus*), – такой же теоретически обобщенный идеальный научный конструкт, как *homo economicus* (человек экономический), *homo ludens* (человек играющий), *homo legens* (человек читающий), христианский *homo novus* и им подобные. Термин берёт своё начало с попыток большевиков создать «нового человека». Максим Горький писал о жесточайшем научном опыте, проводимом большевиками во главе с Лениным над живым телом России, русского народа, цель которого была переделка живой человеческой материи [3, с. 243].

Первое исследование «архетипичного» или «среднестатистического» советского человека появилось в 1956 году – это была работа западногерманского политолога Клауса Мейнерта (Klaus Mehnert) «Советский человек». Позже появились работы А. Зиновьева, А. Синявского, П. Вайля и А. Гениса и других авторов, исследовавших феномен советского человека как в научном, так и в сатирическом ключе.

В числе первых и очень немногих иностранцев австрийско-американский писатель и историк культуры, специалист в области русской литературы Рёне Фюлоп-Миллер увидел подлинную суть Нового человека, выращиваемого в первом в мире социалистическом государстве. Цель, пишет он, «выращивание вечного подчиненного, *ecclesia militans*, агитатора и советского бюрократа» [4].

Историк и специалист-советолог Михаил Геллер дал следующее определение гомо советикусу: «Гомо советикус – комплекс качеств, черт характера, которые имеются – в разной пропорции – у всех людей, живущих в Советском Союзе. В условиях системы советского типа, в результате социальной дрессировки, эти качества, эти черты начинают развиваться, расти, становятся доминирующими» [4]. Николай Бердяев писал о том, что в *новом советском человеке* не только происходит страшное умаление свободы, «но исчезает самый вкус свободы, самое понимание того, что такое свобода». По свежим впечатлениям жизни в строящемся новом мире русский философ говорит о возникновении «нового антропологического типа», «нового молодого человека – не русского, а интернационального по своему типу. <...> Самая зловещая фигура в России – это фигура этого нового молодого человека... В ней может быть загублена душа России, призвание русского народа» [5]. Это «нормативно-контролируемый исполнитель ролей», как отмечает В. П. Филатов, сравнивая его с *homo cogitans*, *homo economicus* и *psychological man*. У него возможности выбора изменяются в зависимости от его ценностей, принятых им норм, от его роли и места в социальной структуре, а не от непосредственной ситуации. Его решения предопределены, и, выбирая, он, в сущности, ничего не выбирает [6]. А. Юрчак описывает употребление *homo sovieticus* как лексическое проявление предположения о том, что социализм «плох» и «аморален». Доктор психологии из Калифорнии Фрида Поратеще в 1987 году определила состояние *Homo Sovieticus* как *диагноз, болезнь*, от которой нужно вылечиться. Американский социолог Р. Дарендорф определяет «тоталитарного человека» как синоним Гомо советикус – закрытый и подчеркнута патриотичный, коллективист. Другой синоним – *одномерный человек*: на работе он винтик, вне работы эти люди, как копии, похожи друг на друга.

Под *Homo Sovieticus* в смысле «советский человек» мы понимаем человека, воспитанного идеологизированным миром советского времени на ценностях и примерах советской культуры и советской цивилизации, чей образ в мифологии советской культуры формируется

на основе идеи служения государству, партии и обществу. Политизированный образ советского мира создал идеологизированный образ советского человека.

Образ *Homo Sovieticus* / «советский человек» как ментального, культурного и антропологического феномена XX века, человека, сформированного в рамках советской культуры и советской цивилизации, имеет свои особенности, в том числе и языковые.

Русский язык советского периода создавал и утверждал иллюзорную реальность, хотя рос и менялся его словарный состав, возникали новые нормы произношения, активизировались новые синтаксические конструкции. Это «кодовая система», как определил «новояз» советолог Михаил Геллер: «Слово скрывает реальность, создает иллюзию, сюрреальность, но одновременно сохраняет связь с действительностью, кодируя ее. Советский язык – кодовая система, знаки которой определяются Высшей Инстанцией. Смысл этих знаков сообщается всем, кто пользуется языком, но – в разной степени. Место, занимаемое на иерархической лестнице общества, определяет степень посвящения в тайны кодовой системы. Имеется первое значение, второе значение, третье...» [4]. «Новый язык» не только стремился занять место классического языка, он самыми разными способами его разрушал. Прежде всего разрушались те области языка, которые необходимы были для разговора о социальных проблемах, истории, идеологии, политике. Самые пронизательные умы – писатели М. Зощенко, А. Платонов. М. Булгаков – регистрируют возникновение новой системы, «новояза», а Евгений Замятин первым засвидетельствовал в литературе факт рождения нового – советского – языка, названного Чеславом Милошом «логократией». Ален Безансон формулирует ее основу: «В режиме, где власть „на кончике языка“, степень распространения „деревянного языка“ как нельзя более точно определяет степень распространения власти» [4].

Язык советской эпохи, будучи инструментом трансформации человека, был средством коммуникации между «верхом» и «низом», властью и управляемыми; это система знаков, которая одинаково воспринимается как «наверху», так и «внизу». В условиях логократии язык разрушался, и это позволяло государству симулировать нормальность и обыденность жизни в условиях тоталитаризма. Советское государство, располагая тотальной властью над словом и средствами его передачи, определяло смысл слова и обстоятельства его использования. Началось активное пополнение литературного языка словами, вызванными к жизни новыми условиями советской действительности, формированием новых понятий. Многие слова и термины, связанные с идеологией и политикой советского периода, нашли отражение в словарях. Вышедший в 1935 г. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в 4-х томах включает много новых слов, порожденных советской действительностью, которые даются с пометой «нов.» (*агитка, агитпрон, агромаксимум и агроминимум, активист и активистский, бригада, бригадир, партиец, партийка, партколлектив, партком, партнагрузка, партработник, ударник, ударный, ударничество, стахановец, стахановка* и много других).

Вместе с тем, значимые, важные понятия классического русского языка становятся ненужными, уходят в пассив, поскольку отправляются в небытие, исчезают или становятся неактуальными их денотаты, понятия (*уезд, волость, гимназия, лицей, гимназист, лицеист, городовой, дворянин, купец, дворянство, купечество* и др.).

В годы советской власти одним из принципов номинации становится переименование денотата. Это было обусловлено стремлением государственно-партийной олигархии через язык, через слово воздействовать на *homo sovieticus*, формируя «новый тип сознания». В результате переименований удавалось не только разорвать связь с дореволюционным прошлым и уничтожить преемственность, но и предать забвению, вычеркнуть из коллективной памяти многое из того, что могло напоминать о царской России и ее символике (Санкт Петербург – Петроград – Ленинград, *крестьянство* – на *колхозников, рабочих* на *авангард, интеллигенцию* на *прослойку, конкуренцию* – на *соцсоревнование, уборку хлеба – битву за урожай, нормальную работу* – на *трудовой энтузиазм*). С переменной названий возникала иллюзия постоянного качественного изменения в самом обществе. Суть процесса переименования – это фикция, обман, его истоки и результат описали А. Ганелин и В. Мамонтов (статья «Обмен как средство продвижения к светлому будущему»).

Крупнейшие лингвисты современности (Г. Винокур, Б. Томашевский) исследовали стиль «убеждающей речи» вождя, который имел определенные особенности – превращение «общих положений... в лозунги, словесные директивы политического действия» [4]. В «формуле-лозунге» значение слова, которое определяет сам оратор, становится кирпичиком конструкции. Лингвисты обнаруживают основные приемы и технику «сакрального слова». Речь делится на абзацы и становится убедительной, поскольку расчлененность создает впечатление последовательности. Как важнейший элемент композиции используется повторение, которое звучит как вывод. Субстантивизация глагола придает конструкциям модальность приказа. Слушатель и читатель лишаются возможности выбора (считает М. Геллер), ибо им дано решение, дан ответ: единственный, ибо правильный, правильный, ибо единственный. Так создается законченная модель языка советского вождя: слово, лишенное имманентного смысла; составленный из подобных слов лозунг; изложенный в композиции, которая навязывает эту формулу-лозунг как единственный ответ-решение-приказ [4]. Вслед за «формулой-лозунгом» создается «революционная фразеология», названная позже «заумным языком», за которым нет никакой реальной мысли.

Воздействие штампов на сознание советского человека разрушило его способность к логическому мышлению, превратило модель советского языка в могучий инструмент переделки сознания, за которым бдительно следила советская цензура. Она запрещала, требовала, «рекомендовала», что и как писать, ставить в театре, экранизировать, «Книга запретов и рекомендаций Главного управления контроля печати, публикаций и зрелищ» содержала на своих страницах официальные тексты цензорских инструкций, в которых раскрывается характер советского языка [4].

М. А. Хевеши ставит вопрос: «Как и почему могла существовать подобная идеологическая терминология и оказывать столь мощное воздействие на массы?». И объясняет силу и живучесть советской идеологии, во-первых, массивностью воздействия пропаганды; во-вторых, тем, что идеологические лозунги и клише соответствовали бессознательным утопическим стремлениям масс, а также их потребности видеть мир «в схематических образах и представлениях» [7]. Рассуждая о социальной эффективности идеологического языка советской эпохи и о его роли в формировании *Homo Sovieticus*, необходимо учитывать, что мы имеем дело не просто со специфической лексикой или риторикой и даже не с пропагандой в обычном смысле этого слова, а с хорошо отлаженной «машиной» тоталитарного государства для производства политического сознания. Человек никогда не терял страха перед властью. У Гроссмана в «Жизни и судьбе» описывается громадный, светящийся синими буквами лозунг «Госстрах». И он читался не так, как бренды каких-нибудь страховых компаний. Если говорить о том, как удавалось корезить души людей и мучить их, то чувство страха было главным оружием и самым эффективным инструментом государства и партии. В условиях слома строя, который произошел в связи с революциями, были сломаны и многие нравственные устои. Одна из самых ярких примет времени – сокращения, аббревиатуры (*РСФСР, нэп, ГПУ, зам, спец, Коминтерн, губчека, продналог, компартия*), которые помогали осуществлению принципиальной идеологической перестройки русского языка на социалистических началах и манипуляции общественным сознанием на разных уровнях. Этому способствовали неуклюжесть, бюрократичность и малопонятность нового языка.

Ученые (С. Медведев) определяют существование определенных этапов новояза: 20-е годы (ленинский), когда идет деконструкция реальности; 30–50-е (сталинский) со своим упразднением реальности; 60–80-е годы (брежневский) с полной симуляцией реальности, «эпохой классической симуляции» [8] и 90-е годы, которые автор считает «эпохой соблазна». Ленинский период «новояза» ввел лозунг как формулу общения и рационализацию фразеологии как основной шаг языковой политики. Сталинский и брежневский *новоязы* значительно различаются между собой. На смену сталинскому прямому обману и промыванию мозгов пришли ритуал и забалтывание; «чтение по бумажке» становилось почти обязательным в период застоя.

Советское время породило диглоссию нового типа. Рядом с обыденным русским языком возникла (или была создана) еще одна его разновидность, т. к. вымышленный язык тоталитарного советского общества, изуродованного партийной идеологией и партийно-бюрократическими лексическими оборотами, призван был сделать невозможным *другой* образ мышления. Бенедикт Сарнов в своей энциклопедии реального социализма пишет о существовании *второго, народного, новояза*. Это популярные клише советского новояза, словечки и речения советского политического жаргона: «Живой язык <...> российского человека, вобравший, впитавший в себя и переваривший, усвоивший элементы блатной фени, молодежного сленга, «царапающего ухо и горло» языка подворотен, а также множество других речевых слоев и пластов, еще недавно в устах интеллигента совершенно немыслимых, а сейчас давно уже прочно вошедших в его повседневную речь, – этот второй новояз возник и сложился как *язык сопротивления, как способ противостояния* (подчеркнуто нами – Л. Б.) партийному мертвословью» [9].

Политический язык, утверждение советского дискурса охватывает все речевые пласты, включая неписьменные. Речь идет о феномене мата, приобретении им нового статуса в советское время. В этот живой и как бы «беззаконный» слой языка человек уходил как в некое подполье, в котором он только и мог чувствовать себя свободным. «Ироническое отталкивание от советской официальной речи заложено в самом языке, в самой природе этого второго, народного новояза. Самым надежным средством защиты от разлагающего, вредоносного действия официального советского новояза наряду с анекдотом, частушкой, эпиграммой, глумливым пародийным перифразом какого-нибудь казенного лозунга был благословенный русский мат – самое мощное наше оружие, универсальное наше национальное лекарство от всех болезней» [9].

Советская власть с самого начала пыталась создать нового человека, свободного от предрассудков, морали и мышления гражданина Российской империи. Писатель и политолог Денис Драгунский считает, что «власть действительно смогла воспитать советского человека. Большевики действительно произвели революцию в ценностном смысле, потому что царская власть, при всей ее жестокости, стремилась к добру в конкретном смысле. Во время нее не было таких выражений, как «уничтожить», «расстрелять как бешеных собак», «ликвидировать как класс», «стереть с лица земли». Ни один русский поэт, даже самый реакционный, не мог написать, как Сергей Михалков: “Ты будешь стерт с лица Земли, чтоб мы спокойно жить могли”» [10].

По мнению немецкого филолога Виктора Клемперера, изменение смысла слов, их эмоциональная окраска меняет человека. Постепенно привыкнув употреблять слово в новом значении, человек незаметно для себя меняется, становится *иным*. К сожалению, в советское время тоталитарное государство в своем стремлении создания *иного*, «нового человека» использовало ценности и инструменты культуры для оправдания террора, насилия, угнетения. Суть тоталитарной языковой политики – диктат в сфере культуры и языка и создание *граждан Единого Государства* (термин из антиутопии «Мы»).

Список использованных источников

- 1 Sorel, G. *Réflexions sur la violence* / G. Sorel. – Paris, 1972 (1908).
- 2 Оруэлл, Дж. «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл ; сост. В. С. Муравьев; предисл. А. М. Зверева. – М. : Прогресс, 1989. – 384 с.
- 3 Горький, М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / М. Горький. – М. : Советский писатель, 1990. – 400 с.
- 4 Геллер, М. Машина и винтики. История формирования советского человека / М. Геллер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://history.wikireading.ru/158058>. – Дата доступа : 31.08.2017.
- 5 Бердяев, Н. А. Размышление о русской революции / Н. А. Бердяев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/razmyshleniya_o_russkoy_r/. – Дата доступа : 29.08.2017.

- 6 Модели человека в социальных науках // Эпистимиология & Философия науки. – 2012, XXXI. – № 1.
- 7 Хевеши, М. А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода / М. А. Хевеши. – М. : Международные отношения, 2002. – 160 с.
- 8 Медведев, С. СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) / С. Медведев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/>. – Дата доступа : 12.09.2017.
- 9 Сарнов, Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. Сарнов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/1053326/Sarnov_-_Nash_sovetskiy_novoyaz.html. – Дата доступа : 31.08.2017.
- 10 Драгунский, Д. Большевицкая сволочь хотела грабить и держаться у власти / Д. Драгунский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lenta.ru/articles/2017/10/21/>. – Дата доступа : 29.08.2017.

УДК 81' 373.46

А. С. Белая

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале СМИ)

В статье рассматриваются вопросы формирования и функционирования социальной терминологии в контексте современной социокультурной ситуации, раскрываются характерные особенности данной терминологии, выступающей кодом современного социума.

Тексты средств массовой информации отличаются обилием разнообразных языковых единиц: заимствованные слова, транслитерированные и оригинальные, активные новообразования на базе национальных и заимствованных основ, описательные языковые единицы, социально маркированные термины, которые отражают и закрепляют в сознании носителей языка реалии действительности, общественные реалии данного социума. Термин как социокультурный знак передаёт информацию о мире, о событиях и действиях, характерных для любого социума на разных этапах его развития. Именно социальные термины являются определёнными указателями, вехами или кодом современного социума. Говоря о специфике социальной терминологии, исследователи отмечают, что они подвергаются тем же изменениям, которые характерны для лексики в целом. В ней возможны такие процессы, как архаизация (*продразвёрстка, колхоз, эсдеки...*), регенерация (*губернатор, дума, громада...*), освоение бытовой и профессиональной лексики (*партийный блок, левое крыло в парламенте...*). Пополняя состав терминологии, такие слова обретают социальную маркированность и часто функционируют как символы – репрезентанты социальной картины мира, языковое отражение которой специфично и разнообразно [1, с. 108].

Социальные термины являются яркими специфическими знаками, актуальными и ключевыми словами данной эпохи. В семантике каждого термина запечатлён фрагмент картины мира. Разнообразные термины – это наименования социальных реалий, в них особая, значимая информация для коммуникантов любого социума. Именно они помогают коммуникантам ориентироваться в тексте, поскольку они формируют его содержательную сторону, и благодаря этому безошибочно определяется эпоха, временной отрезок событий в данном социуме. Многие из них отличаются ярко выраженной оценочностью, что способствует созданию особой экспрессии в политическом тексте. Строгая дефиниция этих терминов не влияет на их способность передавать субъективный взгляд коммуникантов на события. В них наблюдается особая концентрация смысла, воспринимаемая носителями языка в данный исторический момент

активно и эмоционально (*перестройка, помаранчевая революция, революция роз, украинский прорыв, герои майдана, идеалы майдана, независимое государство, силовые структуры, президентская команда, депутатский корпус, народные избранники...*). Большая часть таких языковых единиц являются интернациональными (*блок, оппозиция, фракция, партия, коалиция, регионализм...*). Их отличает чётко выраженная социальная маркированность, поскольку они, «обрастая» различными определениями (*бархатная революция, оппозиционное правительство, региональные власти, парламентская коалиция...*), обладают специфической коннотацией. Их маркированность и специфическая социальная оценочность обусловлены отношениями в обществе, определёнными идеологическими установками [2, с. 122]. Реалии современного общества порождают социально маркированные единицы, пополняют и обогащают терминологическое поле любого языка.

История формирования социальной терминологии – процесс длительный и давний. Её истоки находим в литературных памятниках и официальных документах 14 века, когда формировался язык великорусской народности, можно обратиться и к более ранним письменным памятникам XI–XII веков. В социальной терминологии находят отражение события разных эпох, поскольку она, как никакая другая часть словарного состава языка, связана с общественными, экономическими, культурными изменениями в жизни народов. С изменением общественных реалий изменялся количественно и качественно состав социальной терминологии. В ней зафиксирована каждая эпоха в жизни народов. Так, революционные события в начале XX века в жизни восточных славян способствовали закреплению в их языках массы новых терминов, появление которых имеет свою точную хронологию: *продотряд* – вооружённый продовольственный отряд из рабочих и беднейших крестьян, работавший в 1917–1920 гг. по выполнению продразвёрстки; *продразвёрстка* – метод государственной заготовки продуктов сельского хозяйства в период военного коммунизма, при котором у крестьян изымались излишки сверх установленных норм на личное потребление (1917–1920 гг.); *рабкрин* – рабоче-крестьянская инспекция, существовавшая в Советском государстве с февраля 1920 г. по февраль 1934 г.; *Еврооптимисты* – название политической фракции, о создании которой объявили на заседании Верховной Рады Украины 4 февраля 2015 г.; *атошники* – так называют бойцов из сил АТО в Украине (с 2014 г.). Динамика функционирования таких новообразований обусловлена содержанием политических текстов в современных СМИ. Интралингвистическая адаптация социальных терминов носит перманентный, то есть непрерывный, постоянный характер в текстах СМИ, которые являются естественной средой для таких терминов.

Динамические процессы, происходящие в лексике XXI века, отражают изменения в разных сферах жизни социумов. Языковые факты говорят о том, что особенностью систем восточнославянских языков является процесс дифференциации терминологических средств, в отличие от процесса интеграции в первые годы создания союзного государства, когда многие национальные терминологии формировались под влиянием русского языка, поскольку функциональные стили близкородственных языков развивались неравномерно. Так отмечают многие историки языка. Об этом писал академик Е. Ф. Карский в докладе «Значение Гоголя в развитии русского литературного языка», произнесённом 20 марта 1909 года на торжественном заседании Совета Варшавского университета и Общества истории, филологии и права, посвящённом 100-летию со дня рождения писателя: для передачи какой-либо мысли Гоголь «выражался исключительно по-русски, притом так, что его речь не может быть даже переведена по-малорусски». Так было в XIX веке, но в XX веке украинский язык и другие национальные языки обогатились необходимой терминологией. Этому способствовали новые социальные факторы. В начале XXI века исследователи отмечали, что многие заимствованные термины, называющие реалии наших дней, ещё не были зафиксированы в словарях: *консенсус, менеджер, спонсор, лизинг, ваучер, акциз, инвестор* и др. Прошло не так много времени... уже есть словари, в современных СМИ функционирует масса новых терминов, которые обрели понятную социальную маркированность и выступают символами-репрезентантами

современной картины мира. Такие термины не только информируют и пополняют наш словарный запас, но и формируют верное и осмысленное восприятие социальных концептов, поэтому одной из важных задач является выяснение роли социальных терминов в формировании общественного мнения. Когнитивно-информационная природа терминов такова, что они прежде всего интернациональны, что обеспечивает их свободную интеграцию из одного языка в другой. Следует отметить, что в родственных славянских языках давно сложилась тенденция к интернационализации и национализации языковых средств. Современная социальная терминология с её ярко выраженной идеологической окраской составляет значительную часть всего лексического богатства языков, и поэтому понятна близость процессов формирования лексических и терминологических средств.

Интересен вопрос о формировании на современном этапе национально-культурной специфики социальных терминов. В наших восточнославянских государствах, тесно связанных общей исторической судьбой в недавнем прошлом, заметно стремление к созданию национальной терминологии. Иногда вмешательство в этот процесс порождает распатывание грамматических, стилистических и фонетических норм. Нельзя создать национальные термины путём навязывания их обществу. Реакция общества всегда была негативной. Не закрепились в нашем обиходе слова «магнет» (магнит), «хемия» (химия) или те, которые так настойчиво пропагандировал герой А. Солженицына инженер Сологдин: *исчислитель* (математик), *ошарие* (сфера), *толстосумство* (капитализм) и другие. Безусловно, противостояния не избежать. Как писал Ф. П. Филин, «никто не может призывать к отказу от чужой терминологии, но во всём должны быть свои границы» [3, с. 47].

Авторы учебника «Общее языкознание» Ф. М. Березин и Б. Н. Головин отмечают, что проблема формирования международного терминологического фонда – это проблема социолингвистическая... совпадающих и международных терминов сравнительно немного... Нередки случаи, когда каждый язык имеет свой собственный термин для выражения международного научного понятия... Двухсловные и многословные термины почти все имеют национальный языковой облик» [4, с. 266–267].

На наш взгляд, национально-культурный облик терминов создается в процессе введения в сложные наименования слов украинского (или другого национального) языка: Верховная Рада, Народный Рух, помаранчевая революция... или в процессе употребления названий украинских реалий (*выборы по-украински, герои Майдана, блок «За единую Украину», кучмисты, бютовцы, майдановцы...*). В таких новообразованиях закрепляется ментальный и социально-исторический опыт членов современного общества. Их активное функционирование на страницах СМИ и в речи носителей языка помогает не только обогащать словарный запас, но и формировать языковую культуру коммуникантов полиязычных социумов. Активизация таких терминов в сфере общественной и обыденной коммуникации обусловлена их конкретностью, информативностью и оценочностью, поэтому современному человеку необходимы знания законов формирования терминологии, которая помогает ориентироваться в разветвлённом и насыщенном межкультурном пространстве.

Список использованных источников

- 1 Чумак, Л. Н. Ключевые выражения эпохи – паспортизация времени культуры / Л. Н. Чумак // «Язык и культура». Третья международная конференция. Доклады и тезисы. – К., 1994. – С. 107–109.
- 2 Белая, А. С. О социальной маркированности языковых единиц в системе современной общественно-политической терминологии / А. С. Белая // Язык и социум : материалы 5 Международной научной конференции : в 2 ч. – Минск, 2003. – Ч. 1. – С. 121–123.
- 3 Филин, Ф. П. Некоторые проблемы функционирования и развития русского языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. – 1975. – № 3. – С. 47.
- 4 Березин, Ф. М. Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.

В. А. Белодед**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ**

Рассматривается социокультурный контекст динамики межэтнического взаимодействия народов в полиэтническом белорусском государстве. Освещаются явления билингвизма и интерференции. Дается обзор языковой ситуации в Беларуси на основе исследований лингвистов XX и XXI вв.

Любое общество на протяжении всей истории своего развития имеет острую необходимость в коммуникации, обусловленной как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Практически все языки мира находятся под влиянием соседних языков в диахроническом аспекте, в результате чего «происходит соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [1, с. 535]. Своеобразное развитие получила языковая ситуация, традиционно определяемая в лингвистике как двуязычие (или билингвизм) и ныне господствующая на территории Беларуси. Если рассматривать билингвизм в пределах социолингвистического подхода, то увидим, что он представляет собой симбиоз двух языков, которые, дополняя друг друга, образуют коммуникативную сферу индивидов. Лингвисты в рамках данной концепции говорят о принципе «одна ситуация – один язык», согласно которому тот или иной язык используется субъектом выборочно в зависимости от коммуникативной сферы и социальной ситуации [2, с. 30].

Двуязычие – положительное явление при определённых условиях: оба языка развиваются и функционируют параллельно. Оно позволяет обогатить лексикон билингва и расширить репертуар его вербальных средств. Русский и белорусский языки имеют статус государственных в Беларуси, однако доминирующее положение в государстве продолжает занимать русский язык.

По результатам переписи населения Республики Беларусь 2009 года, наше полиэтническое государство населяют представители более 130 национальностей. При этом на долю белорусского этноса приходится 83,7 %, русского – 8,3 %, польского – 3,1 %. Украинцы составляют 1,7 %, евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы и литовцы – 0,1 % каждая национальность соответственно. С учетом результатов переписи населения можно заметить, что понятия «родной язык» и «национальный язык» занимают разные позиции в структуре этнического самосознания людей. Это можно объяснить этнокультурной мотивацией индивида, который либо стремится сохранить свою культуру и свой язык, одновременно изучая другие, либо намеревается пренебречь собственной культурой и овладеть культурой титульного этноса.

Следует отметить, что содержание самого понятия «родной язык» подвергалось изменениям на протяжении XX–XXI столетий. Перепись населения, проведённая в 1926 году, фиксировала язык, на котором опрашиваемый изъяснялся лучше всего. В дальнейшем такие языки считаются неотъемлемой частью этнического самосознания, они уже регистрируются в переписях по принципу самоопределения. «В результате данные советских переписей о родном языке отражают ситуацию скорее этнопсихологическую, нежели лингвофункциональную; а если и отражают некоторое реальное распределение языков, то скорее существовавшее несколько поколений назад, чем нынешнее» [3, с. 48]. Родной язык выступает для каждого человека как уникальный и самобытный элемент, равно как и осознание своей национальности. Элемент, который подчёркивает принадлежность к определённому этносу и существует вне языкового поведения.

Современную языковую ситуацию целесообразно рассматривать примерно с конца 1980-х годов, когда началось так называемое «Второе белорусское возрождение» [4, с. 22].

Белорусская культура и, в частности, язык подверглись тщательному изучению. Это было время проведения социологических и социолингвистических исследований, создания общественных организаций, например, Общества белорусского языка – «Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны» (ТБМ).

26 января 1990 год – дата принятия закона «О языках в Белорусской ССР», в соответствии с которым белорусский язык получил статус государственного. В обществе не без оснований преобладали ожидания, что языковая ситуация претерпит существенные изменения, которые выразятся в повышении роли белорусского языка, а его повсеместное употребление будет поддержано всеми жителями страны. Полагалось также, что белорусский язык, являясь официальным государственным языком, по праву станет полнофункциональным. Русскому языку выделялась не менее важная роль: он являлся языком внешней политики и поддержания диалога с представителями разных наций. Но использование русского как языка повседневной коммуникации должно было отойти на второй план. В 1993 году было решено, что одного белорусского языка явно недостаточно для полноценного общения. Из-за сложившейся ситуации с единственным государственным языком возросло общественное недовольство, поскольку в середине 90-х годов три четверти населения Беларуси своим родным языком считали именно русский. Даже когда, казалось, белорусский язык внедрился в сферу коммуникации максимально, совет ТБМ признавал: «Русский язык по-прежнему доминирует во всех сферах политической и общественной жизни республики: в сферах науки, культуры, делопроизводства, обслуживания, в эпиграфике, в средствах массовой информации и т. д.» [5, с. 213].

Всем известны результаты референдума 1995 года, после которого процесс белорусизации фактически прекратился. Начался обратный процесс, обусловленный тем, что подавляющее большинство жителей республики являются представителями несбалансированного билингвизма: население нашей страны активнее использует для общения русский язык, чем белорусский.

Явление интерференции, то есть изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого, широко распространено в стране. Такое взаимодействие языков – явление частое. Зачастую оба языка, близких по своему происхождению, способствуют появлению смешения слов и форм в речи, порождая языковую идентичность. Вследствие этого русский язык в белорусском государстве рассматривается как «нациолект». Произвольное смешение языков, которое с начала 90-х годов XX века стало называться «трасянкой» [6, с. 113], свойственно для той части населения территории Беларуси, которая подверглась русификации. Обратим внимание на белорусские лексические вкрапления: *бульба* ‘картошка’, *грошы* ‘деньги’, *жонка* ‘жена’, *хата* ‘дом’. Все они встречаются в белорусской речи, в том числе – в речи русифицированного населения. Белорусские вкрапления используются как в разговорном стиле, так и в книжных: публицистических и художественных. Такое их употребление несёт оттенки национально-культурного характера. Оно может добавлять своеобразную иронию, а может влиять на стиль повествования, усиливая его колорит. «Большинство белорусскоязычных вкраплений – это прямые апелляции к затекстовой информации» [7, с. 222]. Тем самым, по мнению профессора Б. Ю. Нормана, речь приобретает дополнительную глубину, «третье измерение». Приведём пример: *Ванна – китайская, с бурболками и подсветкой* («Комсомольская правда в Беларуси», 6 января 2010). Заимствованное из латинского языка слово *бурболки* ‘пузырьки’, которое, к тому же, нередко встречается в русских диалектах, является белорусизмом [8].

Следует отметить, что в Беларуси отсутствует территориальное разделение двух языков, несмотря на то, что в западных областях страны белорусский язык используется в речи чаще. Тем не менее «трасянка» и два государственных языка равномерно распределяются между населёнными пунктами и по уровням языкового континуума. В качестве акролекта, как правило, выступает русский язык. В роли мезолекта – «трасянка» в деревнях или русский в городах. «Трасянка» в средних городах проявляет себя как базилект. В деревнях аналогичная функция свойственна белорусским говорам. Исключение составляет белорусский литературный язык. Он является акролектом для довольно небольшой части национально ориентированной интеллигенции.

Таким образом, билингвизм носит массовый характер в нашем государстве, но его нельзя считать диглоссией по причине нечеткости распределения сфер употребления русского и белорусского языков. Отметим также, что белорусский язык имеет символическое значение большее, чем коммуникативное. Белорусская национальность связана не с этничностью или языком, а с общей организацией жизни в своём государстве, тем самым подчёркивается пост-этническая стадия развития, в которой находятся белорусы и по сей день.

Список использованных источников

- 1 Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – изд. 4-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
- 2 Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высш. шк., 1978. – 216 с.
- 3 Коряков, Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Б. Коряков. – М., 2002. – 129 с.
- 4 Мечковская, Н. Б. Этические коллизии двуязычия / Н. Б. Мечковская // Белорусский язык: Социолингвистические очерки. Specimina philologiae Slavicae. – München : Verlag Otto Sagner, 2003. – Band 138. – С. 21–46.
- 5 Конюшкевич, М. И. Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков / М. И. Конюшкевич // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. – С. 213–221.
- 6 Рамза, Т. Р. Трасянка: национально-прецедентный феномен или «ключевое слово текущего момента»? / Т. Р. Рамза // Беларуская думка. – 2010. – № 7. – С. 112–116.
- 7 Волинец, Т. Н. Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие / Т. Н. Волинец, И. Э. Ратникова // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Доклады Международной конференции 11–14 октября 1966 г. – Пловдив, 1997. – С. 219–223.
- 8 Норман, Б. Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма / Б. Ю. Норман [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=201000604. – Дата доступа : 25.10.2017.

УДК 81'276:316.774:004.77

Е. А. Белякова

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК СОВРЕМЕННОЕ РЕЧЕВОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматриваются причины отклонения от норм русского литературного языка. Изучается процесс адаптации русского языка в условиях его перехода в интернет-пространство. Анализируются изменения, которые происходят на различных языковых уровнях. Рассматриваются меры по сохранению русского языка.

Каждая историческая эпоха оказывает влияние на развитие русского литературного языка. Например, после Октябрьской революции существенно изменился социальный состав носителей русского литературного языка. Он становился достоянием масс. По этим же причинам литературный язык испытывал влияние со стороны живой народной речи. Элементы диалектов, городского просторечия, профессиональных жаргонов проникали в литературный язык. Происходило активное взаимодействие разных стилей языка под влиянием разговорной речи [1, с. 280].

Современное поколение живет в эпоху информационного общества, главным признаком которого являются компьютерные технологии.

Интернет – это киберпространство, «возможный мир», что подтверждается при обращении к нему как к источнику информации. Интернет оказывает влияние на картину мира –

систему воззрений, которые принято называть научными; помимо этого Интернет влияет и на обыденное сознание – наивную картину мира и систему бытовых ценностей [2, с. 63].

Интернет-коммуникация – это такие методы общения, при которых передача информации происходит по каналам Интернет с использованием стандартных протоколов обмена и представления информации. Информация может передаваться в различной форме – голос, видео, документы, мгновенные сообщения, файлы. Использование традиционных механизмов коммуникаций, таких как факс или проводной телефон, сегодня быстро замещается новыми технологиями (обмен мгновенными сообщениями, электронная почта, передача голоса и видео через Интернет).

Развитие информационных технологий не может не сказываться на развитии и функционировании русского языка. С одной стороны, он переживает очередной этап закономерного развития, а с другой – претерпевает снижение уровня культуры речи, грамотности учащихся и взрослых.

Русский язык освоил Интернет не только в качестве субъекта функционирования, но и как объект обсуждения. Проблема интернет-коммуникации привлекает внимание различных учёных (Г. Н. Трофимова, А. В. Назарчук, И. А. Стернин и др.).

Проблема существования и функционирования русского языка в интернете, несомненно, актуальна. Число молодых людей, использующих интернет для общения, стремительно растёт. Чтобы взрослых слышали подростки, говорить с ними надо на правильном русском языке и при этом знать и понимать их язык. Тогда появится больше шансов достигнуть взаимопонимания. Интернет специфичен и мало напоминает реальное общение в традиционной форме. Поэтому отношение к новому виду общения далеко не однозначно.

Общение в социальных сетях приводит к либерализации норм литературного языка, которые становятся необязательными для соблюдения.

Сформировавшаяся устно-письменная форма коммуникации сетевого общества, предполагающая письменный текст с чертами устной речи, приводит к отклонениям, особенно на лексическом и синтаксическом уровнях, от принятых литературных норм. Многочисленные просторечные слова, сленг, орфографические и пунктуационные ошибки также характерны для такой формы коммуникации [3, с. 56]. Например, вот какие слова наиболее популярны в социальных сетях, по мнению опрошенных: *азаса, шта, ок, okay, СПС, карачи, пжл, нз, лал, узбагойся* и другие. Все эти слова были образованы путем сокращения или намеренного искажения слов. В словах *писюк* (от англ. аббрев. *PC* [personal computer] – персональный компьютер) и *сидюк* (от англ. аббрев. *CD* [compact disk] – компакт-диск) встречается суффикс *-юк*, характерный для просторечия.

Одновременно с профессиональным языком программистов начал формироваться специфический жаргон знатоков вычислительной техники и просто людей, увлекающихся компьютерными играми [4, с. 43]. Компьютерный жаргон содержит лексику, отличающуюся разговорной, грубо-фамильярной окраской. В нём, как и в профессиональной лексике программистов, довольно много англицизмов. Среди грамматически освоенных заимствований следует назвать жаргонизмы: *мэйло* (от англ. *mail* – почта) – письмо, переданное по компьютерной сети; *геймер* (от англ. жарг. *gamer*) – любитель компьютерных игр. Грамматическое освоение русским языком некоторых заимствований сопровождается их словообразовательной русификацией. Здесь мы имеем в виду жаргонизмы: *коннектиться* (от англ. *to connect*) – связываться при помощи компьютеров; *принтавать* (от англ. *to print*) – печатать; *килять* (от англ. *to kill* – полностью остановить) – прекратить какие-либо операции, выполняемые вычислительной машиной; *программить* (от англ. *to program*) – заниматься программированием; *кликать* (от англ. *to click* – звукоподражание «клик») – нажимать на клавиши мыши. Для большинства жаргонных систем продуктивным оказался способ метафоризации. В Интернете можно встретить многочисленные глагольные метафоры: *тормозить* – проводить время за компьютерными играми, бездельничать; *сносить* (сов. вид *снести*) – удалять из памяти компьютера невостребованную информацию (компьютерную почту); *жуужжать* – устанавливать связь при

помощи модема и др. Отечественные программисты пополнили язык многочисленными фразеологическими оборотами, которые характеризуются яркой эмоциональной окраской и стилистической сниженностью. Например, можно назвать следующие фразеологизмы: *топать кнопки* – работать на клавиатуре компьютера; *жать батоны* – работать с мышью и др. Многие слова компьютерного жаргона образуются по словообразовательным моделям, принятым в русском языке. Аффиксальным способом, например, образован жаргонизм *леталка* (от глагола *летать* при помощи суффикса *-к-*). По одной модели со словом *леталка* образованы жаргонизмы *бродилка*, *стрелялка*. *Леталка* – компьютерная игра, имитирующая полёт на боевом самолёте или космическом корабле. Компьютерный жаргон должен стать объектом пристального внимания учёных-языковедов, ведь, как показывают примеры других жаргонных систем, специальная лексика иногда проникает в литературный язык и закрепляется там на долгие годы [4, с. 49].

Письменный текст в отличие от устного высказывания требует больших затрат времени, поэтому в зависимости от темпа общения появляются различные сокращения, разговорные слова и формы слов. Появляются новые слова и новые значения существующих слов.

Интернет-коммуникация способствует развитию привычки к «диагональному» чтению, в результате которого улавливается общий смысл, а усвоение синтаксической конструкции не происходит. Отсюда возросло число ошибок при согласовании [5, с. 180].

В Интернете неудобны длинные слова, т. к. очень важна скорость набора сообщений. Именно поэтому люди начали вводить сокращения, стараясь сохранить смысл, для пользователей даже слово *интернет* подверглось сокращению – *инэт*.

Если посмотреть на трансформацию языка и речи с точки зрения её произвольности и непроизвольности, то, с одной стороны, – это случайные ошибки и опечатки, а с другой – сознательный вульгаризм. Наиболее широко распространены лексические, орфографические, стилевые девиации [3, с. 57].

Материалы многих сайтов, форумов, блогов содержат огромное количество ошибок – орфографических, пунктуационных, стилистических. В связи с этим довольно часто высказывается мнение, что существование Интернета грозит гибелью русскому языку, влияние его на русский язык многими «воспринимается... как вредное и непоправимое» [6]. Поднять уровень грамотности в Интернете, повысить культуру речи пользователей Всемирной паутины призван ряд интернет-ресурсов, посвящённых русскому языку. Лидирующие позиции среди них занимает справочно-информационный интернет-портал «Русский язык» (Грамота. ру).

Таким образом, русский язык Интернета – это совокупность заимствований, жаргона, сленга, переосмысленных терминов в области информационных технологий, сокращений, поэтому необходимо на государственном уровне принять меры по сохранению русского языка, воспитывать у подрастающего поколения уважительное отношение и любовь к русскому языку.

Список использованных источников

1. Судавичене, Л. В. История русского литературного языка : учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. «Рус. яз. и лит. в нац. шк.» / Л. В. Судавичене, Н. Я. Сердобинцев, Ю. Г. Кадьяков; под ред. И. Ф. Протченко. – 2-е изд., дораб. – Л. : Просвещение, 1990. – 319 с.
2. Руденко, Е. Интернет. Язык. Лингвистика. Выпуск 4. / Е. Руденко; ред. С. Важник. – Минск : Право и экономика, 2009. – 89 с.
3. Клешина, Н. Н. Трансформация русского языка и речи в условиях сетевого общества / Н. Н. Клешина // Власть. – 2016. – № 11. – С. 56–59.
4. Лихолитов, П. В. Компьютерный жаргон / П. В. Лихолитов // Русская речь. – 1997. – № 3. – С. 43–49.
5. Дубина, Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации / Л. В. Дубина // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 2 (130). – С. 177–181.
6. Трофимова, Г. Л. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Л. Трофимова. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 300 с.

В. Н. Бережняк

НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ НОСИТЕЛЯМИ УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

В статье рассматриваются проблемы нарушения украинских языковых норм обитателями Восточного Полесья на лексическом, морфологическом и других уровнях. Представлены обоснованные ответы на запросы, которые выдвинула языковая практика независимой Украины.

В. М. Бережняк

ПОРУШЕННЯ МОВНИХ НОРМ НОСІЯМИ УКРАЇНСЬКО-БІЛОРУСЬКОГО ПОГРАНИЧЧЯ НА ЧЕРНІГІВЩИНІ

Кожна держава повинна мати стійкі мовні норми, обов'язкові для всіх громадян та друкованих органів. Ці норми в процесі історії зазнають змін, адже поповнюється словниковий склад мови за рахунок нових питомих слів і запозичень, стають відмінюваними досі не відмінювані власні назви, аббревіатури, розширили сферу вживання багато слів та синтаксичних конструкцій, посіли належне місце національні зразки словотворення тощо [1, с. 3]. В одному випадку, відбувається повернення до активного українського вжитку лексем, які зараз вважаються застарілими, в іншому, – вилучення з української мови частини запозичених слів. Але у зв'язку з активним розгортанням процесів світової глобалізації, входженням України до Європи в українській мові відбувається активне освоєння запозичень з англійської мови. Тому постає питання правильного їх передавання та узгодження з іншими лексемами.

Найголовнішою проблемою мешканців східнополіського регіону є викорінення російсько-українського суржику, оскільки нова літературна мова формувалася в умовах абсолютної бездержавності нації на всій її етнічній території, причому основна маса народу була в найгірших умовах царської імперії, де офіційно заперечувалося окремішність української мови, а українців трактовано як частину російського народу [2].

Отже, унормованість є важливою ознакою літературної мови. Норма літературної мови – це сукупність загальноприйнятих правил, якими користуються мовці в усному й писемному мовленні. Опанування норм сприяє підвищенню культури мови, а висока мовна культура є свідченням культури думки [3, с. 16].

На жаль, жителі Лівобережної зони схильні до порушення усних та писемних норм літературної української мови. У науковій літературі є ряд досліджень, у яких учені намагаються розв'язати ці питання: на морфологічному рівні Н. Лозова, В. Фридрак, К. Городенська, на лексичному – Т. Коць, С. Бибик, С. Головащук, на синтаксичному – І. Вихованець, О. Юсікова, В. Фурса, на фразеологічному – О. Тодор, І. Гнатюк, І. Прядко, на словотвірному – Л. Колібаба, С. Соколова, О. Кагал. Зона українсько-білоруського пограниччя на Чернігівщині стосовно порушення мовних норм в усному та писемному мовленні майже не досліджувалася.

Унаслідок русифікації на досліджуваній території засвідчені позанормовані сполучення числівників *два, три, чотири* з іменниками: *два професора, два сина, три олівця, чотири підручника* замість *два професори, два сини, три олівці, чотири підручники*.

Населення південно-західної частини Чернігівщини неправильно використовує форми числівників *півтора, півтори* у сполученні з іменником *літр*, який є чоловічого роду і в родовому відмінку однини, що його вимагає числівник *півтора*, має закінчення *-а*. Тому потрібно вживати *півтора літра* (не *півтори літри, полтори літри*). Числівник *півтори* в українській мові поєднується лише з іменниками жіночого роду (*півтори доби*) [1, с. 99].

Ближче до білоруського кордону переважає форма *полтора* у сполученні з іменником *літра* або *літри*.

Уживання сполучень на позначення часу є типовими на всьому Лівобережжі: *сім часов, прийти в 10 часов 15 минут, половина шостого, без двадцяти дванадцять*. Оскільки лексема *година* жіночого роду, а нормативними в цьому випадку є прийменники *по, на* (до позначки 6) та *за* (до позначки 12), то слід називати так: *сьома година, прийти о десятой години 15 хвилин, пів на шосту, за двадцять хвилин дванадцята*.

У відмінюванні числівникових форм трапляються порушення при змінюванні десятків: *семидесяти, восьмидесяти, п'ятьмадесятьма, на шестидесяти* замість *сімдесяти, вісімдесяти, п'ятдесятьма, на шістдесяти*.

Акцентуаційні норми інколи не дотримані при вимові числівників *одина́дцять, чотирна́дцять, сімдеся́т, вісімдеся́т: оді́надцять, чоті́рнадцять, се́мдесят, вбсе́мдесят*. Такі порушення пояснюються впливом російських наголошувань.

Норми акцентуації при артикуляції ряду іменників та прикметників такі: *черго́вий, випа́док, чарі́вний, но́вий, подр́уга, на плéчах, оле́нь, віри́ї, сільськогоспа́дарський, чернозе́м, жа́люзі, у дверя́х* та ін. замість *чергові́й, ві́падок, чарі́вній, но́вій, по́друга, на плеча́х, оле́нь, ві́рші, сільсько-госпа́рський, черно́зем, жа́люзі, у двéрях*.

Спостерігається неправомірність утворення форм найвищого ступеня прикметників зі словом *самий*: *самий типовий, самий товстий, самий умний, самий прикольний* замість *най-типівіший, найтовщій, найрозумніший, найоригінальніший*. Можлива складена форма: *найбільш типовий, найбільш товстий, найбільш розумний, найбільш оригінальний* (у російській мові *самый толстый, самый дорогой*).

Найбільше проблем у мешканців Лівобережжя виникає з уживанням прийменника *по*. Часто форми давального відмінка використовуються замість форм місцевого відмінка множини: *по вулицям, по містах, по полях, по лісам* замість *по вулицях, по містах, по полях, по лісах* [4, с. 28]. Слід запам'ятати стійкі вирази, де російський прийменник *по*, уживаний на Чернігівщині, відповідає українським прийменникам *на, до, після, з, у, за, через*: *після закінчення терміну (по истечении срока), у службових справах (по делам службы), за законом (по закону), через недбалість (по небрежности), за вимогою (по требованию), у напрямку до міста (по направлению к городу), з питань будівництва (по вопросу строительства), на ваш розсуд (по вашему усмотрению)*. Частина російських виразів відповідає українським безприйменниковим конструкціям: *принаймні (по крайней мере)*.

Українці позичили в росіян форму *по приходу*. Прийменник *по* вживається із часовим значенням з небагатьма іменниками: *по завершенні, по закінченні, по війні, по революції, по обіді, по прибутті*. Часовий прийменник *після* має значення «через деякий час, пізніше». Ви слів *по приходу* можна замінити підрядними частинами як *прибуде, коли прибуде* [1, с. 105].

Кличний відмінок імен по батькові чоловічого та жіночого роду вживається у називному відмінку: *Віра Іллічна, Микола Петрович, Теодор Ігнатович, Марія Кузьмінічна, Валентина Миколаївна* замість *Віро Іллівно, Миколо Петровичу, Теодоре Гнатовичу, Маріє Кузьмівно, Валентино Миколаївно*.

На лексичному рівні спостерігається поплутування значень іменників *зіставляти* і *порівнювати*. Словник української мови в одинадцяти томах (К., 1970–1980) фіксує дієслово *зіставляти* зі значенням «порівнювати щось із чим-небудь або між собою» [СУМ, III, 579], а дієслово *порівнювати* зі значенням «вимірюючи, розглядаючи, досліджуючи які-небудь однорідні предмети, явища тощо, виявляти в них однакові риси або відмінності, переваги або недоліки» [СУМ, VII, 257]. Отже, порівнювати можна тексти, речення, вірші, книги, здобутки, історичні події, явища, географічні об'єкти [5, с. 121].

За аналогією до російської та білоруської мов в українській мові деякі іменники вживаються у невластивому їм роді: *головна боль, біла тюль, широкий путь, висока насип, вчена степінь, дорога шампунь, математична дробь* замість *головний біль, білий тюль, широка путь, високий насип, вчений ступінь, дорогий шампунь, математичний дріб*.

Уміння правильно сполучати слова в контексті має важливе значення при перекладі з однієї мови на іншу, при доборі літературного варіанта замість діалектного. Наприклад: *приймати участь (брати), переводити текст (перекладати), принести подяку (винести), прийнятися до роботи (розпочати роботу), цікаві міроприємства (заходи), слідуюче питання (наступне), електронні прибори (прилади), вести себе (поводити), відноситись до людини (ставитись), грати роль (відігравати)* [3, с. 185].

Таким чином, увага до сполучуваності слів забезпечує стилістично правильну побудову висловлювань. Запобігання мовним і мовленнєвим помилкам та їх усунення спирається на досконале знання норм літературної мови.

Список використаних джерел

- 1 Городенська, К. Українське слово у вимірах сьогодення / К. Городенська. – К. : Атопол, 2014. – 122 с.
- 2 Німчук, В. В. Проблеми українського правопису ХХ – початку ХХІ ст. / В. В. Німчук. – Кам'янець-Подільський, 2012. – 116 с.
- 3 Пентилюк, М. І. Культура мови і стилістика [пробний підручник для гімназій гуманітарного профілю] / М. І. Пентилюк. – К. : Вежа, 1994. – 239 с.
- 4 Бережняк, В. М. Правописні норми носіїв українсько-російського порубіжжя / В. М. Бережняк // Нормативність в умовах смешення восточнославянських мов на території російсько-білорусько-українського пограниччя : [круглий стіл, приурочений ко Дню славянської писемности и культуры]. – Новозыбков, 2012. – С. 25–30.
- 5 Коць, Т. Зіставляти чи порівнювати? / Т. Коць // Культура слова. – Вип. 82. – К., 2015. – С. 121.

УДК 811.161.3'37(045)

А. А. Биюмена

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПРЕССЕ

В статье анализируются особенности номинации в белорусской региональной оккупационной прессе, издававшейся в годы Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу, что лексика в этих газетах поляризована в строгом соответствии с базовой семиотической оппозицией «свои – чужие».

Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо

В. Клемперер («ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога»)

Одной из главных особенностей политической коммуникации является агональность, членение действительности в соответствии с базовой семиотической оппозицией «свои – чужие». В качестве текстовых средств аргументации в политическом тексте Р. Водак отмечает черно-белое изображение действительности, нахождение «козла отпущения» и снятие с себя ответственности [1, с. 112]. Эти свойства политического текста становятся еще более значимыми во время ведения войны, когда на смену информированию и убеждению приходят пропаганда и внушение.

Примерами пропагандистских изданий, выходивших на оккупированных территориях Беларуси во время Великой Отечественной войны, являются оккупационные газеты, которые в зоне гражданской администрации формально являлись органами городских управ – коллаборационистских учреждений, выполнявших приказы и распоряжения немецкой гражданской администрации [2]. Штат сотрудников оккупационных изданий обычно состоял из местной интеллигенции, недовольной советской властью. Основная задача оккупационной прессы в Беларуси состояла в том, чтобы убедить население поддерживать новую власть, указать на то, что политика советского государства чужда белорусскому народу.

Мы проанализировали лексические единицы, которые использовались в белорусской региональной коллаборационистской прессе для обозначения групп «своих» и «чужих», а также выполняемых ими действий. В качестве материала исследования выступили статьи из газеты «За праўду», которая издавалась в Новогрудке на белорусском языке с 22 февраля до 29 июня 1944 г. под редакцией известного общественно-политического деятеля Михася Рагули и имела ярко выраженную пропагандистскую направленность, подчиняясь основным требованиям немецкой пропаганды на оккупированной территории [2]. Были проанализированы номера этого издания за 23 апреля и 11 мая 1944 г., которые представлены в экспозиции Новогрудского историко-краеведческого музея.

Для исследуемых текстов характерна прямолинейная идеологическая поляризация лексики. Так, при наименовании лиц, входящих в группу «своих», в материалах газеты используются существительные *патрыёт*, *змагар* (*за волю*), при этом подчеркивается их преданность Родине: *Англа-амэрыканцы страляюць як дзічыну адданных бацькаўшчыне італьянцаў; Мілан: пасля таго, як колькі дзен таму назад англа-амэрыканамі былі расстраляны у паўдзенай Італіі 6 маладых патрыэтаў-змагараў за волю...*

Среди лексем, называющих врага, т. е. советские и англо-американские войска, а также партизан, высокой частотностью характеризуются слова *вораг* и *ворагавы* (в некоторых небольших по объему статьях они встречаются до 10 раз): *Вораг праводзіў мясцовыя атакі, якія былі адбіты; Заламаўся ворагавы наступ ля Віцебску; Усе ворагавыя контратакі засталіся бяз посьпеху, а вораг меў высокія страты у матэр'яле і людзях.*

Для наименования «чужих» также распространены существительные *банда*, *тэарыст*, *бальшавік*, а также их производные: *Справа ідзе у асноўным аб мясцовыя апэрацыі на вызваленьне і звязваньне сілаў на карысьць бальшавіцкіх бандаў...; Злучэньні брытанска-паўночнаамэрыканскіх самалетаў ува учараіні дзень ... праводзілі свае тэарыстычныя налеты на гарадзскі раён Букарэшту, чым выклікалі шкоды і страты сярод жыхарства.*

Для обозначения действий войск противника в издании используются существительные *атака*, *контратака*, *налет*, *напад*, т. е. военная лексика, в значении которой присутствуют семантические компоненты ‘нападение’, ‘захват’ (сравн. *атака* ‘імклівы напад на пазіцыі праціўніка’, *напад* ‘хуткае дзеянне, накіраванае на каго-, што-н. для захопу, грабязу, забойства і пад’, *налет* ‘раптоўны ваенны ўзброены напад на каго-, што-н.’ [3]): *У ваенных поведамленьнях за апошнія дні гаварылася аб бальшавіцкіх атаках на абодвых баках Віцебску; Паўночна-амэрыканскія бамбавікі учараінім днём накіравалі новыя тэарыстычныя налеты на тэрыторыю Нямецчыны; Пры адбіцці моцных ворагавых наветраных нападаў былі састрэлены штурмавымі і паляўнічымі самалётамі 46, а зэнітнай артылерыяй авіяцыі яшчэ 10 савецкіх самалётаў.*

Описывая действия немецкой армии, авторы статей стараются избегать употребления специализированной военной лексики и используют нейтральную лексему *удар*, а также эфемистическое сочетание *ачышчальная акцыя*, состоящее из позитивно-оценочного прилагательного *ачышчальная* и низкоинформативного существительного широкой семантики *акцыя*: *Ад далёкай поўначы да Міжземнага мора – зьнішчальныя удары на ворагу; Справа ідзе у асноўным аб мясцовыя апэрацыі на вызваленьне і звязваньне сілаў на карысьць бальшавіцкіх бандаў, якія у балотах і лясах у тылу фронту дарэмна імкнуліся змагацца з ачышчальнай акцыяй нямецкіх і саюзных злучэньняў.* Сочетание *ачышчальная акцыя* было введено

в обращение немецкой пропагандой для обозначения уничтожения населения захваченных земель, преимущественно евреев и партизан. Подобные эвфемизмы для номинирования карательных действий фашистов были весьма распространены в нацистском дискурсе. Так, одним из известных примеров подобного словоупотребления является существительное *Sonderbehandlung* ‘особое обращение’, означавшее уничтожение евреев [4].

На страницах оккупационной прессы наблюдается массивная дискредитация успехов Красной Армии и союзников и одновременная демонстрация значительных успехов немецкой армии и мощи немецкого оружия. Подобная стратегия также реализуется посредством жесткой поляризации лексики, номинирующей свои и вражеские действия. Описание успехов советских войск часто осуществляется с использованием прилагательных *мясцовы, агранічаны*, указывающих на незначительность, ничтожность их побед: *Вораг праводзіў мясцовыя атакі, якія былі адбіты; Нягледзячы на агранічанья мэты гэтых атакаў, яны былі часта вельмі жорсткія*. Кроме того, пропагандисты прибегают к употреблению лексем, подчеркивающих отсутствие результата: *Справа ідзе у асноўным аб мясцовыя апэрацыі на вызваленне і звязваньне сілаў на карысьць бальшавіцкіх бандаў, якія у балотах і лясох у тылу фронту, дарэмна імкнуліся змагацца з ачышчальнай акцыяй нямецкіх і саюзных злучэньняў; Усе ворагавыя контратакі засталіся бяз посьпеху*.

При упоминании военных успехов фашистской Германии используются слова *моц, непакісны, знішчальны*, которые выдвигают в фокус внимания читателя силу, стойкость, непобедимость немецкой военной машины: *Моц нямецкай зброі непакісная; Ад далекай поўначы да Міжземнага мора – знішчальныя удары на ворагу*.

На страницах оккупационной прессы также активно обсуждается бесчеловечное отношение к солдатам на фронте и жителям освобождённых территорий. При этом наблюдается сдвиг семантического фокуса «нападение – оборона», т. е. освобождение Красной Армией захваченных фашистами территорий позиционируется как «террористические атаки», в свою очередь, действия нацистов представляются как «оборонительные»: *Абаронны бой ля Сэрэту закончаны; Англа-амэрыканцы страляюць як дзічыну адданных бацькаўшчыне італьянцаў; Нягледзячы на агранічанья мэты гэтых атакаў, яны былі часта вельмі жорсткія; Злучэньні брытанска-паўночнаамэрыканскіх самалетаў ува учарашні дзень ... праводзілі свае тэрарыстычныя налеты на гарадзкі раён Букарэшту, чым выклікалі шкоды і страты сярод жыхарства*.

Таким образом, пропагандистские тексты белорусской региональной оккупационной прессы отличает семантический примитивизм, т. е. представление действительности в строгом соответствии с базовой семиотической оппозицией «свои – чужие». Употребление различных групп лексики при описании воюющих сторон способствует созданию простой, понятной любому читателю картины мира, направленной на то, чтобы убедить население сотрудничать с оккупационной властью.

Список использованных источников

1 Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. – Волгоград : Перемена, 1997. – 138 с.

2 Вершицкая, Т. Система общественных, политических и нравственных ценностей местного населения в регионе Барановичи – Слоним – Новогрудок (Западная Беларусь) в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) на страницах местных оккупационных периодических изданий / Т. Вершицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://navagrudak.museum.by/files/Values.doc>. – Дата доступа : 05.10.2017.

3 Глумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.skarnik.by/tsbm>. – Дата доступа : 05.10.2017.

4 Борьба с отрицанием Холокоста: истоки отрицания Холокоста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10007273> – Дата доступа : 05.10.2017.

Л. В. Валеева, М. С. Дёминова

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МЕТАФОРЫ
В ОППОЗИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ «ТРУД / ОТДЫХ»
(на материале русского прогностического текста)**

В статье дана характеристика лингвопрогностике. Представлены результаты описания семантического своеобразия метафор в прогностических текстах, систематизированы средства и способы метафоризации тематических групп «труд» и «отдых» в текстах астрологического прогноза.

Отвлеченная категория «будущее» представляет собой один из трех периодов, следующий за настоящим, и сопровождается разного рода ожиданиями до того момента, как произойдет конкретное событие. На основе данной категории возникает прогноз – уникальная информационная система, которая содержит как научные, так и творческие черты. Прогностический текст является «отражением определенной эпохи, аккумулируя в себе соответствующий социально-культурный уровень развития общества» [1, с. 4].

В современном культурном пространстве существует множество прогностических текстов различной тематики. Прагматическая установка данных текстов темпорально относится прежде всего к будущему и «включает в себя прогноз как тематическое ядро» [2, с. 207]. Прогностический текст может быть представлен в виде вербального, невербального или креолизованного речевого произведения.

С изучением прогностических текстов тесно связана новая отрасль языкознания – лингвопрогностика, в рамках которой языковой материал рассматривается с прогностических позиций в процессе текстопорождения и текстовосприятия. В основе лингвопрогностики лежит гипотеза о способности языковых единиц детерминировать появление других единиц. В рамках данного направления текст рассматривается «как особая – языко-речевая – форма материи, основным условием (способом) существования которой является движение, развитие» [3, с. 26].

В современной лингвистике наблюдается интерес к исследованию прогностического текста. В диссертациях В. И. Лопатиной (2005), Е. Р. Савицкайте (2006), А. А. Князевой (2011), О. А. Солоповой (2016) вводятся теоретические понятия, необходимые для описания феномена прогнозируемости; формируется подробная типология текстов прогнозирования; выявляются и описываются факторы, влияющие на прогностическое функционирование текстовых единиц; проводится комплексное исследование прогностических текстов с целью определения особенностей их семантики и способов речевого воздействия на реципиента.

Прогностическая текстовая единица аккумулирует колоссальный социогенетический, культурный, исторический опыт и обращается к различным видам знаний: от обыденного предвосхищения и желания до предопределенного и конструируемого будущего [4]. Современная система прогностических текстов соответствует сфере деятельности человека. Е. Р. Савицкайте выделяет следующие типы: тексты о предсказании будущего (прорицания, пророчества, предсказания, гадания); футурологические тексты (политические, экономические, социологические и др. прогнозы); метеорологические прогнозы; астрологические прогнозы (гороскопы) [1].

Астрологическому прогнозу как разновидности прогностического текста свойственно содержание предписания в отношении поведения реципиента в будущем или объяснение причин сложившейся в настоящем ситуации. Базовой чертой текстов астрологических прогнозов является наличие в них двух речевых актов: особого прогностического ассертива и директива. Е. Р. Савицкайте выделяет прескриптивный (побуждение, разрешение, приказ) и суггестивный (совет) директивы [1]. В связи с этим тексты гороскопов имеют среднюю степень прагматического воздействия.

Тексты астрологических прогнозов содержат большое количество метафор, обеспечивающих воздействие на реципиента. Метафора представляет собой ядро оценочной стороны прогностического текста: «высокая степень эмоциональной подвижности прогноза, обилие оценочных суждений вызывают к жизни концептуальные метафоры для моделирования ситуаций настоящей действительности и прогнозирования ее последствий» [5, с. 56].

Тексты гороскопов представляют собой корпус социально детерминированных сценариев, обращенных к сфере профессиональных и личных отношений. В нашем исследовании анализируются оппозиционные отношения между двумя монотематическими группами «труд» и «отдых», демонстрирующими полярные виды деятельности.

Рассматривая текст прогноза как набор элементов, отображающих социальную структуру, мы выявили ключевые единицы соответствующей тематической группы. В сценарии «труд» ядерными являются отвлеченные понятия *работа, труд, деятельность, карьера*. Выделены основные подтемы сценария: перемены, новые дела и перспективы; карьера; отношения с начальством, коллегами, партнерами.

Подтема «начинания и перспективы» тесно связана с концептом «успех». В текстах гороскопов утверждается, что воодушевление, испытываемое в процессе любого начинания, и уверенное выполнение профессиональных обязанностей подразумевает неременный успех. Метафоры, обозначающие успех в трудовой деятельности, в текстах астрологических прогнозов образованы с помощью собственно языкового знака *успех* и его форм: ***успех непременно придет***; с участием его лексических эквивалентов *выгода, интерес, благодарность* и под.: ***неделя будет благоприятна для начала нового дела***; пространственно ориентированных номинаций: ***уже со второй половины года дела постепенно пойдут в гору***.

В подтеме «карьера» отмечена частотность употребления в составе метафор лексемы *лестница*: ***новые знания и навыки помогут ему продвинуться по карьерной лестнице далеко вперед***; ***никакие препоны на пути по служебной лестнице вам не страшны***. В анализируемых текстах отмечена семантическая близость языковых элементов *успех* и *карьера*: ***период успешный для карьерных достижений***.

Подтема «отношения с начальством, коллегами» охватывает разнообразные сценарии: от социального одобрения профессиональной деятельности до получения прибыли: ***переговоры с партнерами обещают успешный результат***; ***возникнут по-настоящему доверительные отношения с руководством***.

Прогноз об изменении профессионального статуса и, как результат, изменении в финансах часто сопровождается метафорами с общей семой «движение»: успех в трудовой деятельности выражается с помощью метафор, обозначающих движение вверх, вперед и в направлении к реципиенту текста: ***деньги придут благодаря неустанному труду***; ***придут заметные достижения***; ***происходила профессиональная эволюция***.

Противоположные явления выражаются в гороскопах с помощью метафор с компонентами, обозначающими низшую точку чего-то: ***гороскоп не предвещает слишком существенных финансовых провалов***.

Неудачи в профессиональной деятельности проявляются в прогностических текстах при помощи метафор, обозначающих медленное движение или движение в обратном от реципиента направлении: ***дела идут медленно или совсем не продвигаются вперед***; ***деньги будут с трудом находить к вам дорогу***.

Сема *рост* является ключевой для метафор, связанных с профессиональной деятельностью и финансами, поскольку имеет широкую сочетаемость с ядерными и периферийными понятиями данной тематической группы в прогностических текстах. Метафоры, образованные при помощи данной семы, означают успех в карьере (при сочетании с ядерными понятиями) и увеличение доходов (при сочетании с периферийными понятиями): ***не останавливать свой карьерный рост***; ***рассчитывать на рост дохода***; ***творческая активность обещает не только рост дохода, но и популярность в обществе***.

Описанные метафоры (*карьерный рост, карьерная лестница* и под.) обладают высокой степенью клишированности и повторяемости. При анализе корпуса прогностических текстов были отмечены также метафоры, редко используемые в астрологических прогнозах данной

тематической группы, в то же время не являющиеся индивидуально-авторскими: *финансовые гуру, денежная сфера; финансовое затишье, фундамент успеха* и др.

Тексты астрологических прогнозов тематической группы «отдых» включают в себя ядерные понятия *отдых, досуг* и периферийные *хобби, путешествие, творчество* и др.

В гороскопах данной тематики характерно образование метафор с помощью языковых форм тематических групп «цвет» и «свет»: *тельцам не стоит ждать от окружающих, пока они проявят инициативу и раскрасят ваши будни; уже в июле вы без труда придумаете, как скрасить себе лето.*

Для текстов гороскопов, содержащих прогноз об отдыхе, характерно употребление метафор с компонентом *багаж* в значении ‘большое количество, много’: *отправляйтесь в какую-нибудь дальнюю страну <...> чтобы пополнить свой багаж эмоций; домой привезет багаж впечатлений, сувениры и поварскую книгу.*

В прогностических текстах данной тематической группы выделяется группа метафор, которые основаны на понятиях, обозначающих определенную захватническую политику. Характерной особенностью таких метафор в описываемых контекстах является восприятие их реципиентом как позитивного и желаемого прогноза: *контролируете ситуацию и готовы к творческой экспансии; Стрелец отправится покорять страну.*

В отличие от метафор, функционирующих в гороскопах профессиональной деятельности и финансов, метафоры тематической группы «отдых» редко образуют шаблоны и штампы, для них характерны также индивидуально-авторские метафоры: *суровая погода станет мощным катализатором Вашего воображения.*

Таким образом, в оппозиции метафор тематических групп «труд» и «отдых» прослеживаются следующие черты: для метафор, связанных с трудовой деятельностью, характерно использование моделей-штампов и преобладание лексем с семантикой успешности; метафорам тематической группы «отдых» свойственна эмотивная семантика цвета и света, квантитативная семантика большинства и агрессии, индивидуально-авторская импровизация.

Список использованных источников

- 1 Савицкайте, Е. Р. Дискурсивные характеристики прогностических текстов: на материале немецких гороскопов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Р. Савицкайте. – Воронеж, 2006. – 23 с.
- 2 Князева, А. А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов / А. А. Князева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 114. – С. 207–212.
- 3 Лопатина, И. А. Экспериментальное исследование прогностического функционирования текстовых единиц: на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Лопатина. – Кемерово, 2005. – 166 с.
- 4 Валеева, Л. В. Лингвопрагматические основания семантики мифемы в прогностическом тексте / Л. В. Валеева // Мова: науково-теоритичний часопис. – № 20. – Одесса : Астропринт, 2014. – С. 150–155.
- 5 Солопова, О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) / О. А. Солопова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2017. – № 46. – С. 55–70.

УДК 811.161.1'1'42

А. Н. Великий, Е. В. Ничипорчик

«БЕЗ РЕВОЛЮЦИИ» В ДИСКУРСАХ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются языковые структуры с компонентом «без революции», используемые носителями русского языка для выражения оценочного отношения к революции. Фактическую базу для исследования составили материалы Национального корпуса русского языка.

Февральская революция 1917 года и последующая за ней Октябрьская революция изменили ход исторического развития России. Оценочный эпитет *великая* вошел в официальное название революции большевиков, а день большевистского переворота стал официальным днем празднования Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время, время переосмысления прежних идеалов, споры политологов, историков, общественных и государственных деятелей, писателей, публицистов о значении Великой Октябрьской революции не прекращаются. В прошлом отношение к революции большевиков и к революциям вообще тоже было неоднозначным, в чем можно убедиться, обратившись к ресурсам Национального корпуса русского языка [1].

Чтобы сделать обозримым материал для лингвоаксиологического исследования суждений о революции в дискурсах прошлого и настоящего, мы обратились к текстам Основного корпуса, в которых фиксируется предложно-падежная форма *без революции*. Как известно, конструкции со значением отсутствия зачастую используются для выражения оценочного отношения к тем или иным объектам действительности [2, с. 257, 3]. Наши наблюдения подтверждают эту закономерность: найденные по соответствующему запросу контексты (106 вхождений предложно-падежной формы *без революции* в 80 документах) в большинстве своем несут оценочные смыслы. Эти смыслы подвергаются систематизации на основании использования носителями языка некоторых стереотипных форм выражения оценочных значений.

Положительное отношение к революции выражается, как правило, в структурах со значением невозможности. Учет грамматической и лексической семантики слов, используемых для обозначения того, что мыслится как невозможное без революции, а также языковых средств, избираемых для выражения модальности отрицания (частица *не*, безлично-предикативные слова *нет*, *невозможно*), позволяет дифференцировать частные синтаксические модели и соответствующие им обобщенные значения:

1) ‘без революции не изменить негативного положения дел’, уже – ‘без революции не повлиять на политическую ситуацию / не изменить прежних устоев’, ‘без революции не обойтись в борьбе с чем-либо закоснелым / антигуманным / регрессивным’: *Чрезвычайно образованный, исключительно трудолюбивый, Пестель десять лет своей жизни отдает писанию «Русской Правды» <...>. К своей задаче он подходит в одно и то же время как смелый революционер, и как осторожный вдумчивый политик, и как ученый. Убеденный, что **без революции России не сбросить ига абсолютизма, он принимается внимательно изучать историю западных революций** (Ю. В. Ключников. На великом историческом перепутье (1922)); *Ленин всегда учил, что **без революции рабочего класса невозможно свергнуть капитализм*** (История ВКП(б). Краткий курс (1938)); *Царь-то, оказывается, был слаб, труслив, ничтожен, правительство его продажно, **без революции обойтись нельзя было, революция в этих условиях – дело праведное!*** (Н. И. Ильина. Дороги и судьбы (1957–1985)); *А английский колониализм, а дикий расизм в Штатах? А угнетение Латинской Америки? Без борьбы, а точнее, **без революции тут ничего не изменишь*** (Я. Багров. Три разговора // «Звезда», 2002);*

2) ‘без революции нет / не будет / не может быть чего-либо положительного для общества’, уже – ‘без революции невозможны глубокие экономические / политические преобразования / невозможен прогресс’, ‘без революции не могут воплотиться идеалы / свершиться великие дела’ и др.: *Он твердо верует, что **без революции во Франции – Европа не двинется*** (А. И. Герцен. Былое и думы (1864)); *Мы основываем свои расчеты не на галлетовской обработке хлеба, а только на том, что уже существует у очень многих фермеров во Франции, в Англии, в Бельгии, во Фландрии, в Ломбардии и т.д. и что можно осуществить во всякое время <...>. Но **без революции ничего этого не будет** еще много лет спустя, потому что это совершенно невыгодно для тех, кто владеет землей и капиталом <...>* (П. А. Кропоткин. Хлеб и воля (1892)); *Я ясно видел, что **великие перемены, долженствующие передать все необходимое для жизни и производства в руки общества <...>, – не могут свершиться без великой революции***... (П. А. Кропоткин. Записки революционера (1902)); *Саша, мы поставили лозунгами дня: «**Без революции не может быть победы**». Сначала революция, удаление*

с Престола Николая и Александры Федоровны, созыв Учредительного Собрания, а тогда победа. Мы знаем настроения армии. Армия не верит Государю... (П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (1922)); **Без революции, без ленинизма нет и подлинного обретения родины, расцвета лучших национальных традиций в культуре!** (В. Чалмаев. Чувство семьи единой // «Огонек», 1970);

3) ‘без революции нет творческой / иной реализации личности’: Мне привелось читать некоторые статьи о Маяковском, написанные за границей, авторы которых пытаются доказать, что революция погубила поэта. Трудно придумать большую нелепость: **без революции не было бы Маяковского.** <...> А Маяковский революцию сразу понял и принял. Он был не только увлечен – поглощен строительством социалистического общества. (И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. (1960–1965)); **А вы без революции, ну кем бы вы были? Никем бы вы не были. Вас всех Сталин из грязи в князи...** (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).

Ряд структур, используемых для выражения положительной оценки революции, может быть продолжен. Например, предложно-падежная форма *без революции* отмечается в сочетании с краткой формой прилагательного *немыслимый*, правда, не всегда в этом случае под революцией понимается переворот в общественно-политических отношениях; сравн.: *Например, в том, что сегодня «революция» и «Россия» – это равнозначные и равновеликие понятия. Россия немыслима больше вне революции и **без революции*** (З. Прилепин. Санька (2006)); *Революция в науке немыслима **без революции** в сознании людей* (А. Гладилин. Прогноз на завтра (1972)).

Не меньшим является количество зафиксированных в Основном корпусе высказываний, в которых выражается неодобрительное отношение к конкретным революциям и к революции вообще. Какими бы ни были исторические условия, для улучшения положения в государстве, полагают многие, не могут быть использованы насильственные методы. Неслучайно, практически хрестоматийным стал в наше время фрагмент Вандейской речи А. И. Солженицына, в которой публицист выразил свое негативное отношение к революции, обратившись к этимону слова «революция»: «Да само слово “революция” от латинского “revolve” означает “катить назад”, “возвращаться”, “снова испытывать”, “вновь разжигать”, в лучшем случае – “переворачивать”. Незавидный перечень смыслов... Никакой стране никогда не пожелаю “великой революции”» [цит. по 4, с. 158].

Неодобрительное отношение к революции в высказываниях с компонентом *без революции* выражается неявно, оценочные смыслы выводятся логически на основании значений, реализуемых поверхностной структурой:

1) ‘желаемое, отражающее общественные идеалы и устремления, достижимо / может быть достижимо и без революции’; ‘и без революции прогресс возможен’: *Если цель – величие Франции, то эта цель могла быть достигнута и **без революции*** (Л. Н. Толстой. Война и мир (1867–1869)); *Англия, родина представительного правления и социального компромисса, выросла без революции, завоевала полмира* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина (1928–1935)); *Промышленное развитие? его можно достичь и без революции – пример тому США <...> Всеобщая грамотность? и без революции достижима* (Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)); *Крупнейшее по численности населения государство Средней Азии спокойно развивается – без бунтов, революций и погромов* (С. Долмов. Ислам против ислама // «Эксперт», 2013). Частица *и* в такого рода суждениях подразумевает, что пресуппонируемым является утверждение о необходимости, значимости революции;

2) ‘что-либо негативное для общества / регрессивное может быть преодолено / исправлено без революции’: **Без революций**, без удовлетворения специальным и малосостоятельным утопиям коммунистов, эволюционным путем, постепенно исправляются те недостатки, которые часто указывают в промышленности (Д. И. Менделеев. Заветные мысли (1903–1905)); *Так жесткий режим постепенно становился все мягче, размывался и к 90-м годам окончательно изменился – **без всяких революций и потрясений*** (Ирина Прусс, Федор Алексеев. Нhora по-такорийски «язык» // «Знание-сила», 2014);

3) 'лучше без революции': *Не лучше ли жить смиренно, аккуратно и быть счастливыми... без революций!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863–1874)); *Может быть для нас и было бы лучше без революции, даже наверно. Но теперь все равно ничего не поделаешь* (Георгий Песков (Е. А. Дейша). Шурик // «Новый дом», 1926).

Частотно употребление предложно-падежной формы *без революции* в однородном ряду со словами, называющими негативные явления: *В результате, полагал ныне покойный гуманист М. Голанский, человечество без войн, революций и вообще без всякого насилия дружно вступит в эпоху всемирного социализма* (А. Яковлев. Треугольнику Россия – Китай – Индия нужна стратегия дальних рубежей // «Проблемы Дальнего Востока», 2002); *Понятно, нас интересует чистый замер за лучшие годы индустриализации. Чтобы без революций, гражданских войн и прочих напастей* (Д. Орешкин. Век на месте // «Огонек», 2013).

Отмечаются высказывания, в которых выражается положительная оценка мнений, отрицающих ведущую роль революции в государственном преобразовании, а также положительная оценка политических лидеров, избирающих цивилизованные способы решения социальных проблем: *Попытка разрешать крупные недоразумения между различными народностями и между ними и государством в стенах парламента, без революции на улице, стоит внимания* (В. В. Верещагин. Листки из записной книжки (1898)); *Если капиталисты умны, система изменится без революции* (Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978–1980)).

Ставится под сомнение утверждение, что революция может обусловить реализацию личности: *И тем не менее никак нельзя заключить, что без революции все они не состоялись бы как ученые* (И. Рейф. Юность Выготского // «Знание – сила», 2009).

Отдельного внимания заслуживают высказывания, в которых отражается конфликт оценок, конфликт убеждения, лежащего в основе мотивации деятельности, и избранной поведенческой стратегии: *Знаешь, без революции нет жизни. А ведь революция – это террор* (Р. Б. Гуль. Азеф (1958)); *Положение ухудшается с каждым днем... Мы идем к пропасти. Революция – это гибель, а мы идем к революции. Да и без революции все расклеивается с чрезвычайной быстротой* (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)).

Анализ материалов Национального корпуса, ограниченный контекстами, содержащими в качестве компонента предложно-падежную форму *без революции*, позволил прийти к следующим выводам. Осмысление положительного значения революции соответствует в большей мере духу прошлого, тому времени, когда отчетливо осознавалась необходимость перемен и именно революция мыслилась как наиболее верное средство решения социальных проблем, условие, обеспечивающее поворот к прогрессивному развитию отдельного государства, многих государств. На протяжении всего периода существования СССР положительное отношение к Октябрьской революции культивировалось, вменялось новым поколениям. Однако и до, и после революции большевиков, а в настоящее время особенно находит отражение в дискурсах и иное мнение: революция – это зло, насилие, террор, все проблемы могут быть решены цивилизованным путем. Контрастность мнений своеобразно проявляется в языке: продуценты речи опираются на одни и те же модели, но с разными модусами – утвердительным и отрицательным: без революции не может быть прогресса и воплощения общественных идеалов / без революции прогресс и воплощение общественных идеалов возможны; без революции нельзя устранить регресса / без революции можно остановить регрессивные процессы. Проблема в том, что ни одно из этих мнений, на наш взгляд, не может быть признано верным без учета условий, в которых необходимо определиться с выбором пути.

Список использованных источников

1 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorgora.ru. – Дата доступа: 15.09.2017.

2 Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

3 Ничипорчик, Е. В. Опыт ценностного восприятия мира через призму отсутствия (на материале русских и итальянских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Фразеология = Phraseology = Phraséologie : сб. науч. ст. ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. – Вып. 1. – С. 167–191.

4 Михальская, А. К. Основы риторики / А. К. Михальская. – М. : Просвещение, 1996. – 416 с.

УДК 821.161.1-3'06:811.161.1'373

О. А. Головачева, С. В. Королевская

**СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА
В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «НА КРАЮ СВЕТА»**

Современными лингвистами исследовано большое количество лексем, содержащих компоненты колористического характера. В данной статье рассмотрены слова со значением цвета в произведении Н. С. Лескова «На краю света», выявлены особенности их лексических значений и роль в идиостиле автора.

Слова, включающие в свой состав семантические компоненты колористического характера, призваны сделать текст произведения ярким, насыщенным, чтобы читатели не только воспринимали авторское слово, но и смогли визуализировать произведение. Цветообозначения, выступая в качестве единиц языка, несут в себе культурную информацию, так как язык тесно связан с культурой, он «прорастает» в нее, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом [1, с. 63]. На данный момент цветообозначающая лексика исследована достаточно широко: описан ее состав (А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова), семантическая структура (А. А. Брагина, Е. А. Дивина, И. В. Макеенко), стилистические функции цветообозначений (Л. А. Качаева, Г. Г. Полищук). Цветообозначения изучались также в психолингвистическом аспекте (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина). В данной работе мы обращаемся к тексту произведения «На краю света» Николая Семёновича Лескова, в котором описывается однообразная жизнь людей крайнего севера с использованием палитры колоронимов. Однако автору удаётся передать многочисленные цветовые оттенки с помощью небольшого количества лексических единиц колористического спектра.

Цветообозначения отображены посредством колористических лексем различных лексико-грамматических разрядов. Это прилагательные *непроницаемый, непроглядный, красноватый, серый, голубой* и др.; глаголы *зардеться, синеть, сереть* и др.; а также имена существительные. У колоронимов данного типа цветообозначение присутствует на уровне потенциальных сем: *солнце, полутьма, звёзды, небо, огонёк, мгла, тьма* и др.

Из дефиниций толковых словарей следует, что семантическая наполненность ряда данных лексем содержит на уровне эксплицитных сем компоненты цветового регистра, напр.: *серый* – ‘цвет, который получается из смешения черного с белым’ [ТСУ 2013: 620]; ‘цвет пепла, дыма’ [ТСО 1983: 635]; ‘о цвете, примесь черного, темного к белому’ [ТСД 2012: Т.2, 181].

Цветовое обозначение здесь представлено компонентами ‘черный’, ‘белый’, ‘темный’.

Цветовое обозначение адъектива *красноватый* – ‘имеющий окраску одного из цветов радуги, ряда оттенков от розового до коричневого’ [ТСУ 2013: 251]; ‘цвет крови, спелых ягод земляники, яркого цвета мака’ [ТСО 1983: 268]; ‘по цвету: алый, чермный, червленной: кирпичный, малиновый, огневой’ [ТСД 2012: Т. 2,190] – представлено компонентами ‘розовый’, ‘алый’, ‘малиновый’.

Толковые словари русского языка дают тождественное значение лексеме *голубой* – ‘светло-синий, обладающий окраской небесного цвета’ [ТСУ 2013: 99]; ‘светло-синий, цвета незабудки’ [ТСО 1983: 123]; ‘светло-синий, лазоревый, ярко-небесного цвета’ [ТСД 1863: Т. 1, 327]. Цветовое обозначение представлено компонентами ‘светло-синий’, ‘лазоревый’.

В лексическом значении прилагательного *непроглядный* – ‘такой темный, что ничего нельзя разглядеть, непроницаемый для глаз’ [ТСО 1983: 361] – колористический характер слова передаёт сема ‘тёмный’.

Наиболее частотными для цветообозначения в произведении выступают имена прилагательные. Их небольшое количество, тем не менее, они способны передать цветовую палитру северных широт, дать ёмкое и точное представление об окружающей природе этого края, напр.: *серая мгла, серое утро, голубая гостиная, зарделись красноватые безлучные звёзды, непроглядная тьма*.

Группа глаголов, семантическая структура которых содержит компоненты цветового регистра, представлена следующими единицами, напр.: *синеть, сереть, зардеться*. *Синеть* – ‘виднеться (о синем)’ [ТСУ 2013: 623]. Цветовое обозначение представлено компонентами ‘синий’, ‘синеватый’. *Зардеться* – ‘стать румяным, покраснеть’ [ТСО 1983: 195]; ‘начинать рдеть, краснеть, багроветь’ [ТСД 1863: Т. 1, 561]. Цветовое обозначение представлено компонентами ‘багроветь’, ‘краснеть’. С помощью глаголов удаётся передать процесс изменения цвета, отразить динамику, напр.: *далеко синела на горизонте гряда леса* [3, с. 379], *зарделись красноватые безлучные звёзды* [4, с. 383].

Семантическая наполненность остальных рассмотренных нами лексем не содержит ярко выраженных компонентов колористического характера, поскольку они находятся в имплицитной зоне, напр.: слово *небо* – ‘бесконечное выпретенное пространство, окружающее землю нашу’ [ТСД 2012: Т. 2, 505]. В лексическом значении слова *небо* цветообозначение присутствует на уровне потенциальных сем. Слово *полутьма* – ‘тусклое, мрачное освещение’ [ТСУ 2013: 485]. Лексическое значение не включает колористический компонент, однако недостаточная освещенность предполагает наличие семы ‘тёмное’. Слово *солнце* – ‘центральное небесное светило нашей планетной системы, представляющее собою гигантский раскаленный шар, излучающий свет и тепло’ [ТСУ 2013: 640]. Здесь значение цвета представлено компонентами ‘светило’, ‘раскаленный’, которые передают читателю представление о ярком для визуального восприятия объекте. Слово *мгла* – ‘непрозрачный воздух (от тумана, пыли, сумерек)’ [ТСО 1983: 303]. Здесь компоненты лексического значения ‘непрозрачный’, ‘воздух’ транслируют внешнее состояние окружающего мира, его физические качества и свойства. Имена существительные, цветообозначение которых присутствует на уровне потенциальных сем, передают нам статичную картину мира в произведении.

Значимую роль в рассказе «На краю света» играют лексемы, содержащие компоненты колористического характера, поскольку они открывают читателю картину жизни людей, чуждую и одновременно удивительную. Николай Семёнович Лесков с помощью колоритов передаёт не только окружающую действительность, но и представление о народе, населяющем труднодоступные и холодные территории нашей необъятной родины. Цветообозначения фиксируют суровый климат, однообразие северной жизни, с их помощью нам легче не только представить бытовую сторону жизни северян, но и осознать духовные составляющие этих людей.

Список использованных источников

- 1 Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1997. – 656 с.
- 2 Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. / Н. С. Лесков. – Т. 1. – М. : Правда, 1989. – 335 с.
- 3 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1863–1866 (ТСД).
- 4 Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1983. – 815 с. (ТСО).
- 5 Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с. (ТСУ).

И. Г. Гомонова

ОТАНТРОПОНИМНЫЕ НОМИНАЦИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

*В статье анализируются существительные-компрессивы **сталинка** и **хрущевка**, выступающие в качестве социально и темпорально детерминированных номинаций типов домов и квартир. Предметом исследования являются условия употребления данных субстантивов в публицистическом и художественном дискурсе (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка).*

Язык как зеркало... Как зеркало окружающего мира, культуры, эпохи... О правомерности этой метафоры замечательно сказала С. Г. Тер-Минасова: язык «отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [1]. И далее: «Сравнение языка с зеркалом правомерно: в нем действительно отражается окружающий мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Язык отражает всё: географию, климат, историю, условия жизни» [Там же].

Действительно, язык отражает всё, в том числе быт людей, одним из важнейших элементов которого является дом – место, где проходит частная жизнь человека, где он моделирует свое жизненное пространство и выражает свое мироощущение.

Наиболее активно на все изменения, происходящие в общественном и индивидуальном сознании, реагирует лексика языка. «Каждый новый этап в развитии общественной жизни, – писал С. И. Ожегов, – накладывает свой отпечаток на словарный состав языка. Следовательно, на каждом этапе развития общественной жизни происходили изменения в соотношении лексических элементов, порождались новые черты лексической системы» [2].

Развитие словарного состава языка (появление новых слов и новых значений), перераспределение его активного и пассивного запасов и другие процессы изменения лексической системы ускоряются в переломные общественные эпохи, во времена социальных сдвигов, которые характеризуются серьезными трансформациями общественной жизни.

В такие исторические периоды (послереволюционные годы, сталинский период, время хрущевских реформ, брежневское «застойное» время, которое тоже начиналось... с реформ и т. д.) происходят качественные изменения и в жилищно-бытовой сфере, которые приводят к появлению новых, социально и темпорально детерминированных номинаций типов домов и квартир. К подобным названиям относятся существительные-компрессивы, у которых «в качестве “узлового” компонента в деривационном процессе» [3, с. 166] выступают фамилии руководителей Советского государства: дом, построенный в период правления И. В. Сталина (квартира в таком доме) – сталинский дом / сталинская квартира – *сталинка*; дом, построенный в период правления Н. С. Хрущева (квартира в таком доме) – хрущевский дом / хрущевская квартира – *хрущевка* ... *брежневка, андроповка, кировка, путинка, лужковка*...: *Это было на окраине Саратова, рядом с огромным заводом, кажется, подземных лодок, на котором работало огромное количество людей, живших в окрестье завода в одинаковых пятиэтажных домах, называемых... сейчас вспомню... по имени одного из деятелей двадцатого века... Ленинки? Сталинки? Брежневки? Неважно. В общем, такие дома с крохотными квартирками, без балконов, с тонкими и внутренними и внешними стенами* (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009).

Рассмотрим особенности употребления наиболее частотных из названных номинаций (*сталинка* и *хрущевка*) в публицистическом и художественном дискурсе на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [4].

Данные и аналогичные образования (*коммуналка, высотка, панелька* и т. п.) являются принадлежностью разговорного стиля, широко используются в разговорной речи, однако активно проникают в тексты других стилей. Распространенность таких номинаций в публицистическом стиле, их востребованность у публицистов позволяют говорить о развитии у данных слов соответствующей стилистической окраски.

Так, существительное *сталинка*, обозначающее ‘тип многоквартирных домов, сооружавшихся в СССР с конца 1930-х гг. до середины 1950-х гг., главным образом во время правления И. В. Сталина, преимущественно в стиле неоклассицизм (сталинский ампир)’ / ‘квартиру в таком доме’, представлено в текстах Основного корпуса НКРЯ 17 раз (кроме того, соответствующий конкорданс включает 9 контекстов с омонимами: *сталинка* ‘приверженка идей / политики Сталина’; *сталинка* ‘френч-китель, как у Сталина’; *сталинка* ‘шапка-ушанка, бывшая в обиходе при Сталине’), в текстах Газетного корпуса – 132 раза (фиксируется только один случай омонимии).

Какую же информацию мы можем получить о домах / квартирах сталинского времени из текстов НКРЯ? Во-первых, мы узнаем, что это дома от двух этажей и выше с разным количеством комнат в квартирах (чаще всего упоминаются трех-, четырехкомнатные квартиры, последние площадью 100 м², т. е. подчеркивается их большой размер), с коммунальными удобствами: *Изначально жилплощадь в 100 квадратных метров представляла собой обычную четырехкомнатную «сталинку» с высокими потолками* (Н. Тубольцева. «Иванушка» Олег Яковлев: Я выбрал квартиру за вид из окна // КП, 2004.04.12). В качестве отличительного признака квартиры-*сталинки* во многих контекстах называются высокие потолки: *Счастлив обитатель квартиры в «сталинке» – высокие потолки позволяют разместить наверху хоть люстру «из дворца»* (А. Кучук, Д. Скуржанский. Низкий потолок? Купи правильную люстру! // КП, 2007.02.20). Из анализируемых текстов узнаем также, что *сталинки* делятся на два типа: «номенклатурные» (для высших слоев советского общества) и обычные. Сравн.: *Строились эти дома при Сталине для большевистской элиты, потому и зовут их «сталинками», они и сейчас в цене* (С. Алексеевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013) – *Улицы застроены двухэтажными кирпичными «сталинками», которые за полвека ни разу не ремонтировались* (Н. Гранина. ТСЖ в розовом цвете // Известия, 2006.02.07). В целом контексты иллюстрируют преимущественно положительную оценку *сталинок*, содержат атрибутивы *престижная, добротная, элитная, крепкая, приличная* и др., сообщают о росте цен на квартиры такого типа: *Эталонным жильем остаются «сталинки»: в целом по городу «квадрат» в них самый дорогой* (Е. Аракелян. Почему дешевле не все жилье // КП, 2007.05.15). В частности, восторженные характеристики звучат в адрес московских сталинских высоток: *Самая известная, большая и красивая, населенная, естественно, звездными жильцами «сталинка» – это Дом на Котельнической набережной* (А. Русских. Что скрывается за помпезными фасадами сталинских домов? // КП, 2011.02.18). Положительная оценка домов / квартир сталинского времени во многих случаях выражается в сравнении с домами, строительство которых было инициировано Н. С. Хрущевым: *Власти отказываются объяснить нам хоть что-нибудь: почему, например, решили снести крепкую «сталинку», когда вокруг множество «хрущоб»* (Д. Лобков. Готовы к драке // Труд-7, 2006.06.30). В анализируемых контекстах практически отсутствует информация о сносе или реконструкции *сталинок*, что подтверждает длительный срок их эксплуатации.

Время домов в сталинском стиле, как известно, завершилась после принятия постановления о борьбе с архитектурными излишествами. В 1956–1960 гг. строились здания переходного типа (полусталинки-полухрущёвки («ободранные сталинки»)), в которых сочетались «сталинская» монументальность и практически полное отсутствие какого-либо декора. В первой половине 1950-х был взят курс на стандартизацию и удешевление жилищного строительства [5]. Начали строить дешёвые типовые *хрущёвки*.

Существительное *хрущёвка*, обозначающее ‘советские типовые серии панельных и кирпичных жилых домов, массово строившиеся в СССР с конца 1950-х по начало 1980-х гг. и

относящиеся к архитектуре функционализма', в Основном корпусе НКРЯ представлено 191 раз (фиксируются также 3 случая омонимии: *хрущевка* 'приверженка идей / политики Н. С. Хрущева'), в Газетном корпусе – 806 (!) раз (в двух контекстах представлены омонимы: кроме названного выше, *хрущевка* 'головной убор типа «пирожок», как у Хрущева').

Такое количество контекстов, включающих данное название, содержит богатую и разнообразную информацию о номинируемом объекте. Прежде всего, выражается негативная оценка *хрущевок* (часто в резкой, категоричной форме), речь идет о недостатках жилища такого типа: маленькой площади, тесноте (в частности, малогабаритной кухне, узком коридоре), проходных комнатах, низких потолках, совмещенном санузле, тонких («картонных») стенах и др.: *Правда, римские инсулы нероновками не называют, а малогабаритные пятиэтажки с низкими потолками и совмещенным туалетом мы называем «хрущевками» или даже «хрущобами»* (В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)); *Добро пожаловать в узкие коридоры, крошечные кухни и совмещенные санузлы. Детище эпохи оттепели, нелепое наследие эпохи коммунизма – панельные 5-этажки, построенные в 60-е годы с крошечными, тесными квартирами, прозванные в народе «хрущобами» или «хрущевками» – могут вернуться* (А. Александрова. Челябинские чиновники считают, что «хрущевки» свое еще не отжили... // Новый регион 2, 2010.09.24). Ярко выраженный малогабаритный характер *хрущевки* позволяет авторам использовать этот признак с целью сравнения: *Кузов оказался маленьким, как кухня в квартире-хрущёвке* (А. Иванов. Псоглавцы (2011)); *Ну не может к огромному рынку вести дорожка шириной с коридор в «хрущевке»!* (О. Бакушинская. Где нам грозит новая Ходынка? // КП, 2003.11.24). Субстантив *хрущевка* регулярно сопровождается в контекстах негативно оценочными атрибутами (*крошотная, крошечная, убогая, серая, старая, ветхая, убитая* и др.): *На стенах старенькой обшарпанной хрущевки на Перекопской улице, что на юго-западе Москвы, висит объявление: «открылся новый контактный зоопарк»* (А. Крылова. Москвичка поселила в своей квартире 239 собак // КП, 2014.05.28). Нередко такие квартиры перенаселены, люди в них не живут, а *ютятся* и *теснятся* (типичные для анализируемых контекстов глаголы): *Обладателям «хрущевок» остается только завистливо облизнуться: народу в их тесных клетушках и так хватает, но вот площади...* (В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)); *Все они дружно ютятся в кукольной двухкомнатной хрущевке* (О. Карпова. В Челябинске к семье с ребенком подселили зэков-рецидивистов // КП, 2008.12.16). Многие контексты с субстантивом *хрущевка* характеризуются уступительно-противительным значением: квартира плохонькая, но есть и какие-то положительные моменты. Напр.: *Хоть и хрущевка, зато есть горячая вода, теплый туалет и под каждым окном – отопительная батарея* (В. Мясников. Водка (2000)); – *А с жилплощадью у него как? – Однокомнатная хрущевка, – ответила тетка. – Но район хороший, да и соседи не очень вредные* (М. Милованов. Рынок тщеславия (2000)).

Н. С. Хрущев, как известно, обещал советскому народу, что в 1980 году на территории СССР наступит коммунизм, а до этого намерен был решить две важные проблемы – продовольственную и жилищную. Коммунизм так и не наступил, а срок эксплуатации временного жилья (статус *хрущевок*) пришлось продлить на неопределенный срок: *Наверное, каждый второй из собиравшихся жить при коммунизме и застрявших в хрущевках обязательно имел коричневый плащ, символ времени...* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)). В то же время несомненна и позитивная роль *хрущевок* для своего времени: *И пусть сегодня эти дома пренебрежительно называют «хрущёвками», тогда они олицетворяли счастье для миллионов семей – из подвала, из барака въехать в свою, отдельную, благоустроенную квартиру* (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева // «Наука и жизнь», 2008). А для многих граждан постсоветского пространства это и в более позднее время, и по сей день единственный вариант улучшить свои жилищные условия: *И пусть Хрущев строил не помпезные «сталинки», а малогабаритные «хрущёвки», даже сегодня для миллионов россиян, в том числе и москвичей, «хрущёвка» остается пределом мечтаний – а ведь прошло ПОЛВЕКА!* (Г. Пятов. Срочно куплю веру в светлое будущее! Оптом! Дорого! // КП, 2013.09.10).

Частотность лексемы *хрущевка* в текстах НКРЯ обусловлена также еще одной активно разрабатываемой в публицистическом дискурсе темой – необходимость реконструкции / сноса домов такого типа: *Дома, которые тогда возводились, ныне устарели по всем статьям, превратившись из желанных когда-то для людей малогабаритных, но симпатичных «хрущевок» в холодные, требующие реконструкции (а многие – сноса) «хрущобы»* (Л. Безрукова. Что нам стоит дом воздвигнуть? // Труд-7, 2002.10.16). Отсюда распространенность в газетных текстах генитивных сочетаний с субстантивом *хрущевка* (*реконструкция хрущевок, снос хрущевок, реновация хрущевок, расселение хрущевок, «реабилитация» хрущевок, обновление хрущевок*): *А через 9–10 лет начнется «великое расселение» и массовый снос хрущевок* (А. Смирнов. Когда снесут хрущевки? // Известия, 2011.01.14).

Идет время. На смену *хрущевкам* приходят *брежневки*, затем *андроповки*, *лужковки*, *медведевки*, *путинки* (вопреки анекдоту: – *Чем отличается путинка от сталинки, хрущевки и брежневки? – В трех последних можно жить, а первую – только пить!*). И это подтверждают контексты: *Так что, товарищ П. Чернышов, уж не знаем, в каком доме вы сами проживаете, в «хрущевке» ли, «брежневке», «андроповке» или «путинке» – но придется, видимо, пожить там до упора, в свете нынешнего неблагоустроенного благосостояния...* (В. Труба и др. «Встреча» держит ответ (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.04.30). Значит, модель работает, а активизируют ее социальные причины – главные причины изменений в словарном составе языка. Они же вызывают к жизни и архаизационные процессы, связанные с перемещением лексических единиц из активного запаса в пассивный. Язык живет, развивается и отражает...

Список использованных источников

- 1 Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова // Язык как зеркало культуры. Реальный мир, культура, язык. Взаимоотношение и взаимодействие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://polbu.ru/terminasova_language/ch08_all.html. – Дата доступа : 02.10.2017.
- 2 Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – М. : Высшая школа, 1974. – 352 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://libelli.ru/filol/lang_nv/ozhegov.htm. – Дата доступа : 05.10.2017.
- 3 Петров, А. В. Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом *-к-а*) / А. В. Петров // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Т. 15 (54). – 2002. – № 4. – С. 160–173.
- 4 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru/>. – Дата доступа : 30.09.2017.
- 5 Сталинка // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сталинка>. – Дата доступа : 02.10.2017.

УДК 811.161.2'38:070(477)

Е. С. Григоренко

СТИЛИСТИКА УКРАИНСКИХ СМИ В ПЕРИОД ОСТРОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В статье рассматриваются лексические и стилистические особенности русскоязычных украинских СМИ в период острого политического и экономического кризиса. Наиболее яркими чертами представляются расширение словарного запаса, активизация военной лексики, появление неологизмов и аббревиатур.

Русский язык в современном мире имеет почетную характеристику высокоразвитого литературного языка. Имея престижный статус языка международного и межгосударственного

общения, он является одновременно языком мировой культуры и науки. С другой стороны, язык является зеркалом современного общества.

Пожалуй, нигде более нет такой тесной связи языка с жизнью, как в массмедиа. Язык СМИ – это лакмусовая бумажка, своеобразный тест состояния самого языка [1, с. 81]. Массовая коммуникация, обязанная своим развитием в современном обществе ряду технических завоеваний, широко отражает сложные формы речевого общения и взаимодействия, а также структурное своеобразие того общества, в котором оно осуществляется. Именно этим и определяются основные особенности языка СМИ. Эти тенденции обусловлены прямой и открытой авторской оценочностью события, своеобразным характером использования языковых средств, разнообразием жанров. Язык массмедиа обращен к массовому читателю, пользователю Интернета, ориентируется на его речевые навыки и поэтому консервативен, и в то же время он характеризуется легкой проницаемостью. Язык СМИ является посредником между живой речью и литературным языком.

Украинские средства массовой информации отражают реалии современной Украины «от прямых участников политического процесса до опосредованных украинских фольклорных, культурных и литературных аллюзий» [2, с. 2]. Бесспорно, сегодня средства массовой информации во многом определяют языковую политику. Имея высокий престиж и самые современные средства распространения, язык СМИ играет в обществе роль своеобразной модели национального языка, и, что особенно важно, он активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения.

Резкие перемены и катаклизмы в общественной и политической жизни Украины последних лет спровоцировали определенную нестабильность лексической и стилистической систем русского языка. Необходимо отметить, что особенно яркие и весомые изменения в языке средств массовой информации происходили и происходят в начале XXI ст. Поскольку, как справедливо отмечает украинская исследовательница Т. В. Кузнецова, «особое значение СМИ приобретают в кризисные, переломные моменты эпохи, когда в обществе происходят процессы трансформации / деформации социально важных ценностей, вытеснение общечеловеческих доминант на нижние ступени ценностной шкалы» [3, с. 140].

А так как Украина за последнее десятилетие превзошла все европейские страны по количеству политических, экономических и локальных конфликтов, то все эти процессы и особенности проявились и проявляются особенно ярко, а порой и брутально. Сложно не согласиться с обоснованным утверждением известного российского лингвиста И. Стернина, что «изменилось коммуникативное ядро русского лексикона» [4, с. 15]. Наблюдение за языком русскоязычных украинских СМИ последних двух лет позволяет говорить, прежде всего, о значительном расширении и увеличении словарного запаса.

В связи с военным конфликтом на востоке Украины в массмедиа активно вошел целый пласт военной лексики: *стрелковое оружие, системы залпового огня, танки, бронетехника, мины, гранаты, бойцы, бронезилеты, война, блокпосты, артобстрелы, пленные* и т. д. Не менее частотно используется лексика, которая уже вышла из употребления и считалась архаичной: *коктейль Молотова, ополченцы, землянка, буржуйка* и т. п. Военная лексика звучит ежедневно во всех новостных программах центральных каналов, которые начинаются, как правило, сводкой из зоны конфликта.

Широким потоком в украинские СМИ вошел огромный пласт лексики, характерной только для массмедиа стран, в которых происходят военные и межнациональные конфликты. Приведу наиболее яркие и частотные примеры: *оккупированная территория, мобилизация, беженцы, переселенцы, раненые, пострадавшие, убитые, взрывы, активизация военных действий, потери, гуманитарная помощь, агрессор, сепаратисты, боевики, наемники, груз 200, наблюдатели миссии ОБСЕ, волонтеры* и т. д. Эта лексика, в отличие от военной терминологии, появляется не только на центральных каналах, но и в региональных, а также в электронных СМИ. В качестве примера приведу несколько заголовков репортажей и статей: «*Очередной борт с ранеными в зоне АТО прибыл в Одессу*», «*Закарпатский регион принял более*

500 семей беженцев из Донбасса», «Харьковская мэрия выделила переселенцам из Донбасса материальную помощь», «Украинские волонтеры готовят новогодние подарки для бойцов АТО», «Германия изготовит современные протезы для раненых бойцов Украины».

Анализируя лексические процессы в украинских СМИ последних лет, следует остановиться на появлении новых аббревиатур в массмедийном пространстве. Их не так много: ДНР – Донецкая народная республика, ЛНР – Луганская народная республика и АТО. Последняя аббревиатура заслуживает особого внимания.

Итак, АТО – антитеррористическая операция, официальное наименование властями Украины вооруженного конфликта на востоке Украины. Что такое АТО, в стране узнали после заявления депутата Верховного Совета Геннадия Москаля о том, что бывший руководитель СБУ планировал АТО для зачистки Майдана. Сейчас же это слово имеет для украинцев совершенно иной смысл и ассоциируется с большой бедой. Особенно это почувствовали жители восточных областей. Если говорить о четком и точном определении слова АТО, то аббревиатура расшифровывается как *антитеррористическая операция*. Иначе говоря, подразумевается комплекс мер и методов, направленных на предотвращение или пресечение террористических актов в определенной местности или регионе. Однако по прошествии 7–8 месяцев политологи выразили сомнение в уместности именно этого названия как определения трагических событий на востоке Украины. Не может столь долго продолжаться операция, в которой задействованы с обеих сторон тяжелая военная техника и большое количество участников. В обиход вошли слова *военный конфликт* и *война*. Тем не менее аббревиатура АТО стала активной, вошла в лексикон современных украинских СМИ и используется в составе частотных устойчивых словосочетаний, как, например, *зона АТО, участник АТО, погибшие и раненные в АТО, штаб АТО*. Следует также отметить устойчивые эпитеты к слову *война*. Политологи и обозреватели не могут прийти к единству, какая же война идет на востоке страны. Мы читаем и слышим: *гражданская война, гибридная война, захватническая война, межэтническая война, необъявленная война, внутренняя война* и т. д. И сегодня руководство страны не пришло к единому мнению, как определять трагические события, происходящие в течение уже более двух лет на Донбассе.

Говоря о неологизмах, вошедших в украинские СМИ, необходимо остановиться на слове *киборг*. В «Современном словаре иностранных слов» это понятие толкуется как *воин-робот*. В Украине *киборгами* называли бойцов, которые защищали Донецкий аэропорт им. Прокофьева. Отчасти это название появилось потому, что многие из них воевали в бронежилетах с высокими воротниками и в защитных очках-сферах. Кроме того, они держались довольно долго, противоборствуя значительно превышающим их по численности вооруженным формированиям ДНР. В украинских средствах массовой информации слово *киборг* в последнее время стало синонимом таких понятий, как *герой* и *патриот*.

Поскольку последние несколько лет отмечены в Украине не только конфликтом на востоке страны, но и глубоким политическим и экономическим кризисом, естественно, что лексикон украинских СМИ наполнен политической лексикой и словами, активно входящими в речевое обращение в период экономической нестабильности.

Относительно политической лексики необходимо отметить частотность и активность таких слов, как *выборы, перевыборы, импичмент, Конституция, реформы, Евросоюз, евро-зона, безвиз, политическая нестабильность, люстрация* и т. д. Новых слов в украинских средствах массовой информации не столь много, однако они яркие и своеобразные, например, *ленинопад* (сношение памятников Ленину) и *декоммунизация*. И если слово *ленинопад* уже теряет свою активность в СМИ, то *декоммунизация* по-прежнему часто встречается и в прессе, и в многочисленных политических ток-шоу на центральных и региональных каналах. В качестве примера можно привести несколько заголовков газетных и электронных статей: *«Со щита на памятнике «Родина-мать» в Киеве демонтируют герб СССР», «Город Ильичевск не желает менять свое название», «Более 40 населенных пунктов в Одесской области переименовуют в процессе декоммунизации», «В Кировограде состоялся митинг противников декоммунизации», «Декоммунизация по-стахановски».*

Острые экономические проблемы по-прежнему являются одной из ведущих тем массмедиа, так как, по мнению европейских и украинских экспертов и экономистов, кризис в стране продолжает углубляться: растет инфляция, реформы идут крайне медленно, народ нищает. Средства массовой информации насыщены словами *инфляция, очередной виток подъема цен, увеличение тарифов на коммунальные услуги, резкое снижение уровня жизни, рост доллара и евро, транзитная война* и т. д. Украинские СМИ изобилуют словами *взятка, экономические преступления, коррупция, Международный валютный фонд, очередной транш от МВФ*. В заголовках статей и репортажей эта лексика стала весьма частотной, например, *«Еще один чиновник Одесской области уличен во взятке», «Реформы в Украине скорее мертвы», «В отношении бывшего сотрудника Киевской мэрии возбуждено уголовное дело по коррупции», «За экономические преступления под домашний арест взят бывший депутат Верховной Рады»*.

Анализируя украинские СМИ, нельзя не остановиться на особенностях одесских массмедиа. Известный русский журналист XIX ст. Вл. Дорошевич назвал одесский язык восьмым чудом света: язык Одессы многофункционален. Прежде всего, он обладает неоспоримым ироническим эффектом уже по способу словообразования. Именно этой его особенностью всегда блестяще пользовались одесские журналисты, многие из которых впоследствии стали известными писателями – Бабель, Ильф и Петров, Паустовский и др.

Ирония и сарказм в той или иной степени всегда были характерны для одесских СМИ. В качестве примера можно привести заголовки статей одесских печатных и электронных массмедиа. Характеризуя небывало обильный снегопад, одна из одесских газет вынесла в заголовок вопрос *«Ну и как вам такая зима?»*; другая, реагируя на участвовавшие пожары офисов и ресторанов в городе, выносит такой вердикт в обозрении: *«Если в Одессе что-то горит – значит это кому-то нужно»*; анализируя борьбу с коррупцией одесского губернатора Михаила Саакашвили, одна из электронных газет озаглавила свой репортаж фразой одесского чиновника *«Сажать и сажать, не дожидаясь весны»*. Естественно, что речь идет не о начале посевной кампании, а о решительной борьбе со взяточничеством. Сложно сказать, чего в этой фразе больше – иронии или чисто одесского юмора. Конечно, было бы ошибочно утверждать, что одесские СМИ пестрят лишь юмором, иронией и сарказмом. Как и все украинские массмедиа, они отражают сложные и противоречивые процессы, происходящие в стране, уделяя при этом все же основное внимание событиям в городе и области. Так, взрывы в офисах волонтеров, военкоматах, банках и жилых домах, третирующие одесситов в течение всего 2016 года, широко освещались во всех одесских СМИ. Практически еженедельно со страниц не сходили подробные репортажи о драматических событиях в разных уголках Одессы. К счастью, от прогремевших многочисленных взрывов не погибли и не пострадали люди. И после очередного теракта в жилом доме в центре города журналист, проживающий в соседней квартире, охарактеризовал драматическое событие так: *«У нас все в порядке: нанесен лишь материальный ущерб, ни врач, ни гробовщик нам не понадобились...»*. Эта горькая шутка была подхвачена всеми одесскими СМИ и на следующий день уже «гуляла» по городу.

Завершая краткий анализ русскоязычных украинских СМИ, необходимо отметить и такую важную их особенность, о которой пишет Т. Кузнецова. «К сожалению, – констатирует автор, – современные массмедийные сообщения превратились в сводки негативных новостей, которые переполнили теле-, радиоэфир, Интернет, прессу» [2, с. 143]. За последние годы ситуация еще более обострилась: украинские СМИ ежедневно утверждают, что мир просто обезумел и все летит в пропасть. Аргументом могут служить заголовки статей «КП» в Украине за последние две недели 2016 года: *«Херсон на пороге гражданской войны», «Сейчас лютует вирус, вызвавший 100 лет назад легендарную “испанку”, «Как вести себя в условиях повышенной опасности?»», «Люди надеются на мир, но чудеса не ждут», «Экономические итоги 2016: с космической инфляцией, но без веерных отключений», «Даже самые отчаянные волонтеры боялись к нам ездить», «Жильцы дома проснулись от жуткого скрежета, а потом завыли собаки»*. Следует отметить, что эти заголовки вынесены на первые страницы наиболее популярной в стране газеты и выделены крупным красным шрифтом. Таким образом, можно

утверждать, что украинские СМИ ежедневно и ежечасно обрушивают на моих соотечественников массу негативной информации, убеждая их, что ничего позитивного в стране не происходит, да и будущее не сулит украинцам ничего хорошего.

Итак, проанализированные выше черты русскоязычных украинских СМИ определяют специфику и особенности русского языка в Украине. А принимая во внимание бурные процессы, происходящие практически во всех регионах страны, сегодня крайне сложно согласиться с предположением российского ученого И. Стернина, что «в течение двух-трех ближайших лет русский язык ожидает период стабилизации» [4, с. 16].

Список использованных источников

- 1 Аветисян, Н. Г. Язык СМИ как фактор развития общества / Н. Г. Аветисян // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 80–85.
- 2 Озерова, Н. Г. Украинизмы в русской газетной речи на рубеже тысячелетий / Н. Г. Озерова // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. – № 5. – С. 2–4.
- 3 Кузнецова, Т. В. К проблеме определения аксиологической сущности СМИ / Т. В. Кузнецова // Стилистика завтрашнего дня : сборник статей к 80-летию профессора Г. Я. Солганика. – М., 2012. – С. 136–150.
- 4 Стернин, И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 4–16.

УДК 81'373.612.2

Т. В. Громова

МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ, ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

В статье предлагается обзорно-аналитическое осмысление и анализ функций метафоры в аспекте взаимосвязи культуры и языка в их пространственно-временном измерении. Особое внимание уделяется проблеме базовых метафор наподобие «мир – это текст» как одного из кодов культуры.

Метафора представляет собой неотъемлемую часть мыслительной и языковой сфер человеческого бытия, что объясняет большой и долговременный интерес ученых к её исследованию. Вопрос о природе и сущности метафоры был поставлен еще со времен античности, когда данное явление определяли как троп, средство, служащее украшением речи. С середины прошлого столетия интерес к метафоре заметно возрос, увеличилось многократно и количество работ, посвященных этой проблеме. Но, несмотря на большое количество публикаций, очень многое, что касается метафоры, остаётся актуальным как в исследованиях зарубежных учёных, так и у нас в стране.

Проблемное поле метафоры весьма широко, но одной из самых популярных является проблема так называемых базовых метафор.

Цель нашей работы заключается в осмыслении и анализе функций метафоры в аспекте соотношения культуры, языка и эпохи, точнее – в их корреляции, так как данные измерения взаимосвязаны между собой, связаны с формами сознания, отражающими мировоззрение человека и общества в целом.

К концу XX в. метафору стали рассматривать как более сложное и значимое явление, по сравнению с тем, как к этой проблеме относились ранее. С этого времени было установлено, что она соединяет в себе язык, культуру, науку, жизнь, весь мир. Исследователи пришли к выводу о том, что метафора представляет собой универсалию сознания, формирует особое

метафорическое видение мира. Отсюда – известное в науке предположение о том, что протоязык был метафорическим, а сама протокоммуникация осуществлялась именно на метафорическом уровне.

Метафора – универсальное и самое загадочное явление в языке, она присуща всем языкам. Существует даже лингвистическое утверждение, что весь наш язык – это кладбище метафор [1, с. 89].

За многие сотни лет было дано множество определений метафоры, большая часть из которых отсылает к аристотелевскому изречению: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2, с. 39].

Возникновение метафоры в языке отождествлено с мировоззренческой системой носителей этого языка. Из этого следует, что метафора – модель выводного знания, модель выдвижения гипотез [1, с. 89].

Метафору можно назвать путеводной нитью мышления и познания мира, она передает значение фундаментальных культурных ценностей, будучи основанной на культурно-национальном мировидении. Как отмечал Дж. Вико, метафора, функционируя в языковом мифотворчестве, является узлом, что связывает вместе язык, мышление и культуру [1, с. 91].

Культура – это система, а любую систему можно представить в виде программы. Всякая программа, как и всякая коммуникация, нуждается в системе знаков, а они, в свою очередь, в коде, который хранит записи и передает информацию. В нашем случае это называется культурным кодом, который «кодирует» культурные смыслы. Его необходимость заключается в прочтении культурных текстов. В культуре одну из ведущих ролей в создании такого кода играют именно базовые метафоры.

Базовые метафоры охватывают два измерения: *временное* и *пространственное*, что перекликается с двумя функциями культуры: трансляции и хранения культурной информации.

Временное измерение разделяется на два вида: *архаические метафоры* и *метафоры эпохи*. *Архаические метафоры* выражают фундаментальные характеристики бытия, отвечающие за восприятие жизни. Они представляют принцип единства вселенной, дают основополагающую интерпретацию реальности и являются основой возможности ее концептуального познания. *Метафоры эпохи* выражают стереотипизированный конкретно-исторический опыт, коллективное переживание мира в сознании эпохи. Эпоха создает метафоры, постоянно пребывая в поиске ответа на вопрос о форме и способе существования мира. Эпохальность является одной из самых значимых черт метафоры, поэтому данный вид интересует нас в рамках нашего исследования в первую очередь.

Обратимся, в частности, к функционированию базовой метафоры «мир – это текст» (на месте «текста» могут быть любые явления, которые мы можем «прочитать»).

В христианской традиции мир истолковывался как творение Бога, явившего себя людям в Священном Писании («И сказал Бог» – «И стало так»), откуда и берёт начало параллелизм природы и Библии как двух «книг» одного и того же Творца. «Да будет книга тебе божественной страницей, чтобы ты услышал это, да будет книга тебе шаром земным, чтобы ты увидел это. В тех книгах читают только те, кто познал буквы; в целом свете умеет читать и невежда» (Августин (354–430)) [3].

В средневековье мир, история и природа представляются письменами, что следует прочесть. Достаточно вспомнить произведение Симеона Полоцкого «Мир есть книга»:

*Мир сей преукращенный, книга есть велика,
юже словом написа всяческих владыка.*

*Пять листов препространных я ней ся обретают,
яже чудна писмена в себе заключают.*

*Первый же лист есть небо, на нем же светила,
яко письма, Божия крепость положила.*

*Второй лист огонь стихийный, под небом высоко,
в нем яко писание силу да зрит око...*

Сравнение природы с книгой, которую человек должен прочесть, запечатлелось в выражениях: «*Librum naturae legere*», «*ad intellegendum naturae librum*».

Базовая метафора «мир – это текст» вообще универсальна для любой эпохи, сравн.:

Страницы века громче

Отдельных правд и кривд.

Мы этой книги кормчей

Простой уставный шрифт (Б. Пастернак, «Безвременно умершему»).

Из эпохальных метафор советского времени (с его доминирующей военной метафорикой, когда мир представлялся как нескончаемая борьба / битва – за существование, с врагами мирового капитализма, с разрухой, голодом и неграмотностью; против кулачества, с левым и правым уклоном в ВКПб, за выполнение плана, за урожай и др., а общество как армия – советской интеллигенции, партийных, советских работников, инженеров, агрономов, учителей, врачей, студентов, учащихся и пр.) [4, с. 65–71] можно вспомнить следующие:

Я хочу,

чтоб к штыку

приравняли перо.

С чугуном чтоб

и с выделкой стали

о работе стихов,

от Политбюро,

чтобы делал

доклады Сталин (В. Маяковский, поэма «Домой!»);

В курганах книг,

похоронивших стих,

железки строк случайно обнаруживая,

вы

с уважением

ощупывайте их,

как старое,

но грозное оружие (В. Маяковский, поэма «Во весь голос»).

В постсоветской реальности данная базовая метафора также не утрачивает актуальности: «*Марк строил свою жизнь, как страницу будущей истории России, создавая собственный образ в качестве самого перспективного предпринимателя и героического труженика страны*» [5]. Неудивительно, что и в век компьютерных технологий возникло множество метафор, восходящих к анализируемой базовой: *Весь мир гипертекст, а люди в нём редакторы; Мир – Гипертекст, соответственно люди – Слова* (из интернет-форумов).

Пространственное измерение выражается в этнокультурных и локальных метафорах.

Этнокультурные метафоры – определенный способ членения реальности, система ценностей, мифологическая концепция, которые приняты в конкретном этнокультурном сообществе. Этнокультурные метафоры являются ключом, который открывает нам двери к национальной модели мира. Этот тип метафор отличается привычностью, стертостью, носители языка часто даже могут не заметить, что использовали в речи именно метафору. Это может быть свидетельством того, что рассматриваемые метафоры выполняют функцию знака в процессе коммуникации.

Локальные метафоры – это выражения, появившиеся изначально в определенном регионе и получившие впоследствии распространение в конкретных областях деятельности человека. Поэтому их характерная черта – многообразие. Именно локальные метафоры участвуют в создании территориальных онтологий и парадигм [6].

Таким образом, в современной науке метафора рассматривается как более сложное и важное явление, по сравнению с тем, как ее видели ранее. В культуре она представляет собой сложный механизм, который несет ответственность за образование целостного образа мира.

Метафора играет роль инструмента трансляции уже имеющегося социокультурного опыта для создания нового. Особая роль в этом принадлежит так называемым базовым метафорам, реализующимся в виде целых парадигм образов, связывающим воедино национально-культурный пространственно-временной континуум.

Список использованных источников

- 1 Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 183 с.
- 2 Аристотель. Поэтика / Пер. Н. И. Новосадского. – Л. : Academia, 1927. – 120 с.
- 3 Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 896 с.
- 4 Стоянова, Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации / Е. Стоянова. – Шумен : Университетско издателство «Епископ Константин Преславский», 2013. – 276 с.
- 5 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> – Дата доступа : 12.10.2017.
- 6 Свирепо, О. А. Метафора как код культуры : дис. ... канд. филол. наук : 24.00.01 / О. А. Свирепо; РГУ. – Ростов-на-Дону, 2002. – 162 с.

УДК 811.161.3'373.423

Н. І. Гушча

АСАБЛІВАСЦІ АНТРАПАНІМІКОНУ РАМАНА УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА “КАЛАСЫ ПАД СЯРПОМ ТВАІМ”

В статье рассматриваются особенности собственных имён в романе Владимира Короткевича «Колосья под серпом твоим». Приведена классификация имен. Проанализированы особенности сочетаемости антропонимов.

Асаблівасць таленту Уладзіміра Караткевіча – і паэта, і празаіка, і публіцыста – у тым, што ён сучаснасць вымяраў гісторыяй, мінулае бачыў у адлюстраванні дзён сёняшніх [4, с. 79]. Яго творчасць цікавіла шматлікіх беларускіх літаратараў і мовазнаўцаў. Значная роля ў вывучэнні гістарычнай прозы гэтага класіка належыць А. Мальдзісу, А. Вераб'ю, А. Лойку, а мову яго твораў аналізавалі А. Васілеўская [3], В. Шур [10; 11], С. Бут-Гусаім [2], І. Петрачкова [7], Т. Слесарава [8], І. Зуева [5], В. Іўчанкаў [6] і інш.

У рамане ўжыта 486 самых розных уласных найменняў. Прычым колькасць мужчынскіх імёнаў (171) значна перавышае колькасць жаночых (31), што абумоўлена як самім зместам твора, так і тым фактам, што ў час, апісаны ў рамане, дамінуючае становішча ў грамадстве займаў мужчына.

Багацце і разнастайнасць антрапанімічных адзінак у рамане таксама абумоўлены жанрава-стылістычнай спецыфікай гістарычнай прозы. Аўтар уводзіць іх ў твор, каб праўдзіва паказаць старонкі мінуўшчыны, перадаць дух і каларыт эпохі. Антрапонімы ў рамане – гэта своеасаблівая павязь часу мінулага і сучаснасці.

Аналіз ужывання імёнаў у рамане “Каласы пад серпом тваім” сведчыць, што Уладзімір Караткевіч выкарыстоўваў іх не толькі дзеля звычайнай ідэнтыфікацыі літаратурных персанажаў, выдуманых ці перанесеных з рэальнага жыцця, а з глыбокім пачуццём мастацкай мэтазгоднасці.

Самую вялікую групу ў творы складаюць простыя, аднаслоўныя найменні: уласнае імя ці прозвішча (*Алесь, Майка, Віктар, Антаніда, Гелена, Загорскі, Раўбіч, Корчак, Хаданскі*): *Алесь убачыў перш за ўсё вузкія, зеленаватыя, як у рысі, вочы пад пясочнымі*

брывямі, храшчаваты нос і маладыя, але ўжо шчэцістыя вусы і бакенбарды [1, с. 15]; Дык вось, дванаццатага ліпеня Віктар з універсітэта звольніўся, і мы адразу паехалі “жалежным зміем” у Пецяярбург [1, с. 63].

Ужытыя ўласныя імёны перадаюць адносіны аўтара да носьбіта імені. Найбольш часта Уладзімір Караткевіч выкарыстоўваў імёны з суфіксамі суб'ектыўнай ацэнкі (Анежка, Паўлюк, Данька, Андрэйка, Ядвінька, Мішка, Пятрок, Янька): Дзяцей у Карна не было, і таму Анежка шкадавала паніча, частавала звыклым: арэхамі, праглымі на сланечкавым алеі [1, с. 67]; Такі гарэзнік, а кароў не байца. – Не буду, Янечка, – сказаў Данька, усміхаючыся. – Дальбог, не буду, гаспадынечка [1, с. 115]. Такім выкарыстаннем пісьменнік выяўляе сваю павагу да дзяцей, сялян, простага люду.

У структуру антрапанімічнага поля мастацкага твора ўваходзяць імёны, якія песна звязаны з ядзернай структурай анамастыкону – імёнамі галоўных герояў – і з'яўляюцца найбольш частотнымі ў творы: Алесь, пан Юры, пані Антаніда, Майка, Корчак: А пан Юры тым часам вёў Алеся праз танцавальную залу, авальную, з тонкімі белымі калонамі і басы аркестр [1, с. 98]; Невядома, як гэта выйшла, Алесь яшчэ за хвіліну зусім не хацеў гэтага, – але ён стаяў ля Майкі і працягнуў гэтай агіднай зласлівіцы сваю руку... [1, с. 102]. Каляядзерная структура антрапанімічнага твора складаецца з такіх антрапонімаў: Валугеў, Мураўеў, Акім, Даніла, Раман: Сядайце, Пётр Аляксандравіч. Вып'еце на надвор'ю? І хоць піць з раніцы было дрэнным тонам, Валугеў не палічыў за магчымае адмовіцца [1, с. 116]; Алеся пагражае спачатку Корчак, потым Мусатаў. Аднак Загорскі вывеў з-пад удару людзей. Ён едзе дамоў, пад “хатні арышт”, які, трывожачыся за князя, наклаў на яго Ісленьеў [1, с. 119].

Частотнасць ужывання некаторых імёнаў сведчыць пра іх прыналежнасць да ядзернага кампанента. Напрыклад, імя Алесь засведчана ў 355 ужыванняў; Майка – 109; пан Юры – 83; Даніла Вежа-Загорскі 76; а прозвішча Валугеў, як перыферычнага героя, засведчана 17 разоў, Мураўеў – 10; Акім Загорскі – 12.

Імя Алесь – найбольш частае ў рамане. Ён – галоўны персанаж рамана. Загорскага можна ўспрымаць як гістарычную асобу, але пры гэтым не трэба забываць, што гэта ідэалізаваны, а не канкрэтны герой, як пісаў Анатоль Верабей. Ён абудзіць родную зямлю ад доўгага сну, верне яе да жыцця. І хаця Алесь не робіць нейкіх звышнатуральных учынкаў, ён – рамантычны герой, бо ў яго душы спалучаюцца рысы сапраўднага змагара за народнае шчасце і наіўнага летуценніка, які верыць у ідэалы добра і справядлівасці, змагара, які выяўляе памкненне ўсіх пакаленняў: вольна, свабодна жыць на роднай зямлі: – Ведаеш, Мсціслаў, – сказаў раптам Алесь, – сэрца не вытрымлівае, калі глядзіш на ўсё, што вакол. Так шкада гэтых бедных людзей, гэтую сірату-зямлю [1, с. 228]; Песні нашы затаўклі ў гразь, талент распялі, гордасць аплявалі. Усё забралі: зямлю, ваду, неба, свабоду, гісторыю, сілу... А я ўсё гэта люблю [1, с. 251].

Лексікон яго разважанняў сведчыць, што ён перажывае за лёс свайго краю, за свой народ (“сэрца не вытрымлівае”, “сірату-зямлю”, “талент распялі”, “гордасць аплявалі, усё забралі...”).

Вобраз Алеся грунтуецца не толькі на рамантычным, але і на рэальным светаўспрыманні. Ён выступае як рыцар з высакародным і шчырым сэрцам, якое чула рэагуе на ўсе беды народа. У сям'і Кагутоў ён навучыўся цаніць гонар і годнасць простата чалавека, не прыніжаць іншых і самому ні перад кім не прыніжацца, ашчадна адносіцца да духоўнай спадчыны сваіх продкаў і тых каштоўнасцяў, якія набывалі для іх часам значэнне сакральнага сімвала [4, с. 98]. Такое выхаванне зблізіла яго з простым народам: “Я мужык... Я князь..., але я і мужык. Магчыма, мяне тым дзядзькаваннем няшчасным зрабілі. Але я таго няшчасця нікому не аддам. У ім маё шчасце” [1, с. 120].

Імя Алесь – гутарковае, выразна нацыянальнае. Уладзімір Караткевіч ужывае ў гэтым творы наступныя варыянты гэтага оніма: Алесь, Алесік, Аляксандр: – Дзякуй вам, мілы Алесік. Усё было добра, – сумна, зусім без дакору, кажэ Ядзечка [1, с. 124]; Да іх падышоў Віктар, і Алесь змоўк, Алесева сэрца аблівалася крывёй за братаў [1, с. 176]. Умелае выкарыстанне такіх варыянтаў імёнаў спрыяе стварэнню мілагучнасці твора.

Алесь утварылася ад старажытнагрэцкіх слоў *Алекс*, што азначае ‘абараняць’, і *Андрос*, што азначае ‘мужчына’. Калі сумясціць гэтыя імёны, то атрыманае імя *Алесь* азначае ‘абаронца людзей’. У слоўніках засведчана 29 варыянтаў гэтага імя (*Аляксандр, Аляксанка, Алесік, Алеська, Алесюк, Аляхно, Алік, Алько, Лесь, Лесік, Леська, Лясько, Лясюк, Сан, Санік, Санчук, Санюта, Саіша, Саішко, Саішанька, Санюта, Саішута, Саішюра, Шура, Шурка, Шурык, Аля, Лёкса* [9, с. 23].

Імя *Аляксандр* у рамане ўжываецца адзін раз, як афіцыйнае найменне, калі праводзілі абрад пострыгу яго ў падлеткі: – *Отрак Аляксандр, – сказаў пастрыжны, – ты пастрыгаешся днес у падлеткі, як гэта загадваюць звычай гэтай зямлі* [1, с. 79]. Парадыгма “уласнае імя *Аляксандр* + прозвішча” у сусветнай літаратуры стала свайго роду шаблонам, усталяваным стэрэатыпам: *Аляксандр Македонскі, Аляксандр Неўскі, Аляксандр Сувораў, Аляксандр Пушкін, Аляксандр Дзюма, Аляксандр Блок, Аляксандр Твардоўскі, Аляксандр Салжаныцын* – такія імёны гавораць пра многае. Ад гэтага імя ўтвораны шматлікія айконімы: *Александрыя, Александрайка, Александропаль, Александрай Гай* і інш. [12, с. 164].

Пісьменнік шырока выкарыстоўвае ўласныя імёны ў спалучэнні з разнастайнымі назоўнікамі-азначэннямі ў прэпазіцыі да імя: *пан Юры, пані Эвеліна, пані Антаніда, пан Яраслаў Раўбіч, гаспадар Юры, пан Адам Выбіцкі, дзед Кахно; прабацька Абрам, Любка з Копанага Рова* і інш.: *Дзед Кахно не спалохаўся, а ўзяў і ноччу пайшоў на раздарожжа, каб якраз у поўнач патрапіць* [1, с. 33]; *Ладымер едзе ламаць хрыбты крымчакам, вясковая дзеўка розумам пабівае князя Ганю, мужык Ваўкалака піша на лубе лісты да каханай, таксама мужычкі, Любка з Копанага Рова, што пад Крычавам, звычайная дзяўчына з месца грае ў шахматы з “царом чорных і рагатых”* [1, с. 148].

Назоўнікі-азначэнні ўказваюць:

– на сацыяльны статус персанажаў: *пан Юры, пані Антаніда, губернатар Аляксандр Беклемішаў: За ўсімі гэтымі цырымоніямі не заўважалі, як стамілася пані Антаніда. У яе забалела галава, і пан Юры нават з некаторай радасцю адпусціў яе* [1, с. 73]; *Губернатар Аляксандр Беклемішаў выклікаў быў яго да сябе і паспра-баваў крычаць, што яго дзеянні пахнуць разбоем: пагнаў людзей, збіў карчмара і сядзельцаў* [1, с. 212];

– род заняткаў: *пастух Данька, скарбнік Снетагорскага манастыра Іона: Зюзевы вочы смяяліся. Гэта быў пераапрануты азярышчанскі пастух Данька* [1, с. 3]; *Фурман Варфаламей падвёў вараных і карэту да самага ганка, і ўсё ж той, што выйшаў, ледзь не чарпануў слаты вышэй галёшаў* [1, с. 346];

– узрост персанажа: *прадзед Акім, Юрась: У рукі галодных беднякоў. ... З бацькам і дзедам яго нам, можна сказаць, пашанцавала. Акім, прадзед ягоны, таксама нічагоўскі быў* [1, с. 18]; *Алесь нясмела ўзняў вейкі і ўбачыў, што пальцы малага Юрася, сціснутыя ў кулачкі, аж збялелі на суглобах* [1, с. 20].

Такім ужываннем уласных імёнаў Уладзімір Караткевіч прадаўжаў традыцыі старажытнага беларускага пісьменства, пачатыя Францыскам Скарынай, які пра сябе пісаў, што ён *Францыск Скарына, сын Лукі з Полацка*.

Як асабліваць, уласцівая аनाмастыкону пісьменніка, – частае выкарыстанне мужчынскіх асабовых імёнаў з фіналямі *-ась, -ось, -усь*, якія дэманструюць высокую прадуктыўнасць у яго моватворчасці: *Міхась, Антоць, Кастусь: Прадстаўнікі гэтага пакалення – Алесь Загорскі і Кастусь Каліноўскі – павінны аб’яднаць, згуртаваць людзей, навесці іх за сабой, каб кроплі народнага гора паступова зліліся* [1, с. 274]. Паслядоўным ужываннем дэмінатыўных варыянтаў уласных імёнаў пісьменнік выяўляе сваю павагу да дзяцей.

Прадстаўнікі самых розных сацыяльных груп і нацыянальнасцей у творы называюцца па-рознаму:

1. Паны – пераважна каталіцкімі імёнамі ці прозвішчамі ў спалучэнні са словам *пан*: *пан Даніла, пан Юры, пан Адам; пані Надзея Клейна, пані Эвеліна, пані Антаніда: Пан Адам Выбіцкі яшчэ шэсць год назад ледзь не паміраў з голаду разам з бацькамі* [1, с. 41]; *Што новага, пан Крэбс? – Гэты народ... – англічанін адвёў убок сігару, заціснутую паміж простымі, як алоўкі, пальцамі* [1, с. 56].

2. Сяляне (жанчыны і мужчыны) – гутарковымі варыянтамі каталіцкіх і праваслаўных імёнаў: *Марыля, Андрэй, Павал, Міхал, Уладзімір, Кандрат: Марыля паставіла якраз на стол гушчу наліваную – пшанічную кашу з малаком, калі ў хату зайшоў Павал* [1, с. 26].

3. Дзеці – найчасцей памяншальнымі варыянтамі імёнаў: *Янька, Яня, Ядзечка, Майка, Сашка: Яны мыліся моўчкі. Яня і салідны Юрась сядзелі ля самага берага, і Юрась браў вялізнай чарапашкай ваду і паліваў Янін жывот* [1, с. 15]; *На падмогу Алесю з'явіўся Сашка Волгін. Алесь выбіў шкло і на світ-кліч аб дапамозе з двара кінулася ўсё “Братэрства шытшыны і чартапалоху”* [1, с. 339].

4. Асобы па прафесіі – гутарковымі імёнамі ў спалучэнні з разнастайнымі назоўнікамі – азначэннямі ў прэпазіцыі да імя: *пастух Данька, бацька Міхал: А чаго, чаго ты пасярэдзіне вуліцы ідзеш? – усміхнуўся роўнымі зубамі Данька. – Ты, Данька, кінь, – сказала Янька* [1, с. 15].

У рамане дзейнічаюць персанажы, створаныя фантазіяй пісьменніка: *дваране Алесь Загорскі, бацька Юры, дзед Даніла Загорскі-Вежа, Надзея Клейна, Яраш Раўбіч, Хаданскія, Кроер, сям'я Кагуты, Чорны Война, мужыцкі заступнік Корчак: Там Кроер учыняе здзек над сялянамі ў Півовшах, прымушае працаваць на яго дзень пры дні, збірае дадатковую даніну, п'янтвуе і, як нейкі блазан, запрашае да сябе* [1, с. 90]; *Начальству надакучыла няўлоўнасць Чорнага Войны. З гэтым аскол-кам мінулага паўстання трэба было канчаць* [1, с. 143] і інш. Рэальныя гістарычныя асобы: *Кастусь Каліноўскі, Зыгмунт Серакоўскі, Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, Станіслаў Манюшка, Тарас Шаўчэнка, Уладзіслаў Сыракомля* і інш., якія шмат зрабілі для таго, каб голас беларусаў загучаў у свеце: *Прадстаўнікі гэтага накалення – Алесь Загорскі і Кастусь Каліноўскі – павінны аб'яднаць, згуртаваць людзей, навесці іх за сабой, каб кроплі народнага гора наступова зліліся* [1, с. 274]; *А вочы Марцінкевіча раптам, на адно імгненне, перасталі быць усмешлівыя, зірнулі на хлопца добразычліва, цвёрда* [1, с. 326].

Такім чынам, у рамане ўжыта 486 уласных найменняў. Самую вялікую групу ў творы складаюць простыя, аднаслоўныя найменні: уласнае імя ці прозвішча (*Алесь, Майка, Загорскі, Раўбіч*). Меншую групу складаюць: трохкампанентная мадэль наймення “імя + імя па бацьку + прозвішча”: *Аляксандр Аркадзевіч Суво́раў, Павел Сямёнавіч Сілін* і інш.; “уласнае імя + падвоенае прозвішча”: *Пятро Басак-Яро́цкі, Флегмонт Савіч-Елі́зараў* і інш. Пісьменнік шырока выкарыстоўвае ўласныя імёны ў спалучэнні з разнастайнымі назоўнікамі-азначэннямі ў прэпазіцыі да імя: *пан Юры, пані Эвеліна, пані Антаніда, пан Яраслаў Раўбіч* і інш. У кнізе дзейнічаюць персанажы, створаныя фантазіяй пісьменніка – сяляне: *Андрэй Когут, Давід, Даніла Когут, Корчак*; дваране: *Алесь Загорскі, бацька Юры, дзед Даніла Загорскі-Вежа, Чорны Война* і рэальныя гістарычныя асобы: *Кастусь Каліноўскі, Зыгмунт Серакоўскі, Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч* і інш.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Караткевіч, У. С. Збор твораў : у 8 т. / У. С. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989. – Т. 4–5.
- 2 Бут-Гусаім, С. Ф. Антрапанімікон трылогіі Вольгі Іпатавай “Гаспадары Вялікага Княства” / С. Ф. Бут-Гусаім // Весн. Брэсц. ун-та. сер.3, Філагія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 1. – С. 5–13.
- 3 Васілеўская, А. Загалолак мастацкага тэксту: на прыкладзе рамана “Каласы пад сярпом тваім” У. Караткевіча / А. Васілеўская // Роднае слова. – 2003. – № 3. – С. 54–56.
- 4 Верабей, А. Проблема историзма в прозе Владимира Короткевича / А. Верабей // Роль просветителей в Беларуси и Турции : междунар. науч.-практ. конф. – Минск : РИВШ, 2011. – С. 102–108.
- 5 Зуева, І. М. Эмацыянальна-ацэначныя формы ўласных асабовых імёнаў персанажаў у творах У. Караткевіча / І. М. Зуева // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : матэрыялы II Міжнар. навук. канф., г. Мазыр, 22–23 крас. 2010 г. / рэдкал.: В. В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр : УА “МДПУ імя І. П. Шамякіна”, 2010. – С. 133–136.
- 6 Іўчанкаў, В. І. Стылістычныя асаблівасці выкарыстання тропы ў творах У. Караткевіча (параўнанне і метафара) / В. І. Іўчанкаў // Беларуская лінгвістыка. Вып. 35. – Мінск, 1989. – С. 26–31.
- 7 Петрачкова, І. М. Жанраўтваральная роля анімаў у гістарычных апавесцях К. І. Тарасова / І. М. Петрачкова // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Франциска Скорины. – 2001. – № 1 (10). – С. 122–124.

8 Слесарева, Т. П. Коррелятивная связь семантики имен по данным их сочетаемости с глаголами в романе В. Короткевича “Каласы пад сярпом тваім” / Т. П. Слесарева // Беларускаяе слова: тэорыя і практыка: зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. 75-годдзю прафесара Б. А. Плотнікава, г. Мінск, 15 снеж. 2015 г. / рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) [і інш.]; пад агул. рэд. праф. М. Р. Прыгодзіча. – Мінск : РІВШ, 2016. – С. 98–103.

9 Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

10 Шур, В. Беларускія ўласныя іменны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка : дапам. для настаўнікаў / В. Шур // – Мінск : Мастацкая літаратура, 1998. – 237 с.

11 Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце / В. В. Шур. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.

12 Шур, В. В. Тыповыя беларускія прозвішчы з фармантамі –овіч/-евіч ва ўсходнеславянскай антрапаніміі: лінгвістычны і культуралагічны аспекты / В. В. Шур // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна : навуковы часопіс. – 2017. – № 1. – С. 162–166.

13 Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое.. : навук.-папул. кн.; для сярэдн. і ст. шк. узросту / У. Юрэвіч. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 271 с.

14 ТСБМ – Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.

УДК 811.161'373.2-112

В. В. Денисюк

ФРАЗЕОЛОГИЯ БУНТА

(на матэрыяле восточнославянскай историографіі XVII–XVIII веков)

В статье исследована фразеология восточнославянских летописей XVII–XVIII вв., в частности та, которую летописцы привлекали для описания бунта. Анализ свидетельствует, что авторы использовали фразеологизмы разных тематических групп, многие из которых эмоционально окрашенные, образуют градационные ряды.

Наверное, сколько существует человечество, столько и существуют разногласия между людьми. Многовековые наблюдения за противоречиями восточные славяне, как и много других народов, воплотили в небольшую, но емкую реминисценцию – всем угодить невозможно. И если еще на бытовом уровне хоть как-то можно сгладить неровности в отношениях между мужем и женой, соседями, поколениями, то вовлечение в такое негодование даже одного слоя общества может иметь существенные последствия, к тому же не всегда положительные. Во все века высшие лица племени / княжества / державы / государства боялись гнева народного, соответственно, на крайние социальные меры шли очень редко. Но закономерности исторического развития общества вынуждали вече / думу / раду / совет принимать решения, с которыми большинство населения не было согласны. Как свидетельствует история, прислушаться к голосу народа правительство не спешило, поэтому единственным выходом из сложившейся ситуации оставалось вооруженное восстание. Все они имели печальные последствия, не исключение и октябрьский переворот 1917 года, когда хорошие идеи так и не удалось воплотить в жизнь из-за мало- или вообще необразованности, непрофессионализма новой власти. Началось не строительство нового государства, а всеобщая месть, где ослепленные властью чиновники никого не хотели слушать и слышать. В истории восточных славян это единственное восстание, охватившее всю империю и задержавшееся настолько.

Но история знает и много восстаний меньшего диапазона. Выступая против чего-то, люди прежде всего выступают за что-то. Этот дуализм ситуации породил тактику манипулирования людьми, что сейчас очень хорошо демонстрируют выборы, начиная от местных советов и заканчивая главой государства. Историографии, становление которых приходится на вторую половину XVII–XVIII в., эмоционально и критически подходили к вопросу

о подаче информации про восстание. Тотальной цензуры тогда не было. Включение или невключение информации о восстании зависело только от летописца. Здесь примечательной есть такая особенность: региональные летописи не изобилуют данными о мятежах, даже больших по охвату территории и количеству участников, если только это восстание не «их». Можно наблюдать и факты полного дублирования информации с одной летописи в другую, что свидетельствует скорее о попытках предоставить читателю по возможности полную историю края / страны, чем о критической трактовке происшедшего. Предоставляя на суд читателя данные о том или другом восстании, летописец / историограф задействовал весь арсенал языка. Особенно это касается фразеологии, которая, вторичная по своей сути, была удачным эвфемистическим средством для репрезентации такого концепта, как «смерть». Нашли здесь отражение и военные действия, вера и религия, общественно-политическая деятельность главы государства и др.

Исследуемые летописи свидетельствуют о широкой фразеологической палитре восточнославянских языков в XVII–XVIII вв. Восстания происходили вследствие разных причин, каждая из которых ничего хорошего не предвещала. Например, Хроника Литовская и Жмойтская свидетельствует, что мятеж начинается с негодования князя Михаила Глинского действиями короля (*ишло не по мысли*), следствием чего стало подстрекательство войска для достижения своей цели (*удался ростиркови шкодливому*): *Михаил Глинский скоро по от[ъ]гзди короля Жигимонта з Литвы до Кракова, вьдаючи, же ему ишло не по мысли его у кроля, удался ростиркови шкодливому, а напервгый збунтовавши старых жолнѣров и помочников своих в семисот ездных избранных, преправился през Немен з Лыскова и просто до Гродна в[ъ]гхал, маючи през шпиги вьдомость, же там Ян Забережанский, маршалок великий литовский, его головный неприятель в той час в дворѣ своем в Гроднѣ мешкал* [4, с. 102]. Примечательно, что летописец использует фразеологизмы для описания разных этапов восстания, особенностей поведения его участников: **страх**: *А гды учул Глинский, же кроль тягнет з великою потугою, упало ему зараз оное гордое его сердце* [4, с. 103]; **смелость, отвага**: *Видячи то кроль, же Глинский пред ним утѣкает, зараз на коню в зброю з весолою поставою през Днѣпр переправился и тым рицerstву своему сердца доброго придал, бо за кролем отвсюль, що живо кричаши, гучаши, охотне, як на веселе, пѣшии и конные в брод тягнули* [4, с. 103]; *А Глинский остатнего щастя своего и звитязства в той битвѣ усиловал скоштовати* [4, с. 103]; **хитрость, обман**: *Але он Глинского кормил надѣєю порожнею* [4, с. 104].

В «Супрасльской летописи» начало восстания описано так: *Сотворися зло велико в Литвѣ, убиень бысть князь велики Жигимонтъ в Литви во граде Троцех во вербную неделю перед обедомъ, и бысть метежь великъ в Литовьскои земли* [3, с. 61]. Устойчивое сочетание слов *сотворися зло* с факультативным компонентом – кратким прилагательным *велико* передает эмоции автора и всех жителей Литвы, степень горя и последствий.

Борьба за престол в Белокаменной издавна сопровождалась придворными интригами, заговорами, результатом которых должна была быть смена царя. Такие микробунты имели в своем репертуаре заточение царя в темную или ссылку его со всей семьей подальше от центра. Естественно, что лучшим исходом для претендента была смерть визави. Разумеется, что народ ставили перед фактом. Именно поэтому во многих контекстах прочитывается истинное сожаление людей о кончине своего государя. Летописцы так описывают смерть князя / царя: *Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильевы смерти в осмы день поймали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича дмитровского на Москве и бояр его и диаков. И посадили князя Юрья в Набережную полату. И там и преставися, на мертвом и железа обтерли* [2, с. 24]; *Того же лета августа в 5 день князя Михаила Глинского велел князь великий и великая княгини поимати. И посадили его в камени полату за дворцом. И там и преставися, на мертвом и железа обтерли* [2, с. 25]; *Того же лета и преставися князь Ондрей Иванович, на мертвом и железа отерли* [2, с. 26]. Устойчивое словосочетание свидетельствует, что князь / царь умер в заточении, а следы от железных оков смыли уже с мертвого.

Детально описан Коломенский бунт. Летописец сосредоточился на причинах мятежа, участниках, развертывании событий, наказании виновных, где семантику «смерть через отсечение головы» выражает известный с киеворусского периода фразеологизм *мечю предати*: *И се внезапно приидоша московския вооруженныя стрелецкия полки и обыдоша мятежников кругом, и повелием царевым всех мечю предаша* [1, с. 183]. Значительное внимание уделяет историограф и событиям, происходившим на территориях, только что присоединенных к Московскому государству. Негативную оценку получила борьба Ивана Брюховецкого за гетманство. Автор использует единицы фразеосемантических полей «неповиновение» и «отречение от присяги», напр.: ... *враг изменник и крестопреступник черкасских киевских полков гетман Ивашко Мартынов сын Брюховецкой со единомысленики своими черкасы же, будучи в черкасском граде Глухове, возмутишася и учали быти в шатости*. <...> *И той гетман Ивашко и со единомышленники своими, забыв страх божий и крестное целование и царскую к себе премногую милость ... изменили* [1, с. 184].

Но не все так гладко и в российском войске. Историограф описывает, что неправомерное использование служебного положения с целью экономической выгоды также есть причина мятежа, напр.: *А иже из них котории и крест целовали, они же, мятежницы, и тех возмутиша, прецаше им смертью, емлюще их на съезжие избы и затворяюще в темницы. Они же, видя суровство их, глаголя, яко ныне уже прииде время то друг на друга востати, и страха их ради наки смутишася и кресное целование преступиша, забыв страх божий* [1, с. 191]. Солдаты мирным путем пытаются решить ситуацию, они *бьют челом* царю о помощи, напр.: *А били челом великому государю они, выборные стрелцы и салдаты, чтобы великий государь указал на них, полковниках, те начотные денги доправить* [1, с. 191]; *И стрелцы, видя их, великих государей, с плачем от радости великой поклонишася до земли и знамена и копия поклонили. И то им, стрелцом, говорили: о чем они били челом в обидах своих на полковников* [1, с. 193], а когда это не помогает, идут колонной на столицу, наводя ужас на местное население, напр.: *И услышавше караулныя стрелцы, иже в Кремле, начаша такожде бити в набаты, еще стрелцом и не пришедшим в Кремль, весь народ восколебася, кишждо побеже восвояси* [1, с. 192]. И сразу же автор меняет оценку с позитивной на негативную: доблестные воины становятся мятежниками, клятвопреступниками, напр.: *Не убоаяшася окаяннии страха божия, крестное целование преступиша и ни во что вмениша* [1, с. 193]. Мятежники грабили людей постоянно: ... *и никому проходу не бысть ни днем, ни нощью* [1, с. 195]. Неконтролируемая толпа сметала все на своем пути. Особенно страдали представители высших сословий, о чем в контексте свидетельствует поговорка: *Из них же некто по ненависти вражьи возопи вслед, яко боярин глаголет: «Шуку убиша, а зубы остаишася», хочет сына своего смерть отмстити им* [1, с. 195]. Говорит летописец и о «хороших» моментах, когда восставшие понимают, что сами становятся социально опасным криминальным элементом, идут на компромисс с властью: *Потом же, егда творец наш и содержаий всяческая господь отврати от нас праведный свой гнев, укроти, яко в мори волнения, всенародный мятеж, начаша людие от ярости обратитися в кротость* [1, с. 198]; *И от того дне начаша стрелцы добрый совет творити, дабы им тем советом многия свои вины покрыти и себе впредь от великих государей наипаче надеждную милость получитьи* [1, с. 199].

Много внимания автор уделил и восстанию под предводительством Степана Разина. Подробно описывая происходящее в Астрахани, летописец использовал фразеологизмы с семантикой «смерть», напр.: *Он же, враг, и со всеми единомышленники своими внидоша во врата града обманом и начаша астараканских стрелцов и градских жителей, всяких чинов людей, под меч клонити, и побииша всех, государственный град Астарахань взяли* [1, с. 185]; ... *и тако мученический венец приемый, блаженную свою душу предаде в руце богу* [1, с. 185].

Летописец анализирует причины такого негативного социального явления, как мятеж. По его мнению, все это проделки дьявола, который вселяется в обычных людей и в их обличии подстрекает к неповиновению, напр.: ... *того злаго ненавистника научением пострекаеми быша челоуецы ненавистницы и лукавства исполнены на всякое злое дело хождаху посреде*

народа, пронырством лукаваго диявола *испущающе и плетуще глаголы прелестныя, всевая в сердца* человеком, како бы *всаяти ненависть друг на друга и междоусобство сотворити и всенародный мятеж воздвигнути* [1, с. 188]. Иногда автор лаконично, но емко с помощью фразеологизма описывает начало бунта: *Того же числа ярославец посажкой человек Ивашико Бизяев сказал за собою государево слово* [1, с. 202].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что авторы использовали широкий арсенал фразеологизмов для вербальной репрезентации всех сторон бунта, в большинстве случаев с помощью фразеологизмов дают этому явлению эмоционально-экспрессивную оценку.

Список использованных источников

- 1 Летописец 1619–1691 гг. // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1968. – Т. XXXI. – С. 180–205.
- 2 Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. XXXIV. – С. 8–30.
- 3 Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. – С. 36–67.
- 4 Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

УДК 811.161.1'373:398.9

И. Г. Евтухова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ПРОХОДИТЬ КРАСНОЙ НИТЬЮ*: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается история возникновения фразеологизма проходить красной нитью. Фразема анализируется с точки зрения современности и в этнокультурном аспекте.

Фразеологизм *проходить красной нитью* ‘являться основным, главным, ведущим в чём-либо, насквозь пронизывать что-либо’ (ФСРЯ, 367) встречается не только в русском, но и в других родственных языках: бел. *чырвонай ніткай праходзіць, праходзіць (прайсці), пралягаць* (ФСБМ II, 89); укр. *проходить червоною ниткою* (ФСУМ II, 252); болг. *минава като червена нишка* (ФБ I, 586).

Этимологизация рассматриваемой фраземы обычно заключается в указании на ее связь с существовавшей в Англии традицией, упоминаемой в книге Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной «Крылатые слова»: «Все снасти королевского флота... сучатся так, чтобы через них во всю длину проходила красная нить, которую нельзя выдернуть иначе, как распустив всё остальное» [1, с. 177]. В «Словаре русской фразеологии» отмечается, что выражение *красной нитью проходить* (*тянуться*) «восходит к роману И. В. Гёте «Родственные натуры». В романе симпатии героини, пронизывающие весь ее дневник, сравниваются с *красной нитью*, которая влеталась в канаты английского флота» (СРФ, 404). Таким образом, в основу семантики рассматриваемого фразеологизма кладётся представление о конкретной производственной традиции – использовании *красной нити* как важного, существенного элемента каната. Вместе с тем, характер внутренней формы фраземы *проходить красной нитью* представляется более сложным с учетом ее анализа в этнокультурном аспекте.

Рассмотрим возможность соотнесения словосочетания *красная нить* с реалиями, обозначаемыми его компонентами – *нить* и *красный*. В системе народных представлений витье (а следовательно, и нить) относится к двум важным моментам человеческой жизни – браку и

смерти, а также связано с представлениями о счастье. Одновременно нить относится и к сфере несчастья: наряду с белорусской поговоркой о постоянной удаче (*Калі вядзецца (нітка) – і на шчэпку прадзецца*), употребляется другая – о постоянной неудаче: *Бяда на бядзе – як на нітцы ідзе*. Следовательно, нить связана с представлениями о судьбе. Многочисленные тому подтверждения находим в этнокультурных источниках: «...Нити ведутся мифическими существами, заведующими судьбой людей» [2, с. 97]. Сербская *Среча* – красивая девушка-пряха, прядущая нить человеческой судьбы [2, с. 383]; это удача, добрая судьба человека. Ей противостоит *Несреча* – злая судьба. Оба полюса первобытного дуализма – добро и зло – выражены посредством прядения нити: *Среча* прядет золотую нить на пользу человеку, а по поводу злой *Несречи* существует сербская поговорка: *Несрећа танко преде*, т. е. злая судьба прядет слишком тонкую нить, которая может легко оборваться [3, с. 240]. Возможно, к нити судьбы относится и выражение *Где тонко, там и рвется*.

В приведенных южнославянских фольклорных образах нетрудно увидеть близкую аналогию античным богиням судьбы – мойрам, прядущим нити жизни: Клото и Лахезис прядут, а Атропа обрывает нить; «по литовскому преданию, после рождения младенца, Вертя (пряха), восседающая на небесном своде, начинает прясть нить его жизни... Когда же наступает его последний час, Вертя перерезает нитку... и человек умирает... Родившийся младенец только тогда вступает в среду живущих, когда его пуповина будет перевязана или когда он будет привязан к жизни выпряденной ниткой»; «Девы судьбы – вечно работающие пряхи; своими руками они прядут жизненную нить и вплетают в нее все, что должно совершаться с человеком во время его земного существования» [4, с. 363]. Нить – «один из древнейших символов (наряду с волосами), означающий сущностную связь между любыми из различных планов – духовным, биологическим, социальным и т. д.» (СС, с. 339).

Таким образом, обилие мифологических и фольклорных материалов о пряхах, прялках и прядении свидетельствует о том, что с глубокой древности человечество связывало с прялкой и нитью представление о жизни, о долгой, как нить, протяженности жизни. Таким образом, человеческая жизнь уподобляется тянущейся нити, о чем свидетельствует словосочетание *нить жизни*, используемое во многих индоевропейских языках. *Красный* цвет, как одно из основных цветообозначений, наделялся богатой, разнообразной символикой.

По мнению Л. Раденковича, «красная нить (или лента) обладает весьма широкой символикой: как нить, полученная кручением шерсти, хлопка, шелка, конопли и т. п. и используемая для вязания, символизирует движение и изменение; она может означать ось или границу, может служить для измерения различных предметов, может быть связью и посредником между двумя коммуникаторами. *Красный* цвет делает нить хтоническим элементом, связанным с иным миром». Это видно, например, из обычая завязывать скотине или класть жениху на шапку *красную* нить от сглаза (по принципу «свой своего не тронет») [5, с. 134].

«В родинных обрядах *красный* цвет выступает как символ жизни, здоровья: пуповину перевязывали *красным* шнурком (серб.), шелком (в т. ч. для предохранения от падучей; укр.)» (СД II, 648). Чтобы не допустить к роженице злых духов, а также чтобы предупредить родовые повреждения, через нее перебрасывали *красную* нитку, которая выполняла роль магично-охранительного средства. После первого – ритуального – купания ребенка туго пеленали в белое, а затем перевязывали *красной* пасмой (специальным самотканым поясом, который передавался от поколения к поколению и выполнял роль объединения семьи и прежде всего – детей) [6, с. 74].

Символика *красного* цвета как принадлежащего «тому свету» и одновременно защищающего от опасного контакта с потусторонним миром выражена в погребальной обрядности: «Покойнику связывали руки и ноги нитью *красного* цвета (болг.); поперек тела покойника клали шерстяную нитку *красного* цвета (бел.)... гроб несколько раз из конца в конец обматывали *красной* шерстяной нитью (бел.); завязывала нить *красного* цвета на пальце, когда шла прощаться с покойником (серб.)» (СД II, 648). *Красная* нить называлась «мертвой ниточкой» и служила универсальным оберегом – ее носили на запястье от всякого зла; остаток нитки, которой шили подушку для гроба, предохранял от сглаза.

Отправляясь на кладбище, брали ... деревянный крест, перевязанный *красной* ленточкой и несли его впереди...» [7, с. 281]. При погребении покойника «подпоясывали *красным* поясом» [8, с. 702]. Таким образом, ритуальное употребление *красной* нити дает основание считать ее символом жизненного начала. «Чтобы тебя не сглазили, желательнее носить на себе что-нибудь *красное*. Это могут быть пацерки [И. Г. – бусы], *красные* камни в сережках, *красная* шаль и т. д. *Красный* цвет перекрывает поток плохой энергии. Именно поэтому корове на шею повязывают *красную* ленточку. Таким образом, это своеобразный оберег молока коровы, ее плодовитости» (Зам., 165).

Апотропеическая семантика пояса как границы между «своим» и «чужим» пространством в ряде случаев дополнялась и усложнялась специальными характеристиками пояса. Сравн., например, польский обычай подкладывать под голову женщины мужской (лучше свадебный) пояс, чтобы защитить ее от богинок. В других случаях акцентировался *красный* цвет пояса, символизирующий жизнь и плодородие. Например, беременная женщина должна была носить *красный* пояс во время беременности, чтобы защитить себя от колдовства и предохранить будущего ребенка от влияния смерти, если она была вынуждена присутствовать на похоронах: «Нэ можна, кажут, [беременной] на могилки йты, на хрестыны нэ мона, на похороны. Можно тоди, колы *красным* поясом, чы ниткой обяжеш себя».

Красная нить широко использовалась в качестве апотропея и лечебного средства. «Против болезней при виде первой ласточки матери повязывали детям на правую руку нить *красного* цвета, чтобы ребенок был здоров (болг.); в канун Иванова дня обвязывали руку (ногу) нитью *красного* цвета и носили до Петрова дня, после чего ее вешали на куст розы или кизила (ю.-слав.). На Преображение (6/19.VIII) или в день св. Петки (8.VIII) женщины и дети обвязывали руки нитью *красного* цвета (серб.); в день св. Иеремии (1.V) в Южной Болгарии катались по росе и оставляли на кустах нитки или кусочки одежды *красного* цвета – для здоровья и исполнения желаний. От боли в суставах (в т. ч. во время жатвы) обвязывали руки *красными* нитками, шерстью, полосками ткани (Полесье). Для защиты от лихорадки носили на руке *красную* нить, которая накануне Юрьева дня висела на розе (макед.); на шее – повязку *красного* цвета с 4 узлами, которую потом бросали в проточную воду (бел.). *Красной* нитью связывали крест-накрест руки и ноги больному эпилепсией (серб.). Больной падучей должен был пролезть сквозь расщепленный ствол шиповника, концы которого связывались нитью *красного* цвета, на границе трех полей (серб.). *Красной* нитью связывают пучок из трех куриных перьев, трех ржаных колосьев, веточки базилика, используемые в народной медицине» (СД II, 648–649).

В текстах русских и белорусских заговоров «От кровотечения» в качестве табуированных обозначений крови часто используются словосочетания *красный шёлк*, *красны шоўк*, *красная шалчынка*, *красная нітачка* (*красная трасцінка*). Сравн. рус.: *На море Океане, на острове на Буяне девица красным шёлком шила; шить не стала, руда (кровь) перестала* (РН с. 290); бел.: *На сінім моры, ва кеяне ляжыць бел камень, на тым камні сядзелі тры панны Ганны, красны шоўк маталі, кроў астанаўлялі* (Зам., № 464); ...*Сястрыцы-дзявіцы, прадзіця красны разны шоўк, выпрадайця і ўзоры набірайця, і краснага шоўку на зямлю ні ўраняйця, і з зямлі ні падьмайця!* (Зам., № 466); ...*Маць Прасвятая Багародзіца і ў руках сваіх дзержыць жыватворную іголку, а в жыватворную іголку вдзёрнута красная шалчынка, і жыватворнай іголкай рану пракальваець і красною шалчынкай рану зашываець і крававага пасека на свет не бываець...* [9, с. 189]; *Яны [тры дзявіцы] шыюць красною нітачкаю, нітачка парвалась – кроў увывралась* (Зам., № 467); *Ішла Прасвятая маць Бугуродзіца па калінавым мосту, у красных чаравічках, з краснай трасцінай, з святымі апосталамі. Трасціна зламалась – кроў сунылілась* (Зам., № 499).

Кровь, очевидно, трактуется в данном случае как жизненная субстанция, и цель заговоров – не просто остановить кровь, а удержать жизнь. Гемоглобин крови – флуоресцентная краска. Он поглощает свет у поверхности кожи и затем излучает его в глубинах организма, освещая внутренние органы. В связи со сказанным представляется целесообразным рассмотреть

часто встречающийся в заговорах мотив красной нити на фоне внутренней формы фразеологизма *проходить красной нитью*.

Таким образом, в текстах заговоров кровь имеет многочисленные атрибуты (*красная ниточка, красная тростинка, красный шелк*), что для архаики всегда является указанием на сакральность и значимость предмета. Очевидно, люди сближали кровь со всяким «соком жизни», «влажгой жизни», как необычайно важную и драгоценную. Следовательно, понятие (*красная*) *кровь* сближается с понятием (*красная*) *ниточка*, равноценным словосочетанию *красная нить*.

Словосочетание *проходить красной нитью* употребляется во многих художественных текстах, популярно и в публицистической литературе: *Борьба за революционный выход из войны, призыв к международному рабочему классу поддержать революционный почин русских рабочих проходят красной нитью через все произведения тома* (В. И. Ленин (Ульянов), Полное собрание сочинений. Том 32. Май–июль 1917); *Эта тема проходит красной нитью через все его воспоминания, написанные после войны; это же подтверждается свидетельствами из самых разнообразных кругов и источников* (Г. С. Дойч, Заговор против Гитлера. Деятельность Сопротивления в Германии. 1939–1944); *Полезное и нужное – это одно. Хорошее – это другое. Эта мысль проходит красной нитью через Аристотеля, стоиков...* (Л. Шестов, «Лекции по истории греческой»); *Через все исторические произведения Дмитрия Кедрина красной нитью проходит мысль об исключительной одаренности нашего народа* (газета «Правда», 16–19 февраля 2007 (№ 17)); *В связи с этим сразу подчеркнём одну из ключевых мыслей книги, которая в дальнейшем будет проходить красной нитью через обсуждение самых разных тем* (А. Г. Грецов, Понимать своего ребенка, 2009); *Идеи избранности, превосходства, уверенности в себе и в правоте своего дела, гордости за свой род войск проходят красной нитью через всю морально-психологическую подготовку «зелёных беретов* (О. Г. Сыропятов, Медико-психологическое сопровождение специальных операций, 2013); *Оценивать это свойство с моральной стороны нет никакого смысла: оно проходит красной нитью через всю мировую историю* (А. С. Терещенко, Руины некомпетентности, 2014); *Особенно характерные черты проходят красной нитью через русскую поэзию 70-х и 80-х годов* (Е. В. Аничков, К. Д. Бальмонт, 1914); *Но главная тема, проходящая красной нитью через все три книги, – это наша непреодолимая тяга к искренней жизни* (Брене Браун, Стать сильнее. Осмыслить реальность. Преодолеть себя. Всё изменить, 2015).

Таким образом, материал позволяет предположить, что этнокультурные сведения (несомненно, известные носителям языка и являющиеся для них весьма актуальными) не могли не отразиться на формировании семантики фраземы *проходить красной нитью* ‘являться основным, главным, ведущим в чем-либо, насквозь пронизывать что-либо’, ‘служить (являться) важным сакральным предметом, имеющим защитное, продуцирующее и жизнеобеспечивающее значение’.

Список использованных источников

- 1 Ашукин, Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Художественная литература, 1988. – 528 с.
- 2 Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – Харьков : Университет. тип., 1860. – 155 с.
- 3 Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
- 4 Афанасьев, А. Н. Древо жизни : избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
- 5 Раденкович, Л. Символика цвета в славянских заговорах / Л. Раденкович // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М. : Наука, 1989. – С. 122–148.
- 6 Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск : Ураджай, 2001. – 350 с.
- 7 Живописная Россия: Литовское и белорусское Полесье. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – 550 с.

8 Чубинский, П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Русским Географическим обществом. Западный отдел / П. П. Чубинский. – Т. 4. Обряды: родины, крестины, свадьбы, похороны. – СПб., 1877.

9 Карські, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 640 с.

Принятые сокращения

Зам. – Замовы / уклад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 599 с.

РН – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М., 1991. – 608 с.

СД – Славянские древности : Энциклопедический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–1999. – 1996. – Т. 2. – 700 с.

СРФ – Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 712 с.

СС – Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.

ФСБМ – Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993. – Т. 2. – 607 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М., 1987. – 543 с.

ФСУМ – Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови : в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вища школа, 1984. – Т. 1. – 384 с.

УДК 821.161.1-1*А.Блок'06

Ж. Ф. Жадейко

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ И ЯЗЫК ЭПОХИ В ПОЭМЕ А. А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

В статье рассматриваются изображённые А. А. Блоком в поэме «Двенадцать» приметы революционного времени; анализируется язык произведения, содержащий вкрапления из языка эпохи Октябрьской революции 1917 года.

Поэма «Двенадцать» занимает в творчестве А. А. Блока особое место. Это произведение о революции, которую, по утверждению К. Чуковского, поэт ждал с 1905 г. и «не только не боялся её, но чем дальше, тем страстнее призывал. Она – в этом он был твёрдо уверен – выжжет, словно калёным железом, всё пакостное, тошнотворное, злое, чем невыносима для него современность. Она преобразит всю вселенную, и тогда он навеки спасётся от своей “острожной тоски” бытия» [7, с. 262]. Кроме того, А. Блок сам указал на место поэмы среди других своих произведений, сделав в дневнике по окончании работы над произведением запись: «Сегодня я – гений» [3, с. 238].

Поэма, в название которой вынесено магическое у славян число «двенадцать», состоит из 12 разных по ритму и по характеру повествования глав-картинок, сменяющихся, как кадры диафильма или как слайды. Начинается произведение, написанное поэтом-символистом, со своеобразной «цветовой» антитезы, в основе которой два любимых А. Блоком цвета: «*Чёрный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер – / На всём божьем свете!*» [2, с. 313].

Назывные предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма и передающие контраст, готовят читателя к абсолютно разному восприятию происходящего представителями разных социальных слоёв. Уже в первой строфе появляется любимый поэтом образ ветра – символ стихии, перемен, переворота. Лексический повтор слова-символа, слоговая анафора *на...на*, смена двусложного стихотворного размера трёхсложным и, наоборот,

перекрестная рифмовка, сменяющаяся в двух последних стихах смежной, чередование женской и мужской рифмы, неточной в конце строфы, инверсия *не стоит человек* передают состояние как лирического героя, глазами которого мы смотрим на происходящее, так и очевидцев описываемых событий. Нагнетается тревога. Всё кружится, сметается, срывается, падает. Устойчивое сочетание *стоять на ногах* – ‘быть самостоятельным’, – употребляемое обычно с наречиями *твёрдо, крепко*, характеризует, на наш взгляд, как физическое, так и внутреннее, духовное, состояние участников событий. Эллиптическая синтаксическая конструкция, завершающая строфу, с помощью перифразы передаёт масштабность происходящего. Так начинается блоковская поэма о революции.

«В ту незабвенную зиму весь Питер был завален снегами, которые громоздились на тротуарах, как горы, так как их некому было убрать. Среди этих гор на мостовой пролетала неширокая тропа для пешеходов, протоптанная тысячами ног. Это был тот зимний Петроград, который Блок увековечил в «Двенадцати».

*Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой вьюга́, ой вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!»* [6, с. 276].

Повествование лирического героя сменяется фольклорными мотивами, частушечными припевами, книжная лексика – разговорной. Любимые А. Блоком образы ветра и вьюги являются основными в поэме о революции.

Каковы же приметы времени, по которым мы узнаём эпоху? Прежде всего, нам представляется, к ним можно отнести саму атмосферу, переданную поэтом, – состояние стихии, тревоги перед будущим, непонимания происходящего и, как следствие, боязни из-за наступающего. Уже в первой главе мы видим, как по-разному реагируют прохожие на развеваемый ветром висящий на канате, протянутом «от здания к зданию» плакат «*Вся власть Учредительному Собранию!*» (плакаты, лозунги, Учредительное Собрание – приметы времени): «*Старушка убивается – плачет, / Никак не поймёт, что значит, / На что такой плакат, / Такой огромный лоскут? / Сколько бы вышло портянок для ребят, / А всякий – раздет, разут... / Старушка, как курица, / Кой-как переметнулась через сугроб. / – Ох, Матушка-Заступница! / – Ох, большевики загонят в гроб!»* [2, с. 314].

Как видим, отношение простого русского человека, далёкого от политики, показано по этому через восприятие происходящего русской женщиной, заботящейся о детях. Ей непонятны атрибуты нового времени, страшны его приметы. Книжная лексика снова сменяется разговорной – и мы будто слышим и риторический вопрос, в сердцах произнесённый старушкой, и её размышления, и вздохи, и взывание к Матушке-Заступнице, и оценку событий.

«*И буржуй на перекрёстке / В воротник упрятал нос*» [2, с. 314], – читаем далее. И снова символ – перекрёсток: что дальше? куда повернёт Россия? к чему приведут перемены? как быть? по какой дороге пойти? Сам А. Блок, выходец из интеллигентной профессорской семьи, дворянин, внук ректора Санкт-Петербургского университета А. Бекетова, не любил буржуа. «Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живёт буржуа с семейством, – читаем мы в дневнике поэта. – Он такое же плотоядное двуногое, как я. Он лично мне ещё не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить» [3, с. 242].

«*А это кто? – Длинные волосы / И говорит вполголоса: / – Предатели! / Погибла Россия! – / Должно быть, писатель – / Вития...*» [2, с. 314] – так охарактеризовал А. Блок собрание по перу. Как известно, многие писатели и поэты Серебряного века эмигрировали, не приняв революции. Характеризуя писателя как витию (оратора), поэт тем самым, на наш взгляд, выражает горькую иронию, поскольку от слов оратора очень многое зависит. Ораторское мастерство большевиков во многом способствовало их победе. Митингование (позволим себе употребление разговорного слова), произнесение речей, лозунгов – приметы описываемого

времени. Использование А. Блоком в данной строфе вопросно-ответного хода, загадки, с помощью которой нарисован образ писателя, разговорных конструкций, высокого слова *вития* вместо *оратор*, а также приём умолчания тоже передают не только рассуждение лирического героя, который в нашем представлении отождествляется с самим А. Блоком, но и горькую иронию по поводу использования слова некоторыми писателями.

«*А вон и долгополый – / Сторонкой – за сугроб... / Что нынче невесёлый, / Товарищ поп?»* [2, с. 314] – взгляд лирического героя падает на того, кто «...*бывало, / Брюхом шёл вперёд, / И крестом сияло / Брюхо на народ*» [2, с. 314].

Как видим, меняется отношение к религии, к представителям церкви. В блоковских строках и подтрунивание над попом, знакомое нам со страниц некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо», и панибратское отношение к представителю церкви, и ирония и сарказм одновременно, и словесное издевательство, и святотатство. В оксюморонном обращении к попу поэт использовал неологизм *товарищ* – слово, которое, можно сказать, по иронии судьбы, этимологически связано с *товар* – атрибутом буржуа, о чём вряд ли задумывались большевики [6, с. 247].

И, наконец, происходящее через восприятие барыни в каракуле: «*Ужъ мы плакали, плакали...*» [2, с. 314]. И орфография, и лексический повтор, и приём умолчания передают сарказм.

Снова появляется образ ветра, *весёлого*, который «*и зол, и рад*» (и оксюморон, и антитеза; и постоянный признак *весёлый*, и кратковременные – *зол, рад*) «*крутит подолы, прохожих косит, рвёт, мнёт и носит большой плакат*» (градация). Глаголы и глагольная градация передают динамику описываемых событий. А ещё ветер «*слова доносит*», что своеобразно, с помощью многоточия в начале строк, передаёт поэт: «*...И у нас было собрание. / ...Вот в этом здании. / ...Обсудили – / Постановили: / На время – десять, на ночь – двадцать пять... / ...И меньше – ни с кого не брать...*» [2, с. 314]. Таким образом поэт называет время совершения переворота. Манера введения времени в произведение позволяет говорить о задумавших и совершивших переворот как о заговорщиках-авантюристах.

В никуда звучит вопрос с блоковским ударением на местоимении «*Что впереди?»*», и слышится реплика-реакция на него: «*Проходи!*» [2, с. 315]. «*Чёрное, чёрное небо*» – значит, неизвестность. «*Чёрная злоба, святая злоба...*» [2, с. 314] – оксюморонами звучат данные эпитеты. Почему же *чёрная злоба* одновременно названа поэтом *святой*? Зная отношение А. Блока к революции, можем предположить, что под святостью он понимал необходимость перемен. Хотя нельзя не заметить, что на протяжении всей поэмы, в разных её главах рефреном звучат слова резонёра, оценивающего стихию следующим образом: «*Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!*» [2, с. 315]. И мы понимаем, что свобода-то была получена. Но как? У тех, кто добывал её, не было ничего святого.

Не случайно главными героями поэмы являются 12 красноармейцев (примета времени): «*В зубах – цыгарка, примят картуз, / На спину б надо бубновый туз!*» [2, с. 315]. Их образ напоминает образ каторжников-уголовников, которым на одежду со стороны спины пришивали красный или жёлтый лоскут в форме карточного туза [2, с. 404]. «*Рваное пальтишко, / Австрийское ружьё!*» [2, с. 316] – так выглядели участники Первой мировой войны и те, кто был никем и стал всем. Уверенно идут красноармейцы. В их поведении чувствуется вседозволенность и безнаказанность. Они теперь хозяева жизни: «*– А Ванька с Катькой – в кабаке... / – У ей керенки есть в чулке! / – Ванюшка сам теперь богат... / – Был Ванька наш, а стал солдат*» [2, с. 315–316]. *Керенки* – бумажные деньги, выпущенные Временным правительством в 1917 г. и получившие в народе название по фамилии министра Керенского, – так же, как и *чулки*, и *кружевное бельё Катьки*, и *шоколад Миньон*, который *жрала проститутка*, являются приметой времени.

Звучащий в поэме призыв «*Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг! / Товарищ, винтовку держи, не трусь. / Пальнём-ка пулей в Святую Русь – / В кондовую, / В избяную, / В толстозадую!*» заканчивается вздохом героя-резонёра: «*Эх, эх, без креста!*» [2, с. 316]. И пальнули в *Святую Русь* те, кто называл фонарик «*электрическим*» и кричал:

«Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи! / Отмыкайте погреба – / Гуляет нынче голытьба» [2, с. 320]. Разговорное экспрессивно-оценочное наименование *голытьба*, встречающееся у В. И. Даля как *голодьба* от *голот(д)ь* [4, с. 316], – ‘оборванцы, нищие; беднота’ [5, с. 135] – ярко характеризует красноармейцев, которые *идут без имени святого / Все двенадцать – вдаль. / Ко всему готовы, / Ничего не жаль...*» [2, с. 316]. Какой-то безысходностью веет от этих строк с повторяющимся определительным местоимением *весь*, усиливающим отрицание *ничего* и умолчанием, переданным многоточием.

«Только нищий пёс голодный / Ковыляет позади...» [2, с. 316]. В образе пса, как известно, А. Блок изобразил старый мир. А каким же А. Блоку виделся новый мир? В статье «Интеллигенция и Революция» поэт писал о том, что «рано или поздно, *всё будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна*» [1, с. 482]. И ещё: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – по-новому – великой» [1, с. 478]. Возможно, именно поэтому 12 красноармейцев, идущих «*державным шагом*» и ассоциирующихся теперь с 12 апостолами, ведёт «с кровавым флагом» «*Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз – / Впереди – Иисус Христос*» [2, с. 324].

Список использованных источников

- 1 Блок, А. Интеллигенция и Революция / А. Блок // «Я лучшей доли не искал...» (Судьба А. Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях) / Сост., очерки и комм. В. П. Енишерлова. – М.: Правда, 1988. – С. 478–488.
- 2 Блок, А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2 / А. Блок. – Л.: Художественная литература, 1980. – 472 с.
- 3 Блок, А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5 / А. Блок. – Л.: Художественная литература, 1982. – 408 с.
- 4 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. – М.: Русский язык Медиа, 2006. – 699 с.
- 5 Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
- 6 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 2 / П. Я. Черных. – М.: Русский язык Медиа, 2006. – 560 с.
- 7 Чуковский, К. Современники: Портреты и этюды / К. Чуковский. – Минск: Нар. света, 1985. – 575 с.

УДК 811.161.1'42

П. С. Завтрикова

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «НАШЕМ МИРЕ» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

Статья посвящена выявлению и описанию динамики представлений о мире, дефинированном по принадлежности коллективу, в русском обществе с 1900 года по настоящее время. Определяется функциональное своеобразие качественных и относительных прилагательных в составе комплекса «наш мир», фиксируемого в публицистических дискурсах.

Без малого сто лет назад, после Октябрьской революции большевиков, наметившей путь к социальным преобразованиям, гимном РСФСР стал «Интернационал». «*Мы наши, мы новый мир построим*» – эта строка «Интернационала» звучала как призыв к единению и вселяла уверенность в светлое будущее строителей нового мира. Каким же виделся этот *наш мир* в дискурсах прошлого и как он определяется в современных дискурсах?

Для поиска ответа на данный вопрос мы обратились к публицистике прошлого и настоящего в Национальном корпусе русского языка [1]. Выборке подлежали фрагменты текстов,

содержащие в качестве компонента посессивный комплекс *наш мир* с атрибутивным распространителем.

Слово *мир* в русском языке многозначно. Словарные дефиниции этой лексемы ('Вселенная в её совокупности'; 'какая-л. сфера, область явлений в природе'; 'земной шар, Земля со всем существующим на ней' и др. [2, с. 1032–1037]) свидетельствуют о неоднозначности масштабов обозначаемого и неопределённости отношения к нему. Распространитель *наш* конкретизирует значение слова *мир* в дискурсивных практиках: *наш мир* – это мир, в котором человечество / социум осознаёт себя единым образованием. Посессивный распространитель, однако, не вскрывает оснований этого единения, и можно предположить, что прилагательные, включаемые в комплекс *наш мир*, способны реализовать такую функцию – с одной стороны, идентифицировать, что именно определяется нашим миром, с другой стороны, дефинировать, каков он.

Как известно, семантическая классификация прилагательных в русском языке строится с учетом выражаемых отношений и традиционным является деление прилагательных на качественные, относительные и притяжательные. В посессивный комплекс *наш мир* регулярно включаются качественные и относительные прилагательные.

Лингвисты отмечают, что выстраивание частных семантических классификаций внутри названных разрядов вызывает значительные трудности [3; 4]. Дело в том, что как для качественных, так и для относительных прилагательных невозможно установить единые основания семантической дифференциации. Принципиальное различие качественных и относительных прилагательных в их функциональном назначении. Основная функция качественных прилагательных, по определению С. А. Виноградовой, заключается в характеристике, относительных – в спецификации [5]. Этим объясняется тот факт, что качественные прилагательные в исследуемых нами контекстах не редуцируют объём понятия *наш мир*. Выражается оценка всего мира, дефинированного по принадлежности коллективу: *наш прекрасный мир*, *наш абсурдный мир*, *наш огромный мир* и др. Относительные прилагательные, напротив, редуцируют обозначаемое. Редукция происходит на разных основаниях. Одни относительные прилагательные ограничивают обозначаемое во времени (*наш современный мир*, *наш теперешний мир*, *наш сегодняшний мир*), другие делят *наш мир* на сферы деятельности человека (*наш медицинский мир*, *наш филологический мир*, *наш спортивный мир*), третьи редуцируют обозначаемое по возрастному признаку (*наш детский мир*, *наш взрослый мир*) и др.

В связи с тем, что целью исследования являлось отслеживание динамики представлений о *нашем мире*, фактический материал классифицирован в соответствии с временным критерием.

1. Дореволюционный период (1900–1917 гг.) – 24 иллюстрации

В контекстах этого периода фиксируется только два качественных прилагательных: *смешной*, *грешный* (4 вхождения (далее количество вхождений обозначается цифрой в круглых скобках)). Такое малое количество качественных прилагательных говорит о том, что публицисты избегали прямых характеристик *нашего мира*. Происходит это потому, что говорить о единстве членов социума и тем более оценивать это единство в начале века было сложно.

И, наконец, сошедшие с ума дошли до апогея: они превзошли наш смешной мир, перешли грань последней нелепости (А. Цветаева. Королевские размышления (1914)).

Большим семантическим разнообразием характеризуются относительные прилагательные: *христианский* (4), *внутренний* (3), *духовный* (2), *теперешний*, *детский*, *медицинский*, *буржуазный*, *интеллигентский*, *политический*, *преступный*, *литературный*, *музыкальный*, *артистический*.

2. Советский довоенный период (1918–1940 гг.) – 9 иллюстраций

Здесь значительно меньше иллюстраций, но соотношение количества прилагательных по разрядам более равномерное: пять качественных (*сумрачный*, *бренный*, *грубый*, *удивительный*, *несовершенный*) и четыре относительных (*внутренний*, *солнечный*, *художественный*, *земной*).

Крайне мрачный и противоречивый период, отсюда и пока нерезкое, но негативное восприятие *нашего мира*, переданное в качественных атрибутивах:

Иные из них покинули наш бранный мир (Г. Чулков. Годы странствий (1930)).

3. Военное и послевоенное время (1941–1955 гг.) – 7 иллюстраций

Сохраняется низкая частотность употребления комплекса *наш мир*. В данный период публицисты писали совсем не о *мире*. Ни качественные (*падший, особый*), ни относительные (*духовный (2), ведомый, современный, человеческий*) прилагательные не отражают своей семантикой значимых сдвигов в отношении к *нашему миру* и вообще стремлений публицистов осмыслить социальное единство в том или ином отношении.

4. «Оттепель» и Эпоха застоя (1956–1986 гг.) – 19 иллюстраций

Вместе с демократизацией и относительным спокойствием, пришедшими в данный период, возрастает и количество обращений публицистов к комплексу *наш мир*. В используемых качественных прилагательных (*грубый (2), зелёный, новый, падший, прекрасный, обычный, грешный*) выражается разнообразная оценка *нашего мира*, нельзя говорить об однозначном отношении к эпохе.

Среди относительных (*современный (2), внутренний (2), сегодняшний (2), литературный, средний, механический, теперешний, трёхмерный*) начинают всё чаще встречаться темпоральные атрибутивы:

Меня очень многое беспокоит в нашем сегодняшнем мире (М. Донской. «Любовь и свобода» // «Советский экран», 1972).

5. Перестроечное время и переход к информационной цивилизации (1987–1999 гг.) – 28 иллюстраций

В этот период частота обращения к комплексу *наш мир* продолжает устойчиво расти. В сочетании с *наш мир* фиксируются следующие качественные атрибутивы: *современный (3), хрупкий (2), сложный, неустойчивый, абсурдный, обманчивый, суетный, несовершенный, маленький*.

Оценка мира соответствует хрупкой эпохе «перестройки»:

Наверное, это самое устойчивое в нашем неустойчивом мире – этнические предубеждения, стереотипы, клише (И. Руденко. Голоса незнакомых // «Общая газета», 1996).

Семантика относительных атрибутивов (*внутренний (2), советский, взрослый, бюрократический, пространственный, человеческий, четырёхмерный, спортивный, урбанизированный, материальный, музыкальный, эстрадный, кукольный, собственный, цивилизованный*) непривычно разнообразна. Целое поколение русских людей будто бы впервые обрело право голоса, увидело новые горизонты, которые и определили расширение круга тем в публицистике.

6. Современность (2000–2017 гг.) – 74 иллюстрации

В XXI веке публицисты всё чаще пишут о *нашем мире*. Период охватывает практически половину отобранных в качестве фактического материала иллюстраций. Семантика качественных прилагательных, в том числе и относительных, перешедших в разряд качественных (*современный (5), реальный (5), новый (3), несовершенный (3), бранный (2), большой (2), грубый, беспокойный, непредсказуемый, многообразный, невменяемый, жестокий, грешный, циничный, многоликий, разноликий, многонациональный, огромный, удивительный, отвратительный, привычный, непостоянный, издерганный, эмоциональный, пластмассовый*), передаёт пёструю и в основном резко негативную характеристику, ощущается большая свобода в выражении мыслей.

Используемые относительные прилагательные (*внутренний (5), подлунный (3), физический (2), подвездный (2), земной (2), сегодняшний (2), семейный, актёрский, музыкальный, крестьянский, трёхмерный, материальный, моторизованный, духовный, российский, собственный, природный, книжный, филологический, русский, повседневный, животный, безначальный, физический, плюралистический*) помогают понять, насколько более многообразным становится дефинируемый по принадлежности к коллективу мир.

Интересно отметить, что количество употреблений комплекса *наш мир* с атрибутивом коррелирует с употреблением комплекса *наш мир* без атрибута.

Проследить взаимосвязь помогут данные НКРЯ.

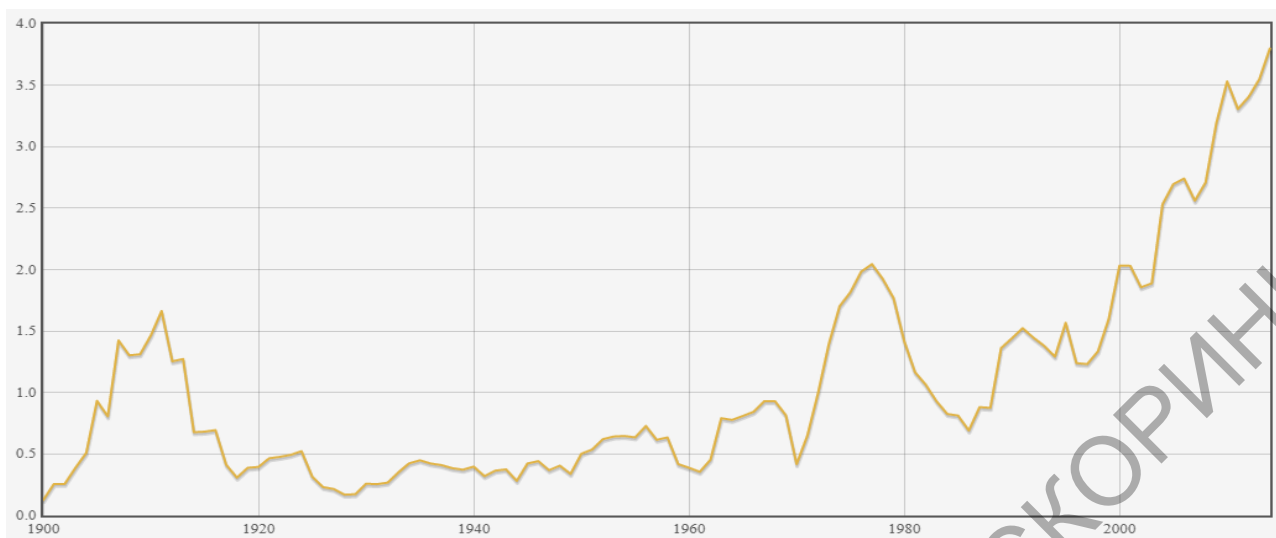

График частотности употребления комплекса «наш мир» с 1900-го года

По мнению социологов, социум «сплачивается» во время социальных катаклизмов [6, с. 484]. Ощущению единства способствует осознание трудности ситуации, когда индивид не может в одиночку противостоять перелому или принять его. Частично это мнение подтверждается графиком, данным выше. Показательны скачки частотности употребления комплекса *наш мир* в начале века и в годы «перестройки».

Но относительная ровность участка, например, с 20-х и до 60-х гг., заставляет задуматься над тем, а правильным ли был выбранный путь или, точнее, «режим», определяющий движение по этому пути. Казалось бы, революция должна дать толчок «нашимости» мира, а этого не происходит. Поэтому позволим себе дополнить мнение социологов: социум стремится к единению, осознаёт себя единым не только тогда, когда среда его обитания являет собой хаос, но и тогда, когда есть осознание, что путь развития общества и условия движения по этому пути определены верно.

Явный рост количества обращений публицистов к комплексу *наш мир* в последние годы показателен сам по себе. Сегодняшний мир нестабилен. Но глобализация и общий прогресс мирового сообщества дают понимание предпочтительных направлений развития. «Строительство» *нашего мира* продолжается.

Список использованных источников

- 1 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 18.09.2017.
- 2 Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь) : в 17 т. / АН СССР. Ин-т языкознания ; под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – Том 6 : Л–М. – 1460 с.
- 3 Арбатская, Е. Д. О лексико-семантических классах имен прилагательных русского языка / Е. Д. Арбатская, Д. И. Арбатский // Вопросы языкознания. – № 1. – М. : Наука, 1983. – С. 52–65.
- 4 Харитончик, З. А. Имя прилагательное: проблема классификации / З. А. Харитончик // Теория грамматики : сб. науч.-аналит. обзоров ; ред.-сост. Л. Г. Лузина. – М. : ИНИОН, 1990. – С. 94–119.
- 5 Виноградова, С. А. К вопросу о семантической классификации прилагательных / С. А. Виноградова. – Официальный сайт МАГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mshu.edu.ru/Виноградова/Семантика_ДО.zip. – Дата доступа : 07.10.2017.
- 6 Севостьянова, Н. Г. Общечеловеческие ценности / Н. Г. Севостьянова. – Новейший философский словарь ; сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 873 с.

Н. А. Залесская**ОБЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ КАРТИНКИ:
АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЙ, РАЗМЕЩЕННЫХ В «ТВИТТЕРЕ»**

Данная статья посвящена видам изображений, которыми обмениваются в социальной сети «Твиттер». В контексте исследования изображение – это всё, что подходит под формат электронного изображения, даже если оно пустое (бессодержательное) или содержит только текст. Основные вопросы исследования: какими видами изображений обмениваются в «Твиттере», что представлено на данных изображениях, почему и когда обмениваются этими изображениями.

«Твиттер» использует относительно небольшое количество населения многих стран, для того чтобы делиться короткими сообщениями, которые иногда включают в себя изображения (картинки). Основываясь на том, что существует недостаток общей информации о видах изображений, которыми обычно делятся в социальных сетях, в данной статье представлен контент-анализ случайно выбранных картинок, опубликованных в «Твиттере» в течение одной недели декабря 2016 года. «Твиттер» был выбран как одна из самых популярных соцсетей. Кроме того, это наиболее часто выбираемая соцсеть для публикации фотографий. «Твиттер» также используется, чтобы размещать фотографии и изображения, которые изначально были опубликованы на других сайтах, таких как «Инстаграм», «Пинтерест», «Фликер» или «Тамблер», что позволяет ему занять центральное место в цепочке обмена изображениями. Хотя большую часть изображений составили фотографии, были также представлены и так называемые «гибриды»: «скриншоты», коллажи и фотографии, содержащие текстовые сообщения. Половину изображений составили фото одного либо нескольких человек, 10 % из которых – «селфи», но также было и много других видов фотографий. Некоторые изображения были сделаны для рекламы или для того, чтобы рассказать шутку, но в большинстве случаев целью «твита» было желание поделиться деталями повседневной жизни в форме сплетни либо простого сообщения.

Большая часть пользователей «Твиттера» использует данную социальную сеть в личных целях, однако небольшую группу пользователей формируют журналисты, блоггеры и корпоративные бухгалтеры [1, с. 241]. Таким образом, личное использование «Твиттера» преобладает при распространении изображений. Особых доказательств, подтверждающих данное высказывание, – нет, но так как большая часть URL-адресов принадлежит именитым медиа-блоггерам, вероятно, что и большую часть публикуемых изображений создает то же элитарное меньшинство [2, с. 707].

Информация о том, как люди публикуют «посты», может помочь понять контекст изображений, которые они размещают. Контент-анализ 10 «твитов», выбранных случайным образом из архивов 350 активных пользователей, показал, что наиболее распространены были следующие категории «твитов»: «я сейчас/в данный момент» (40 %), утверждения/случайные мысли (23 %), мнения/жалобы (23 %), публикация информации (22 %). Данные сведения показывают, что в то время как большая часть пользователей делится личной информацией, другая часть «постит» более общую информацию. Если полученные данные перенести на изображения, можно сказать, что было опубликовано много как личных фото, так и фотографий с общим контекстом. Следовательно, типичные изображения в социальных сетях либо носят личный характер, либо сделаны для того, чтобы поделиться информацией.

Роль фотографии возросла благодаря семейным фотографиям, а также фото таких событий, как свадьба и других праздников, где визуальный контекст очень важен, чтобы сохранить воспоминания [3, с. 134]. Интернет предоставил людям потенциальный доступ к огромным

аудиториям, а смартфоны позволили пользователям снимать и распространять большое количество изображений, на которых запечатлены все аспекты их жизни. «Твиттер», например, дает возможность пользователям отправлять изображения непосредственно со смартфонов, посредством смс, с помощью девайсов «Apple» и с помощью компьютера.

Развитие цифровых технологий способствовало появлению новых тенденций в использовании фотографий [4, с. 211]. Обмен фото в социальных сетях – это не просто расширение возможностей их оффлайн предшественников. Например, существующие традиции, касающиеся размещения фотографий мертвых людей, изменились: стали более заметными и менее социально-ограниченными в социальных сетях. Влияние соцсетей также можно проследить в появлении новых жанров фотографии, таких как «селфи», «фотобомбинг» и «дакфэйс (лицо уточкой)».

На данный момент невозможно оценить, передают ли изображения сообщения в той же степени, в какой это делает речь, так как пока неясно, сообщают ли они вообще что-нибудь [5, с. 140]. Однако в социальных сетях изображения используются, чтобы передать, например, сильные эмоции [6, с. 171]. Фотографии выглядят, словно неотъемлемая часть мира, точно так же, как и комментарии под этими фото; более того, комментарии, относящиеся к фотографии, могут перерасти в настоящую беседу, тем самым став частью вербального дискурса. Эксперименты показали, что обмен фотографиями является инициатором обсуждений новых тем, что играет очень важную роль в коммуникации. Более того, постоянный обмен фото из повседневной жизни создаёт чувство присутствия близких людей рядом и помогает поддерживать отношения и общаться с друзьями на расстоянии. Это также объясняет очевидное преобладание абсолютно обычных фотографий в СМИ. Тем не менее обмен фотографиями онлайн имеет особенно важное значение для тех, кто ими делится, в частности, для подростков, которые могут скрупулёзно отбирать фотографии, чтобы создать желаемый образ в глазах своих друзей. Вдобавок ко всему, это может быть важной составляющей общения: получение информации о друзьях и знакомых – ключевая функция сплетен. К тому же, сплетни – одна из составляющих успеха социальных сетей.

Обмен информацией – это очень важная деятельность в «Твиттере», поэтому вполне ожидаемо большое количество относящихся к новостям изображений, которые поступают скорее из СМИ и от журналистов, чем от рядовых пользователей соцсетей. Тем не менее личные фотографии пользователей также оказывают большое влияние на новости. Например, мобильные телефоны предоставили доступ журналистам к фотографиям кризисных ситуаций в режиме реального времени, а также к информации «из первых рук» о происходящих конфликтах от фотожурналистов. Фотографии о сфабрикованных или неправдивых новостях также достаточно распространены.

Социальные медиа-профили неимоверно важны для политиков, чтобы те могли донести свои сообщения до аудитории. Картинки могут и отсутствовать в «твитах» политических деятелей, хотя бывают исключения.

Очень популярны в «Твиттере» знаменитости: интерес пользователей к известным персонам вызвал рост популярности этой социальной сети, например, среди молодых людей. Во время чтения «твитов» знаменитостей, у пользователей создаётся впечатление настоящего присутствия в их жизни, особенно если известные люди размещают фотографии со своих смартфонов, «селфи», например. Стоит отметить, что «перепост» таких «твитов» – обычное дело в «Твиттере».

Важной частью онлайн-культуры является обмен шутками, особенно в форме «мемов». «Интернет-мем» – это (часто) изображение или группа изображений, которые создаются благодаря культуре ремейков и распространяются во Всемирной паутине за пределы своей субкультуры [7, с. 78]. Одним из наиболее популярных видов «мемов» является изображение с текстом, написанным гротесковым шрифтом. «Лолкэтс», к примеру, – это необычные фотографии котиков с подписями, содержащими намеренно допущенные грамматические ошибки. Большое количество «мемов» основано на индивидуализированных изображениях,

фотографиях или мультипликациях, которые были созданы специально для того, чтобы выразить комичность (ситуации) или сарказм. Использование текста на изображении или непосредственно под ним является продолжением традиции рисования и искусства фотографии.

«Твиттер» также часто используется для размещения маркетинговой информации. В основном это изображения товаров, которые в данный момент на скидке.

Таким образом, изображения, которыми обмениваются в «Твиттере», чаще всего представляют собой фотографии, размещённые с целью поделиться свежими новостями с друзьями и знакомыми, а также рассказать, что пользователь делает в данный момент. Следовательно, обмен фотографиями является естественным визуальным продолжением живого общения или общения в социальных сетях (свойственно пользователям, использующим соцсети в личных целях). Данные снимки, кажется, отражают мимолётные моменты повседневной жизни, особенно при наличии смартфона. Обмен «скриншотами» также позволяет наглядно рассказать пользователям о своей деятельности, но без использования фотографий; данный вид изображений является относительно новым альтернативным методом обмена информацией. В некоторых случаях требуется разрешение на использование личных данных в «скриншотах», однако это позволяет быстро превратить личные сообщения в «скриншоты», доступные общественности.

Изображения также используются для более широкого обмена информацией, однако таких изображений оказалось меньше всего. Изображения, относящиеся к новостям (0,3%), политике (0,4 %), спорту (2,4 %), были достаточно редкими, а обмен информацией о рекламе (7,8 %), знаменитостях (13,9 %) и шутках (4,3 %) был более распространён. Текст был важной частью около трети всех изображений, включая фотографии с подписями и картинки, на фоне которых были высказывания или знаменитые цитаты. Тогда как «текст в картинках» – явление не новое, такой же вариант изображения с «мемами» составляет прочное меньшинство в визуальной Интернет-культуре.

Список использованных источников

- 1 De Choudhury, M., Diakopoulos, N., Naaman, M. Unfolding the event landscape on twitter: classification and exploration of user categories. In Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work. – New York : ACM Press, 2012. – P. 241–244.
- 2 Wu, S., Hofman, J. M., Mason, W. A., Watts, D. J. Who says what to whom on Twitter. In Proceedings of the 20th international conference on Worldwide Web. – New York : ACM Press, 2011. – P. 705–714.
- 3 Cogley, P., Haefner, N. Digital cameras and domestic photography: communication, agency and structure. Visual Communication. – 2009. – Vol. 8, iss. 2. – P. 123–146.
- 4 Gomez Cruz, E., Meyer, T. Creation and Control in the Photographic Process: iPhones and the Emerging Fifth Moment of Photography. Photographies. – 2012. – Vol. 5, № 2. – P. 203–221.
- 5 Mitchell, W. J. T. What do pictures want? The lives and loves of images. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 2005. – P. 140–152.
- 6 Bourlai, E., Herring, S.C. Multimodal communication on Tumblr: I have so many feels! In Proceedings of the 2014 ACM conference on Web science. – New York : ACM Press, 2014. – P. 171–175.
- 7 Gorjunova, O. The force of digital aesthetics: on memes, hacking, and individuation. In Zeitschrift für Medienwissenschaft. – 2013. – Vol. 8. – P. 70–87.

УДК 811.161.3'373

А. В. Кавалёва

ПЕРАЙМЕНАВАННІ НАЗВАЇ НАСЕЛЕНИХ ПУНКТАЇ У ПРАСТОРИ І ЧАСЕ

У артыкуле разглядаюцца перайменаванья назвы населеных пунктаў у выніку дэнамінацыі XX стагоддзя. Прыводзіцца храналагічная характарыстыка гэтых айконімаў на гадах, а таксама падаюцца ўтваральныя асновы новых адзінак.

Новая дзяржаўная ідэалогія, новы палітычны лад пасля падзей 1917 года ўплывалі на з'яўленне значнай колькасці перайменаванняў і новых назваў паселішчаў у беларускай айканіміі XX стагоддзя. Старажытныя найменні, якія былі матываваны славянскімі імёнамі-кампазітамі (*Відагошча*), царкоўнымі імёнамі ў іх размоўна-бытавой форме (*Іванаўка*), імёнамі-мянушкамі (*Каты*), гідронімамі (*Обаль*), а таксама былі ўтвораны ад лексем, што адлюстроўвалі асноўныя заняткі тагачаснага насельніцтва (*Майдан*), сведчылі пра спосаб атрымання і апрацоўкі зямельнага ўчастка (*Навіна*), якасць глебы (*Пусташы*), форму зямельных надзелаў (*Клін*), абазначалі прамыслова-гаспадарчыя рэаліі (*Гута*), тыпы пасялення (*Фальварак*), узыходзілі да гідраграфічных (*Таніла*), араграфічных тэрмінаў (*Гараватка*), флоралексем (*Дуб'ё*), зніклі з айканімікону краіны.

Новыя найменні, якія замянілі традыцыйныя адзінкі, матываваны апелятывамі-сімваламі і ідэаламі новага грамадства (*Рассвет*, *Авангард*), лексэмамі са станоўчымі канатацыямі (*Сонечны*, *Прывольная*), назвамі свят (*Акцябр*, *Першамайскі*). Адметнай рысай у айканіміі гэтага перыяду стала і з'яўленне вялікай колькасці айконімаў-мемарыялаў, створаных у гонар партыйных і дзяржаўных кіраўнікоў, рэвалюцыянераў, герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў, дзяржаў культуры (*Леніна*, *Кіраўскае*, *Чапаева*, *Заслонаўка*, *Някрасава*). Частымі ў новых найменнях былі лексэмы *новы*, *чырвоны*, што ў гэты перыяд набылі ідэалагічную канатацыю.

У працэсе перайменавання населеных пунктаў, які адбываўся ў 20-я гады XX стагоддзя, большасць змен прасочвалася ў найменнях, матываваных антрапонімамі, гідронімамі або іншымі айконімамі: *Мартынаўка* (да 1925 г. *Гумнішча*, *Светл.*), *Гамза* (да 1925 г. *Сямак*, *Светл.*), *Малая Мухаўка* (да 1926 г. *Аўсееўка*, *Касц.*). Другую па колькасці групу складаюць назвы паселішчаў, утвораныя ад тапаграфічных апелятываў: *Новая Ніва* (да 1924 г. *Машичоная*, *Чач.*), *Садоўка* (да 1924 г. *Прушчына*, *Рас.*). У роўнай ступені ў перайменаваннях гэтага часу засведчаны мемарыяльныя айконімы і найменні ад лексем з сімвалічным значэннем: *Калініна* (да 1924 г. *Пясчаная*, *Чач.*), *Прасвет* (да 1926 г. *Яўтушкавічы*, *Светл.*).

У 30-я гады XX стагоддзя адбываецца наступная хваля перайменаванняў, якая насіла масавы характар, – было заменена каля 180 найменняў. Новыя назвы, што з'явіліся ў айканіміконе краіны ў адзначаны перыяд, матываваны пераважна апелятывамі з сімвалічным значэннем. Такія адзінкі складаюць амаль палову ад усіх перайменаванняў гэтага дзесяцігоддзя: *Зорка* (да 1938 г. *Самуілаў*, *Б.-К.*), *Рассвет* (да 1938 г. *Пляшкі*, *Леп.*), *Перамога* (да 1938 г. *Кабыльнікі*, *В.-Дзв.*). Распаўсюджанымі ў гэты перыяд былі мемарыяльныя айконімы (41 найменне): *Кірава* (да 1938 г. *Святое*, *Жлоб.*), *Леніна* (да 1935 г. *Стары Фальварак*, *Бых.*). Засведчаны таксама назвы паселішчаў, утвораныя ад геаграфічных тэрмінаў, якія былі тыповымі для айканімічнага ландшафту Беларусі (22 айконімы): *Палессе* (да 1939 г. *Кабыльшчына*, *Светл.*), *Рубанае* (да 1935 г. *Кустар*, *Раг.*), а таксама айконімы, утвораныя ад фларыстычных апелятываў (13 найменняў): *Вішнёўка* (да 1937 г. *Кабылічы*, *Бабр.*), *Сасноўка* (да 1938 г. *Маханіца*, *Сен.*). У гэтае дзесяцігоддзе з'явіліся новыя адзінкі, матываваныя антрапонімамі, гідронімамі і іншымі айконімамі (каля 30 найменняў): *Ціханы* (да 1931 г. *Юравічы*, *Арш.*), *Днепрык* (да 1932 г. *Асветнік*, *Рэч.*), *Малая Каралёўка* (да 1937 г. *Ваўкалакі*, *Гор.*).

40-я гады XX стагоддзя характарызуюцца спадам актыўнасці дадзенага працэсу, на што паўплывала, верагодна, Вялікая Айчынная вайна. Сярод перайменаванняў у роўнай ступені засведчаны найменні ад апелятываў з сімвалічным значэннем (16) і мемарыяльныя айконімы (15): *Рассвет* (да 1947 г. *Чортава*, *Мсцісл.*), *Пралетарыя* (да 1944 г. *Рачча*, *Бых.*), *Будзёнаўка* (да 1941 г. *Умыркі*, *Мсцісл.*), *Чапаеўка* (да 1949 г. *Ляцк Нізкі*, *Шчуч.*). Адметнасць гэтага часу – з'яўленне мемарыяльных назваў паселішчаў у гонар герояў Вялікай Айчыннай вайны: *Гуляева* (да 1946 г. *Пагной*, *Люб.*), *Заслонава* (да 1945 г. *Казадоі*, *Сен.*). У гэты перыяд былі ўведзены ва ўжытак новыя найменні, матываваныя геаграфічнымі тэрмінамі (19 адзінак), а таксама назвы анамастычнага паходжання (17 назваў): *Рубеж* (да 1946 г. *Паляні*, *Лаг.*), *Дняпроўка* (да 1945 г. *Гарманы*, *Дубр.*), *Шымукоўшчына* (да 1945 г. *Гінькі*, *Паст.*), *Новая Трасна* (да 1944 г. *Пятровічы*, *Бых.*).

У наступнае дзесяцігоддзе (50-я гады XX стагоддзя) пераважаюць новыя айконімы ад апелятываў з сімвалічным значэннем (15 назваў): *Искра* (да 1957 г. *Карчагоўка*, Красн.), *Новая Зара* (да 1959 г. *Хабня*, Гар.). Найменні, якія паходзяць ад фларыстычных лексем, складаюць 11 айконімаў: *Вишня* (да 1959 г. *П'янькава*, Гор.), *Малінаўка* (да 1959 г. *Кабяльцы*, Докш.). Сярод адзінак ад географічных тэрмінаў засведчаны дзве назвы паселішчаў, утвораныя на ўзор традыцыйных айконімаў: *Красная Паляна* (да 1950 г. *Слюнькаўшчына*, Мсцісл.), *Падлукі* (да 1955 г. *Уюнішчы*, Калінк.). Новыя аданамастычныя ўтварэнні ідэнтыфікуюць 11 паселішчаў: *Малая Бароўка* (да 1958 г. *Дары II*, Маг.), *Пасёмкавічы* (да 1958 г. *Гавенавічы*, Круп.), *Вишанскі* (да 1957 г. *Сталінец*, Гом.). Мемарыяльныя найменні ўшановаюць герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў (4 адзінкі): *Чанаеўская* (да 1958 г. *Красілаўка*, В.-Дзв.), *Бумажкова* (да 1955 г. *Залесе*, Акц.).

У 60-я гады XX стагоддзя пачалася новая хваля дэнамінацыі. У гэты перыяд адбыліся замены 497 назваў населеных пунктаў: толькі ў 1964 годзе перайменавана каля 360 айконімаў. Адметнасцю дэнамінацыі названага дзесяцігоддзя вызначаецца з'яўленне ў айканіміконе краіны вялікай колькасці найменняў ад фларыстычных апелятываў (199 адзінак): *Бярозаўка* (да 1966 г. *Палякі*, Рас.), *Вінаградаўка* (да 1966 г. *Слатвін*, Чэрв.). Высокую частотнасць атрымалі айконімы ад лексем з сімвалічным значэннем (156 назваў): *Дружная* (да 1964 г. *Баўтухі*, Віц.), *Камсамольская* (да 1964 г. *Лукава*, Кап.). У адзначаны перыяд у айканімікон краіны было ўведзена 98 найменняў, утвораных на ўзор традыцыйных адзінак, прычым асобныя – ад гідронімаў, айконімаў: *Аляксандраўка* (да 1960 г. *Чарцеж*, Красн.), *Прыдзвінне* (да 1964 г. *Дарагакупава*, Віц.), *Малыя Тычыны* (да 1968 г. *Фальварак*, Сал.). Мемарыяльныя айконімы складаюць 44 найменні. Як і ў мінулыя дзесяцігоддзі, у пераважнай большасці гэтыя назвы ўзніклі ў гонар дзяржаўных дзеячаў: *Луначарскае* (да 1964 г. *Слабада-Дзісна*, В.-Дзв.), *Свярдлова* (да 1964 г. *Папіхова*, Віц.). Трэцяя частка мемарыяльных найменняў гэтага часу ўшаноўвала памяць герояў Вялікай Айчыннай вайны: *Сярогіна* (да 1969 г. *Бабыніха*, Сморг.).

У 70-я гады XX стагоддзя засведчана зніжэнне актыўнасці па перайменаванні (30 назваў населеных пунктаў). Дадзены перыяд характарызуецца з'яўленнем у тапанімічным ландшафце краіны новых фларыстычных найменняў: *Зялёная* (да 1978 г. *Дуравічы*, Віл.), *Сасноўск* (да 1970 г. *Мазураўка*, Красн.). Засведчаны і новыя назвы ад апелятываў з сімвалічным значэннем: *Перадавы* (да 1976 г. *Залясок*, Красн.), *Рассвет* (да 1971 г. *Шанрудаўка*, Чач.), а таксама два мемарыяльныя айконімы: *Азіна* (да 1975 г. *Белае*, Пол.), *Грэхыніна* (да 1977 г. *Багуславец*, Хойн.). У айканіміконе краіны з'явіліся і адгідранімічныя ўтварэнні: *Лютня* (да 1978 г. *Рагайлаўшчына*, Мсцісл.).

У 80-я гады акрэсленага стагоддзя дэнамінацыя амаль не адбывалася, зафіксаваны толькі два перайменаванні: найменне-арыенцір *Зарэчча* (Смал.) і адгідранімічная адзінка *Зяльвянка* (Зэльв.) замест айконімаў *Малая Пліса* і *Калонія Сінайская* адпаведна.

У выніку перайменавання ў айканіміконе краіны з рознай інтэнсіўнасцю ў адзначаныя дзесяцігоддзі з'явіліся новыя адзінкі, асабліва частотнымі яны былі ў 30-я і 60-я гады XX стагоддзя і засведчаны амаль ва ўсіх раёнах Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Поспелов, Е. М. Персональные мемориальные названия / Е. М. Поспелов // Топонимия и общество : сб. ст. / Акад. наук СССР, Моск. фил. Геогр. о-ва СССР ; редкол.: Е. М. Поспелов [и др.]. – М., 1989. – С. 35–51.

2 Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць : навук.-папул. эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Лит. и Искусство, 2008. – 416 с.

І. У. Каліта

**БЕЛАРУСКАЯ ГАСТРАНАМІЧНАЯ ЛЕКСІКА І ФРАЗЕАЛОГІЯ
Ў “СМАЛЕНСКИМ АБЛАСНЫМ СЛОЎНІКУ” У. М. ДАБРАВольскага**

В статье представлена гастрономическая лексика и фразеология, зафиксированная в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского. Рассмотренные единицы дают возможность реконструкции пищевого рациона белорусов в XIX – начале XX века и могут служить материалом для создания брендов в сфере современной рекламы и туризма.

Найбольш значнай працай У. М. Дабравольскага (1856–1922) – вядомага этнографа і фалькларыста, уся дзейнасць якога была звязана са Смаленшчынай, лічыцца “Смаленскі абласны слоўнік” [1]. Яго першае і адзінае выданне было здзейснена ў 1914 годзе. Слоўнік змяшчае надзвычай багаты моўны і этнаграфічны матэрыял, што дазваляе характарызаваць гэтую працу як энцыклапедычную.

Спецыфіка названага слоўніка палягае ў тым, што, будучы слоўнікам перакладным (беларуска-рускім), ён прэзентуе моўны і этнаграфічны матэрыял памежжа і з’яўляецца каштоўнай крыніцай для даследчыкаў абедзвюх моў. Нягледзячы на значную інтэрферэнцыю, якой пазначаны артыкулы, гэта выданне можа стаць крыніцай для даследванняў не толькі чыста лінгвістычных, але і гендэрных, культуралагічных і іншых. Карысным слоўнік можа быць для такіх сучасных галін, як рэкламная і турыстычная.

Выданне ўтрымлівае шмат назваў і ўстойлівых спалучэнняў, звязаных з вобразам жыцця і харчаваннем беларусаў XIX – пачатку XX стагоддзяў. Больш падрабязна мы разгледзім беларускую гастронамічную лексіку і фразеалогію. Такі выбар абумоўлены сучасным стаўленнем турыстаў да знаёмства з краінай і тым фактам, што ежа, разам з дыханнем, вадой, сном і фізіялагічнымі патрэбамі, паводле Піраміды патрэб Абрагама Маслоу, ляжыць у аснове першасных патрэб чалавека.

Пытанні, якія закранаюць глёттанічны, альбо гастронамічны, дыскурс, у агульным рэчышчы мовазнаўства адносяцца да мала даследаваных. Толькі напрыканцы XX стагоддзя гэта тэматыка стала прадметам лінгвістычнага даследавання, але асноўным месцам яе «прапіскі» застаюцца кулінарныя кнігі, рэцэпты і меню. Сярод беларускіх даследванняў гастронамічнага дыскурсу, трэба адначыць працы Т. А. Наваградскага [2; 3; 4; 5], А. М. Палуян і А. М. Воінавай [6; 7; 8], А. Белага [9], А. С. Антановіч [10], І. А. Кавальчук [11].

Кулінарная лексіка як разрад лінгвакультурных рэалій

Гастронамічная лексіка часта ўваходзіць у разрад лінгвакультурных рэалій, у рамках якіх гэты лексічны пласт прадстаўлены безэквівалентнымі лексічнымі адзінкамі, лакунамі, культурна-маркіраванымі назвамі, экзатызмамі і гастронамічнымі канцэптамі.

Аналіз “Смаленскага абласнога слоўніка” У. М. Дабравольскага дае магчымасць параўнання звычак у традыцыйным народным харчаванні беларусаў і занатавання тых змен, якія адбыліся ў беларускай гастронамічнай сферы цягам стагоддзя. Слоўнік сведчыць, што асноўнымі прадуктамі для прыгатавання страў былі крупы, мука, гарох, цыбуля, каноплі і канаплянае масла, малако, рыба, сала, лой. Сялянскае меню складалася з супоў (*кісялёвіна, крупеня*), каш, хлеба, печанага з розных відаў мукі; такіх страў, як клёцкі, камы, лапша і бліны (лапуны). Стравы з мукі і гародніны часта прыпраўлялі ільняным алеем ці канапляным малаком.

На момант стварэння слоўніка ў народнай свядомасці была сфармаваная пэўная ацэначная сістэма прадуктаў. Пра іх падзел на лепшыя і горшыя яскрава сведчаць асабліва прыязныя адносіны да грэчкі.

Каша. Каша гречневая. Когда скот телится, варят гречневую кашу Цебрик. Каша гречишная сама себе хвалить. Поговорка.

Каша манная.
Ня умела насъ кармить,
Ты ня умела насъ паить:
Ни каровымъ малакомъ,
А ты светлыю вадою,
Ты ни манною кашей,
Ты съ грячиныхъ крупъ [1, с. 317].
Крупа. Будуть крупы – не гречиха! (въ угрозе) [1, с. 317].

Слоўнікавыя артыкулы сведчаць пра тое, што ў XIX – на пачатку XX стагоддзя ў прыгатаванні ежы найбольш значным алеем быў канапляны, тоўчанае семя каноплі выкарыстоўвалася для прыправы многіх страў. Гэта заканамерна абумолена фактам, што каноплі адносіліся да найбольш пашыраных культываваных раслін.

Беларуская эканоміка развівалася на падмурку земляробства, у аснове якога ляжала вытворчасць зерневых. Галоўнай зерневай культурай было азімае жыта, другім па значнасці – авёс, трэцім – ячмень.

Пачынаючы з 20-х гадоў 19 ст. у Беларусі адбывалася тое, што еўрапейскія гісторыкі называюць “бульбяной рэвалюцыяй”. Менавіта тады значна выраслі зямельныя плошчы, занятыя пад пасевы бульбы, і хутка яна стала сапраўды нацыянальнай сельскагаспадарчай культурай беларусаў. Тэхнічныя культуры – лён, канапля, хмель і некаторыя іншыя – хаця і займалі другараднае становішча, але, як правіла, абавязкова прысутнічалі ў кожным севазвароце [12, I].

Маслобойщикъ – крестьянин, выбивающий масло изъ конопли; „аливу выделяетъ” Пореч. у., Иньково [1, с. 401].

Да лепшай ежы адносіліся камы, у слоўнікавым артыкуле гэта падкрэслівае і прыведзенае ўстойлівае спалучэнне: *комы* – кушань: шары изъ растёртаго гороха съ толченой коноплей. *Люди идять камы, да ня мы* [1, с. 339]; *лапунъ* – 1) лепешка (В Мог. губ.) Лапунъ канаплей подёрнуть <...> [1, с. 368]. У С. Барыса: “Лапун, сквародник, сачня – печыва з квашанага цеста ў выглядзе тоўстага бліна” [13, I] (У выпадку, калі цытата прыводзіцца па электронным выданні, у спасылцы замест нумару старонкі прыводзіцца літара I – інтэрнэт-рэсурс).

Традыцыйным было выкарыстанне сала і лою (“Лой – жир, внутреннее сало” [1, с. 379]), у пашане былі ляпёшкі і бліны.

Лепёшки. Для лепешекъ готовится такая же мука, как, для пироговъ и теста, т. е. изъ ячной ржи. <...> Лепешки изъ картофеля. Хозяйка отварить неочищенный картофель, потомъ очиститъ его, толчет в ступе толкачем и прибавляетъ туда ржаной муки, пока образовавшаяся масса не станеть тянуться за толкачом. Тогда хозяйка всю массу вынимаетъ изъ ступы, делаетъ изъ нея лепешки и печетъ ихъ. Лепешки едятъ съ маслом, а иногда сухия. Рослав. у., Тананыкино [1, с. 373].

Прасочваецца арыентацыя харчавання на каляндарна-абрадавы цыкл – падзел ежы на пасныя і багатыя, а таксама святочныя. Пераважае пасная ежа, а таксама “універсальныя” тыпы, якія можна ўжываць як паснае (запраўленае постным алеем ці не запраўленае) ці запраўленае, гэта ламанцы ці клёцкі.

Ломанцы – ломаныя лепешки; пекутся пресныя лепешки и заливаются коноплянымъ сокомъ и опять ставятся въ печку. За обедомъ подаются горячія лепешки. Ихъ ломають при заливании сокомъ, отчего название “ломанцы”. Любимое постное кушанье [1, с. 380].

Клёцки – кушанье. Клецки делаютъ изъ ржаной муки; готовятъ пресное тесто, прибавляютъ въ него немного соли, яичка два или три въ дни скоромные. Тесто делаютъ очень густое, крышатъ тесто ножомъ, опускають его въ кипятокъ. Когда клёцки вскипятъ, кладутъ въ скоромные дни мелко изрубленное сало; или, закипятивъ их, сливають воду и разбавляютъ молокомъ; въ постные дни прибавляется постное масло, поджаренное съ лукомъ. Росл. у., Тананыкино. *Хто последнюю клёцку съестъ, тога у барану качать.* Смол., (Добров. Э. С. I, 46). Пореч. у., Иньково [1, с. 324].

Слоўнік зафіксаваў лексіку, якая называе розныя віды традыцыйных супоў: крупеня, кісялёвіна.

Киселёвина – похлебка изъ кисельной муки. Кисялёвина. <...> [1, с. 318].

Крупеня – ячный супъ, супъ съ крупюю. Рослав. у., Тананыкино.

Спасиба, сватьтя, за вячерю,

– *За пракислую крупеню!* Смолен. (Добров. Э. С. II, 129) [1, с. 362].

Для многіх страў Дабравольскі даў апісанне спосабу прыгатавання.

Лапша – 1) кушанье. Приготавливается очень крутое тесто; в него прибавляют по вкусу соли, кладут одно или два яйца, смотря по достатку хозяйки. Когда тесто замесят, то раскатывают его довольно тонко, потом складывают пластомъ и мелко крошатъ ножомъ. Когда мясо поварится въ кипятке, опускают в кипятокъ покрошенную лапшу, разокъ вскипятятъ, потомъ пакрываютъ сковородой и ставятъ въ вытопленную печь. <...> [1, с. 368].

Лапшинникъ – сеченка – кушанье изъ теста. <...> [1, с. 368].

Значнась хлеба падкрэслена не толькі яго назвамі, але таксама назвамі частак (*лустачка, краец*) і прызначэння (*квасовка*).

Луста – 1) булка, хлеб. *Тада хазяйка гаварить: “Охъ, ты, мой тютчикъ, вотъ табе лусту хлеба: а то ты атьпцаў”*.

Шишка супурыжка!...

Пади къ намъ полыдничать.

И съ сваею лустычкью [1, с. 385].

Квасовка – булка хлеба, сделанная изъ преснаго теста, предназначенная для деланія кваса” [1, с. 318].

У слоўніку зафіксаваны і назвы напояў: алкагольных (*водка, гарэлка, акавітая*) і неалкагольных (*квас*). Квас прадстаўлены таксама як напой абрадавы.

Квась – играет роль въ неторыхъ народныхъ обрядахъ; готовится к празднику “свечи”. Домохозяева, справляющие свечу, подходят другъ къ другу съ ведрами кваса; потомъ, взявшись за руки, вертятся на одномъ месте: Я к табе раз! – А я к табе два!” [1, с. 318].

Святочная ежа, прымеркаваная да пэўныхъ свят, – мазурка (*мазурка* – сладкая сдобная булка, которая печется къ Пасхе [1, с. 395] і канон (*канон* – кутья, разведенная водою съ мёдом, употребляемая при поминовении. Каноны – просфоры у церквоў приносили [1, с. 310].

Цікавы прыклад уяўляе сабой слоўнікавы артыкул “Малозіўца”, які дае інфармацыю этнаграфічную – сведчыць пра ролю каровы ў сялянскай гаспадарцы і расказвае пра старажытную традыцыю. Разам з тым адносіны да “святога” у гаспадарцы пераносяцца на адносіны да чалавека, з каровай параўноўваюць маладую. У гэтым параўнанні прасочваецца аналогія с прыкладам старажытнай індыйскай фразеалогіі, у якім паходка жанчыны параўноваецца з паходкай слана. Гаджагаміні (*Gajagamini*) – ‘(ідзе) паходкай слана’ – адзін з найлепшых кампліментаў для індыйскай жанчыны.

Малозіўца – молоко, которое получается у коровы передъ или после отеления, смолитое. Обыкновенно это молоко кипятятъ; получается кушанье въ роде яичницы. На телившуюся корову надеваютъ намётку. Въ этотъ день варят кашу. На свадьбе молодуху называютъ коровой. Кароўка тьялилась и малозіўца сварилась. Смол, у., (Добр. Э. С. II, 151) [1, с. 397]. Слоўнік паслядоўна перадае і нястачу, недахоп прадуктаў – гаспадыні былі вымушаны ежу нечым падешшыць, дадавалі ў яе расліны, якія арганізм падтрымлівалі.

Лебеда – 1) лебеда; 2) плохая пища. *Хуть вада – либида, а хазяйка* (в голодные годы примещивали лебеду к хлебу).

А юси дабры, уси здаровы,

А мильй ляжить, якъ колода,

А я мольда, якъ лябёда [1, с. 371].

Неакрэслена-гастронамічная сфера

З лексіка-фразеалагічнымъ гастронамічнымъ пластомъ у кожнай мове звязаны сітуацыйныя, культурна-абумоўленыя адзінкі, якія фіксуюць пэўныя станы нацыянальнага харчавання ў розныя гістарычныя адрэзкі. Безумоўна, і ў гэтай тэме існуе бінарная апазіцыя, якая рэгіструе наяўнасць – адсутнасць, ці недахоп ежы. Дадзеныя адзінкі таксама заслугоўваюць увагі, яны могуць быць абыграны ў рэкламных кампаніях.

Устойлівых спалучэнняў з гастронамічным кампанентам у слоўніку няшмат, некаторыя з іх можна назваць неакрэслена-гастронамічнымі. Гэта значыць, што семантычна словазлучэнне звязана со сферай харчавання, але не ўтрымлівае гастронамічны кампанент. Напрыклад: *чалавечая кішка шыры за мяшка; дома ашмёткам шы хлебаіть і ложкі ні маіть.*

Масоль – голая кость. *Дань масоль – хочь гложи, хочь – падь печку брось. Гладаим адны масла.* Смол. у. [1, с. 401].

У слоўніку У. Даля таксама зафіксаваныя выразы, якія выйшлі ў рускай мове з ужытку: *Кто поздно пришел, тому оглодан мосол. Барскому псу и мосол не мосол. Дан тебе мосол – хоть брось, хоть гложи, да больше не проси. Дан мосоль, хоть гложи, хоть лижи, хоть на завтра положи. Дан собаке мосол: хоть ешь, хоть брось, хоть вперед полож. Богатый не по два раза обедает, а и бедному мосол – он и сыт и весел! Один мосол во щах не варят. С голого мосла не навар. Каша пригорела, щи ушили; был мосол, да собаки унесли.*

Для параўнання: у рускай мове слово *мосол* (большая кость, преим. бедренная) [14, П] у слоўніках прыводзіцца з паметамі обл., прост., сниж. і суадносіцца з вельмі худым чалавекам (*Кость (обычно большая, выступающая под кожей). Мослы торчат у кого-н. (очень худ)*) [15, П].

В «Большом словаре русских поговорок» зафіксаваныя жаргонныя выразы (*Два мосла и кружка крови. Жарг. мол. Шутл.-ирон. Об очень худом человеке. <...>; Шебуришать (шевелить) мослами. Жарг. мол. Шутл. Быстро идти, шагать. <...>; Ставить на мослы кого. Жарг. мол. Избивать кого-л. <...>*) [16, П].

У рускім вараўскім жаргоне *мосол* – худошавы чалавек. Дадзеная адзінка зафіксавана таксама ў першай палове XX ст. ў дзённіках В. Шаламава.

Разам з іншымі слоўнікамі канца XIX – пачатку XX ст.ст. слоўнік У. М. Дабравольскага дазваляе вычлениць устарэлыя адзінкі, якія валодаюць вялікім патэнцыялам. Некаторыя з іх па-рознаму прадстаўлены ў сучасных ўсходнеславянскіх мовах, разам з тым, у час свайго актыўнага ўжывання яны мелі і творчы патэнцыял – выкарыстоўваліся ў пераносных значэннях і ўваходзілі ў склад метафар. Такімі прыкладамі служаць адзінкі *масол* і *клёцка*.

А Патапа Максимыча дочка Прасковья Патаповна тяжела, на сносях, а зятка ихнего Таифа не одобряет: был-де архирейский посол, а стал собачий мосол – от одного берега отстал, к другому не пристал (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)) [17].

Клёцка – ласкательное слово, *моя клёцка* [1, с. 324].

«Смаленскі абласны слоўнік» У. М. Дабравольскага зафіксаваў адзін з этапаў міжмоўнай беларуска-рускай інтэрферэнцыі. Сярод шматлікіх тэматычных груп гастронамічная лексіка прадстаўлена асобнымі словамі, устойлівымі спалучэннямі, у асобных выпадках аўтар дапоўніў гэтыя адзінкі падрабязным апісаннем спосабу прыгатавання азначаных страў. Прыведзеныя У. М. Дабравольскім адзінкі гастронамічнай тэматыкі могуць быць пакладзены ў аснову сучасных рэкламных кампаній, звязаных з гастронамічнымі, і больш шырока – турыстычнымі маршрутамі, развіццё якіх на сённяшні дзень з'яўляецца для Беларусі адной з прыярытэтных задач.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Добровольский, В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. – 1019 с.

2 Наваградскі, Т. А. Беларуская народная кулінарыя XIX – пачатку XX стагоддзя (структурны аналіз) : аўтарэф. ...дыс. канд. гіст. навук : 07.00.07 / Т. А. Наваградскі. – Мінск, 1995. – 18 с.

3 Наваградскі, Т. А. Традыцыі народнага харчавання беларусаў у Заходнім Палессі / Т. А. Наваградскі // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 5 / Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навуковы рэдактар А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 592 с.

4 Наваградскі, Т. А. Класіфікацыя страў / Т. А. Наваградскі // Польша, 2008. – № 1. – С. 241. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://kamunikat.net/czasopisy.html?pubid=6730> – Дата доступу : 17. 05. 2016.

5 Наваградскі, Т. А. Традыцыйныя трапезы (беларуская народная кулінарыя) / Т. А. Наваградскі // Польша, 1997. – № 1. – С. 249.

6 Палуян, А. М. Найменні кулінарных вырабаў у гаворках Гомельскага рэгіёна / А. М. Палуян, А. М. Воінава // Каб жыло наша Слова : зб. навук. артыкул. да 90-годдзя з дня нараджэння Ф. Янкоўскага / рэдкалег.: М. І. Новік і інш.; пад агульн. рэд. М. І. Новік. – Брэст : Альтэрнатыва, 2009. – С. 81–84.

7 Палуян, А. М. Кулінарная тэрміналогія ў беларускіх гаворках паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / А. М. Палуян, А. М. Воінава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 8 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – С. 498–508.

8 Палуян, А. М. «Дзе каша і аладка, там будзе і грамадка» (найменні страў, звязаных з абрадамі і звычаямі) / Палуян А. М. // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 11 / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2011. – С. 553–561.

9 Белы, А. Наша страва. Сапраўдная беларуская кухня; др. выданне / А. Белы, З. Дзядзенка, А. Дзярновіч і інш.; укладальнік А. Белы. – Мінск : ПП Логвінаў, 2010.

10 Антановіч, А. С. Традыцыі харчавання беларусаў і іх выкарыстанне ў сучасным аграрызме / А. С. Антановіч // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 15–18 мая 2013 г., Минск : В 3 ч. – Ч. 2. – Минск, 2013. – С. 293–297.

11 Кавальчук, А. І. Адлюстраванне асаблівасцяў культуры харчавання ў беларускай народнай лексіцы і фразеалогіі / А. І. Кавальчук // Лингвистика и методика в начальной школе. Вып. 5 : сб. научн. ст. : В 2 ч. – Ч. 2. – Гродно : ООО «ЮрСаПринт», 2013. – С. 175–179.

12 Кіштымаў, А. Эканамічныя асновы беларускай дзяржаўнасці на пачатку 20 ст. / А. Кіштымаў // Гістарычны Альманах. – Т. 3. – 2000. – С. 16–48.

13 Барыс, С. Этнаграфічны тлумачальны слоўнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://szlachta.io.ua/s2615970/symon_barys_etnagrafichny_tlumachalny_slonik – Дата доступу : 17.10.2017.

14 Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

15 Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://slovarozhegova.ru/ozhegov.php> – Дата доступу : 17.10.2017.

16 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 785 с.

17 Национальный корпус русского языка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.ruscorpora.ru> – Дата доступу : 17.10.2017.

УДК 811.161.1'42:159.942.3

Т. И. Каличкина

ИРОНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье на основании анализа научных воззрений на определение иронии и политического дискурса предлагается собственное исследование дискурсивных практик Главы МИД РФ С. В. Лаврова.

Политический дискурс как публичная коммуникативная сфера обладает рядом отличительных особенностей. Наиболее точно его охарактеризовала Р. Водак: «Он находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. И должен выполнять противоречивые функции, в частности должен быть доступен для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [1, с. 286–291]. В этой связи естественным оказывается тот факт, что выступления современных политиков экспрессивно и эмоционально окрашены. В. И. Шаховский писал: «Народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [2, с. 37].

Несомненно, что вербальные средства передачи информации специфичны для каждого политика: они зависят от культурно-исторического контекста, политической ситуации, целей и методов ее достижения, при этом к числу основных следует отнести метод убеждения. П. Б. Паршин утверждал, что «всякий текст оказывает влияние на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [3, с. 72].

Вербальные знаки политического дискурса имеют ряд отличий от повседневного языка: нередко языковые единицы «приобретают» нетипичную для них интерпретацию и наполняются противоположным смыслом. Как отмечает Н. А. Боженкова, «...люди в большинстве случаев напрямую не соприкасаются с миром политики, их знания в этой области складываются не в результате собственного опыта политического участия, а преимущественно на основе предлагаемых им вербальных “картинок”. Сообщения о состоянии дел могут выступать в форме описаний, мнений, сравнений и выводов; они могут быть реализованы в самых разнообразных речевых действиях и жанрах – пресс-конференции, послании конгрессу, неформальной беседе, интервью и т. д. Помимо явной, эксплицитной информации, эти сообщения могут включать имплицитно-коннотативный слой информации (эмотивно-окрашенные ключевые слова, выражающие базовые политические ориентации и ценности, патриотические символы, эвфемизмы и пр.» [4, с. 258]. Иначе говоря, в политическом тексте содержится не только эксплицитный смысл, но и прямо противоположный ему, зачастую являющийся единственно истинным. Такая особенность политического текста дает отсылку к философскому пониманию иронии.

В контексте политического дискурса ирония является личностным восприятием организации универсума, находящим свое отражение в языке, и используется политиками для диффамации оппонента. В современном политическом пространстве актуализируется авторизация и избавление от клишированности дискурса, усиливается модус художественности: политический дискурс приобретает интертекстуальность, а ирония в контексте современного политического дискурса оказывается моделью мировосприятия политических и культурно-обусловленных реалий, возникающего в результате семантико-стилистического взаимодействия «своей» и «чужой» речи, что порождает двойственность и смысловую неоднозначность. В результате можно сделать вывод, что политический дискурс предполагает наличие (с позиции автора) скрытых сюжетных схем, иронических высказываний, цель которых – убедить аудиторию в истинности своей речи. С позиции же адресата – знание культурных, исторических и политических особенностей той страны, гражданином которой является политик.

Функции иронии в контексте политического дискурса могут варьироваться в зависимости от ситуации, однако выделяются две из них, наиболее часто встречающихся. Первая – это скрытое нападение на оппонента, выражение агрессии. Ирония придает политическому тексту образность, яркость, он становится более запоминаемым и эффективнее воздействует на аудиторию. Второй значимой функцией иронии следует считать языковое самовыражение политика – передачу его личностного отношения к ситуации. Поскольку современный политический дискурс реализуется, как правило, в СМИ, а СМИ в свою очередь являются неотъемлемой частью этого вида дискурса, то создаваемый коммуникативный портрет напрямую адресуется народным массам.

При исследовании политического дискурса как одного из культурных феноменов, способных формировать отношение к миру, особую значимость для нас приобретают политические дискурсивные практики политических деятелей, ведущих профессиональную деятельность с советского периода. Одним из таких политиков является глава МИД РФ С. В. Лавров, чья профессиональная деятельность берет начало с 1972 года. В настоящее время С. В. Лавров является одним из ведущих политических деятелей на международной арене и в то же время является представителем целой эпохи российских политических деятелей, разнотипных по «языковым пристрастиям».

Для высказываний С. Лаврова характерна метафоричность, яркая образность и сопоставление абсолютно разных явлений. При анализе следующей публикации можно говорить

о комическом эффекте, который базируется на игре смыслов, выраженной в переносе акцентов: *Вальс, по определению, это хождение по кругу. Вальс поэтому не подойдет. Танго – ну, там тоже есть какие-то резкие движения. Твист у нас уже был. Поэтому – два шага вперед, один шаг назад. Тенденция абсолютно позитивная.* Так охарактеризовал С. В. Лавров отношения между США и РФ. Перенос политических отношений в сферу искусства, яркие метафоричные образы – все это создает комический эффект, базирующийся на столкновении несовместимых сфер деятельности.

С. В. Лавров часто использует иронию на пресс-конференциях и в общении с журналистами при комментировании внешнеполитических событий. Отличительной особенностью иронии С. Лаврова является тонкая граница между иронией и сарказмом. При использовании риторических фигур для достижения иронического эффекта С. Лавров апеллирует к метафоре и семантической несовместимости: – *Как можно разрешить проблему Крыма?* – (журналист) *...Крым – не проблема. Крым – территория Российской Федерации* (С. Лавров) (наблюдаем сочетание нескольких типов риторических фигур, апеллирование к когнитивной метафоре, уклонение от прямого ответа).

Следующий пример иллюстрирует обыгрывание С. В. Лавровым литературного приёма «говорящая фамилия»: *Это сделал, по-моему, один из депутатов Верховной рады с какой-то говорящей фамилией. Какой-то Панасюк, то ли Поросюк – я не помню* (о депутате Рады Владимире Парасюке, который сорвал флаг с посольства РФ в Киеве).

Таким образом, понимание иронии в контексте политического дискурса предполагает осознание диалектичности и неоднозначности контекста и высказываний политиков. Интерпретация политических ситуаций сквозь призму иронии формирует у адресата отрицание политического конформизма, переосмысление политической ситуации, а амбивалентность высказывания, создающаяся посредством иронии, является для адресата стимулом к последующему анализу ситуации.

Список использованных источников

- 1 Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. К. Водак // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 286–291.
- 2 Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
- 3 Пивоев, В. Т. Ирония как феномен культуры / В. Т. Пивоев. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2000. – 104 с.
- 4 Боженкова, Н. А. Современный политический дискурс: вербальная экзemplификация тактико-стратегических предпочтений / Н. А. Боженкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2017. – Т. 15. – № 3. – С. 255–284.

УДК 81'27:821.161.1–14*М.Цветаева

Н. П. Капшай

ПОСТИЖЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И СУЩНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В ЕДИНСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДОВ (на примере произведений М. И. Цветаевой)

На основе целостного лингвистического и литературоведческого анализа поэтического текста исследуются лирические произведения М. И. Цветаевой, выявляются характерные изменения в ее поэтике, отображающие сущность исторических эпохальных сдвигов.

Поэтическое творчество великого поэта наиболее полно и точно отображает изменения, происходящие в реальной исторической действительности. Понять сущность происходящего

здесь и сейчас всегда трудно, обывателю почти невозможно. Поэт издавна предстает той личностью, которой приписывается (и не только в мифологии и романтической литературе) провидческий дар в познании мира, осуществляемом через художественное слово. Следовательно, через язык, поэтику художника слова мы можем понять сущность происходящих эпохальных перемен.

Цель нашего исследования: выявить, каким образом в слове «первого поэта XX века» (И. Бродский) Марины Ивановны Цветаевой преломлялись и отображались грандиозные исторические катаклизмы начала XX века, внутри которых она находилась как человек и писатель. Исследование требует решения нескольких задач: объединения лингвистического и идеологического аспектов, доказательства актуальности заданного направления, определения роли преподавателя, выполняющего функцию адаптора в овладении обучаемыми технологией филологического анализа.

Для проведения интегрированного анализа имеется методологическая база, подготовленная лингвистами и литературоведами. Еще А. А. Потебня писал: «История литературы должна все более и более сближаться с историей языка, без которой она так же ненаучна, как физиология без химии» [1, с. 210]. Б. А. Ларин последовательно разрабатывал методологию, в которой «...все уровневые аспекты анализа подчинены семантической интерпретации элементов текста и внутритекстовых связей в соответствии с семантикой произведения» [2, с. 9]. «Точным» называл литературоведение М. М. Бахтин, отстаивавший принцип текстоцентризма в изучении литературного произведения. В опоре на лингвистику созданы работы литературоведов В. В. Жирмунского, Г. А. Гуковского, Ю. М. Лотмана и других. В филологии методология, соединяющая лингвистический и литературоведческий подходы, получила разные обозначения: филологического анализа (Ф. И. Буслаев, В. А. Маслова), целостного анализа текста (Г. А. Гуковский, М. М. Гиршман), семиозстетического анализа (В. Тюпа). Надо отметить, что наиболее проблемной и мало разработанной остается сфера применения методологии на практике. И, конечно, здесь главную роль, выполняя адаптационную функцию, должен сыграть преподаватель-словесник.

Методика обучения анализу базируется на принципе научности. Интеграция лингвистического и литературоведческого аспектов должна быть лингвистически научно точной и убедительной и вместе с тем не разрушать эмоциональность произведения как знаковую черту, маркирующую родовую сущность лирики. Вместе с тем допускается «щадящее», гибкое использование научной терминологии, сложное адаптируется в простое, умело совмещается лингвистическая и литературоведческая лексика. Стратегию анализа может определить понятие-интегратор, благодаря которому объединяют два подхода.

Одним из самых проверенных аналитической практикой понятий-интеграторов является мотив. Он целостно вбирает в себя семантику разных компонентов произведения, подчинен идее произведения, позволяет автору наиболее точно выказать свою мысль, а читателю адекватно ее декодировать. Мотив прежде всего воплощается в семантике слова. Два понятия – мотив и полисемия – являются опорными в методике анализа выбранных нами стихотворений М. И. Цветаевой.

Марина Ивановна Цветаева («поэт с историей», согласно ее собственной классификации) была свидетельницей грандиозных исторических катаклизмов начала и первой четверти XX века. В сложной идеологической обстановке, когда проповедовались и реализовывались разные смелые теории, она оставалась верна одному проверенному временем способу исследования и постижения сущности происходящего – слову.

У Цветаевой отношение к слову как средству познания глубоко интуитивно и одновременно рационально (ремесленнически) выверено. В творческом процессе точно найденное, «единственное слово» для нее «самоцель». Она убеждена в «самостоятельной жизни слова». Как творец всецело подчинена художественному процессу: «когда ... каждая строка – борьба за суть, когда кроме сути (естественно для поэта высвобождающейся через слово!) ему ни до чего нет дела» [3, с. 401]; «...как-то я докрикиваюсь, доскакиваюсь, докатываюсь до смысла, который затем овладевает мною на целый ряд строк [3, с. 401].

В 1916 году Цветаева в ситуации романтического соперничества с Анной Ахматовой пишет провидческое стихотворение «Красною кистью рябина зажглась...», завершающее цикл «Москва». В стихотворении торжественно выказана радость рождения великого поэта, приход в сей мир которого торжественно воспринимают природа, общество, разные конфессии – все силы жизни. В произведении «основа моделирования идеологического смысла и образной системы» [4, с. 75] создана одним, чутко найденным автором словом *красный*. Слово-образ потенциально заключает в себе емкий культурный смысл, который многопланово актуализируется поэтом. По словам А. Веселовского, «всякий поэт, Шекспир или кто другой, вступает в область готового поэтического слова...» [5, с. 17].

Цветаева так мастерски владеет словом, что в ее тексте оно не только раскрывается во множестве смыслов, но и возникает авторское семантическое приращение. Сильная позиция начала текста, строки и строфы, инверсионное построение предложения «Красною кистью рябина зажглась...» интенционально выделяют эпитет, выраженный прилагательным *красный*. Эпитет поставлен в позицию, в которой все его семы находятся в положении амбивалентности. Красный цвет обозначает противоположности: праздничный – тревожный; красивый, прекрасный – устрашающий; цвет жизни – цвет крови; в христианстве символ святого Духа, сошедшего с неба подобно языкам огня, – цвет крови мучеников, претерпевших гонение за веру и другие. В аналитическом осмыслении сплетения разных смыслов и их поляризации выявляется зарождающийся мотив противоборства и противостояния. Он будет далее развиваться во всех компонентах текста, донося в диалоге с читателем мысль автора о готовности оставаться и быть поэтом в любых, даже самых катастрофических обстоятельствах своего времени.

Отношение Цветаевой к историческому времени завуалировано и зашифровано поэтической образностью, которую можно понять только в сотворчестве читателя и автора. «Что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками. За пределами слов. (Не говоря уже о «трудностях синтаксиса!») Чтение – прежде всего сотворчество...» [3, с. 401]. В стихотворении «Как правая и левая рука...» в сотворчестве читателя и автора открывается еще одна сторона искусства мастера слова. В шестистрочном тексте мысль о времени формируется в подтекстовом пространстве. Автор использует «самый простой, распространенный и типичный для поэзии, художественной литературы в целом и публицистики прием «приращения смысла и создания экспрессии текста – прием столкновения прямого и переносного значений слова» [4, с. 61].

Два эпитета сведены в контексте первой строки, что соответствует естественному процессу жизни, воспроизводит реалии жизни человека. «Как правая и левая рука, / Моя душа твоей душе близка». Эпитеты дают импульс для рождения и формирования мотива близости двух людей, которая не ограничена телесным, а уводит с помощью слов-образов *душа, блаженно, крылья* в высокую духовную сферу, ассоциативно вызывая в памяти семантику образов ангелов и говоря о божественной причастности любящих. Однако в глубинах произведения неясно, но различимо для вдумчивого читателя пробивается противоположный по семантике мотив. Он выстраивается на основе переносного символического значения слова *левый*, интенционально трижды повторенном автором в коротком тексте: «Мы смежены блаженно и тепло, / Как правое и левое крыло». В культуре и литературе за ним закрепилось значение принадлежности к темным силам (отсюда: *встать с левой ноги, плюнуть через левое плечо* и другие примеры). В толковом словаре мы находим негативное значение: «левый – побочный и незаконный» [6, с. 313]. Противоположность значений ‘правый’ и ‘левый’ закреплено контекстом строфы, в которой отглагольная форма *смежены* отсылает к образам межи, границы.

Скрыто зародившийся мотив в полную мощь развернулся в последней противоположной по смыслу строфе: «Но вихрь встает – бездна пролегла, / От правого до левого крыла. Интерпретация смысла мотива с учетом символических смыслов слов-образов *вихрь, бездна* уводит далеко за рамки личных отношений героев к воссозданию всеобщей трагической картины времени. Трагедийность передана через физический и душевный разрыв, расставание и разъединение, размежевание, нарушение естественной жизни, законов сотворения мира и бытия.

Еще одна сторона поэтики и трагичности времени раскрывается в стихотворении «Каждый стих – дитя любви...». Как и в стихотворении «Красною кистью...», здесь главенствует тема поэта и поэзии. Но звучит она в другой тональности. Резко изменился стиль: он стал надрывным, нервным. Чтобы передать свое ощущение времени, поэт сталкивает противоположные, далекие по смыслу слова: *стих – нищий незаконнорожденный, ад – алтарь, царь – вор*. В отличие от стихотворения «Красною кистью...», где рождение поэта воспринималось как событие вселенской значимости, здесь поэтический стих предстает как незаконнорожденный – значит, не признаваемый обществом, брошенный на произвол судьбы, созданный певцом, сердце которого разрывают противоречия – ад и алтарь, рай и позор.

Голос лирической героини исповедален: в нем есть констатация факта и искреннее признание в греховности. Отсутствие глаголов и обилие тире обозначают некую временную остановку, необходимую для покаяния, самопознания, саморазоблачения. Структура стиха подчинена констатации факта. Мотив признания в греховности, отступлении от норм общества и измене – ключевой. Вина и грех состоят в отсутствии отцовства, процветании порочной любви, что осознается как заблуждение, вина лирической героини, предавшейся всеобщей греховности. И все же это состояние нельзя назвать смятением (как у Ахматовой). Это – гордый вызов окружающим той, которая фрондирует своим своеволием в обществе, где точно разграничены права нищего и царя, царя и вора. Многозначительный повтор вопросительных знаков говорит об отсутствии необходимости давать ответы на возникшие вопросы. Ее исповедальное признание созвучно нравам эпохи, где все разгул и своеволие. Особо важно, что и в этой ситуации она остается поэтом.

В рассмотренных стихотворениях раскрывается связь временных явлений и разные грани поэтики Цветаевой. Единая тема и сквозные мотивы объединяют их, составляя полное представление об исторической эпохе. Меняется язык и стиль произведений. Сама Цветаева чувствует непохожесть своего «невоспитанного стиха» на стилистику других авторов. В последнем стихотворении он, действительно, звучит «как вопль испорченного нутра», образно передавая трагическое ощущение времени.

Список использованных источников

- 1 Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
- 2 Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи / Б. А. Ларин. – Л. : «Худ. лит.», 1974. – 288 с.
- 3 Цветаева, М. И. Об искусстве / М. И. Цветаева. – М. : Искусство, 1991. – 479 с.
- 4 Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
- 5 Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 405 с.
- 6 Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : «Норинт», 2007. – 960 с.

УДК 811.161.1'373.611:004.77

И. О. Ковалевич

КОЛЛЕКТИВНОЕ ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются особенности коллективного окказионального словотворчества на материале интернет-переписки. Анализируются разные приемы создания рядов окказиональных лексем в рамках единого контекста.

Компьютерные технологии проникают во все сферы нашей жизни, включая и коммуникацию. С развитием Интернета формы речи стали шире и разнообразнее. Помимо непосредственных речевых контактов и общения с использованием телефонной связи, а также обмена письмами, широкое распространение получила коммуникация с применением компьютерных технологий, благодаря чему стала возможной Интернет-переписка. В настоящее время ученые (Н. Д. Голев, С. А. Лысенко, Н. Б. Лебедева, Г. Н. Трофимова и др.) рассматривают повседневную онлайн-переписку на разнообразных Интернет-форумах в качестве особой формы разговорной речи. Объясняется это тем, что все особенности разговорной коммуникации в ее устном выражении, включая интонацию, громкость голоса, паузы, а также мимику и жесты, могут успешно передаваться посредством средств графики [1, с. 15]. Кроме того, выделяемые Е. А. Земской характеристики разговорной речи (ситуативность, непринужденность, непосредственность, диалогичность, эмоциональность и др.) соответствуют и выше представленной форме коммуникации [2].

Интернет-форумы могут объединять разное количество участников, которые, находясь на расстоянии друг от друга, ведут беседы на самые разнообразные темы. Нередко общение носит фатический характер, целью которого является установление и поддержание контакта. Этому способствует языковая игра, разновидностью которой является окказиональное словотворчество. В Интернет-пространстве оно приобретает характер коллективной игровой деятельности, в процессе которой ее участники соревнуются в оригинальности выражения мысли. Коллективное окказиональное словотворчество может протекать с использованием разных приемов деривации.

В большинстве случаев одним из коммуникантов форумного общения высказывается реплика-стимул, содержащая окказионализм. В дальнейшем другие участники беседы, используя конкретный образец, создают свои собственные слова. При этом окказиональные новообразования характеризуются единой тематической отнесенностью.

Проанализируем случай использования префикса *не-* в качестве словообразовательного форманта ряда окказиональных субстантивов: А: *Это так страшно, когда НЕврач – лечит людей, НЕучитель – учит наших детей, НЕинженер – проектирует самолеты... Это так страшно –ходимцы в профессии... Б: – Неучитель – это еще как-то. Вот я, например... А вот НЕинженер и НЕврач – убийцы. В: – Что уж говорить про НЕжену, утверждающую, что именно она – само совершенство!)) Г: – тьфу ты.... Привет, поручик... А про Немужа???*

Д: – Потому что НЕправительство создает Незаконь и НЕсистему. – Е: а НЕповар? и т. д. [3]. Из данного примера видно, что все общение построено на отрицании. Результатом языковой игры являются тематически соотносимые окказионализмы с префиксом *не-*. Данные дериваты выступают в качестве средств характеристики людей, занимающихся своим делом не совсем добросовестно, и передают ярко выраженные отрицательные коннотации.

Приведем выдержку из Интернет-переписки, где связующим элементом словообразовательного ряда выступает формант *-тель* (также в сочетании с *-ниц-*): А: *Ребенок – это вечный двигатель, а еще дрыгатель, прыгатель, скакатель, кусатель, обниматель и крепко целователь. – Б: О, этот список можно продолжать почти до бесконечности: танцеватель кричатель выбрыкиватель поет капризничает непонятно говорител ночью будител кот за хвост трогатель в дверь стучатель бегатель падать любител из ванны воду пител ... и много другое... – В: Тожже очень хочется добавить: Посудо-дробительница Нерво-трепательница Игрушко-ломательница Детей-избивательница. – Г: Чапаляпель, дельфинозвуковыдаватель, вещеистребитель, вымогатель, лепетатель, соседораздражитель, стихоплетел, оратель, конфетообожатель [4].* Перечисленные в данном речевом фрагменте окказиональные агентивы имеют отглагольную природу и характеризуют детей по выполняемым ими действиям. В качестве производящей основы выступают как отдельные глаголы, так и глагольные словосочетания. Как и в предыдущем примере, приведенные окказиональные дериваты выступают в качестве средств характеристики и в своей совокупности позволяют создать некий общий образ ребенка с типичными для его возраста качествами: подвижный, активный, любознательный, капризный, шаловливый, любитель сладкого и т. д.

Создание окказионализмов может сопровождаться расширением производящей базы конкретного словообразовательного типа. Например: А: *Срочно женюсь. Или усыновлюсь.* – Б: *Вас, просто из вредности, могу только удочерить...* – А: *А уплемянить?* – В: *Лучше уматерить да и дело с концом...* – А: *Ну, хоть увнучить... увнучатить...* – В: *Да уж хоть ужучить, и то хорошо. Лишь бы согласилась.* – Г: *Возьмите уж его, а то он так и до Жучки дойдет...* [5]. Из данного примера видно, что стимулом окказионального словотворчества выступает окказионализм *усыновиться*, который рифмуется с предшествующим ему глаголом *жениться*. Данная языковая игра продолжает дальнейшее развитие в рамках словообразовательного типа *y- + S + -и-(ть)*, в результате которой продуцируется ряд окказиональных глаголов со значением ‘сделать тем, принять к себе на правах того, кто назван мотивирующим существительным’. Языковой узус ограничивает использование данного типа рамками семейных отношений (сравн. *удочерить, усыновить*). Дериваты *уплемянить, уматерить, увнучить, увнучатить*, хотя и являются окказиональными, не нарушают данное ограничение, так как мотивирующие их субстантивные основы выражают значение родства. Окказионализм *ужучить* выпадает из данного ряда резким контрастом семантики составляющих его морфем. В качестве производящей выступает основа зоонима *Жучка*. Таким образом, расширение указанного выше словообразовательного типа происходит за счет использования мотивирующей основы с иными семантическими и морфологическими характеристиками.

Генерализация может носить и более сложный характер. Проанализируем следующий речевой фрагмент: А: *... вот сегодня весь день чаи и гоняю Спасибо за совет. Работать стало веселее. Все на перекур, а я на **перечай**.* – Б: *еще есть **перекофе, пересок, переводА**, ну **переда** не так эффективна..., **перепев** (песни в смысле), **перегул** (что то типа короткой прогулки), **пересып..** ну и зубы можно почесать для разнообразия.* – А: *пришла **переЕДА**. надо зашить рот* [6]. В качестве стимула окказионального словотворчества выступает узуальный субстантив отглагольной природы *перекур*. Словообразовательный анализ позволяет выделить следующие этапы производства данного деривата: *курить – перекурить – перекур*. Однако в процессе окказионального словообразования второй этап пропускается, в результате чего мы имеем окказиональные субстантивы *пересып* и *перегул*, мотивированные основами глаголов *спать* и *гулять*. Можно также предположить наличие стадии *переспать* (со значением краткого сна в перерыве другого действия) и *перегулять* (со значением непродолжительной прогулки в перерыве другого действия). В качестве ключевого элемента языковой игры выступает формант *пере-* со значением непродолжительного перерыва на то, что выражено мотивирующей основой. Резко контрастируют с указанными лексическими единицами дериваты *переводá, перечай, пересок, переда́, перекофе*, так как мотивируются субстантивными основами. В данном случае можно говорить о развитии нового окказионального типа *пере- + S* для производства субстантивов со значением ‘перерыв на то, что выражено мотивирующей основой’.

В основу коллективного словотворчества может быть положена не только конкретная структура (модель, тип), что было продемонстрировано выше, но и лексическая единица, определяющая тематику последующего окказионального словотворчества. На тему потребления кофе нами были зафиксированы следующие окказионализмы: А: *кофе – это удовольствие... максимум чайными кружками.* Б: *А если чайниками? Кто откажется от удовольствия? НЕ ЗАКОРИЧНЕВЕТЬ БЫ! ТО ЕСТЬ – НЕ ЗАКОФЕ-РИЧНЕВЕТЬ! (как вам игра слов?).* В: *Кофе в приглядку. Посмотрел и... не напился. Пойду варить, **воплоКОФЕть** Всем доброго утра и ароматного кофе!* Б: *Да, интересные мы здесь словечки запускаем! Называется – вариации на тему "кофе" Привет всем! Хоцца так кофе с колбаской! Пойду **КОФЕ-ЛБАСИТЬ!** Чтобы потом **БУТЕР-КОФИТЬ...*** Г: *Привет, Всем! Я только что приняла дозу **КОФЕшокоЛАД-НУЮ!** Получила настоящее Шокоудовольствие!!! Кофе испито! Колбаской заедено! Это Татьяна не делится... Вредина! Пен воплощает кофе вприглядку! А я всем на зависть жую Шоколадку!!!* Д: *Кофемания кофепития Организъм **кофенедонасыщенный** Сочиняет стишки **кофеманские** (слог, конечно, **кофперенапыщенный**)* [7]. В данном случае мы наблюдаем производство целого веера окказиональных дериватов самой разнообразной частеречной отнесенности.

Окказионализмы производятся способами аффиксации (сравн.: *кофемаский*), сложения (сравн.: *кофенедонасыщенный, кофперенапыщенный, кофешоколадная* (доза)), контаминации (сравн.: *кофелбасить*), реэтимологизации (сравн.: *закоферичневеть*). Окказионализм *воплокофеть* интересен тем, что является демонстрацией приема создания контаминированных окказионализмов на основе реэтимологизации одного из элементов узуального слова. В данном примере в структуре глагола *воплотить* выделяется компонент *ти*, созвучный с английским словом *tea* – русск. *чай*. В дальнейшем данный элемент замещается на тематически релевантный компонент *кофе*. Представленные окказионализмы характеризуются высокой степенью экспрессии и образности.

Таким образом, можно заключить, что окказиональное словотворчество является важной составляющей современной языковой личности даже в условиях повседневного общения. Факты подобной коллективной игры, основывающейся на соревновании в степени оригинальности выражения и остроумии, являются ярким доказательством развития у человека творческого отношения к слову. Прием построения текста на основе одного или нескольких рядов окказиональных слов весьма показателен для таких рассчитанных на особую экспрессию и образность стилей речи, как публицистика и в особенности поэзия.

Список использованных источников

- 1 Голев, Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н. Д. Голев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 5. – С. 12–30.
- 2 Земская, Е. А. Русская разговорная речь : Общ. вопр. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
- 3 Жемчужины мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.inpearls.ru/comments/251598>. – Дата доступа : 15.10.2017.
- 4 Большой вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/33533-vash-rebenok-takoj.html>. – Дата доступа : 15.10.2017.
- 5 РЖУНИМАГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://club.inspring.ru/viewtopic.php?f=20&t=3781&start=40>. – Дата доступа : 12.03.2015.
- 6 Не курить [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nosmoking.ru/phpBB2/viewtopic.php?f=8&t=15493&start=60>. – Дата доступа : 15.10.2017.
- 7 Привет! Идем на кофе! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wap.magicien.borda.ru/?1-3-0-00000050-000-10001-0>. – Дата доступа : 15.10.2017.

УДК 811.161.1'06'373.43

В. И. Коваль

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ИМПЕРИАЛИЗМ* КАК ЗНАКИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (по данным интернет-источников)

В статье рассматриваются устойчивые словесные комплексы русского языка, включающие в свой состав компонент империализм, которые активно использовались в советской публицистике для выражения негативного отношения к идеологическим противникам. Выявляются случаи «деидеологизации» таких устойчивых словосочетаний, приобретающих в результате специфическую семантику и насмешливо-ироническую окраску.

Слово *империализм* для языкового сознания современных молодых людей, выросших и воспитанных в постсоветское время, воспринимается, скорее всего, как историзм, относящийся к эпохе «холодной войны», к давно ушедшему прошлому. Между тем у каждого

рядового советского человека это слово устойчиво ассоциировалось не только с ленинским определением империализма как высшей (и последней) стадии капитализма, но и со сформированными средствами массовой информации стереотипными представлениями о загнивающим, зловещем и агрессивном Западе.

Вполне закономерно поэтому, что в русском языке советской эпохи сформировались и активно функционировали многочисленные устойчивые словесные комплексы, включающие в свой состав слово-компонент *империализм* и обладающие ярко выраженной негативной коннотацией. Так, обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) позволяет выявить и проанализировать около 1000 контекстов, иллюстрирующих употребление данного слова и относящихся в основном к советскому периоду. Остановимся на краткой характеристике наиболее выразительных номинаций этого типа, включающих в свой состав слово *империализм* (зависимый компонент) в форме родительного падежа.

Наиболее обширную группу составляют устойчивые (либо имеющие тенденцию к устойчивости) словосочетания, обозначающие различные отвлеченные понятия, представляющие империализм исключительно в негативном контексте. В качестве семантически и структурно стержневых слов выступают при этом абстрактные лексемы *агрессия*, *гнет*, *господство*, *коварство*, *оскал*, *пороки*, *посягательства*, *происки*, *козни* и т. п.: *Но в новое время, в силу разложения феодализма и агрессии империализма, китайская нация превратилась в нацию отсталую* (А. Москалев. Доктрина китайской нации // «Проблемы Дальнего Востока» (2002.12.30)); *Вот почему наши интересы крепко спаяны с интересами угнетенного колониального крестьянства, которое в своих возмущениях против гнета империализма подтачивает силы наших злейших врагов* (Н. И. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз (1926)); *Большевистская партия – это партия нового типа, авангард рабочего класса в его борьбе за диктатуру пролетариата, против господства империализма* (М. Белов. Великие вожди Ленин и Сталин – основатели первого в мире Советского государства // «Наука и жизнь», 1950); *Он велел мне вернуться к столу, уже мягче стал рассуждать о бдительности, о коварстве империализма и прочем* (А. Яковлев. Омут памяти (2001)); *Угнетение и закабаление трудящихся женщин в капиталистических странах есть проявление звериного оскала империализма* (Н. Дежнев. Год бродячей собаки (2002)); *Самый страшный порок империализма, Илюша, – захватнические войны, насильствие малых незащищенных народов...* (А. М. Галин. Аномалия // «Современная драматургия», № 4, 1996); *Эта сила нам нужна для того, чтобы надежно оградить Советский Союз, социалистическое содружество от посягательств империализма, чтобы обуздать силы агрессии* (А. Леонтьев. Чтобы небо было чистым // «Огонек». № 8, 1970); *Собеседник разом приободрился и начал чеканить словно по бумажке: «Несмотря на все происки империализма, рабочий класс продолжает бороться за свои права...»* (О. Рашидов. Президент прыгнул в объятия профсоюзов // Комсомольская правда, 2001.11.29); *Нет, не была поколеблена её убеждённость в чёрных кознях империализма* (А. Солженицын. В круге первом (1968)).

С другой стороны, в советском медиа-дискурсе регулярно употреблялись словосочетания той же модели, в которых использовались стержневые слова, призванные не только очернить империализм, но и показать его неизбежную гибель, кончину: *Кризис империализма, выраженный в войне, может быть разрешен только социализмом* (Н. Н. Суханов. Записки о революции (1918–1921)); *Он не знал закона неравномерного развития капитализма, который, обостряясь в период загнивания империализма, создал войну всех против всех* (Международное обозрение // «Известия», 1934.03.05); *Наоборот, чем ближе могила империализма, тем острее он будет хвататься за расистские приемы и жестокости* (Л. М. Каганович. Памятные записки (1991)).

Не менее продуктивную группу составляют устойчивые словосочетания *nomina agentis*, стержневые компоненты которых представлены конкретными именами существительными, имеющими ярко выраженную негативную окраску. К ним, в частности, относятся номинации *акула империализма* и *ястреб империализма*, употреблявшиеся для характеристики главных

идеологических противников. Очевидно, что входящие в их состав слова-зоонимы актуализируют хищность, агрессивность животных: *Оба глядели на полавки и беседовали о головлях, о вождях революции, о сбежавшем эсэре Перепечко, об акулах империализма* (Е. И. Замятин. Икс (1919)); *При чем тут Япония? Ястребы империализма сбросили бомбу. Получили новые военные заказы* (И. Найденов. Выше ангелов // «Русский репортер», № 18 (48), 2008).

Более сниженная стилистическая окраска словосочетаний, которые использовались для разоблачения сторонников западного образа жизни и западной идеологии, формировалась за счет использования соответствующих существительных: *агенты империализма, наймиты империализма, наёмники империализма, лазутчики империализма, прислужники империализма, лакеи империализма, пособники империализма, ценные псы империализма*.

Устойчивые словосочетания с компонентом *империализм* использовались в советское время и в качестве перифраз. Так, ведущая западная держава – Соединенные Штаты Америки – перифрастически называлась *цитаделью (оплотом) империализма*, а сторонники демократических партий в постсоветской России – *пятой колонной империализма*: *В самой цитадели империализма – Соединенных Штатах Америки – насчитываются миллионы горячих сторонников мира, все активнее и смелее выступающих против поджигателей новой войны* (Под знаменем борьбы за мир // «Наука и жизнь», 1950); *Ну еще бы, кубинцы – они свои, социалистические, а США, правильно в газетах пишут, – оплот империализма* (В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)); *Демократов надо считать «пятой колонной» империализма, помогающей врагу уничтожить великую державу* (А. Яковлев. Омут памяти (2001)).

Отдельного комментария заслуживает выразительная перифраза *продажная девка империализма*, употреблявшаяся первоначально для того, чтобы «заклеймить» генетику. Возникновение этого устойчивого словосочетания связывают с именем «народного академика» Трофима Лысенко, который, выступая в августе 1948 года на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, якобы бросил в зал фразу: «Генетика – продажная девка империализма». В повести Д. Гранина «Зубр», главным героем которой является известный ученый-генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский, рассматриваемая перифраза имеет выразительную «привязку» ко времени: *В 1948 году с ним бы расправились быстро, но времена пришли другие, удавку не накинешь. «Буржуазная наука», «мухолобы-человеконенавистники», «генетика – продажная девка империализма» и тому подобные приёмы не проходили: шёл всё же 1957 год* (Д. Гранин. Зубр (1987)).

По мнению К. В. Душенко, фраза *Генетика – продажная девка империализма* впервые прозвучала в пьесе писателя-сатирика А. А. Хазина «Волшебники живут рядом», поставленной в 1964 году Ленинградским театром миниатюр под руководством Аркадия Райкина [1, с. 498]. Вместе с тем, эта перифраза рассматривается и в качестве производной от фразы *Реклама – продажная девка империализма*, автором которой считают В. И. Ленина (Е. Кузнецова. 130 лет российской рекламе // Труд-7, 2008.09.22).

Стилистически сниженное и семантически ёмкое словосочетание *продажная девка империализма* использовалось также для уничижающей характеристики других возникших первоначально на Западе научных направлений – кибернетики и социологии: *Я вспоминаю Вавилова, отсидевшего в лагерях за свои научные воззрения, кибернетику, которую называли продажной девкой империализма* (Паранормальные способности человека: очевидное-невероятное // РИА Новости, 2008.02.19); *Так что в 1922-м году, с отъездом Сорочкина, заодно и социология оказалась продажной девкой империализма* (И. Мальцев. Вопросы автоматизации унитаза // Известия, 2013.06.06).

Показательно, что в настоящее время это идеологизированное словосочетание употребляется не по отношению к наукам, а для характеристики других явлений, имеющих в обществе негативную репутацию – системы Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и понятия «качество»: *Совет ректоров, который 10 лет считал следование технологиям рейтингов «оболониванием», а ЕГЭ почти что «продажной девкой империализма» (помните характеристику генетики или кибернетики в сталинские времена?)* (Л. Любимов. Удар по тонированным

стеклам // Известия, 2012.11.08); *Про качество я говорю – это продажная девка империализма* (М. Небера. Как челябинский предприниматель большие сетевые супермаркеты перехитрил // Комсомольская правда, 2013.02.12).

Проявления иронично-насмешливого использования идеологических клише, содержащих слово *империализм*, встречались и в публицистических, и в художественно-публицистических текстах известных советских писателей. Сравн.: *Легко наговорить ни к чему не обязывающие избитые вещи об американцах вроде: страна долларов, шакалы империализма и т. д.* (В. В. Маяковский. Мое открытие Америки (1925–1926)); *Я написал даже (вероятно, очень огорчив его этим), что сам люблю и послушать хорошую джазовую музыку и потанцевать под джаз и никогда при этом не чувствую себя духовным оруженосцем империализма* (Л. А. Кассиль. Дело вкуса (1964)); *По кондовому советскому сценарию, Светлана Алексиевич организовано проклиняется как агент ЦРУ, прислужница мирового империализма, клевету на свою великую Родину и ее героических сыновей якобы за два «мерседеса» и долларовые подачки...* (Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984–1994)).

По верному замечанию Александра Твардовского, такие готовые шаблонные словосочетания являлись, по сути дела, идеологическими «заготовками», которые были призваны противостоят здравому смыслу и трезвому анализу: *На все, что нам против шерсти, у нас готовы названия, исключающие необходимость задуматься, разобраться, что-нибудь понять: ревизионизм, происки империализма, обострение идеологической борьбы* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов (1968) // «Знамя», 2003).

Вполне закономерно, что на «закате» СССР – в конце 80-х – начале 90-х годов – устойчивые словосочетания, включающие в свой состав слово *империализм* (как и другие идеологизированные, «набившие оскомину» выражения), постепенно деидеологизировались и наполнились «приземленно-сниженным» содержанием. Хорошо известно, например, что основным лозунгом в день 1 мая было пафосное высказывание, имевшее целью связать этот праздничный день с идеологемой «борьба против империализма»: *Да здравствует 1 Мая – День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм!* Этот лозунг, включающий ключевое словосочетание *борьба против империализма*, на протяжении всей Первомайской демонстрации, длившейся не менее 2-х – 3-х часов, неоднократно звучал из репродукторов и потому не мог не закрепиться в сознании людей и не вызвать обратную реакцию. Основанием для такого «эффекта бумеранга» служило то, что Первомай в представлениях и привычках рядовых советских людей устойчиво ассоциировался либо с «трудовыми подвигами» на дачных участках, либо с отдыхом-маёвкой за городом. По данным «Малого» академического словаря, ещё в русском языке конца XIX – начала XX века слово *маёвка* совмещало как «революционное», так и «развлекательное» значения: 1. Нелегальное собрание рабочих в день 1 мая в дореволюционной России; 2. Увеселительная прогулка за город – *И вот однажды весной устроили они в полку какую-то маёвку или пикник* (А. Куприн. Гранатовый браслет) [2, с. 215]. Сравн.: «Первоначально маёвки были связаны со встречей весны – праздничные гуляния, семейные и дружеские выезды на природу, пикники, календарно приуроченные к первым дням мая. Также уже в СССР так назывался пикник на природе с шашлыками» [3]. Именно поэтому первоначально идеологически значимое словосочетание *борьба против империализма*, подвергаясь деидеологизации, с течением времени приобретало в сфере непринужденного общения «сниженные» значения – ‘застолье’, ‘пикник’, ‘дружеская пирушка’, а выражение *бороться против империализма* в повседневном речевом обиходе становилось фразеологическим эвфемизмом, реализующим значение ‘распивать спиртные напитки’.

Такова же «судьба» словосочетания *обличать империализм*, употреблявшегося первоначально в значении ‘участвовать в международной молодежной акции «Юность обличает империализм»’, проведение которой было инициировано в мае 1970 года на 16-м съезде ВЛКСМ. В статье, опубликованной в одной из молодежных газет в августе 1971 года, следующим образом раскрывалось содержание названной акции: «Юность обличает империализм» – всемирная

кампания, поддержанная большинством прогрессивных молодежных организаций стран мира, продолжается. Активно участвуют в кампании бойцы ленинградских студенческих строительных отрядов». Далее в передовой статье газеты перечисляются конкретные проявления этой кампании: многочисленные митинги протеста, более четырехсот лекций в деревнях и селах Ленинградской области на тему «Юность обличает империализм»; 85 тематических вечеров, 135 концертов политической песни; почти триста воскресников, заработок от которых был перечислен в Фонд мира; политинформации, беседы, стенды, выставки и т. д. [4, с. 1]. Пионеры Ивановской области в рамках акции приняли решение «собрать лекарственные травы для детского госпиталя в Ханое». Эта инициатива была поддержана: «Более 1000 килограммов лекарственного сырья сдали мы в аптеки области, это и было нашим практическим делом во Всемирной акции «Юность обличает империализм» [5]. Автор этих строк в годы своей студенческой комсомольской юности также отдал должное этой акции, с воодушевлением читая на самостоятельных концертах стихотворение Роберта Рождественского «Париж. Франсуазе Саган», в котором советский поэт «обличал» аполитичность произведений своей французской ровесницы.

При всех очевидных позитивных моментах названной всемирной акции, в ее проведении, как и во всей политико-воспитательной работе советского периода, было немало формализма и очковтирательства, что и создавало основу для скрытого противодействия, ироничных характеристик и смеховых реакций. Показателен и пример из современного интернет-форума, один из участников которого с явной иронией использует выражение «Юность обличает империализм»: *Особенно умиляет желание украинской группы «Океан Ельзы» поучаствовать в акции «Я не доверяю ЕдРу» (Партии «Единая Россия» – В. К). Такая трогательная забота о российской демократии. «Юность обличает империализм», ага [6].*

Кроме того, хорошо известно, что молодежные митинги, манифестации, лекции и беседы (особенно в форме выездов в другие города и деревни) не могли не сопровождаться дружескими застольями, которые, в свою очередь, также могли эвфемистически именоваться как *обличение империализма*. Закономерным следствием деидеологизации данного устойчивого словосочетания стало употребление «речевого» фразеологизма *обличать империализм* в значении «участвовать в дружеской пирушке, распивать спиртные напитки».

Преобразованию идеологических штампов *бороться с империализмом* и *обличать империализм* во фразеологические эвфемизмы сферы «Пьянство», широко употребительные в живой разговорной речи, в немалой степени способствовало и скрытое противодействие «низов» проводившимся «верхами» антиалкогольным кампаниям. Так, кампания 1972 года была стимулирована опубликованным в мае этого года Постановлением Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Наибольшей известностью пользуется кампания 1985–1987 гг. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 года «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения»), имевшая тяжелые последствия не только для виноделия и виноградарства, но и для экономики СССР в целом.

Список использованных источников

- 1 Душенко, К. В. Словарь современных цитат : 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2006. – 796 с.
- 2 Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 2 : К–О. – 1982. – 736 с.
- 3 Маевка. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 10.10.2017.
- 4 «Смена на студенческой стройке». Орган Ленинградского обкома комсомола. – 13.08.1971.
- 5 Продолжаю листать советские журналы и брошюры [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://masinda-mur.livejournal.com/270720.htm>. – Дата доступа : 10.10.2017.
- 6 Поэт М. М. Немиров был чужд житейского волнения и был рожден для вдохновения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://m-yu-sokolov.livejournal.com/1858661.html>. – Дата доступа : 11.10.2017.

Л. Ю. Кодынева

УРБАНОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ИДЕОЛОГИЕЙ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается мотивационно-семантический тип идеологических урбанонимов, порождённых эпохой революционного переворота 1917 года. Ономастическая универсалия анализируется в топонимии провинциальных городов Новгородской области: Боровичей, Валдая, Великого Новгорода.

Известно, что существующая власть в государстве использует топонимы в качестве средства пропаганды идей существующего строя. Это обстоятельство обусловило появление особого мотивационно-семантического типа внутригородских топонимов. Новая топонимическая универсалия идеологических урбанонимов пришла на смену универсалии религиозных дореволюционных названий.

Семиотический текст города как особая знаковая система, находящаяся в сложных отношениях означающего и означаемого, создаётся из различных элементов ономастического ландшафта. Он определяется Т. В. Шмелёвой в работе «Ономастический ландшафт города и ономастическое сознание горожан» как «не просто список, свод имён (что обозначается термином *ономастикон*), но комплекс, включающий в себя и *материальное* воплощение имён городских объектов, своеобразную языковую проекцию не только природного и культурного ландшафтов, но и культурных текстов, в том числе *идеологического*» [1, с. 209].

Выделение типа названий, отражающих идеологические предпочтения существующего в стране политического строя, происходило в большинстве топонимических классификаций. В работе А. М. Селищева «Из старой и новой топонимии» намечаются следующие топонимические блоки советской топонимии: «Октябрьская революция, Советы, свобода, Коммунистическая партия, Красная армия, пролетариат, интернациональное единение трудящихся, их солидарность, равноправие всех народов великого Союза, значение коммунистической молодёжи, идущей на смену старшему поколению, значение советской печати («Правда»), социалистическая стройка, смычка города и деревни, освоение целины» [2, с. 45–96].

В классификационной схеме А. В. Суперанской подобные названия были отнесены к типу «символических названий» [3, с. 87]. В классификации Э. М. Мурзаева урбанонимы, отражающие идеологию общества, отнесены к группе «идеологических названий» [4, с. 110]. В исследовании А. М. Мезенко выделены следующие типы названий, отражающих идеологические предпочтения общества: «названия, мотивированные именами газет»; «названия, данные в честь исторических событий, памятных дат»; «эмоционально-характерологические названия», «названия, данные по символам социалистической эпохи»; «названия, данные в честь демократических преобразований новой эпохи» [5, с. 35–37].

В качестве основы для классификации используется схема, предложенная А. М. Мезенко. При этом условия выделяются следующие варианты мотивации урбанонимов: 1. урбанонимы, созданные в честь символов существующего строя; 2. урбанонимы, созданные в честь исторических событий, праздников; 3. урбанонимы, созданные в честь партий, вооружённых и общественных организаций; 4. урбанонимы, созданные в честь групп людей, правящих классов.

К первому варианту относятся урбанонимы, созданные в честь символов существующего общественно-политического строя. Власть в стране преследовала идеи популяризации своих основных символов, идеологем. Идеологические урбанонимы призваны были создавать эффект новой реальности. Такие названия появлялись сразу после революции 1917 года и создавали ощущение новизны. Подобные урбанонимы были распространены во всех городах Новгородской области: *Дружбы ул. / пер. (В.), Мира пр. / ул., Мирный пер. (Н.), Правды*

ул. (Б.), *Труда* пл. / ул. (Н., В.), *Трудовая* ул. (Б.), *Свободы* ул. (Б., Н.), *Народная* ул. (Н., В.). Следует подчеркнуть, что данный вариант мотивации в советский период был основным.

Второй по численности в данном типе названий является группа урбанонимов, созданных с целью увековечивания каких-либо исторических событий и праздников, отражающих идеологию государственного строя. Данный вариант мотивации находил различные способы реализации: использование в названии даты совершения события *9 Января* ул. / пл. (Н., Б.) <= память о Кровавом воскресении 1905 г. в Петербурге; использование названия исторического события *Бородинская* ул. (Б.) <= *Бородинская* битва; собственного имени события *Победы* пл. / ул. (Н.), *Революции* ул. (Б.). В XX в. в топонимии городов основное количество названий было создано в честь идей революции 1917 года и идеологически связанных с ней событий. Например, урбаноним *Февральская* ул. (В.) [б] <= *Февральская революция 1917 г.*

С 1920-х годов на картах городов появляются новые названия – посвящения партиям, общественным организациям советского строя. Они составляют третью группу топонимов данного типа: *Комсомольская* ул. (Н.), *Пионерская* ул. (Н.), *Пролетарская* ул. (Б.).

Более редкими были урбанонимы, созданные в честь групп людей, отражающих идеологию нового социалистического государства: *Декабристов* ул. (В., Н., Б.); *Безбожников* ул. (Б.). Они составили четвертую группу идеологических названий. Эти топонимы можно сопоставить с названиями, мотивированными антропонимами, единственным отличием которых было то, что они увековечивали группу людей, а не одного человека.

Первые собственно идеологические урбанонимы появились в ходе переименований по духу революционного времени 1918–1919 годов: в Валдае идеологические урбанонимы возникли в декабре 1918 года, в Новгороде подобные названия появились в апреле 1919 года. О данном периоде переименований в Боровичах не содержится точных сведений. Можно лишь приблизительно датировать пять идеологических урбанонимов, отмеченных до переименования 1930 года: *1 Мая* пл. / ул. по аналогии с другими городами, где это название появлялось именно в первые годы советской власти и ул. *9 Января*. Идеологические урбанонимы *Братства* ул., *Рабочая* ул., *Равенства* ул., *Свободы* ул. предположительно тоже появились как раз в период первых революционных переименований в Боровичах. Они отражают идеологию нового социалистического государства, образованы от идеологем «равенство», «братство», «свобода». Соответственно в Валдае поводом для создания урбанонимов служило празднование первой годовщины революции, а в Новгороде – Дня международной солидарности трудящихся 1 Мая. Следует отметить, что в Валдае идеологические урбанонимы преобладали среди новых революционных названий: 8 урбанонимов из 11 названий, а в Новгороде они, напротив, были малочисленны: 7 урбанонимов из 19 названий.

В системе урбанонимов Валдая выделяются следующие лексико-семантические группы идеологических топонимов после переименований 1918 года: 1. Названия в честь революционных праздников: ул. *1 Мая*, *Первомайская* ул. <= *Всемирный день солидарности трудящихся*; 2. Названия в честь исторических событий: *Февральская* ул. <= *Февральская буржуазная революция 1917 года*; *Октябрьская* ул. <= *Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года*; 3. Названия, данные по идеологемам (символам) социализма: *Свободы* пл. <= «свобода»; *Труда* ул. <= «труд»; *Победы* ул. <= «победа»; *Народная* ул. <= «советский народ»; 4. Названия в честь организации новой власти: *Советский* проспект <= «советы» / «советский».

В Новгороде также в 1919 году появились семантические группы идеологических урбанонимов: 1. Названия в честь революционных праздников: ул. *1 Мая*; 2. Названия в честь исторических событий: слобода *25 Октября* <= 25 октября совершилось Октябрьское вооружённое восстание; *9 Января* площадь <= Кровавое воскресенье в Петербурге 9 января 1905 года. 3. Названия, данные по идеологемам (символам) социализма: *Коммунальная* ул. <= «коммуна» / «коммунальная»; *Пролетарская* ул. <= «пролетарий» / «пролетарский»; *Советская (-ий)* ул. / пр. <= «советы» / «советский»; *Крестьянская* ул. <= «крестьяне» / «крестьянский»; *Труда* ул. / пл. <= «труд»; Эти топонимы отмечены в трёх городах (Б., В., В.Н.).

В настоящее время в Боровичах отмечено 55 идеологических урбанонимов из 371 названия [7]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что символы и концепты эпохи социализма на карте Боровичей представлены в большем количестве, чем в Новгороде: 39 названий из 570 урбанонимов. Рассмотрим хронологию создания идеологических урбанонимов [8].

В 1920-е годы в Боровичах отмечены следующие идеологические годонимы: в честь знаменательной даты День ГАИ: *3 Июля ул.* (1929) [9]. Переименование ул. *Никитской* в ул. *Труда* (1929) [10].

В 1930-е годы в Боровичах в результате переименований появились названия: *Безбожников ул.*, *Бедноты ул.*, *Красных Строителей ул.* Урбаноним *Безбожников ул.* представляет атеизм как характерную черту новой советской власти. В это время в Боровичах появились также *Декабристов ул.* (1930); *Красных Зорь ул.* (1930); *Международная ул.* (1930); *Свободы ул.* (1930); *Физкультуры ул.* (1930) [11]. Название *Бедноты ул.* образовано по общественной организации Комитет Бедноты [12; 13], созданной сразу после революции в 1918–1919 годы. Именно поэтому урбаноним можно также отнести и к мотивации эргонимом.

В 1940-е годы появляется два идеологических урбанонима: *Парк 30 лет Октября* (1947); *Комсомольская ул.* (1948) [14].

В 1950-е годы процесс возникновения идеологических урбанонимов становится более активным: *Авангардная ул.* (1952) [15]; *Пионерская (-ий) ул. / пер.* (1957) [16]; *Рабочая (-ий) ул. / пер.* (1955) [17].

В посёлке Вельгия сохраняется в этот период несколько названий, отражающих идеологию общества: *Коммунистическая ул.*, *Социалистическая ул.*, *Стахановская ул.*, *Ударников ул.* Урбаноним *Стахановская ул.* представляет отантропонимную модель образования в городской номинации. Он образован от фамилии Стаханов, идеологемы социализма, всемирно известной в советском обществе, являвшейся символом передовика (ударника) производства.

В 1970-е годы в Боровичах создаётся *Коммунистический* посёлок для огнеупорщиков с ул. *Энтузиастов*, появляется набережная *60 лет Октября* (1977) [18].

В 1980-е годы предположительно создаются следующие идеологические урбанонимы: *Гражданская ул.*, *Мира ул.*, *Молодёжная ул.*, *Октябрьской Революции наб.*, *Правды ул.*, *Работницы ул.*, *Спартакоская (-ий) ул. / пер.*

По-прежнему развиваются основные концепты эпохи социализма – «мир» (*Мира ул.*), «правда» (*Правды ул.*), «революция» (*Революции ул.*, *Октябрьской Революции ул.*), «гражданин» (*Гражданская ул.*), «молодёжь» (*Молодёжная ул.*). В названиях используется эпитет *красный* как революционный символ: *Красный пер.*, *Красных Командиров ул.* Урбаноним *Работницы ул.* также выражает идеологию социализма, прославляющую человека труда.

Примеры метафорической онимизации апеллятивов периода 1917 года предлагают задуматься над важностью и значительностью посвящения и стилистикой интерпретации урбанонимов. Так, Ф. Г. Кондратьев в работе «Наши улицы» отмечает: «Есть в Петрозаводске улица Коммунистов, просто коммунистов, рядовых великой армии строителей нового общества. Не считать ли нам эту рядовую улицу названной в честь великой армии борьбы и труда, в честь безмяннх, скромных и нетребовательных, великих своей простотой коммунистов, которым счёт идёт на тысячи?» [19, с. 53].

Отличительной чертой городской номинации советской эпохи стало создание годонимических ансамблей с эпитетом *красный* в его революционном значении: *Красноармейская ул.*, *Красный пер.*, *Красных Зорь ул.*, *Красных Казарм сл.*, *Красных Командиров ул.*, *Красных Строителей ул.* в Боровичах. Но мотивация и семантика этого названия исторически осмысливаются как результат древнерусского метонимического переноса со значением ‘красивый’. Она, как пишет М. В. Горбаневский в статье «Почему Красная площадь – “красная”», «действительно не сводится к простому превращению прилагательного *красная* (*красный*) в имя собственное, а была исторически более сложной: *красное* = *Красное крыльцо* = *Красная площадь* [в *Кремле*] (+ *Красные лестницы*, *Красные ворота*, *Красный сад*) = *Красная площадь* [за стеной *Кремля*]» [20, с. 17]. Эти названия имеют положительные коннотации, они отражают общественную природу языка, связаны с историей страны.

Список использованных источников

- 1 Шмелёва, Т. В. Ономастический ландшафт города и ономастическое сознание граждан / Т. В. Шмелёва // Язык и традиционная культура русского северо-запада. – Великий Новгород. – 2010. – С. 208–234.
- 2 Селищев, А. М. Из старой и новой топонимии / А. М. Селищев // А. М. Селищев. Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 45–96.
- 3 Суперанская, А. В. Ономастические универсалии / А. В. Суперанская // Восточнославянская ономастика. – М. : Наука, 1972. – 346 с.
- 4 Мурзаев, Э. М. География в названиях / Э. М. Мурзаев. – М. : Наука, 1982. – 176 с.
- 5 Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко ; под ред. П. П. Шубы. (РЯ: Рус. яз.: теория, функционирование, преподавание). – Минск : Университетское, 1991. – С. 105–106.
- 6 Решение Валдайского УИКА от 09. 12. 1918 г. О переименовании улиц в г. Валдай по духу революционного времени // ГАНО. Ф. Р. – 269. Д. 40. св. 2. 300 л. об.
- 7 Боровичи. Туристская карта. Масштаб 1: 12500. Карта составлена и подготовлена к изданию ФГУП «Новгородское аэрогеодезическое предприятие» Росреестра в 2012 году.
- 8 Великий Новгород (город и окрестности). Туристская карта. Масштабы 1: 10000, 1: 75000. Карта составлена и подготовлена к изданию ФГУП Новгородское аэрогеодезическое предприятие Роскартографии в 2009 году.
- 9 Протокол № 2 Боровичского горсовета от 11. 10. 1929 г. О присвоении вновь образовавшейся улице названия улица 3-го Июля // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
- 10 Протокол № 4 заседаний президиума Боровичского горсовета от 12. 11. 1929 г. О переименовании улицы Никитская в улицу Труда и улицы Суворовской в улицу им. Фрунзе // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 1. Д. 5. Л. 180.
- 11 Протокол № 9а Боровичского горсовета от 02. 01. 1930 г. О переименовании улиц города // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.
- 12 Протокол № 59 заседания Боровичского исполкома от 13. 08. 1918 г. О создании комитета Бедноты // ГАНО. Ф. Р. – 213. Оп. 1. Д. 25. Л. 46.
- 13 Протокол № 8 заседания Боровичского исполкома от 12. 02. 1919 г. Об организации домовых комитетов Бедноты // ГАНО. Ф. Р. – 213. Оп. 1. Д. 70. Л. 18.
- 14 Протокол № 34 Боровичского горисполкома от 20. 10 1948 г. О переименовании улицы Тверской в улицу Комсомольскую // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 1. Д. 32. Л. 177.
- 15 Протокол № 69 Боровичского горисполкома от 20. 02. 1952 г. О наименовании улицы Авангардная // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 5. Д. 83. Л. 104.
- 16 Протокол № 578 Боровичского горисполкома от 23. 12. 1957 г. О наименовании улиц Заречная, Набережная, Пионерская и переулка Пионерский // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 5. Д. 160. Л. 430.
- 17 Решение исполкома от 19. 04. 1955 г. № 191 Об утверждении новых номеров на домах и названий улиц г. Боровичи. ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 5. Д. 129. Л. 216–218.
- 18 Решение № 358/7 Боровичского горисполкома от 10. 11. 1977 г. О наименовании набережной имени 60-летия Октября // ГАНО. Ф. Р. – 804. Оп. 5 Д. 522. Л. 71.
- 19 Кондратьев, Ф. Г. Наши улицы / Ф. Г. Кондратьев. – Петрозаводск : Карельск. книжн. изд-во, 1965. – 132 с.
- 20 Горбаневский, М. В. Почему Красная площадь – «красная»? / М. В. Горбаневский // Мирь имён и названий. – 2006. – № 1 – апрель.

УДК 811.161.1'373.2

Е. Ю. Козлова

ЭРГОНИМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале названий объектов города Краснодара)

Статья посвящена анализу эргонимов (названий коммерческих предприятий) с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта. Название предприятия предполагает

по замыслу номинатора информацию, которая должна привлечь внимание потенциального клиента; эргоним может воздействовать на адресата.

Исследовать постоянно изменяющиеся, вновь рождающиеся и отмирающие названия достаточно сложно. Каждое из них выполняет целый комплекс различных функций, имеет ряд ассоциаций, значений. Развитие современной теории текста сопровождается постоянно возрастающим интересом лингвистов к категории адресованности, рассматриваемой в качестве определенного свойства вербального объекта – текста, посредством которого «опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретационной деятельности» [1, с. 29].

Выделение коммуникативно-прагматического аспекта эргонимов предполагает признание важности данной ономастической единицы для городской коммуникации. При этом название городского объекта рассматривается как свернутый текст [4, с. 5], в котором в сжатом виде изложен посыл номинатора: *магазин эко-продуктов Чистый город (При использовании 100% натуральных продуктов безотходного производства вы делаете город чище).*

Наряду с необходимостью информировать о компании, услуге или товаре, существует целый ряд требований к современному эргониму: он должен привлекать внимание и легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации и быть понятным широким слоям городского населения. Для эргонимии коммерции характерно, что в иерархии интенций создателей названий городских объектов лидирующие позиции занимает желание привлечь внимание: *ресторан Бумбараши (Бумбараши – это герой советского фильма, бедняк, простак, вовлеченный в круговорот гражданской войны, что и привлекает адресата); ТРЦ Семь звезд (Семь звезд составляют самое известное созвездие, Большую Медведицу, напоминающую ковш с ручкой. Именно параллель с созвездием создает благоприятную ассоциацию у покупателя); магазин нижнего белья Дефиле (Словом «дефиле» в мире моды изначально называли узкий помост, по которому проходили модели. Позже так стали называть и сам процесс прохождения, и показ мод в целом, что бесспорно привлекает женский пол); магазин сувениров Добрые вещи (Добрый, то есть несущий добро, благо), кафе Пузатая хата (Данное название ассоциируется с сытостью, поэтому эргоним эффективно воздействует на реципиента).*

В условиях жесткой рыночной конкуренции предприниматель начал всерьез задумываться над тематикой вывески своего предприятия: от этого зависит успех его дела. Закон эффективной коммуникации предполагает, что при восприятии эргонима мотивировка активизирует у адресата ассоциативно-образную память и катализирует механизм восприятия: сначала возникает эмоциональная реакция, потом – эмоционально-оценочное отношение и, наконец, действие (желание или нежелание обратить внимание на данное предприятие) [2, с. 47]. Ассоциативный эксперимент показал, что эргонимы могут вызывать разные виды ассоциаций:

1) онтологические (энциклопедические знания о мире): *парная Самсон (судья – 54% реагирования, сильный мифологический герой – 33%), стадион Кубань (река – 54%, исторический регион – 40%), магазин продуктов Хадыжи (город Краснодарского края – 70%), типография Нева (река – 93%), кинотеатр Аврора (крейсер – 71%, богиня зари – 22%), ресторан Луна (спутник Земли – 95%).*

2) языковые (собственно вербальные, соответствующие языковой компетенции субъекта): *пивной бар Первый кеговый, магазин мясных изделий Мясной базар, Мясной дворик, банный комплекс Vospari.*

Для создания наименований, вызывающих благоприятные ассоциации, активно используются имена собственные – антропонимы, астронимы, мифонимы и др.:

1) эргонимы, мотивированные антропонимами:

– женскими именами: *кафе Елена, салоны красоты Анна, Дарья, Валерия, Марина, Ева, кондитерская Мелек, салоны красоты Alis, Катерина;*

– мужскими именами: *магазин одежды Red Valentino, пекарня Жан Круассан, магазин одежды Max Mara, пекарня Паиковский хлеб, банный комплекс Алексеевские бани;*

При символическом типе необязательно, чтобы в качестве эргонимов использовались имена владельцев. Эргонимов, мотивированных женскими именами, намного больше, чем эргонимов, мотивированных мужскими, так как основным потребителем товаров и услуг является женщина.

2) эргонимы, мотивированные мифонами: *ресторан Олимп, студия красоты Медея, магазин бытовой техники Гефест;*

3) эргонимы, мотивированные топонимами: *магазин продуктов Александрия, кафе Динской ест, магазин бытовой химии Доринг юг, склад продуктов Дары Кубани, студия кавказских танцев Нарт, шашлычная Марьяна роцца;*

4) эргонимы, мотивированные знаменитыми брендами: *магазины спортивной одежды Adidas, Reebok, Puma, магазины одежды United colors of Benetton, Lacoste, H and M, Zara, магазин нижнего белья Incanto, магазин мужской одежды Roberto Cavalli, Baldessarini;*

5) эргонимы, мотивированные литературными произведениями и персонажами: *ресторан Пушкинист, детская площадка Робинзон, магазин детской одежды Буратино, сеть поликлиник Доктор Айболит;*

6) эргонимы, мотивированные названиями животных, птиц или рыб: *магазин для будущих мам Ауст (Согласно легенде, ауст – «благословенная птица», которая помогает женщине забеременеть), турагентство Розовый слон (Воплощение величия и непосредственности), магазин детской одежды и обуви Zebra (Порода лошади особой окраски, черная в белую полоску).*

Эргоним в условиях конкурентной экономики приобретает черты, определяющие его роль не только как обозначения фирмы, но и как элемента имиджа компании, элемента диалога хозяина (номинатора) и клиента (адресата). В. И. Шаховский предлагает классификацию коммерческой номинации на основании «наличия или отсутствия в эргониме прагматики». К прагматическим относятся эргонимы, характеризующиеся ярко выраженным моментом речевого воздействия на адресата. В. И. Шаховский, таким образом, под прагматикой понимает речевое воздействие номинатора на реципиента внелогическим путём, а эргонимы, наделенные прагматикой, называет прагматическими [3, с. 12]. Такие эргонимы были разделены им на две группы:

1) прагматические информативные – сообщают некую дополнительную информацию о предприятии, не имеющую прямого отношения к роду деятельности этого предприятия, но помогающую созданию у адресата позитивного образа. Например, информация о расположении объекта: *торговый комплекс Сенной рынок, магазин обуви Арбат, продовольственный магазин На гребне;*

2) прагматические ассоциативные – те, которые стремятся повлиять на адресата не через сообщение ему дополнительных сведений, а с помощью создания положительных ассоциаций, апеллирующих к самым различным областям знаний и культурного опыта адресата: *магазин одежды для будущих мам Ауст, магазин постельного белья Бай-Бай, ювелирные магазины Карат, Аметист, магазин трикотажных изделий Lider, парикмахерская Borodach, книжный магазин Букводар.*

Стремясь достигнуть эффективной коммуникации, номинаторы изобретают большое количество различных и оригинальных названий для своих предприятий. Например:

1) при создании эргонима необходимо использовать весь спектр возможностей ономотворчества, чтобы наименование было индивидуальным. Так, наличие омонимии – серьёзный недостаток в процессе номинации эргонимов;

2) эргонимы должны быть естественно произносимыми, благозвучными;

3) по возможности учитывать специфику изучаемого региона;

4) в наименованиях не должно содержаться ложных ассоциаций, противоречий виду деятельности предприятия;

5) адресант обязан обращать внимание на правила орфографии при создании эргонима.

Таким образом, эргоним является элементом городской лингвокультуры, частью языкового пространства города, в пределах которого происходит его коммуникативная реализация

[2], а активизация коннотативного уровня семантики эргонима, лежащего в основе механизмов воздействия, происходит в момент восприятия названия потенциальным реципиентом, который, преломляя личный эмоциональный опыт через заложенные в имени ассоциации и фоновые знания, делает вывод об индивидуальной приемлемости данного наименования.

Список использованных источников

- 1 Воробьева, О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (однозначная и межъязычная коммуникация) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Воробьева. – М., 1993. – 48 с.
- 2 Емельянова, А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 170 с.
- 3 Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008.
- 4 Яловец-Коновалова, Д. А. Названия коммерческих предприятий : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – 24 с.

УДК 811.161.1:81'373.7(21)

М. М. Козловская

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Рассматриваются зафиксированные словарями русского языка на рубеже веков новые фразеологические сочетания. Выявляются наиболее характерные пути образования данных единиц.

Фразеология является относительно устойчивой системой языка. В связи с этим изменения в ней менее заметны. Однако активизация всех языковых процессов в русском языке на рубеже веков привела и к образованию образно-описательных и оценочных неофразем, что зафиксировали лексикографические источники последних десятилетий, в том числе «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (далее ТСАЛ) [1] и «Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка» [2]: *денежный мешок* 'богатый человек', *верхушка айсберга* 'о том, что составляет лишь незначительную часть какой-либо проблемы, конфликта и т. п.', *в одном флаконе* 'о разнородных предметах, фактах, явлениях, представленных в комплексе, в единстве'.

Основной путь формирования новых фразеологизмов – переосмысление целостного словосочетания. Для того чтобы правильно интерпретировать значение и, следовательно, употребить то или иное выражение к месту, надо знать ситуацию, на основе которой оно возникло, процесс, который сопровождал его образование. Приведем несколько примеров преобразования свободных словосочетаний во фразеологизм на основе разных видов семантического переноса.

Довольно распространенным в последние годы стало сочетание *крыша поехала* (*съехала / съезжает / едет*) 'кто-то сошел с ума, перестал адекватно реагировать на события' (ТСАЛ). С одной стороны, налицо метафорический пространственный перенос *крыша* 'верхняя часть строения' (СЕ) → 'голова, головной мозг, умственные способности' (ТСАЛ). Крыша в исходном значении ассоциируется в сознании говорящих со стабильностью, надежностью, и поэтому ситуация с ее движением воспринимается как аномальная. Следовательно, при непонятных, труднообъяснимых поступках какого-либо лица возникает аналогичное ощущение ненормальности, которое и стало основой фразеологизации. С другой стороны, в некоторых

зданиях при определенных функциональных требованиях крыша подвижна. Так, в обсерваториях для удобства наблюдения за небом крыша движется по кругу (едет в прямом смысле). Человек, не знающий о данной архитектурной особенности, при движении крыши, не сразу понимая происходящее, испытывает дискомфорт и ощущает необычность обстановки. В таком случае образование фразеологизма можно рассматривать как метонимический перенос 'действие' → 'результат'.

В речи специалистов, работа которых связана с химическими веществами, функционирует выражение *перекрыть / перекрывать кислород* 'прекратить доступ данного газа' (например, по окончании оперативного вмешательства, во время которого больной был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких). Кислород – жизненно необходимая составляющая воздуха, без него человек не может существовать. В новых условиях данная лексема расширяет свою семантику и становится обозначением того, что нужно человеку для полноценной жизни и деятельности. Соответственно вся составная единица имеет значение 'лишить / лишать жизненно необходимых средств', которое на основе метонимического переноса 'действие' → 'результат' переосмысливается в 'пресечь / пресекать какую-либо деятельность, обычно как мера силового давления' (ТСАЛ).

Отмечен словарями случай формирования фразеологической идиоматической единицы *болевая точка* 'самая сложная, трудная для разрешения проблема' (ТСАЛ) на основе нового неидиоматического сочетания. Любое живое существо чувствует боль, так как у всех организмов есть болевая точка – 'центр болезненных ощущений, являющийся обычно сосредоточением нервных узлов, окончаний и т. п.' (ТСАЛ). Но человек способен испытывать боль не только физическую, но и душевную, и в его сознании идет трансформация значения 'центр физических болевых ощущений' → 'центр душевных болевых ощущений'. Болевые ощущения, естественно, не возникают просто так, без основания, значит, есть проблема – причина такой боли. В результате наблюдается фразеологизация устойчивого сочетания по метонимическому типу 'следствие' → 'причина'. Возможно, свою роль в данном процессе сыграл и широко известный фразеологизм *душа болит* 'кто-либо испытывает беспокойство, страдания, тревогу'.

При возникновении новой фразеологической единицы в ряде случаев наблюдается семантическое преобразование отдельных компонентов. В связи с переименованием милиции в России актуализировалась лексема *полицейский* 'человек, служащий в полиции' (СО). Выполняемая функция по профилактике дорожных нарушений стала основой функционального переноса 'человек' → 'предмет', в результате которого сформировался фразеологизм *лежащий полицейский* 'специальное препятствие в форме бугра, устанавливаемое поперек асфальтированной дороги с целью снижения скорости автомашин' (ТСАЛ). Компонент *лежащий* указывает на характерное пространственное положение предмета.

Создание фразеологизма – сложный и напряженный процесс. Идет долгий поиск наиболее удачного воплощения мысли в слове. Об этом свидетельствует наличие фразеологических вариантов. Вариантность является одним из способов обновления и пополнения фразеологического состава языка. Вариантность наблюдается, если при расхождении в компонентном составе не нарушается структурно-семантическое тождество данной единицы и не изменяется ее значение. Так, отмечены новые сочетания *бомба замедленного действия* и *мина замедленного действия* 'о чем-либо, таящем в себе опасность в будущем' (ТСАЛ). Несмотря на тождество словарной статьи, на наш взгляд, второй вариант более предпочтителен, так как есть определенная разница в семантических структурах лексем *бомба* и *мина*. Слово *бомба* имеет скрытый семантический компонент 'быстро, стремительно', который вступает в противоречие с замедленным действием. Мина же, наоборот, подразумевает что-то скрытое, невидимое, а потому отсроченное во времени.

В хорошо известных словарях советского периода зафиксирован имеющий характерную помету фразеологизм *утечка мозгов* 'в кап. странах: эмиграция людей умственного труда' (СО). В постсоветский период такие специалисты оказались менее востребованными и менее оплачиваемыми в странах социалистического лагеря, в связи с чем наблюдался их массовый

отъезд за границу. Словарная дефиниция утратила ограничение «в кап. странах», что зафиксировал «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (ТСЯИ) [3]. Данное выражение стало широко употребляемым, а со временем возник и лексический вариант *утечка умов* (ТСЯИ). Позже процесс миграции распространился по внутрисоюзной территории в направлении «из района – в центр». Соответствующим образом была расширена и семантика рассматриваемой единицы: оба оборота отмечены в значении 'отъезд ученых за пределы страны, в центр из региона в силу экономических, политических и т. п. причин' (ТСАЛ).

В исследуемом материале отмечены примеры, представляющие собой сочетание служебного и знаменательного слова. Предложно-падежные конструкции как самостоятельные единицы долгое время не находили признания среди лингвистов, однако в настоящее время рассматриваются как объект фразеологии. Как правило, они являются свидетельством демократизации языка и имеют стилистические пометы *жарг.* и *разг.*, указывающие на особенности их функционального и социального употребления: *до фени* 'безразлично, все равно', *до лампочки* 'безразлично, нет никакого дела', *по барабану* 'безразлично, нет никакого дела', *под завязку* 'полностью, в полной мере, до предела', *за бугор* 'за рубеж, за границу', *за бугром* 'за рубежом, за границей', *из-за бугра* 'из-за границы, из зарубежной страны' (ТСАЛ).

Таким образом, для фразеологической системы русского языка начала XXI века характерны развитие по общим для языка законам и реализация сложившихся ранее моделей. Новые фразеологические обороты формируются в результате переосмысления целого свободного словосочетания и / или его отдельных компонентов, путем обновления семантики и структуры функционирующих единиц. Содержательной предпосылкой переосмысления выступают внешние и внутренние качества предметов, явлений, а также культурный общественно-исторический фон, окружающий существование данного понятия в экстралингвистическом мире.

Список использованных источников

- 1 Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.
- 2 Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / Сост. Л. Асланова. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.
- 3 Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб. : Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.

УДК 821.161.3–81'374(373.2)

М. С. Кот

ВАРЬЯНТНАСЦЬ ОНИМАЎ-АЛЮЗІЙ БІБЛЕЙСКАГА ПАХОДЖАННЯ Ў ТВОРАХ ЯКУБА КОЛАСА

У артыкуле разглядаецца з'ява варьянтнасці алюзійных імён біблейскага паходжання, засведчаных у творах Я. Коласа і прадстаўленых у "Анамастычным слоўніку твораў Якуба Коласа". У сувязі з некаторымі недакладнасцямі тлумачэння біблейскага анамастыкону, выяўленымі ў працэсе аналізу, прапанаваны варьянты іх выпраўлення для ўдасканалення далейшых лексікаграфічных апісанняў.

Стаўленне да Бібліі ў нашым грамадстве да гэтых пор неадназначнае, што абумоўлена, найперш, сацыяльна-гістарычнымі і культурна-ідэалагічнымі чыннікамі. У свой час атэістычна настроеная савецкая ідэалогія мела на мэце знішчыць любыя рэлігійныя праявы і забараніць Біблію, паколькі яна не адпавядала марксісцка-ленінскім ідэям. Мусіць, таму ва

ўяўленні многіх яна, на жаль, працягвае заставацца забароненай для чытання, недаступнай для разумення богаслужэбнай царкоўнай кнігай. Але тыя, хто не баіцца звяртацца да Божага Слова з пастаянствам, маюць шанец следам за беларускім першадрукаром і асветнікам Ф. Скарынам, знайсці ў ім “лекі для душы і цела”, далучыцца да самай сапраўднай рэчаіснасці, якая пабуджае жыццё далей, пераадольваючы цяжкасці і натхняючы на жыццё іншых. Прадстаўнікі гуманітарных навук успрымаюць Суперкнігу як неад’емны складнік культурнай традыцыі, кодэкс агульначалавечых каштоўнасцей, скарбніцу шматлікіх архетыпаў, якія сягаюць за межы нацыянальнага і культурнага вымярэння. Для людзей мастацтва – гэта бяздонная крыніца для стварэння новых вобразаў, метафар, твораў.

Як сцвярджаюць даследчыкі-біблісты, Першакніга, нягледзячы на грамадска-гістарычныя супярэчнасці, была і застаецца зыходным пунктам у дыялогах розных культур, светабачанняў, розных генерацый, бо яе ўнікальнасць заключаецца ў невычарпальным маральна-этычным патэнцыяле, адвечных гуманістычных каштоўнасцях, патрэбу ў якіх чалавечы дух будзе адчуваць заўжды [1, с. 43]. Багатая мова Бібліі дзякуючы перакладам на шматлікія нацыянальныя мовы істотна ўзбагаціла іх лексікон і набор вобразных сродкаў.

Сёлета наша краіна святкуе юбілей беларускай Бібліі. 500 год таму Слова Божае дзякуючы намаганням Францыска Скарыны загучала па-беларуску ў друкаванай форме. Гэта паклала пачатак духоўнаму адраджэнню беларускай нацыі і сёння дае магчымасць кожнаму з нас далучыцца да вечнай крыніцы духоўнай культуры ўсяго чалавечства, з якой чэрпалі натхненне і творчыя ідэі паэты і пісьменнікі ўсіх часоў і народаў. Пра моцны ўплыў біблейскіх вобразаў і сюжэтаў на мастацкую літаратуру сведчаць шматлікія выпадкі звароту майстраў мастацкага слова да Першакнігі.

У беларускай літаратуры біблейскія сюжэты неаднаразова клаліся ў аснову твораў Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, С. Грахоўскага, М. Сяднёва, М. Танка, У. Караткевіча, Р. Барадуліна, А. Разанава і інш. Асобныя іх творы насычаны алюзіямі, асабліва біблейскага паходжання. Сярод іх важную ролю ў афармленні мастацка-эстэтычнай ідэі твора іграюць *біблейскія онімы-алюзіі*, якія ўяўляюць семантычна складаныя інтэртэкстуальныя знакі, што адначасова належаць і дадзенаму мастацкаму тэксту, і біблейскаму пратэксу (кананічныя кнігі Старога і Новага Запавету).

У творах класіка такіх адзінак даволі шмат, што пацвярджае той факт, што пісьменнік добра ведаў біблейскія сюжэты. Гэтану спрыяла, паводле ўспамінаў пісьменніка і сведчанняў яго біёграфістаў, і сямейнае выхаванне Я. Коласа – “у паслушэнстве і павазе да Бога” [2, с. 30]. Онімы-алюзіі біблейскага паходжання зафіксаваны і ў “*Анамастычным слоўніку твораў Якуба Коласа*” (далей АСТК) [3]. Гэтая лексікаграфічная праца – першая спроба апісання аўтарскага анамастыкону ў айчынай літаратурнай анамастыцы. У гэтай сувязі неабходна адзначыць, што ўласныя імёны ў мастацкіх тэкстах Я. Коласа даследаваліся такімі вучонымі-мовазнаўцамі, як Г. Арашонкава, В. Вярэніч, Л. Кузьміч, Дз. Паўлавец, А. Станкевіч, А. Усціновіч, Г. Цыхун, Н. Чабатар, В. Шур і інш.

Далей прадстаўлены аналіз некаторых варыянтаў біблейскіх онімаў, якія засведчаны ў творах Я. Коласа і растлумачаны ў АСТК (каля 50 адзінак). Сярод іх сустракаюцца варыянты антрапонімаў (*Аўраам / Абрам, Елісей / Ялісей, Ёсіф / Юзаф / Іосіф, Іаў / Іоў, Ілля / Ілья, Ісаак / Ісак, Ісаія / Ісая, Іуда / Юда, Марыя-Магдалена / Магдалена, Пётр / Пётра, Саламон / Сальмон*), тэонімаў (*Езус / Язус / Ісус (Ісус) Хрыстос*), а таксама тапонімы (*Віфлеем, Галгофа, Егіпет, Ерусалім, Іудзея, Назарэт, Элеон*), хранонімы (*Вавілонскае паланенне*), міфахрэматыны (*Ноеў каўчэг*).

Варыянтам у мовазнаўстве называецца відазмяненне, разнавіднасць моўнай ці маўленчай адзінкі. У сваю чаргу *варыянтнасць*, ці *варыятыўнасць*, прадстаўляе разнастайнасць мовы, выкліканую рознымі ўмовамі яе ўжывання [4, с. 42]. Вар’іраванне як атрыбут моўнага стану дае магчымасць аддаваць перавагу аднаму сродку выражэння з некалькіх наяўных [5, с. 159]. Варыянтнасць асабовых імёнаў выклікана як чыста моўнымі фактарамі (фанетыка-марфемныя гістарычныя змены, якія паўплывалі на структуру імя), так і

экстралінгвістычнымі чыннікамі (тэрыторыя распаўсюджвання, сфера бытавання, канфесійны ўплыў, сацыяльна-палітычныя абставіны існавання мовы).

Так, вядомы даследчык анамастыкі М. Бірыла ў сваёй рабоце “Беларуская антрапанімія” выдзяляў побач з *афіцыйна-юрыдычнымі формамі* анатрапонімаў (напр., *Георгій, Юрый, Анастасія*) іх *рэгіянальныя і арфаграфічна-канцылярскія варыянты* з пэўнымі фанетычнымі зменамі (*Юрей, Юр’я, Настасья*), а таксама *размоўна-бытавыя формы* (*Григор, Грицько, Насця*). Асобную групу сярод поўных афіцыйна-традыцыйных форм імён складаюць *лацінізаваныя хрысціянскія імёны* каталіцкага насельніцтва Беларусі, імёны, што трапілі ў беларускую мову з польскай (*Бенедикт, Валентый, Якуб, Юзеф, Лукаш* і інш.). Акрамя таго, гэтым даследчыкам у слоўніку імёнаў засведчаны *эмацыянальна-ацэначныя* (*Юрка, Юшко*) і *памяншальныя* формы ўласных імёнаў (напр., *Адась ад Адам, Васюта ад Васіліса*) [6, с. 13]. Самай распаўсюджанай дыферэнцыяцыйнай антрапонімаў з’яўляецца падзяленне іх на *імёны хрэсныя* праваслаўнага і каталіцкага календара (параўн. *Георгий і Ежи, Дороефа і Дорота*).

Напрыклад, тлумачэнне тэоніма *Езус / Язус / Ісус (Іісус) Хрыстос* пададзена ў АСТК у двух артыкулах *Езус / Язус* і *Хрыстос Ісус, Іісус Хрыстос* [3, с. 240, 578]. У першым артыкуле онім *Езус* інтэрпрэтуецца як лацінская форма двуслоўнага наймення *Ісус Хрыстос*, прынятая каталіцкай царквой і распаўсюджаная ў Польшчы і ў асяроддзі католікаў Беларусі, онім *Язус* – рэгіянальная беларуская форма ад *Езус*. Сапраўды, формы *Ісус (Іісус)* інтэрпрэтуюцца найчасцей як праваслаўныя. Пры гэтым варыянт *Іісус* больш блізкі да таго, як выглядае імя заснавальніка хрысціянства ў традыцыйных кананічных мовах праваслаў’я – царкоўнаславянскай (*Иисус Христосъ*) і старажытнагрэчаскай (*Ἰησοῦς Χριστός*) [7, с. 348]. Побач з пералічанымі варыянтамі ў беларускай мове існуе менш частотная форма *Ізус*, выкарыстаная К. Каганцом у перакладзе каталіцкай малітвы *Ave, Maria: I бласлаўлён плод жыцця твайго Ізус* [8, с. 32]. Згодна з канцэпцыяй слоўніка, рацыянальным рашэннем, на нашу думку, было б аб’яднаць згаданыя вышэй артыкулы ў адзін, дакладна размежаваўшы лацінска-польскі і грэчаска-праваслаўны варыянты.

Біблейскі антрапонім *Елісей / Ялісей* уведзены Я. Коласам у тэкст паэмы “Новая зямля”: *Тут, брат, Ісая і Агей, / Прарок Ілья і Елісей*. У АСТК гэтыя анамастычныя альязіі пададзены ў двух розных артыкулах, хаця яны з’яўляюцца варыянтамі аднаго і таго ж імя [6, с. 71]. У адным выпадку *Елісей* – гэта біблейскі прарок [3, с. 240], у другім – святы *Ялісей* [3, с. 627]. У біблейскай кнізе Царстваў, сапраўды, расказваецца пра прарока *Елісея*, “на якім спачыў дух Іллі”, што быў вялікім прарокам у Ізраілі (гл. 3-я Царстваў 19, 4-я Царстваў 2–13). Гэты ж онім растлумачаны ў 3-м томе Слоўніка мовы Скарыны (далей СМС), дзе тлумачацца онімы і тапонімы з яго перакладаў і твораў: *Елисеи – вучань і пераемнік Ільі, прарок у Ізраілі ў час царавання Іарама, Інуя, Іаахаза і Іааса* [9, с. 101]. Трэба заўважыць, што імя *Інуя* у анамастыконе, апісаным у СМС, і сучасных біблейскіх перакладах адсутнічае. Верагодна, тут мелася на ўвазе імя цара *Іуя* (рус. *Иуий / Иегу*), які быў памазаны па загадзе *Елісея* на валадарства ў Ізраілі: *Елісей прарок паклікаў аднаго з сыноў прарокавых і сказаў яму: <...> вазьмі гэты посуд з алеем у руку тваю, і ідзі ў Рамот Галаадскі; <...> знайдзі там Іуя, сына Ёсафата, сына Намэсіевага, і падыдзі, <...> і вазьмі посуд з алеем, і вылі на галаву ягоную, і скажы: так кажа Гасподзь: намазваю цябе ў цара над Ізраілем. <...> І хлопец выліў алей на галаву ягоную, і сказаў яму: так кажа Гасподзь Бог Ізраілеў: намазваю цябе ў цара над народам Гасподнім, над Ізраілем... (4-я Царстваў 9, 1-6)*. У скарынаўскай Бібліі антрапонім *Іуя* мае варыянт *Гевуи*, што засведчана ў СМС [9, с. 71] і пацверджана адпаведнай цытатай з 4-й Кнігі Царстваў Ф. Скарыны: *Послалъ Елисеи і повълелъ Гевуа помазати на Царство Израілева*. Як відаць, недакладнасці сустракаюцца і ў *Слоўніку мовы Скарыны*.

Онім *Ялісей* уведзены Я. Коласам у тэкст казкі “Не вытрымаў” для стварэння камічнага эфекту праз альязію на сюжэт з Суперкнігі: *Гэта Ялісей маю шапку забраў, бо ў яго на лысіне мухі поўзаюць! – крычыць Мікола*. Паводле біблейскага апісання знешняга выгляду *Ялісея*, ён быў пляшывы: *Калі ён [Елісей] ішоў дарогаю, малыя дзеці выйшлі з горада і смяліся з яго і*

казалі яму: ідзі, пляшывы, ідзі, пляшывы. Ён азірнуўся і ўбачыў іх і пракляў іх імем Гасподнім. І выйшлі дзве мядзведзіхі з лесу і разадралі з іх сорок два дзіцяці. (4-я Царстваў 2, 23-24). Улічваючы ўсе згаданыя вышэй лінгвістычныя факты, на наш погляд, звесткі пра Ялісея / Елісея варта было б памясціць у адзін артыкул.

Варыянты аднаго і таго ж імя *Пётр / Пётра* тлумачацца ў аднолькавым ключы, але ў розных артыкулах [3, с. 455, 456]. Рацыянальным рашэннем, на нашу думку, было б аб'яднаць артыкулы, пакінуўшы апісанне: *апостал Ісуса Хрыста, які насіў імя Сіман*. Онім *Петр* засведчаны і ў мове Скарыны з такім жа тлумачэннем [9, с. 185]. Пры гэтым з артыкула ў АСТК варта выключыць цытату, дзе ўпамінаецца *дзень святых Пятра і Паўла*, паколькі гэта *хранонім* – назва царкоўнага свята, ці асобна растлумачыць гэты анамастычны факт.

Такім чынам, пры лексікаграфічным апісанні моўных адзінак біблейскага паходжання мае сэнс рабіць памету *бібл.*, даваць спасылку на канкрэтны ўрывак з Бібліі. Тады карыстальнік пры жаданні можа лёгка знайсці неабходны матэрыял, звярнуўшыся да першатэксту, бо, як мы пераканаліся пры аналізе некаторых прыкладаў біблейскага анамастыкону, прадстаўленага ў вышэйназваных спецыяльных слоўніках, у шэрагу выпадкаў тлумачэння біблейскіх уласных імёнаў выяўляюцца недакладнасці. Пры гэтым варта змяшчаць розныя варыянты аднаго і таго ж імя ў адзін артыкул, дакладна размяжоўваючы іх формы (праваслаўн. і каталіц., афіц. і разм.-быт. і т. п.).

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Лявонава, Е. А. Беларуская літаратура XX ст. і еўрапейскі літаратурны вопыт : дапам. для студэнтаў філалагічнага факультэта / Е. А. Лявонава. – Мінск : БДУ, 2002. – 128 с.
- 2 Лужанін, М. Колас расказвае пра сябе : аповесць-эсэ / М. Лужанін. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 446 с.
- 3 Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа / Склад. Г. У. Арашонкава і інш.; Пад рэд. М. В. Бірылы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 638 с.
- 4 Слоўнік лінгвастылістычных і тэксталагічных тэрмінаў / Склад.: Абабурка М. В., Казімірская Т. А., Саўчанка В. М. – Магілёў : УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2012. – 284 с.
- 5 Шкраба, І. Р. Варыянты дыхранічнага статуса ў творчасці Янкі Купалы / І. Р. Шкраба // Мова – літаратура – культура: (Да 120-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа) : Матэрыялы III Міжнар. навуц. канф., 27–28 верас. 2002 г. Т. 2 / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2002. – С. 158–160.
- 6 Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
- 7 Мусорын, А. Ю. Хрысціянская тэанімічная лексіка беларускай мовы праваслаўнага і каталіцкага ўжывання Беларусь і беларусы ў прасторы і часе / А. Ю. Мусорын // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зборнік да 75-годдзя прафесара А. Мальдзіса. – Мінск : Лімарыус, 2007. – С. 342–348.
- 8 Каганец, К. Малітвы / К. Каганец // Хрысціянская думка. – 1993. – № 2. – С. 30–34.
- 9 Слоўнік мовы Скарыны : у 3 т. – Т. 3. Анамастыка і тапаніміка / Склад. У. В. Анічэнка і інш.; рэдкал. В. А. Ляшчынская (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 262 с.

УДК 811.161.1'1'373.21

Е. И. Кошкина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТИЗМОВ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (на примере годонимов города Брянска)

В статье рассматривается годонимический пласт лексики, возникший искусственным путем, акцентируется внимание на идеологических, социально-политических факторах, повлекших за собой это явление. Проанализированы лексические единицы годонимов-советизмов

с семантикой отражения «нового мира» человека. Обращается внимание на особенности формирования советизмов как лингвистической категории в когнитивном аспекте.

Лексическая система русского языка с 1917 года претерпела огромные изменения и ярко отразила историю становления Советской власти. Слова Советской эпохи, называемые советизмами, стали функционировать в русском языке.

Термин «советизм» в 80-е годы предложил И. Ф. Протченко, определяя его как лексические единицы, в которых запечатлены новые общественные отношения, этапы борьбы созидательного труда и побед советских людей. В результате коренной перестройки общественной жизни произошли значительные изменения русской лексики. Появились новые имена и понятия, свойственные только периоду Советской эпохи. Это не могло не отразиться на ономастическом пространстве и годонимах в том числе.

Вторжение в ономастику экстралингвистических факторов (идеологических, мировоззренческих) говорит об особенностях культурно-исторических условий, которые характерны для России XX века. Не исключением является и ономастическая система линейных объектов города Брянска. Как всякая языковая система, она отражает реальный мир, существующий прежде всего в сознании конкретного человека.

Общезыковедческие положения о взаимосвязи языка и мышления, языка и общества, о системности ономастического пространства и системности языка как основы когнитивного подхода к изучению внутригородских линейных объектов выполняют отражающую функцию (М. В. Горбаневский, Э. М. Мурзаев, И. В. Подольская, А. В. Суперанская) [3]. Кроме того, годонимическая картина мира служит средством фиксации реалий окружающей действительности, которая отражает важные исторические и культурные события. И в то же время годонимическая картина мира включает представления человека о мире и понимании этого мира самим носителем языка. Городские адресные объекты – это потенциал для развития когнитивного изучения урбанонимии.

Актуальность данного исследования определяется ее включением в круг исследований в рамках антропоцентрической парадигмы на стыке ономастики и когнитивной лингвистики. В лингвистической литературе изучение годонимов города Брянска не получило достаточного освещения, а в рамках когнитивного аспекта не изучалось совсем – в этом и заключается новизна нашего исследования.

Из годонимической системы города Брянска нами были выбраны годонимы-советизмы. Исследование позволило выявить особенности этой категории годонимов, их классифицировать и описать в лингвокогнитивном аспекте.

Во второй половине XX века социальные и политические процессы нашли отражение в появлении новых наименований улиц, причем наименования должны были выполнять функцию смысловой нагрузки идеологического характера и утверждать трудовой дух и жизнерадостное рабочее настроение: улица *Дружбы, Мира, Солнечная, Рабочая, Литейная*.

В честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической Революции в 1918 году было произведено массовое переименование улиц, носивших сословные или церковные названия. На торжественном заседании исполкома 6 ноября 1918 года был утвержден список улиц, которые следовало переименовать как устаревшие. Так, улицу *Успенскую* было решено назвать улицей *Урицкого*, улица *Соборная* была переименована в улицу *Калинина*.

В 20-е годы переименовывали названия тех улиц, которые, как считали, устарели политически и исторически. Они происходили от названий церквей, населенных пунктов или заведений, которые на них располагались. 1 ноября 1920 года исполком Бежицкого Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов этим улицам присвоил «современные» пролетарские названия: улица *Советская* (ранее *Вокзальная*), улица *Володарского* (ранее *Мало-мининская*).

К 10-й годовщине Брянский горсовет решил дать некоторым улицам новые «революционные» названия: улица *Коммунаров* (ранее *Грбовская*), переулок *Рабочий* (ранее *Воскресенский*), улица *Гражданская* (ранее *Чузовская*).

В 50-е годы исполком Брянского горсовета переименовал ряд улиц города. В результате дореволюционная улица *Хуторская* стала улицей *Мира*, а *Лесопарковая* – *Металлургов*.

Как подчеркивают многие лингвисты, после Октябрьской революции появление новых онимов стало тяготеть к реалиям нового мира (В. П. Нерознак). Идеология того времени стремилась увековечить исторические реалии. Это закреплялось в названиях городских линейных объектов и утверждалось специальным указом. В этом случае названия не отражали традиционную русскую топонимию, а были искусственными, и в отличие от традиционных возникали спонтанно [3, с. 32].

В Советское время названия линейных городских объектов обладали идеологической и социально-исторической коннотацией, что позволило актуализироваться определенной символике: *колхоз, пионер, социализм, красный, комсомолец, май, коммуна, 1-е мая, интернационал, пролетарий*.

Улица *Красная* получила свое название не по устаревшему значению, а по цветовому признаку, по красному цвету – символу Советской власти. Сигнификат *красный*, т. е. ‘относящийся к революционной деятельности; связанный с советским строем, с красной армией’: *Красноармейская, Краснофлотская, Красный Маяк, Красной Гвардии, Красных Партизан*. В центре Бежицкого района находится улица *III Интернационала*, которая ранее называлась *Церковная*, т. к. в начале улицы стоял храм Преображения. Интернационал – Международное товарищество трудящихся, которое внесло свой вклад в развитие революционной стратегии. Улица *XXII съезда КПСС* – эта улица не всегда носила такое название. По заведенной в досоветское время традиции улицы часто именовались по названиям городов или губерний, поэтому раньше улица называлась *Мценской*. А после того как Николай II, посещавший Бежицу в 1915 году, проехал по ней, люди стали называть *Царской*. Улица *Комсомольская* (ранее переулок *Елецкий*) – в основе прилагательного *комсомольский* лежит лексема *комсомол* (коммунистический союз молодежи). Улица *Социалистическая* – в основе лексема *социализм* (общественный строй, устанавливающий в результате утверждения диктатуры пролетариата и пролетарской революции). *Октябрьская* улица – в основе лексема *октябрь*, в честь праздника Октябрьской социалистической революции. *Пролетарская* улица, *Пролетарский* переулок – в основе лексема *пролетарий* с семантикой ‘представитель рабочего класса’. Улица *Гражданская* образована от лексем *гражданин* с семантикой ‘лицо, принадлежащее к населению социалистического государства, пользующееся всеми правами и исполняющее все обязанности, установленные законами государства’. Улица *Мира* восходит к слову *мир*, которое в социалистическую эпоху ассоциировалось с одним из лозунгов международного рабочего движения: «Мы наш, мы новый мир построим» (фрагмент пролетарского гимна «Интернационал»).

Одной из ярких особенностей изменений в онимах городских линейных объектов в советское время стала трансонимизационная [2, с. 138] метафора и метонимия.

Улица *Островского* – оним образован по фамилии писателя Николая Островского, изображающего становление нового человека социалистического времени, автора романа «Как закалялась сталь». Улица *Сергея Лазо* названа в честь одного из советских руководителей в Сибири и на Дальнем Востоке, русского революционера, большевика. Улица *Сакко и Ванцетти* – составной оним в честь участников движения за права рабочих Н. Сакко и Б. Ванцетти. Они были известны в Советском Союзе как несправедливо обвиняемые пролетарии и прогрессивные деятели. Улица *Анри Барбюса* названа по фамилии французского политического деятеля, писателя и публициста, написавшего книгу о молодой стране советов.

Названия этого периода свидетельствуют о том, что символическая, мемориальная трансонимизация становится одним из атрибутов сакрализации идеологического строя.

По генетивной модели происходило увековечивание имен выдающихся политических деятелей (Котовского, Куйбышева, Кирова, Калинина). Замена названий происходила в связи с канонизацией высшего эшелона власти. Интересен тот факт, что все эти волевые решения обосновывались «пожеланиями» трудящихся.

Обращает на себя внимание название переуллка *Халтурина*, который назван в честь организатора «Северного союза рабочих» С. Халтурина. С целью покушения на императора Александра II в феврале 1880 года Степан Халтурин подготовил взрыв столовой Зимнего дворца, при этом царь уцелел случайно. В концепции большевистской идеологии, провозглашающей уничтожение царской власти, имя С. Халтурина стало символом борьбы. В. М. Горбаневский писал, что в ранг «героев могли возводиться террористы, а их имена увековечивались на картах городов. Существенным в этом явлении следует считать конфликт системы ценностей коммунистической России и исторической России, ныне возрождающейся» [1, с. 14].

Таким образом, топонимы-советизмы города Брянска можно разделить на три группы:

1) восходящие к антропонимам (улицы *Карла Маркса, Карла Либкнехта, Баумана, Клары Цеткин, Луначарского, Менжинского*);

2) восходящие к обозначениям советских реалий (улицы *Октябрьская, Первомайская, Комсомольская, Пионерская*);

3) ассоциативные (улицы *Трудовая, Гражданская, Правды, Мира*).

Подводя итог, можно сделать вывод, что топонимическое пространство служит информационной базой для человека как носителя языкового сознания. Многочисленные новые топонимы появились в эпоху серьезных исторических и конфессиональных преобразований. Идеология и политизация в стране прерывает естественное развитие топонимического процесса, отвергая при этом ономастические традиции. Искусственное вмешательство топонимов-советизмов не отражает ценности культурной идентификации города.

Список использованных источников

1 Горбаневский, М. В. Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта: судьбы, проблемы, решения / М. В. Горбаневский // Ономастика и общество: язык и культура : мат-лы Первой Всерос. научн. конф. / отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 11–20.

2 Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

3 Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане. – М. : Наука, 1986. – 255 с.

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1*Н.С.Лесков

С. А. Кузнецова, И. С. Сергеенко

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СТАТЬЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ЛИТОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Публицистические произведения Н. С. Лескова являются источником информации об осведомленности автора по ряду экономических и юридических вопросов. В статье представлены основные типы топонимов, позволяющие точно установить местонахождение Литовской железнодорожной магистрали и все трудности, связанные с ее строительством.

Публицистические статьи Н. С. Лескова представляют собой исторически достоверные документы, на основе которых можно сделать вывод о заинтересованности автора в вопросах общенационального характера и невероятном энтузиазме в их представлении широкой публике. В его статье «Литовская железная дорога» от 16-го октября 1862 г. таковым вопросом является строительство Литовской железной дороги (в дальнейшем – ЖД).

Публицистика Н. С. Лескова отличается фактологичностью хронологического и онимического характера. О. А. Головачева утверждает, что «публицистические тексты (Лескова)

насыщены различными видами онимов, большую часть которых составляют наименования географических объектов...» [1, с. 474]. В статье «Литовская железная дорога» встречается большое количество онимов, которые можно распределить по следующим типам:

1. Антропонимы (имена; фамильные онимы);
2. Макротопонимы (наименования географических объектов, в данном случае, стран);
3. Астионимы (названия городов);
4. Гидронимы (названия водных объектов);
5. Дромонимы (наименования путей сообщения).

Антропонимы употребляются Н. С. Лесковым в контекстах, сообщающих о юридических правах литовских землевладельцев и их желании участвовать в финансировании строительства ЖД: *Моментом этим следует считать день 27-го марта настоящего года, когда литовские землевладельцы: князь Друцкий-Любецкий, г. Скимунт, князь Владислав Сангушко, князь Роман Сангушко, граф Тарновский, г. Теодор Бобр-Пиотровицкий, граф Иван Тышкевич [Тышкевич, главный наследник огромного состояния графа Ивана Тышкевича, (должно полагать) не откажется занять место покойного дяди в ряду учредителей Литовской железной дороги.] (недавно умерший), флигель-адъютант Его Императорского Величества князь Петр Витгенштейн, граф Август Замойский, он же, в качестве опекуна малолетних графов Потоцких, и г. Ян-Завиша подали прошение на имя бывшего главноуправляющего путями сообщений, генерал-адъютанта Чевкина, об исходатайствовании им разрешения соорудить железную дорогу между Белостоком, пунктом на Петербургско-Варшавской железной дороге, и Волынью... [2; здесь и далее цитирование по указанному источнику].*

При употреблении антропонимов наблюдается интересная тенденция: каждая фамилия литовского или польского дворянина снабжена указанием на титул или должность; имя и фамилия сопровождаются лексемой *господин*. Таким образом, в группе антропонимов можно выделить следующие подгруппы:

1. Титул и фамилия: князь Друцкий-Любецкий, граф Тарновский, граф Тышкевич.
2. Титул / должность / господин и фамилия: г. Скимунт, г. Ян-Завиша, генерал-адъютант Чевакин.
3. Титул / должность / господин, имя и фамилия: князь Владислав Сангушко, князь Роман Сангушко, г. Теодор Бобр-Пиотровицкий, граф Иван Тышкевич, граф Август Замойский, флигель-адъютант князь Петр Витгенштейн.

Достоверность тексту придают употребления имени каждого упомянутого лица, снабженные справкой о его доходах или опекунстве. Например, Н. С. Лесков пишет о том, что «наследник графа **Ивана Тышкевича** не откажется занять место покойного дяди в ряду учредителей Литовской железной дороги...». Отсюда можно выделить четвертую подгруппу:

4. Наименования, сопровождаемые дополнительной информацией: *недавно умерший флигель-адъютант князь Петр Витгенштейн, граф Август Замойский в качестве опекуна малолетних графов Потоцких.*

Следующий комментарий Н. С. Лескова не позволяет усомниться в компетентности публициста в вопросе знания семейных связей, доходов и взаимоотношений землевладельцев западных земель Российской Империи. Помимо этого, публицист обращает внимание жителей столицы, заинтересованных в строительстве ЖД на западе страны, на то, что литовские и польские землевладельцы согласны проспонсировать данный проект. Автор также в курсе того факта, что правительство не обеспечило акционерам гарантию, вследствие чего предприятие могло не состояться.

Непосредственно после изложения вопросов экономического характера публицист приступает к описанию местности, через которую будет прокладываться Литовская ЖД: *Именно от Дубровицы до Пинска, на протяжении 70 верст, и от Пинска до Пружан, на протяжении 120 верст.//Но интереснее всего пространство от Дубровицы до Пинска. Тут-то именно и находятся пресловутые болота, благодаря которым и у нас, в Петербурге,*

кое-что знают о **Пинске**. Ниже этого пункта редко все-таки реже бывают затруднения в плавании судов и пароходов: но зато плавание между **Пинском** и **Бережцами** сопряжено с постоянными трудностями, так что, кажется, самой компании, которая возьмет на себя устройство дороги, придется исправить и эту часть реки. Но что же выиграет **Пинск**, даже при устройстве железной дороги, если свободное судоходство между ним и **Киевом** не будет обеспечено во все продолжение навигации?//К 20-му же февраля должны будут съехаться в **Вильно** учредители для окончательных совещаний и для представления проекта на утверждение правительства.

Знание автором топонимики западных земель Российской Империи не вызывает сомнения, т. к. им были приведены не только названия населенных пунктов современных Беларуси, Украины и Литвы, но и расстояние между ними. Н. С. Лесков проводит аналогию с Англией, употребляя при этом лексемы *Россия* и *Англия*: *До сих пор ничего не сделано в пользу сообщения юга с севером, а между тем, как было уже сказано в нашей газете, большинство произведений южных местностей, преимущественно сырые продукты, транспортируются в Англию, главную потребительницу наших произведений...//А потому учредители литовской железной дороги заслуживают полного уважения общества за фактическую инициативу в вопросе соединения севера с югом, в вопросе, от разрешения которого **Россия** вправе ожидать благотворных последствий...*

Описывая земли западной части Российского государства, публицист приводит следующие наименования водных объектов: рек (*Пина, Струмень, Днепр, Десна, Сожа, Березина, Ясиолда*), болот (*Мрачное*), морей (*Чёрное*). Кроме того, выделяя данные гидронимы, он указывает на обстоятельства, представлявшие затруднения в построении ЖД: болота, разливы и рукава рек, необходимость искусственных насыпей для продолжения строительных работ и т. д.: *Но жестоко можно было бы ошибиться, полагая, что эти болота окружают самый город: здесь только низменный берег, заливаемый всякую весну, а иногда и осенью (но редко) вследствие разлива **Пины, Струменя** и многих рукавов, образующих близ города целую водную сеть. Этот низменный берег (почти) то же, что левый берег **Днепра** под **Киевом**, **Десны** под Черниговом, **Сожи** под Гомелем и **Березины** под Бобруйском. В **Пинске**, на пространстве левого берега **Пины**, придется устраивать весьма значительную насыпь, но отнюдь не ради каких-либо болот, а единственно по поводу весеннего разлива **Пины** и **Струменя**, возвышающего нормальный горизонт этих рек (не менее) до 9 футов... //Южнее **Нечатова**, по направлению к **Дубровице**, затруднений в техническом отношении не предвидится: вся местность до **Дубровицы**, за исключением одного **Марочного болота**, представляет все удобства к сооружению железной дороги.//Жители **Пинска** с особым удовольствием встретили мысль об устройстве насыпи чрез низменный берег **Пины**.//Собственно в **Пинске** работы уже закончены и даже, сколько нам известно, сделано обозрение р. **Припети**, книзу от **Пинска**, до села **Бережцы**, лежащего при совпадении р. **Припети** с **Стырем**.//Чтобы вода, пройдя под мост, опять не разветвлялась по лугу, пришлось бы устроить, от **Пинска** до устья **Ясиолды**, более или менее обширные плотины или сделать с правой стороны реки непрерывные бичевники, в особенности там, где берега очень низменны...*

Приведенный фрагмент статьи демонстрирует обширные познания автора в географии местности. Более того, Н. С. Лесков подробнейшим образом описывает берег каждой реки и снабжает эти комментарии своими собственными инженерными планами.

Помимо наименований городов и водных ресурсов автор употребляет дромонимы. Данная группа вызывает интерес тем, что использование наименований путей сообщения не является обязательным и может упоминаться лишь в каких-либо официальных документах. Однако вопрос путей сообщения являлся главным в статье Лескова, а следовательно, наличие дромонимов обязательно: *Эта-то насыпь составит единственную более серьезную работу на всей линии **Литовской** железной дороги...//Соединение **Белостока** с **Пинском** железною*

дорогою будет началом новой длинной линии, направляющейся от Петербурго-Варшавской железной дороги к Черному морю...

В данном контексте автор демонстрирует убеждение в том, что построение новой ЖД приведет страну к новым экономическим успехам. «Они (железные дороги), – пишет Н. С. Лесков, – лучший союзник всех совершаемых и предполагаемых реформ в нашем отечестве...».

Таким образом, широкий спектр онимов, представленных в статье Лескова «Литовская железная дорога» от 16-го октября 1862 г. демонстрируют оценочное отношение автора к вопросу необходимости строительства железной дороги, показывает осведомленность публициста в актуальном на то время вопросе о строительстве железной дороги с политической, экономической и социокультурной точки зрения. Более того, в данной статье Н. С. Лесков не только рисует существующие географические реалии, но и предлагает собственные варианты решения проблем, возможные перспективы развития не только западных земель Российского государства, но и всей империи в целом.

Список использованных источников

- 1 Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / О. А. Головачева. – Брянск, 2016. – 538 с.
- 2 Лесков, Н. С. Литовская железная дорога / Н.С. Лесков. – С.-Петербург, вторник, 16-го октября 1862 г.

УДК 811.161.1'276

С. Б. Кураш, Е. В. Струков

ФЕНОМЕН ИНТЕРНЕТА В ЯЗЫКОВОМ ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ

В статье анализируются такие проблемы, как отношение языка интернет-общения к системе сфер общения функциональных стилей русского языка, специфические языковые средства интернет-коммуникации, языковое рефлексирование носителей русского языка по поводу новых реалий, связанных с интернетом и интернет-коммуникацией.

В предлагаемой статье мы попытаемся набросать некоторые штрихи к языковому портрету современной эпохи – эпохи интернета и интернет-коммуникаций – в части поиска ответов на несколько вопросов: 1) каково место языка интернет-коммуникаций в общем коммуникативном пространстве языка и традиционно сложившихся в нём сфер, стилей, жанров и видов; 2) в чём специфика собственно лингвистического облика интернет-общения; 3) можно ли говорить о лингвоспецифичной языковой личности интернет-коммуникантов; наконец, 4) есть ли основания утверждать, что сам феномен глобальной сети, номинированный лексемой *интернет*, прочно вошёл в концептуарий современного человека, и каким образом он способен концептуализироваться? В поисках ответов на поставленные вопросы (а это, конечно же, далеко не весь перечень актуальных для современной лингвистики тем, связанных с бурным развитием электронных коммуникаций) обратимся как к имеющимся на данный момент фундаментальным исследованиям в области интернет-лингвистики и близких к ней сфер (работы А. А. Барковича, Е. И. Горошко, Л. Ф. Компанцевой, М. А. Кронгауза, М. Л. Макарова, Н. Б. Мечковской, М. Ю. Сидоровой, Г. Н. Трофимовой и др.), так и к собранному нами материалу – корпусу контекстов, в которых отражены различные варианты концептуализации лексемы *интернет* (а также понятий, входящих в данную тематическую область и относящихся к ней как видовые к родовой).

1. Можно однозначно утверждать факт возникновения **третьей формы речи**, наряду с устной и письменной – особого электронного письма и определенной коммуникативной среды:

«...Интернет обостряет и фокусирует уже наметившиеся тенденции смешения элементов устной речи, которая воспринимает элементы книжности, и письменной, широко использующей принципы разговорности. Начинает разрушаться само соотношение книжности с основой на письменной речи и разговорности, базирующейся на принципах речи устной. Границы форм речи становятся размытыми, в результате функционирования в Интернете появляется особый тип речи, суть которого точнее всего определяется как «письменно-устная» речь» [1, с. 58].

Дискуссионный вопрос: новое электронное общение (письмо) – это новый функциональный стиль (ФС)? На этот счёт есть две крайние позиции исследователей.

Первая (ответ «да»). Язык интернет-переписки и мобильных сообщений – особый ФС, поскольку вызван к жизни возникновением новой сферы употребления, сформированной в результате активного распространения и внедрения информационных и компьютерных технологий [2], и имеет ярко выраженные отличительные стилиобразующие черты: обезличенность, сжатость, эмоциональность, логичность, оперативность, сочетание языковых и графических средств (смайлов) и пр. [3, с. 35].

Вторая (ответ «нет»): «На самом деле в Интернете представлен весь современный русский язык во всём многообразии его лексических, морфологических, синтаксических и стилистических средств, во всей динамике его живого развития, со всеми актуальными процессами, проблемами и особенностями сегодняшнего дня, во всех речевых реализациях, так как день ото дня аудитория Интернета становится всё более широкой и разнообразной» [1, с. 206].

Мы полагаем, что истина «где-то посередине», и, скорее, солидаризируемся с таким мнением: «...можно поставить вопрос о функционально-стилистической принадлежности языка ГС (глобальной сети. – С. К. и Е. С.) в целом. Особый ли это подязык (профессиональный, специальный), жаргон, или особая функциональная разновидность, подобная языку публицистики или деловому языку? По-видимому, ни то, ни другое, ни третье. Жанровое и функциональное разнообразие, а также разнонаправленность воздействий, под влиянием которых формируется язык ГС, позволяет, скорее, предположить, что он представляет собой образование, находящееся над подязыками и отдельными функциональными разновидностями, образование, объединяющее множество жанровых подсистем, разделяющихся, в свою очередь, на отдельные жанры» [4].

2. Что это за «образование» с точки зрения **собственно языковых особенностей**? Дополним его портрет ещё несколькими чертами.

Во-первых, так называемый «орфо-арт», т. е. намеренно вольное отношение с нормами правописания, своеобразная «игра вопреки правилам», в данном случае орфографическим («олбанский язык», «язык падонкафф»), так называемые «эрративы» (от лат. *errare* ‘ошибаться’) – слова или выражения, подвергнутые нарочному искажению носителем языка (автор – *аффар*, сатана – *сотона*, красавчик – *красафчег*, смешно – *смишно*, пиши ещё – *пешы исчо*, нравится – *нравитца*, подстричь – *пацтричь*, под столом – *пацталом*; ещё – *исчо*, ежик – *йожыг*; не осилил – *ниасилил*; как дела – *кагдила*; под столом – *пацталом*; ржу, не могу – *ржунимагу*, убей себя об стену – *упейсибяпстену* и т. д. и т. п.). Как видно, мы имеем дело с намеренной антинормой, с установкой написать как угодно, лишь бы неправильно. Однако антинорма производна от нормы, которую пишуций, следовательно, знает и намеренно с ней таким образом «играет». А в игре вроде бы ничего страшного и нет. В конце концов, наиграется – и надоест... Но это и так, и не так одновременно. Есть и те, кто делает ошибки не намеренно, а вследствие спешки, подражания, пародирования и пр. Но ведь в сетевом общении хватает и действительно безграмотных людей (даже если их и меньшая часть), и их безграмотность попросту «исчезает», нивелируется, никем не осуждается и тем самым принимается за норму... В оценке этого явления и его возможных последствий мы в целом солидарны с московским профессором М. Кронгаузом: «Мода на «язык падонков», *превед* и подобные клише связана с их новизной. По существу, каждое очередное употребление эту новизну, а следовательно – игру, остроумие и веселость стирает, а точнее говоря, превращает в банальность. Это судьба любого речевого клише. Мне кажется, что особых перспектив развития у этой лингвистической игры

нет, уже сейчас набор выражений застыл, и новые появляются достаточно редко. С другой стороны, нет оснований считать, что все эти слова вот-вот исчезнут. Речевые клише могут существовать очень долго, хотя, как я уже и сказал, теряют большую часть своей энергии. Короче говоря, долгие лета *медведу, преведу* и иже с ними! И пусть они напоминают нам о лингвистических играх раннего периода развития интернета» [5].

Во-вторых, это специальные средства электронной переписки – эмотиконы (в т. ч. смайлики), т. е. компенсаторные графические средства, при помощи которых можно передать в отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами те или иные эмоции, чувства, реакции и пр., типа ☺ – улыбка, ☹ – грусть и т. п.; различные комбинации пунктуационных знаков, буквенно-цифровые написания типа «o5» (*опять*) и др.

Может показаться, что все упомянутые процессы сводятся к одному – к стремлению всё максимально упростить, получать удовольствие от общения, «не напрягаясь» и не отвлекаясь на различные сдерживающие факторы вроде норм языка. Но это не совсем так: «Более адекватным представляется вывод, что в плане выражения имеют место как упрощение, так и усложнение. Так, повсеместно наблюдаемая в ГС эволюция текста в гипертекст ... является не упрощением, а усложнением структуры текста (...). Все большее распространение получают литературные произведения, которые с самого начала создаются для публикации только в ГС, а не на бумаге. Они нередко посвящены компьютерной или сетевой тематике. Такого рода произведения сами пользователи ГС объединяют под названием “сетература”» [4].

В-третьих, можно отметить и появление ряда новых жанров, специфических для интернет-коммуникации, а также трансформационные процессы, активно протекающие в системе традиционных жанров и стилей [6].

В-четвёртых, своеобразие языка интернет-коммуникации проявляется на разных уровнях – от фонетико-просодического до тексто-дискурсивного. Но ярче всего языковые инновации проявлены на лексико-фразеологическом уровне, где можно фиксировать сотни (а может быть, и тысячи) инноваций: лексических, семантических, фразеологических. Семантические новации: *мышь* (компьютерный манипулятор), *собака* (@ – знак-разделитель в адресе электронной почты), *паутина* (Интернет), *сеть* (Интернет), *страница* (веб-страница), *ящик* (адрес электронной почты), *друзья* (партнёры по интернет-переписке в социальных сетях) и пр. Лексические инновации: *зафрендить(ся)*, *спам*, *спамер*, *флэйм*, *забанить*, *маякнуть*, *коннект*, *апгрейд*, *провайдер*, *кликнуть*, *хакнуть*, *банить*, *флудить*, *офлайнный*, *лайк*, *лайкнуть* и мн. др. Неофраземы: *добавить в друзья*, *удалить из друзей*, *друзья друзей*, *найти новых друзей*, *все друзья*, *друзья онлайн*, *заявки в друзья*, *поиск друзей*, *закрыть профиль*, *добавить в избранное*, *рабочий стол*, *редактировать фото*, *отметить друзей*, *добавить ссылку*, *добавить статус*, *изменить статус*, *послать глухаря*, *давить клавишу*, *давить батоны* и пр. Сетевой этикет: *Доброго времени суток! Спс! Спокнучи! До связи! Дорогие форумчане! Уважаемые пользователи!* и т. п.

3. Многие лингвисты говорят и о появлении особой – **виртуальной – языковой личности**: «Вы можете стать всем, кем Вы хотите. Вы можете, если хотите, полностью «переобозначить» себя. Вы можете стать лицом противоположного пола. Вы можете быть менее разговорчивым. Вы можете быть просто тем, кем Вы хотите быть. И Вам не нужно переживать по поводу того, как Вас воспримут другие. Очень легко повлиять на это восприятие, т. к. все их представления о Вас основаны на том, что Вы им показываете. Они не видят Ваше тело и не делают по нему никаких предположений. Они не слышат Ваш акцент и тоже не делают по нему никаких выводов. Всё, что они видят, это Ваши слова» [7, с. 83]. Отсюда – всевозможные «тролли», «спамеры», «флудеры» и пр. [8].

4. Наконец, определённые выводы по поводу **концептуализации феномена «интернет»** позволяет сделать анализ корпуса высказываний, отражающих различного рода рефлексии по поводу интернета и интернет-коммуникации. Так, на момент написания данной статьи в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) насчитывается около 3000 документов (примерно 2,7% от всего объёма корпуса) с более чем 8000 вхождений слова *интернет*, причём кривая популярности все последние годы неуклонно растёт. К тому же за годы своей

адаптации в нашей жизни интернет обрёл ряд синонимических обозначений (*сеть, глобальная сеть, всемирная сеть, сетка, паутина, мировая паутина, нет, инет* и пр.).

Преобладающая в количественном отношении часть собранного нами корпуса контекстов отражает структурирование лингвокультурного концепта «интернет» сквозь призму коллективного языкового юмора. Тематическая классификация с отдельными примерами из собранного корпуса приводится ниже.

- Интернет в целом (строение, назначение, преимущества, недостатки): *В интернете всего три беды: дураки, вирусы и спам. И еще образованный ими нерушимый любовный треугольник; Интернет как общедоступная женщина, мало кому отказывает и мало кому удовлетворяет; Интернет способствует победе над СПИДом!; Интернет как жизнь: делать нечего, а уходить не хочется!!!*

- Специфические черты интернет-коммуникации (анонимность, виртуальность и др.): *В условиях анонимности интернета все задние мысли становятся передними; «Расскажите, как познакомиться в Интернете с девушкой?» – «Своди ее куда-нибудь. Например, на сайт хорошего ресторана».*

- Отдельные интернет-сервисы (ЖЖ, блоги, чаты, форумы, электронная почта, социальные сети и др.): *«Представляешь, подруга, я своего недавно на интернет развела, он мне даже почтовый ящик сделал!» – «Да? И какой же?» – «Крутой самый, естественно... В общем, пиши мне теперь на жена@жизни.нет»; «Папа, папа, а кто это там в углу – лохматенький... с красными глазками... всю ночь сидит?» – «Не бойся, малыш... это же наша мама в Контакте...»*

- Некоторые технические реалии сферы электронных коммуникаций (наименования программных продуктов, устройств; типичные неполадки и пр.): *IT-новости: «При входе в интернет, теперь проходят интерфейс-контроль»; Не ставьте мне палки в браузер!; Они были неразлучны и умерли в один день... Турбо-кулер и процессор AMD; А ты установил свежие драйверы для коврика?*

- Специфические языковые средства компьютерно опосредованного общения. В частности, можно отметить обыгрывание специальных компенсаторных средств ЭК, так называемых смайликов и эмотиконов – графических символов и их сочетаний, получающихся в текстовом режиме и кириллицы, и латиницы на клавиатуре: @ – @ delete. Собаке – собачья смерть; *Виртуальная любовь: они понимали друг друга с полусмайлика.*

- Интернет-зависимость: *Знакомство с Интернетом – как женитьба: жизнь круто делится на «до» и «после»; Лечим интернет-зависимость онлайн; Сижу в Интернете, чувствую запах жареной картошки, а ведь я её варить поставил!*

Корпус юмористических высказываний о средствах и особенностях интернет-коммуникации содержит и ряд иных характерных концептов более частного порядка, но вместе с тем подвергающихся в нём структуризации с достаточной степенью регулярности. Например: «Windows» (*В Windows как в самолёте: тошнит, а выйти некуда; Если вы хотите чаще встречаться с понравившейся девушкой, установите ей Windows'95*); «Билл Гейтс» (*Тарантино снял фильм «Убить Билла» после трехчасовой установки Windows XP; Увидишь Билла Гейтса – не трогай его. Он мой; Хочу футбольный мяч с фэйсом Билла Гейтса!; Американский антимонопольный комитет наконец-то придумал наказание для Билла Гейтса: пожизненное форматирование дискет; Билл – гей. Тсс...; Эпитафия на могиле Билла Гейтса: «Здесь покоится прах человека, который научил весь мир ходить в окна»; Как зовут собаку Гейтса? – Собаку Гейтса зовут Билл!; Люди Билли не любили, и за это Билли били; Скажи мне, кто Билл Гейтс, и я скажу, кто ты*); неумелый пользователь, «чайник», «ламер» (*А кофе на клавиатуру тоже вирус пролил?; Три категории пользователей – юзер, ламер и бухгалтер; Самый страшный вирус всегда сидит перед компьютером*).

Ряд высказываний юмористического плана манифестируют гендерный аспект интернет-общения, разворачиваясь вокруг тех или иных гендерных стереотипов: *Разработан женский Windows: к кнопкам «да» и «нет» добавлена третья: «может быть»; Мужчины-программисты*

любят системы с большими буферами; Женщина как компьютер: вы ее грузите, она на вас виснет; Почувствовала себя настоящей женщиной, когда просидела 4 часа в аське, дожидаясь, пока Он будет онлайн и напишет «Привет», чтобы сообщить ему, что я с ним не разговариваю; У мужчин звонит в штанах, а у женщин – в сумке.

Большое количество юмористических высказываний, связанных с темой интернет-коммуникации, отмечены прецедентной составляющей. Сравн.: «Что общего между блондинкой и Интернетом?» – «Очень много пользователей»; Модема-модема, чукча почту хочет!; Новая сенсация: Чукотские хакеры взломали счёты; Возвращается муж внезапно домой из Интернета... В кругу подобного материала показательны трансформированные пословицы и поговорки (С любимым через Интернет и в шалаше рай; Тамбовский волк тебе провайдер; У семи провайдеров юзер без доступа; Каждой твари по витой паре; Семь бед – один Reset); фразеологизмы (горе аутлуковое; тупун тебе на модем); крылатые фразы, в основном связанные со сферами литературы (Добрый юзеритянин; Веб-мастер и Маргарита; Закинул старик Сеть... и зажил в реале; Нет повести печальнее на свете, чем повесть о заклинившем Reset'e); киноиндустрии (Истинный айтиец. В коннектах, позорящих его, не замечен; Украл, инсталлировал – в тюрьму; О, Гюльчатай, сними же свой скринсейвер!); песенной лирики (Если глюк оказался вдруг, и не друг и не враг, а баг; Московских windows негасимый свет; Я лучше съем перед ЗАГСом свой password!); известных лозунгов (Каждому сталевару – по домне, каждому юзеру – по домену!) и др.

В ряде случаев концептуальные метафоры, связанные с анализируемой тематикой, выстраивают когнитивный вектор и в обратную сторону, когда в терминах интернет-коммуникации осмысляются иные аспекты человеческой жизни, как и в целом сам концепт «жизнь», сравн.: Одиночество – это когда на твой e-tale не приходит даже спам; Торопить женщину – то же самое, что пытаться ускорить загрузку компьютера: программа все равно должна выполнить все очевидно необходимые действия и еще многое такое, что всегда остается скрытым от вашего понимания.

Весьма интересный материал в отношении рефлексирования по поводу интернета находим в учебном пособии белорусского учёного Е. Н. Руденко, которая приводит описание и результаты (во многом сходные с нашими наблюдениями) психолингвистического эксперимента с применением метода когнитивного картирования «Интернет в картине мира белорусских студентов» [9, с. 121–125].

Таким образом, интернет и интернет-коммуникация – феномен не только высокозначимый в социокультурном измерении современной эпохи, но также перспективный в плане языкового и метаязыкового осмысления. В аксиологическом отношении наблюдается некоторое преобладание констатации и вербализации отрицательных сторон и последствий внедрения электронной коммуникации в нашу жизнь в сравнении с положительными. Однако в то же время этот момент в значительной степени нивелируется обращением к языковому юмору, языковой игре, к жаргонной языковой стихии, к эксплуатации креативных потенциалов, заложенных в языке. Именно юмористический дискурс – одна из наиболее показательных и разнообразных в языковом и жанровом отношении сфера метаязыкового рефлексирования по поводу средств и способов интернет-коммуникации.

Список использованных источников

- 1 Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.
- 2 Байкова, О. Э. Понятие функционального стиля в современной лингвистике [Электронный ресурс] / О. Э. Байкова // Огарев-online. – 2016. – № 6. – Режим доступа : <http://journal.mrsu.ru/arts/ponyatie-funkcionalnogo-stilya-v-sovremennoj-lingvistike>. – Дата доступа : 02.04.2017.
- 3 Антонов, В. П. О стилевых чертах Интернет-стиля / В. П. Антонов // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра : сб. материалов междунар. науч. конф. ; под общ. ред. Р. С. Сакиевой. – Армавир : АЛУ, 2005. – С. 30–39.

- 4 Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов. – М. : Азбуковник, 2000. – 791 с.
- 5 Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 320 с.
- 6 Макаров, М. Л. Жанры в электронной коммуникации / М. Л. Макаров. – Саратов : Изд. ГосУНЦ «Колледж», 2005. – 157 с.
- 7 Turkle, Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet / Sh. Turkle. – London : Simon & Schuster, 1995. – 165 p.
- 8 Баркович, А. А. Интернет-дискурс. Компьютерно-опосредованная коммуникация : учебное пособие по интернет-лингвистике / А. А. Баркович. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 285 с.
- 9 Руденко, Е. Н. Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию : пособие / Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2014. – 192 с.

УДК 81'371:398.92:81'367.622.12

Н. И. Лапицкая

**УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВЕСНЫЙ КОМПЛЕКС
ЛЕНИН – ЖИЛ, ЛЕНИН – ЖИВ, ЛЕНИН – БУДЕТ ЖИТЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье рассматриваются особенности употребления устойчивого словесного комплекса Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить с прецедентным именем Ленин. Источником фактического материала является интернет-пространство, которое позволяет проанализировать изменения в условиях употребления данного выражения.

В последнее десятилетие в лингвистике возрос интерес к прецедентным феноменам в языке и, в частности, к прецедентным именам.

Экспрессивный потенциал онимов очень высок, использование их в метафорическом значении – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в обращении к эмоциональной сфере психики. Имена подобного рода принято называть прецедентными онимами. «Они очень часто встречаются в публицистических текстах и призваны не просто рассказать читателю о чём-то, но и разъяснить ему глубинный смысл событий, сформировать общественное мнение, возбудить читателя эмоционально, наконец, мобилизовать его, подготовить к активному действию» [1, с. 15].

Как известно, имя может становиться прецедентным, т. е. вызывать большое количество различных ассоциаций, приобретать иные смыслы. И происходит это, по мнению А. В. Суперанской, тогда, когда: «1) денотат имени имеет достаточную известность у всех членов определённого языкового коллектива; 2) имя перестаёт связываться с одним денотатом и становится типичным для многих похожих друг на друга людей, поселений, рек и т. д.» [2, с. 7].

«Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *дядя Степа, Дюймовочка*), или прецедентной ситуацией (например, *Арина Родионовна, Шаляпин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, *Печорин*) или более элементов (например, *кот Баюн, Мороз Красный нос* и т. д.), обозначая при этом одно понятие [3].

В данной статье рассматривается устойчивый словесный комплекс *Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить*, включающий имя, являющееся прецедентным для любого советского человека, а именно имя *Ленин*.

Владимир Ильич Ульянов (основной псевдоним Ленин) – российский революционер, крупный теоретик марксизма, советский политический и государственный деятель, создатель

Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 года в России, первый председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства [4].

Мнения и оценки исторической роли Владимира Ульянова (Ленина) отличаются крайней полярностью. Вне зависимости от положительной или отрицательной оценки деятельности Ленина, даже многие некоммунистические исследователи считают его наиболее значительным революционным государственным деятелем в мировой истории.

Данное прецедентное имя относится к тем онимам, содержание которых поменялось с течением времени в связи с изменением настроения в обществе. Изначально ядро восприятия этого имени составляли семы «вождь», «отец», «учитель», «дедушка». В настоящее время имя *Ленин* может коннотировать признаки «террор», «преступление» и даже использоваться как синоним ониму *Гитлер* [5, с. 91].

Наиболее известным устойчивым словесным комплексом с данным коннотонимом является цитата из стихотворения Владимира Маяковского «Комсомольская»:

К сведению смерти, старой карги, гонящей в могилу и старящей:

«Ленин» и «Смерть» – слова-враги. «Ленин» и «Жизнь» – товарищи.

Тверже печаль держи. Грудью в горе прилив. Нам – не нить.

Ленин – жил.

Ленин – жив.

Ленин – будет жить.

Стихотворение написано ко дню рождения В. И. Ленина в год его смерти в апреле 1924 года. Владимир Маяковский таким образом выразил свой протест против смерти вождя:

Залили горем. Свезли в мавзолей частицу Ленина – тело.

Но тленью не взять – ни земле, ни золе – первейшее в Ленине – дело.

Смерть, косу положи! Приговор лжив. С таким небесам не блажить.

Ленин – жил.

Ленин – жив.

Ленин – будет жить.

Сделав запрос по названному выражению в интернете, мы выяснили, что данное выражение и в настоящее время пользуется большой популярностью. В основном оно используется в качестве заголовка в различных статьях. Варианты заголовков следующие: «*Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить*», «*Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить...*», «*Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить?*», «*Ленин будет жить?*», «*Ленин жил, Ленин жив, Ленин... будет жить?*», «*Ленин жил! Ленин жив! Ленин будет жить!*», «*Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить!*», «*Ленин жил, Ленин жив... – Что дальше?*».

Интонация заголовка коррелирует с содержанием статьи. По нашим наблюдениям, публикации с данным заголовком делятся на три типа.

Целый ряд статей посвящен чествованию В. И. Ленина в день его рождения или в день столетия Великой октябрьской революции, описанию открытия памятников «вождю мирового пролетариата». Публикации написаны представителями коммунистической партии и чаще всего озаглавлены следующим образом: «*Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить*», «*Ленин жил! Ленин жив! Ленин будет жить!*», «*Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить!*»: «*В канун 100-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции в мкр. Чкаловский коммунисты Щелковского районного отделения открыли памятник вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. Этот памятник имеет почти столетнюю историю. Он первый украшал площадь В. И. Ленина в г. Щелково, а потом офицеры из войсковой части в Щелково-7 сохранили его до сегодняшних дней и передали Щелковским коммунистам*» [6].

Статьи, в заголовках которых наблюдается изменение основной интонации высказывания («*Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить?*», «*Ленин будет жить?*», «*Ленин жил, Ленин жив, Ленин... будет жить?*»), посвящены вопросу перезахоронения В. И. Ленина, в них

может осуждаться культ вождя пролетариата, выразившийся в многочисленных памятниках Ленину: Владимир Ленин, безусловно, является центральной фигурой Октябрьской революции 1917 года. Идеальный вдохновитель и один из главных организаторов вооруженного восстания, символ красного Октября, без которого победу большевиков невозможно представить. Со временем памятники Ленину стали возводить повсюду – во всех советских республиках, в городах и селах, у гор, водопадов и гидроэлектростанций, а также в дружеских СССР странах [7]; Мавзолей на Красной площади в Москве долго был объектом поклонения: поток людей, пришедших взглянуть на мумию вождя, не иссякал... Но подобный вид захоронения не относится ни к христианской, ни к славянской традиции. Обычай бальзамирования родился в Древнем Египте, а само сооружение построено в форме вавилонского зиккурата... Кому же мы поклоняемся? [8]; Владимир Ленин, автор большевистской Октябрьской революции 1917 года и основатель Советского Союза, до сих пор почитается верующими коммунистами как фигура громадной величины, выходящей за рамки обычной жизни. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» гласит один из лозунгов, посвященный самому успешному профессиональному революционеру всемирной истории, который сегодня отметил бы свой 147-й день рождения. Еще при Борисе Ельцине имели место попытки вынести забальзамированный труп Ленин из Мавзолея. Они разбились о сильное сопротивление коммунистов и их сторонников, состоящих, в основном, из пенсионеров [9].

Целый ряд публикаций связан с событиями 2009 года, когда в интернет был помещён ролик из Мавзолея, на котором было видно, как В. И. Ленин вытягивает руку, садится, потягивается, а потом падает назад: *Невероятно, но в коммунистической партии России, отчаявшейся самостоятельно победить капиталистический строй в РФ, последние надежды на свержение власти возлагают на предводителя октябрьской революции, вождя мирового пролетариата Владимира Ленина, который в самом прямом смысле слова может возглавить новую революцию в стране. Поводом для этих, мягко говоря, фантастических надежд стало сенсационное заявление американского исследователя паранормальных явлений, профессора филадельфийского университета механики Джона Капри-младшего... Среди коммунистов, по традиции скептически относящихся ко всему паранормальному, к сообщению о том, что Ленин оживает, отнеслись с небывалым воодушевлением.*

«Ленин жил, жив и будет жить» – ведь неспроста этот лозунг. Кто его знает, с чем там ученые в начале века экспериментировали, может, заморозили его или мумифицировали особым образом, вот он и оживает, чтобы вновь вернуть власть народу», – заявил источник в КППФ [10].

Несмотря на тот факт, что большая часть современных молодых людей не может с точностью сказать, кем же был В. И. Ленин, интернет-пространство наполнено многочисленными анекдотами, в которых обыгрывается устойчивый словесный комплекс Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить. Вот некоторые из них: *Надежда не умирает последней – доказано В. И. Лениным. Ленин жил! Ленин жив!! Ленин будет жить!!!; Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет хорошо жить!; Если вы говорите, что Ленин жил – вы знаете историю. Если вы говорите, что Ленин жив – вы утопист. Если вы говорите, что Ленин будет жить – вы гонимый инженер.*

Следует сказать, что в интернет-пространстве представлен и перевод данного выражения на разные языки бывшего Советского Союза. Вот, например, как звучит «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» по-узбекски: *Ленин тырыгэдэ, Ленин тырыг, Ленин яшаидэ*, по-казахски: *Ленин джасада, Ленин джасавтэр, Ленин умрбакый*, по-таджикски: *Ленин лингабут, Ленин линга, Ленин сакат*. Экзотическое звучание данного лозунга на других языках привело к ироническому его использованию в одном из анекдотов: *Столица Узбекистана. Середина 80-ых. 7-ое ноября – красный день календаря. На здании обкома КПСС транспарант крупными буквами: Ленин – тыши! Ленин – пыши! Ленин – таптамыши!*

Таким образом, даже небольшое исследование названного выражения в интернет-пространстве даёт представление об изменившейся коннотации устойчивого словесного комплекса Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить и основной семы прецедентного имени Ленин.

Список использованных источников

- 1 Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с.
- 2 Суперанская, А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имён / А. В. Суперанская // Антропонимика : сб. науч. тр. – М., 1970. – С. 72–77.
- 3 Шишкова, А. А. Лингвокультурологический потенциал прецедентных феноменов в текстах СМИ / А. А. Шишкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://old.mgpu.ru/materials/degree_works/2129/degree_work_file.pdf. – Дата доступа : 02.09.2017.
- 4 Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 05.09.2017.
- 5 Ларина, Т. И. Ономастические тропы: семантика и функционирование / Т. И. Ларина. – Минск : РИВШ, 2011. – 164 с.
- 6 Ленин жил! Ленин жив! Ленин будет жить! [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://mkkprf.ru/17370-lenin-zhil-lenin-zhiv-lenin-budet-zhit.html>. – Дата доступа 28.10.2017.
- 7 Довлатов, С. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить»: самые известные памятники Ленину / С. Довлатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://turist.delfi.ee>. – Дата доступа : 10.11.2017.
- 8 Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить? [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://nmm.me/blogs/shmoldi/lenin-zhil-lenin-zhiv-lenin-budet-zhit>. – Дата доступа : 05.09.2017.
- 9 Штоль, Ш. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» / Ш. Штоль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mrakopedia.org>. – Дата доступа : 10.11.2017.
- 10 Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mrakopedia.org>. – Дата доступа : 10.11.2017.

УДК 811. 161.1'373.7: 398. 86

О. И. Литвинникова

ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ЧАСТУШКИ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Статья содержит описание структурной организации фразеологических единиц «живущих» в русской частушке названного времени, неисчерпаемой, как сам язык; их тексто-, смысло-, рифмообразующей функций, с учётом стилистической прикреплённости и участия в отражении ценностей изменяющегося мира.

Фразеологические единицы (ФЕ) как одно из наиболее ярких средств выразительности языка, активно и творчески используемые писателями и поэтами, довольно широко представлены и в русской частушке, являющей собой «произведение народной поэзии, короткую рифмованную песенку (обычно четверостишие) с лирическим или злободневным содержанием» [7, с. 1468].

Основу для наших наблюдений составили ФЕ четырёхстрочных частушек, методом сплошной выборки извлечённых из сборников, изданных в 1975–1995 гг. 20 века [1; 2; 9; 12; 15; 18], без «нескладух» / «нескладушек», цель которых позабавить слушателей нарочитой нелепостью ситуаций (обычно с нарушением ритмики и рифмы). Одна частушка была записана в деревне Горки от Доброхотовой Галины Петровны, грамотной, работавшей завклубом в далёкие теперь уже 70-е годы прошлого столетия. В опубликованные «Материалы к словарю диалектной фразеологии деревни Горки Варнавинского района Горьковской области» [6, с. 21–57] частушка не включена: *Ты, подруга, дробы, дробы, / Дробы выколачивай! / Из-за дроли на меня / Шары не выворачивай!* / Диал. *выворачивать шары* = прост. *Пялить (таращить) глаза* – 'пристально, напряжённо, упорно смотреть на кого-, что-л.; рассматривать кого-, что-л.' [17, с. 373] (семантический диалектизм *шары* в значении 'большие глаза, на выкате', знают говоры вологодского, горьковского (нижегородского), пермского и других регионов России).

Краткость, лаконизм вместе с эмоциональностью, экспрессивностью, свойственные частушке, прекрасно уживаются с ФЕ, что органично и просто «вросли» в текст её многочисленными структурными типами, в основе своей повторяющимися выделенные в исследованиях фразеологов, начиная с «Фразеологии современного русского языка» Н. М. Шанского [19, с. 103–104, 108–109].

Определяющим является наличие в тексте частушки ФЕ без изменения их значения и формы – именно в этом случае они реализуют свои выразительные возможности абсолютно. Такие фразеологизмы «растворяются» в общем тексте частушки. Это преимущественно общеязыковые моно- и полисемичные единицы, которые, как и их компоненты, могут быть заняты в создании рифмы. Структурная организация ФЕ такова: – глагол + ИС с предлогом или без него: *пускать (пустить) по ветру* – ‘тратить, расходовать зря, безрассудно (о деньгах, состоянии, имуществе)’ [17, с. 49] – *Ой, кофта моя, / Рукава по метру, / Свою первую любовь / Пустила по ветру* / [12]; *подать рукой* – ‘совсем близко’ [17, с. 328] – *Ой, да мы, ребята молодые, / Знай, гуляем под луной. / Нынче времечко такое – / До луны подать рукой.* / [1]; *катись колбасой*. Грубо-прост. Убирайся, пошёл вон! [17, с. 196] – *Мне сказал один в пивной: / «Катись, приятель, колбасой!» / Покатился колбасой, / А сзади очередь за мной* / [12]; *заливаться соловьём*. Шутл. Говорить красноречиво, с увлечением [17, с. 167] – *Заливался соловьём / Мэр с предвыборным огнём, / А теперь в газете пишут, / Особняк возвёл под крышу.* / [2] и т. д. В отдельных случаях компоненты моносемичных ФЕ не рифмуются: *носить воду решетом*. Ирон. Делать что-л. заведомо впустую, без результата [17, с. 286] – *Сербияночка Наташа / Во субботу мыла пол. / Решетом носила воду, / Приморозила подол.* / [12].

Многозначные ФЕ данной структуры единичны: *вешаться на шею кому, к кому*. 1. Приставать с ласками, нежностями и т. п. 2. Навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви [17, с. 63]. Семантический объём фразеологизма-полисеманта полностью реализован в частушке: *Говорят, что я горда, / Ну, пускай утешатся! / Лучшие с гордостью любить, / Чем на шею вешаться.* / [2; 12; 18]; *валять дурака*. 1. Дурачиться, паясничать, потакать глупым выходкам. 2. Делать глупости, поступать не так, как следует. 3. Притворяться глупым, непонимающим. 4. Праздно проводить время [17, с. 55] – *Я на тоненькой дощечке / Выбиваю трепака. / Милый думает, гуляю, / А я валяю дурака.* / [12]. В частушке отражены 1-ое и 4-ое значения ФЕ, 2-ое и 3-е оказались не востребованы. Немногочисленные ФЕ и иных структурных типов, в системе языка являющиеся полисемичными, в тексте частушки реализующие не весь свой смысловой объём.

При перекрёстной «упрощённого» вида приблизительной рифме: – наречие в сравнительной степени + ИП + ИС: *хуже горькой редьки* – 1-ое (из 2-х значений ФЕ) «проросло» в частушке. Невыносимо, очень сильно (надоесть, осточертеть и т. д.) [17, с. 513] – *Репродуктор в сельсовете / Рано будит, как петух. / Это хуже горькой редьки, / Если сразу любишь двух.* / [12]. Компоненты ФЕ не рифмуются: – наречие + союз + наречие: *вдоль и поперёк* – 2-ое (из 2-х значений ФЕ) ‘до мельчайших подробностей, очень хорошо’ [17, с. 57–58] реализовано в частушке: *Сербияночка Наташа / Мыла пол и потолок, / А я Колино сердечко / Знаю вдоль и поперёк.* / [9]. Один компонент ФЕ участвует в создании рифмы: – ИС с предлогом: *к лицу* – 2-ое (из 2-х значений ФЕ) ‘подобает кому-л., соответствует положению кого-л.’ [17, с. 229] отражено в частушке: *Загордились, – ну и пусть, / Не бывает такому! / Не к лицу девочкам грусть, / Повернём до дому!* / [15]. В тексте частушки ФЕ употреблена с отрицанием *не*; в создании рифмы компоненты ФЕ участия не принимают.

При смежной (параллельной) рифме: – глагол + ИС с предлогом: *сводить / свести с ума* кого. 2-ое (из 2-х значений ФЕ) в частушке: ‘сильно увлекать, пленять, очаровывать’ [17, с. 414] – *Ой, барыня смелая, / На ней юбка белая. / До того она бела, / Что с ума меня свела.* / [12]. Инверсивное расположение компонентов ФЕ и распространение структуры за счёт включения формы личного местоимения 1-го лица ед. числа в винительном падеже. Глагольный компонент ФЕ *свела* рифмуется с краткой формой ИП *бела*. В создании рифм заняты преимущественно ИС как компоненты ФЕ, реже – глаголы и наречия. ИП, причастия,

местоимения – лишь в единичных случаях. Сравн.: < *и* > *так* < *и* > *сяк* – 1-ое (из 4-х значений ФЕ) реализовано в частушке: 1. По-разному, на разный манер [17, с. 469] – *Я к соседушке пойду / И соседа уведу, / Потому, как мой дурак / Надоел и так и сяк.* / [9]. В создании рифмы занят весь фразеологизм. В варианте частушки с этой же ФЕ – *Я на улице была, / Видела Миколку. / Он ко мне и так и сяк, / А я под метёлку.* / [18]. Из 4-х значений фразеологизма в частушке отражены два: 1. По-разному, на разный манер и 4. Готов на всё; делает всё, чтобы угодить [17, с. 469], в рифмообразовании ФЕ или её компоненты участия не принимают. При чрезвычайном разнообразии рифмовки четырёхстрочных частушек имеющиеся в нашем распоряжении укладываются в два типа рифмы, не зависящие от моно-, полисемии, как и структуры ФЕ. Инверсивное расположение компонентов ФЕ, как правило, связано с ритмико-мелодической организацией частушки: *на шею вешаться* (вм. *вешаться на шею*), *подать рукой* (вм. *рукой подать*) и др. О том, что «порядок лексем в ФЕ некоторых типов допускает вариации», убедительно писал в своё время В. Л. Архангельский [5, с. 49–52].

Замена субстантивированного ИП *милый* ИС ж. р. со значением 'лицо ж. пола' – *милка* в пословице с *милым рай* и в *шалаше* – 'с любимым человеком хорошо в любых условиях' [17, с. 206] связана с мужским исполнением частушки: *Нынче дело не в приданом, / Не в чести оно уже, / А при случае при данном, / Ох, с милкой рай и в шалаше.* / [1]. Вариант этой частушки: *Мне не нужен дом кирпичный, / Был бы милый симпатичный, / Был бы милый по душе, / Проживём и в шалаше.* / [18] представляет собой развёрнутый пословичный текст. (Источником пословицы считается стихотворение малоизвестного поэта Н. И. Ибрагимова «Русская песня» (1815 г.), ставшее впоследствии из-за популярности народной песней). – ИП + ИС (без предлога и с предлогом или с союзом *как*): *полная чаша* – 'всего полно, в изобилии. О достатке, зажиточности' [17, с. 517] – *Милый борозду провёл, / Сразу видно, что Орёл. / Мне и надо бы орла, / Полной чашей б жизнь была.* / [1]; *бабье лето* – 'ясные, тёплые дни ранней осени' [17, с. 225] – *Ой ты, реченька Ока, / Широка и глубока. / Пролетело бабье лето, / Жизнь, как речка, протекла.* / [9]; *белый свет* – 'окружающий мир, земля во всех её проявлениях' [17, с. 411] – *Без тебя, мой дорогой, / Без тебя, мой милый, / Без тебя, хороший мой, / Белый свет постылый.* / [18]. Ни в одной из этих частушек ФЕ или их компоненты не являются рифмообразующими. Но: *золотые горы* – 'сказочное богатство, благополучие и т. д.' [17, с. 118] – *Обещал милёнок мой / Мне золотые горы, / А пока что подарил / Лишь нужду да горе.* / [1]; *на рыбьем меху* – 'не предохраняющий от холода, не согревающий' [17, с. 247] – *Эх, купила я доху, / Да на рыбьем, знать, меху. / Как задул мороз да ветер, / Прокляла я всё на свете.* / [9]; *гол как сокол* – 'страшно беден, ничего не имеет' [17, с. 111] – *Мой милёнок – алкоголик, / Если трезвый, то хорош. / Гол милёнок как соколик, / Забирай его, кто хошь!* / [9]. Субстантивные компоненты приведённых ФЕ участвуют в рифмообразовании. В ФЕ последней частушки, кроме того, в угоду рифме ИС *сокол* заменено дериватом *соколик*; – ИС + ИП: *руки коротки* – 'нет достаточной власти, права, возможности и т. п. (делать, сделать что-л.)' [17, с. 309] – *Меня милый хочет бить / Прямо в загородке. / Врёт, врёт, не побьёт, / Рученьки коротки!* / [12]. Краткая форма ИП как компонент ФЕ участвует в создании рифмы. Трансформация ФЕ связана с заменой ИС *руки* субъективно-оценочным *рученьки*; – ИС + глагол: *глаза разбегаются* – 'кто-то не может сосредоточиться, остановиться на чём-л. одном от разнообразия впечатлений' [17, с. 104] – *Победители домой / С фронта возвращаются, / Стало столько ухажёров, / Глазки разбегаются.* / [9]. Здесь, как и в предыдущей частушке, глагольный компонент ФЕ занят в создании рифмы, а вместо ИС *глаза* использован дериват *глазки*. Производные имена существительные с суффиксами -к- (*глазки*), -ик (*соколик*), -еньк- (*рученьки*), по В. В. Виноградову, – единицы «с пёстрой и противоречивой гаммой эмоций и оценок» [8, с. 98], – не только в частушке, но вообще – в народной, особенно – диалектной речи;

– ИС + ИС с предлогом + глагол: *медведь [слон] на ухо наступил кому* – 'кто-то совсем лишён музыкального слуха' [17, с. 240] – *Любит мой милёнок неть, / Только нету слуха. / Ну зачем ему медведь / Наступил на ухо?!* / [1; 18]. В обеспечении рифмы заняты два компонента ФЕ. Инверсия в их расположении осуществлена в угоду ритмико-мелодической организации стиха; ИС + ИС с отрицанием: *губа не дура*. Прост. Кто-л. имеет неплохой вкус, умеет выбрать

самое лучшее [17, с. 122] – *В небе звёздочка сияет, / Словно милая моя, / У меня губа не дура, / Полюбил красоту я.* / [9]. Компоненты ФЕ не участвуют в рифмообразовании. – ИС с отрицанием НЕ + краткая форма страдательного причастия: *не лыком шит*. Прост. Не хуже других в каком-л. отношении, не лишён знаний, способностей [17, с. 534] – *Я сама не лыком шита, / Дали орден мне за труд. / Каждый вечер женихи-то / В окружение берут.* / [12]. Для обеспечения рифмы вместо страдательного причастия м. р. использована форма ж. р.: – ИС + наречие: *мозги набекрень* у кого. Прост. Кто-л. с придурью, с причудами [17, с. 251] – *Все ребята, как ребята, / У девчонок, – словно тень, – / Мой милёнок затерялся, / Знать, мозги-то набекрень.* / [15]. Наречие *набекрень* как компонент ФЕ участвует в создании рифмы. В структуру ФЕ включена постпозитивная частица *-то* с учётом ритмико-мелодической организации текста: – ИС с предлогом: *без памяти* от кого-, чего-л. В восхищении, в полном восторге [17, с. 309] – *Ой, как милую люблю я, / Сердце хлопает, как дверь. / Я без памяти влюбился, / Хочешь, верь, а хошь – не верь.* / [9; 15]. ФЕ не участвуют в создании рифмы. *До гроба* – ‘до самой смерти, до конца жизни’ [17, с. 121] – *Ой, колечко моё, / Золотая проба, / Буду милого любить / До самого гроба.* / [9]. Субстантивный компонент ФЕ рифмуется. Структура расширена за счёт определительного местоимения *самый*. – ИС с отрицанием *не*: *не пара* – ‘не подходит по каким-л. качествам, в каком-л. отношении’ [17, с. 310] – *А, Ванечка, Ванечка, / Ты мне не парочка: / У тя (тебя) рыжа борода, / А я девка молода.* / [18]. ИС участвует в рифмообразовании. ФЕ «не + ИС», «не + глагол», немногочисленные в системе русского языка вообще, не лишь в частушках, тщательно проанализированы Л. И. Ройзензоном как представляющие интерес для изучения формирования фразеологической семантики [13, с. 55–68]. – Союз *как* + ИС + глагол: *как ветром сдуло* кого-, что-л. ‘кто-л. мгновенно исчез, что-л. мгновенно исчезло’ [17, с. 417] – *Раньше я не приходила / Одна с улицы домой, / А теперь, как ветром сдуло, / Глазки кари, чуб волной.* / [9]. ФЕ не рифмуется; – союз *как* + ИС + ИС с предлогом: *жить как кошка с собакой* – ‘в постоянной вражде’ [17, с. 210] – *Хорошо живём с женой, / Говорит о нас народ. / То как кошка мы с собакой, / То совсем наоборот.* / [2; 12; 15]. Между компонентами ФЕ вставлено личное местоимение 1-го лица мн. числа. В обеспечении рифмы фразеологизм не занят. Фразеологи Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои компаративные ФЕ называют «сравнительными устойчивыми оборотами (СУО)» [13, с. 73].

Наблюдения показали, что фразеологизмы, как и сами частушки, несут в себе экспрессивно-оценочную характеристику лиц, предметов, процессов, эмоционально воздействуют на читателя (слушателя). Таящие в себе вековой опыт, эстетику и этику, мудрость народа, выражая определённое состояние человека в различных жизненных ситуациях, совершенно не мешая восприятию текста частушки, служат средством усиления экспрессии и выразительности.

Функциональный потенциал ФЕ в тексте частушки, в её образной системе, значителен и во многом зависит от мастерства и таланта сочинителя или исполнителя. Фразеологизмы полифункциональны (это вообще свойственно поэтической речи). Если для реализации тексто- и смыслообразующей функций совершенно не важно их местоположение в частушке, то рифмообразующая функция связана с положением ФЕ или её компонентов в конце какой-л. строчки (из четырёх возможных). В большинстве своём фразеологизмы стилистически нейтральны: из 185, имеющих в нашем распоряжении, стилистически окрашенные единицы: *выворачивать шары, катись колбасой, довести до ручки, крыть матом, мозги набекрень, губа не дура, не лыком шит, заливаться соловьём, носить воду решетом*. Трансформации ФЕ незначительны (все они показаны при описании фразеологизмов разной структуры и связаны с ритмико-мелодической организацией текста). Одни и те же, особенно полисемичные ФЕ, в вариантных частушках по-разному реализуют свой смысловой объём, в то время как варианты ФЕ в разных частушках синонимичны: *Ах, дым столбом / На меня валится; / У меня залётка есть, / Я могу гордиться.* / [18]. *Дым коромыслом [столбом]*. Прост. Шум, гам, беспорядок, суматоха [17, с. 153]; *Мчит Пилсудский, / Пыль столбом, / Стон идёт от марша, / Разобьётся панским лбом / Об коммуна маршал.* / [2]. *Пыль столбом* – ‘шум, гам, беспорядок, суматоха’ [17, с. 373]. Чувствуя себя «как рыба в воде», влияя на характер и обстоятельства

действия в частушке, ФЕ принимают определённое участие в отражении ценностей изменяющегося мира (сравн. приведённую выше злободневную частушку об Юзефе Клименсе Пилсудском, «первом главе возрождённого Польского государства, основателе польской армии, маршале Польши» (Википедия), авторе создания польско-литовско-белорусско-украинской федерации в 1920 году; частушки о перестройке, целью которой была всесторонняя демократизация сложившегося в СССР общественно-политического и экономического строя, и гласности (1985–1991 гг.), соответственно: *Раньше пили каждый день, / А теперь – с полочки. / Этот жлоб с пятном на лбу / Доведёт до ручки.* / [12]; *Довести до ручки.* Прост. До безвыходного, отчаянного положения [17, с. 403]. *Ой, Семёновна! / В пору гласности / Ты кроешь матом всех, / Меня – в частности.* / [12]. *Крыть матом.* Прост. Матерно ругать, ругаться [17, с. 239]. Сегодня, как и много лет назад, частушка (четырёхстрочная песенка с законченным содержанием, определённой ритмикой и мелодией) – явление живое, привычное. Фразеология как её составляющая ждёт выявления и систематизации корпуса таких единиц, внимательного многоаспектного изучения и описания, лексикографической представленности, как и определения места не только в частушке, но в культуре русского народа.

Список использованных источников

- 1 Аверкин, А. П. Частушки. Припевки. Страндания / А. П. Аверкин. – М. : Советский композитор, 1975.
- 2 Аверкин, А. П. Старинные и современные частушки / А. П. Аверкин. – М. : Советский композитор, 1992.
- 3 Алексеенко, М. Фразеология (и не только) поэтической речи В. М. Мокиенко / М. Алексеенко. // *Slowo, Tekst, Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnnych i nowych paradygmatach naukowych.* – Szczecin – Greifswald, 2010. – С. 24–39.
- 4 Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
- 5 Архангельский, В. Л. О порядке слов во фразеологических единицах русского языка / В. Л. Архангельский // *Вопросы изучения русского языка.* – Ростов-на-Дону, 1962. – С. 49–52.
- 6 Балясников, А. В. Материалы к словарю диалектной фразеологии деревни Горки Варнавинского района Горьковской области / А. В. Балясников, О. И. Соколова // *Вопросы фразеологии VIII.* Вып. 272. – Самарканд : СамГУ им. А. Навои, 1975. – С. 21–57.
- 7 Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : НОРИНТ, 2003. – 1536 с.
- 8 Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – 2-е изд. / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 616 с.
- 9 Заря-заряница : песни, частушки, нар. драмы, сказки, предания, сказы и уст. рассказы Горьков. обл. / Сост. и авт. вступ. ст. В. Н. Морохин. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1982. – 238 с.
- 10 Колпакова, Н. П. Типы народной частушки / Н. П. Колпакова // *Русский фольклор.* – М.–Л., 1966. – Т. 10. – С. 267.
- 11 Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков – Л. : Наука, 1977. – 284 с.
- 12 «Ой, Семеновна!..» Озорные частушки из собрания поэта Н. Старшинова. – М. : Изд-во «Байкальская академия», 1992. – 208 с.
- 13 Ройзензон, Л. И. Русская фразеология : учебное пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : СамГУ им. А. Навои, 1977. – 119 с.
- 14 Селиванов, Ф. М. Эволюция способов рифмовки в частушках / Ф. М. Селиванов // *Фольклор, поэтика и традиция.* – М. : Наука, 1982. – 207 с.
- 15 Семейный календарь. – М., 1995.
- 16 Фелицына, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров. – М. : Русский язык, 1979. – 240 с.
- 17 Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.
- 18 Частушки. – М. : Современник, 1987. – 494 с.
- 19 Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. – 2-е изд. / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1969. – 232 с.

В. А. Ляшчынская

КАШТОЎНАСНЫЯ АРЫЕНЦЫРЫ Ў ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ
БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ З КАМПАНЕНТАМ *ВІР*

У артыкуле на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам «вір» выяўляюцца каштоўнасныя арыенцыры, культурная інфармацыя, што перадаецца ад пакалення да пакалення і служыць сродкам пазнання, спосабам аб'яднання людзей у адно цэлае – народ з уласцівай яму культурай.

Чалавек прадстаўляе праз сябе пэўны тып культуры, таму што ён з'яўляецца носьбітам пэўнай сістэмы каштоўнасцей, пад якімі разумеюцца абагуленыя ўяўленні людзей адносна мэты і нормаў сваіх паводзін, якія ўвасабляюць гістарычны вопыт і канцэнтравана выражаюць сэнс культуры пэўнага народа і ўсяго чалавецтва. Мова з'яўляецца аптымальным сродкам выражэння культурных сэнсаў, спрыяе захаванню і трансляцыі «агульнага запасу культурных каштоўнасцей, інакш кажучы, інвентара культуры» [1, с. 85]. Сярод моўных адзінак кожнай мовы найбольш значнае месца ў захаванні і перадачы культурнай інфармацыі займаюць фразеалагічныя адзінкі (ФА) як моўныя і культурныя знакі другаснай намінацыі, асноўная роля якіх якраз і заключаецца ў апісанні, характарыстыцы і ацэньванні ўсяго таго, што звязана з жыццём чалавека, але пры гэтым менавіта таго, што чалавек лічыць найбольш важным у сваім жыцці, каб выразіць і перадаць праз вобразнае ўяўленне ўстойлівы, каштоўнасны змест культуры, яе каштоўнасныя арыенцыры.

ФА, пад якімі разумеюцца адносна ўстойлівыя, узнаўляльныя, экспрэсіўныя спалучэнні мінімум двух слоў і якія валодаюць цэласным значэннем, захоўваюць культурную інфармацыю, якую ў лінгвістыцы прынята называць эмацыйнасцю, ці эмацыянальна-ацэначнай афарбоўкай. А па сутнасці гэта тое, што чалавек як стваральнік ацэнкі, як выразнік эмоцыі «раскрывае сваю культурную пазіцыю – годна ці нягодна чалавеку тое, што адбываецца ў свеце, прыстойна чалавеку што-небудзь рабіць ці не прыстойна» [2, с. 42]. Апісваючы, характарызуючы і ацэньваючы свет у яго праяўленнях, чалавек праз ФА выступае тварцом створаных ім акультураных уяўленняў. Таму зварот да фразеалогіі беларускай мовы як магутнага сродку кампрэсіі інфармацыі дазваляе асэнсаваць успрыманне акаляючай рэчаіснасці скрозь прызму ментальных мадэляў моўнай карціны свету беларусаў. І менавіта гэта, у сваю чаргу, дапамагае глыбей зразумець і асэнсаваць працэс фарміравання дыялога мовы і культуры ў іх узаемадзеянні [3, с. 217].

У межах кароткага паведамлення спынім увагу на адной невялікай групе ФА беларускай мовы, аб'яднаных агульным кампанентам *вір* і звязаных з старажытнымі ўяўленнямі і назіраннямі чалавека за гэтым 'кругавым, лейкападобным рухам вады, які ўзнікае ад сутыкнення сустрэчных плыней' [4, с. 492]. А яшчэ *вір* – гэта такое паняцце, якое ва ўяўленні чалавека звязана з глыбокай ямай у рацэ, дзе віруе вада, гэта вядомае чалавеку небяспечнае месца, гэта тая лакальная прастора, якую людзі добра ведалі, паколькі там назіраецца водаварот, і якой заўсёды баяліся, асцерагаліся самі і перасцерагалі іншых. *Вір* як глыбокае і непазнанае месца звязана з шматлікімі няшчаснымі выпадкамі, у віры хавалі свае чорныя справы зламыснікі, аб вірах складалі легенды. Дарэчы, верш «Страшны *вір*» Купалы паэтычна перадае ўяўленне народа аб віры як страшным месцы: «Шмат чутак аб віры і зданнях / Чуваць ў народзе здаўна; / Што праўда, няпраўда – не знаю... / Мне ўспомнілась чутка адна». Нагадаем і аб наяўнасці ў мове твораў Я. Купалы выклікавых ФА *каб цёмны на іх вір!* як выказанне абурэння на каго-ці што-небудзь і пажаданне загінуць, прапасці, дзе асабліваю ролю выконвае кампанент-азначэнне *цёмны* з яго сімволікай негатыву і сувяззю з архетыповым супрацьпастаўленнем «цёмны – светлы», і *мацяру іх к віру* для выказвання

згоды, якая непрымальная, але вымушаная ў пэўным выпадку [5, с. 39], якія выразна даводзяць і сваім складам сведчаць аб негатыве, звязаным менавіта з уяўленнямі народа аб віры як небяспечным месцы на рацэ ці ў возеры.

Усё гэта паспрыяла замацаванню за лексмай *вір* адметнага сімвалічнага значэння і надання такіх сем, як ‘глыбіня’, ‘невядомасць’, ‘небяспека’, на аснове чаго і была ўключана гэта лексема ў інфармацыйнае культурнае поле беларусаў, што і стала прычынай адбору слова і свабодных спалучэнняў з ім пры ўтварэнні фразеалагізмаў для абазначэння і характарыстыкі новых паняццяў.

Так, у беларускай мове пашырана ФА *хоць <ты> у вір / у пельку галавой* ці ў скарачаных варыянтах *хоць у вір галавою*, якая выкарыстоўваецца для выказвання адчаю, немагчымасці што-небудзь зрабіць, каб выйсці з крайне цяжкага становішча, бездапаможнасці, безвыходнасці, ці, як у мове Купалы, *хоць у вір* ‘рашуча, без ваганняў’. Напрыклад: *Трапіў, як кажучы, у нерат – ні ўзад ні наперад. Хоць ты ў вір галавой* (М. Машара); *Што было гаварыць на развітанне? Так раптоўна, так нечакана ўдарыла ты на самых напчатых струнах маёй душы. Хоць у вір галавой* (В. Мыслівец); *За свабоду я пайду хоць у вір, / Бо я вольны, як вецер, як птушка...* (Я. Купала). Адзначым яшчэ купалаўскую дзеяслоўную ФА *кінуцца ў вір* ‘зрабіць што-н. без разваг, паспешліва і рызыкаўна’.

Семантыка гэтых ФА, што ўзніклі на аснове свабодных спалучэнняў слоў, з’яўляецца матываванай, паколькі агульнае значэнне ўтварылася ў выніку зліцця значэнняў асобных кампанентаў, але матываванасць, вытворнасць значэння не прамая, а апасродкаваная. Вобраз ФА на аснове метафары даводзіць, што адчай, бездапаможнасць, безвыходнае становішча, у якім аказваецца чалавек і з якога ён не бачыць выйсця, прыпадабняюцца да жадання завяршыць жыццё праз скачок у вір. І тут вір выяўляе сваю семантычную прыкмету, прыпісаную метафарычна чалавекам гэтаму месцу, як ‘пагібель, канец, смерць’. Наяўнасць кампанентаў у *вір* выяўляе суаднесенасць ФА з прасторавым і прыродна-ландшафтным, а праз кампанент *галавой* – з саматычным кодам культуры, дзе выбар кампанента *галавой* абавязаны прыёму метаніміі, калі частка – галава служыць для абазначэння цэлага – чалавека і адначасова пакавазве кірунак дзеяння – уніз галавою.

Паводле будовы і семантыкі ФА *хоць у вір галавою* адпавядае тыповай для беларускай фразеалогіі мадэлі і мае шэраг сінанімічных ФА тыпу *хоць ты галавой аб сцяну біся; хоць галавой у пятлю; хоць <ты> жывы ў зямлю лезь; хоць у пятлю лезь; хоць у труну лажыся* і інш. Як відаць, да такіх шматлікіх спосабаў закончыць зямное жыццё, што перададзены ў ФА, альбо да такіх сродкаў гібелі, як пятля, магіла, труна, далучаецца яшчэ і вір. ФА *хоць <ты> у вір / у пельку галавой; хоць у вір галавою; хоць у вір* перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра безвыходнае становішча і адчай чалавека, які не бачыць выхаду і якому застаецца толькі ўтапіцца.

Яшчэ адна семантычная прыкмета метафарычнага ўяўлення чалавека пра вір – гэта ‘далёка’ на аснове ўспрымання інфармацыі пра вір як вельмі глыбокае месца. І гэтая адметнасць сімвалікі лексемы паспрыяла выкарыстанню яе пры ўтварэнні беларускіх ФА ў *віру /-ы на калу* ‘вельмі далёка, у аддаленым месцы (быць, знаходзіцца, будавацца і пад.); у *віры* ‘празмерна далёка’ і ў *вірах на юрах*.

Словаспалучальная канструкцыя ФА ў *віры*, як і агульная з ёю частка ФА ў *віру /-ы на калу* і ў *вірах на юрах*, выяўляе праз гэтыя кампаненты сувязь з прасторавым і ландшафтна-прыродным кодам культуры, а другая адзінка яшчэ з прасторавым і рэчавым кодам праз спалучэнне *на калу*. Пры гэтым прастора адносна спалучэння ў *віры* падаецца ў вертыкальным яе вымярэнні на аснове архетыповага супрацьпастаўлення «глыбока – плытка», «далёка – блізка», якое праз абраны кампанент *вір* з яго адмоўнай ацэнкай на аснове негатыўнай ролі ў жыцці і замацаванай у свядомасці чалавека дазваляе яшчэ выразіць і данесці незадаволенасць, неадабрэнне такому далёкаму размяшчэнню (у *віры*) і тым больш такому месцу знаходжання, пражывання ці будаўніцтва (у *віру /-ы на калу* ці ў *вірах на юрах*), што выразна даводзіць ілюстрацыя ўжывання ФА: *Так і знайсці тых малайцоў! У віры на калу чорт носіць. Дзе б паднеслі да станцыі, дык і блізка [няма]* (Ф. Янкоўскі), дзе асабліва

наглядна выступае адмоўная ацэнка, якую нясе ФА і якая яшчэ ўзмацняецца далучэннем ФА *чорт носіць* са значэннем ‘хто-небудзь недарэчы, не ў пару ходзіць, бадзяецца дзе-н.’, што служыць для выказвання неадабрэння гэтаму; ці *Дый калі як след падлічыць, гэта наўрад ці будзе даражэй, чым будавацца ў віру на калу* (У. Карпаў).

Адмоўная канатацыя ФА *ў віру /-ы на калу* дадаткова яшчэ выяўляецца праз падбор кампанентаў *на калу*, дзе кампанент *кол*, паводле этымалагічных росшукаў І. Я. Лепшава адносна ФА *ні кала ні двара*, скарыстаны і даводзіць сучаснікам сваё ўстарэлае значэнне – ‘невялікі ўчастак воранай зямлі, надзел каля хаты (у некаторых мясцінах – шырынёй два сажні)’ [6, с. 270]. У выніку ФА *ў віры* і *ў віру /-ы на калу* перадаюць стэрэатапнае ўяўленне і негатыўную ацэнку аддаленасці размяшчэння ці знаходжання чаго-небудзь.

А вось ФА *ні ў пір ні ў вір* [ні ў добрыя людзі] ‘абсалютна нікуды’, несумненна, абавязаны сваім утварэннем усячэнню прыказкі і ў такім скарачаным выглядзе адпавядае тыповай для фразеалогіі мадэлі з выкарыстаннем двух супрацьлеглых у чым-небудзь назоўнікаў з паўтаральнай пры іх часціцай *ні ...ні*, якая ўзмацняе няпэўнасць (параўн.: *ні млён ні таўкач; ні пава ні варона; ні рыба ні мяса; ні свет ні зара*), толькі з адметнасцю структуры за кошт паўтору прыназоўніка ў.

Прыведзеная ФА суадносіцца найперш з прасторавым кодам культуры праз спалучэнне *ў пір* і *ў вір* як указанне напрамку адносна пэўнай прасторы, месца, у якое скіравана дзеянне чалавека ці да якога ён належыць. Асаблівую ролю ў стварэнні вобраза і семантыкі ФА набывае адбор кампанентаў-назоўнікаў, праз якія ФА суадносіцца з ландшафтна-прыродным (*вір*) і гастронамічным (*пір*) кодамі культуры і якія з’яўляюцца сведчаннем выключнай дасціпнасці творцаў адзінкі як з пункту гледжання абранай формы праз наяўнасць рыфмы кампанентаў, так і з боку выразнасці вобраза для абазначэння новай рэаліі і выражэння яе ацэнкі. Кампаненты *пір* і *вір* у межах ФА выразна супрацьпастаўляюцца: у прыватнасці, за лексмай *пір* замацавана сімволіка свабоднага часу, уяўлення пра забаву, уцеху, праз яе ўзнікаюць асацыяцыі з дастаткам, багатым частаваннем, куды запрошваюць чалавека як гасця, а значыць, пір сімвалізуе добрае жыццё, расцэньваецца як дабро; а *вір* сімвалізуе пагібель, цёмнае і страшнае месца, што, безумоўна, асацыятыўна ўспрымаецца і расцэньваецца са знакам «мінус». А пры іх супастаўленні як ні добра ні дрэнна ўзнікае ў выніку трэцяе, якое не можа быць ні добрым, ні дрэнным, ці атрымліваецца трэцяй як ніякае, альбо, як у семантыцы новай ФА – ‘нікуды не прыгодны’, паколькі ўсе ФА носяць антрапацэнтрычны характар. ФА *ні ў пір ні ў вір* выступае ў ролі эталона невыразнасці, пасрэднасці як характарыстыкі ні да чаго нігоднага чалавека.

Як відаць, негатыў, што звязаны і замацаваны праз лексему з паняццем, праз сімволіку лексемы *вір* як страшнага, небяспечнага для чалавека месца, ці ‘невядомасць’, ‘небяспека’, ‘пагібель’, ‘канец’, ‘смерць’, абумоўліваецца і наяўнасць другасных адзінак з гэтым кампанентам для наймення і ацэнкі новых з’яў і паняццяў, што звязаны з чалавекам і якія вызначаюцца выразна адмоўнай ацэнкай, служаць для негатыву, неадабрэння, асуджэння пэўных якасцей, уласцівасцей чалавека, яго размяшчэння і інш. як своеасаблівых правілаў і ўстановак культуры беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Трубецкой, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубецкой. – М. : Наука, 1995. – 495 с.
- 2 Мокиенко, В. М. Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика : материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.) : в 2 т. – Т. 1: Идиоматика и познание / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : БелГУ, 2008. – С. 13–26.
- 3 Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
- 4 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 5 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1: А – В / [Рэд. тома М. П. Лобан]. – Мінск : Гал. рэд. Бел. Сав. Энцыклапедыі, 1977. – 608 с.

6 Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – 312 с.

7 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2004. – 448 с.

УДК 811.161.1'1

В. А. Маслова

ИНТЕРЕС К ГЛУБИННОМУ ЗНАНИЮ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ПРИНЦИП ЛИНГВИСТИКИ XXI ВЕКА

В статье анализируется один из важнейших принципов современной лингвистики – интерес к глубинным знаниям, которые имплицитно существуют в языке. Но это не традиционная семантика, а то, как ложатся на семантику языка наши знания о мире.

Если в XX веке основными принципами исследования языка были системность и структурность, то сейчас на первый план выходят интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуроцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке и др. Данные принципы, как правило, в современных исследованиях взаимодействуют и обуславливают друг друга, например, интегративность позволила более отчетливо увидеть глубинные семантические основы языка и человеческой ментальности, что привело к зарождению когнитивной лингвистики. А к возникновению интегративности привело понимание необходимости целостного видения человека (говорящего / слушающего). «Только целое имеет смысл», – утверждал Г. Гегель. Теперь уже нет сомнений, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Или еще пример. Антропоцентрический принцип, при котором в центре лингвистических исследований оказывается человек говорящий, перетекает в коммуникативный и диалогический, т. к. и человек и его речь по природе своей диалогичны (сравн. русскую половицу *Речь – это в другого втечь*). А происходит любой диалог на фоне культуры и социума, что обуславливает использование культурологического и дискурсивного принципов.

Тема нашей статьи – глубинные знания. Переход от фактического знания к глубинному характерен сейчас для всей гуманитарной науки в целом, но лингвистика, будучи методологической для них, находится на переднем плане.

На рубеже тысячелетий подступы к глубинному познанию реальности стали искать на путях синтеза научного, философского, художественного и религиозного подходов, имеющего своей установкой обретение целостного видения человека и его мира. См., например, работы академика Ю. С. Степанова («Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник», «Протей. Очерки хаотической эволюции» и др.).

Если так пойдет дальше, то нам следует забыть о строгой номенклатуре наук. Таково требование времени.

Еще один путь к глубинному знанию – особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о мире. Перефразируя известное высказывание Ю. М. Лотмана о семиотике, мы можем сказать: человек – это семантическое существо, живущее в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Но не о всей семантике идет речь, ибо в ней уже многое сделано, причем русской семантической школой, наиболее сильной в Европе.

Еще мыслители прошлого века, например, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» выдвинул тезис о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Он писал: «В самом

деле, существует Невысказываемое. ...Это мистическое» [1, с. 72]. Для лингвистических исследований в этой связи очерчиваются следующие области – пророчества, сновидения, предвидения, народные приметы, числовые совпадения в жизни людей и т. д. Следует учитывать, что способ представления этих знаний – разный: например, сны образны, а пророчества – репрезентируются естественным языком. В приметах работают базовые семантические оппозиции – левый – правый, горячий – холодный, свой – чужой, мужской – женский (*чешется левый глаз – к радости; чешется левая рука – к получению денег; споткнуться на левую ногу – к удаче; встретить женщину с пустым ведром – к несчастью* и т. д.).

Современный ученый В. В. Налимов справедливо рассматривает мир как семантическую вселенную, а человека – как *самосчитываемый текст*. В генетической книге достаточно сместить только одну букву и весь дальнейший текст будет иметь другой смысл. Наш организм постоянно читает эту книгу. Чтобы повлиять на другого человека, необходимо войти в его семантическое поле, знать законы его функционирования, знать его грамматику. Тексты ДНК и РНК подчиняются общим законам универсальной грамматики. Если мы знаем эту грамматику, то можем существенно повлиять на человека. Но уровень влияния определяется не только смыслом, ритмом и другими чисто языковыми характеристиками, но и уровнем *значительности личности*, пытающейся воздействовать, например, преподавателя, врача.

Экспериментально доказано влияние слова на мир. Так, установлено с помощью замеров влияние слова на семена пшеницы и ячменя: при чтении одного и того же текста пораженные радиацией семена выздоравливают, если текст читается интересным и глубоким человеком, вносящим в чтение личностное отношение. И здесь только подтверждается мысль Бердяева: «Тайна лишь углубляется от познания».

Итак, язык – орудие создания смысла и одновременно инструмент поиска смысла (*Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу* – Ф. Тютчев).

Думается, что один из путей познания глубинных семантических процессов лежит через поэзию, которая оперирует множеством символов, имеющих диффузную и имплицитную семантику.

Великий сербский философ и богослов Преподобный Иустин (Прокопович) писал: «Своими пугающими загадками потустороннее, как огненными стрелами, изрешетило и тело, и дух человека, которым обнесена наша чудная планета. Загадками человек изрешечен, и тело его стало решетом, и его дух. А решето может ли остановить ураган потусторонних тайн...?» [2, с. 24]. Думается, что именно поэзия может в какой-то мере ответить на этот вопрос.

Действительно, мистическое имеет немаловажное значение при рассмотрении поэтического текста, который может быть проанализирован с позиций трансцендентного, т. е. лежащего по ту сторону опыта, но при этом обуславливающего данный опыт. Часто поэзию вообще выносят за рамки законов «рацио», и тогда она понимается вне оценки с позиций разума и логики. А как иначе объяснить появление поэтов-пророков? Только ли интуиция здесь работает? Эти вопросы пока так и остаются открытыми.

Известно, что древнейший склад ума был ясновидческим, мифологическим, колдовским, только в греко-латинский период на первое место выходит логическое рассуждение. И в России есть поэты, которые способные увидеть непонятный и страшный мир. Эти поэты тяготеют к той или иной форме мистического поиска: А. Блока подпитывала мистика, М. Волошина интересовала теософия, Вяч. Иванова – эзотерические знания, в творчество Ф. Сологуба вошли навьи и т. д. Таким образом, в России всегда были поэты, которые осмеливаются войти в глубь души и увидеть там бездну. Это Ф. Тютчев, А. Фет, А. Блок, М. Цветаева и др.

XX век в поэзии пронизан поисками таинственного. Поэты понимают, что область, доступная сознанию, не велика: нашему разуму подвластна лишь маленькая часть мира, которую человек может понять и объяснить.

Считается, что лишь поэтам и мистикам открывается сокровенный смысл в обычных вещах. Такова Марина Цветаева, у которой мы видим чудом сохраненные остатки древнего

сумеречного ясновидения, явленные в ее творчестве. Не случайно она писала: «Стихи сбываются. Поэтому не все пишу».

В ее творчестве особенно велика роль ирреального, которое и страшно и притягательно одновременно. Как явлена нам цветаевская стихия? В ней можно выделить не менее трех ипостасей ее проявления: 1) в поэтическом творчестве вообще, в слове, где явлена нам чара; 2) в представлении ею внешних стихий – огня, музыки, сна; 3) стихия как индивидуальный мистический опыт, как выход за пределы бытия, в Космос («Поэма Воздуха»).

М. Цветаева – поэт, который не просто имеет дело со стихиями, она находится внутри стихии и может перенести это ощущение в поэзию. Все ее творчество – это освобождение стихийного начала в себе, претворение его в поэзию. В ее стихах есть недоговоренность, возможность для сотворчества:

Тусклостями: уцербленных жил

Скупостями, молодых сивилл

Слепостями, головных истом

Седостями: свинцом (Цветаева. ПСС, т. 2, с. 124).

Ее лирика зачастую – спонтанное течение сознания, восприятия жизни как непрестанно чередующихся образов и впечатлений, образующее некий «поток» на основе человеческих импульсов и инстинктов:

Вот: слышится – а слов не слышу,

Вот: близится – и тьмится вдруг...

На всем ее творчестве лежит печать неугасимой тоски по иному миру. Ее поэзия поражает своей мистической устремленностью к высшим мирам. Кажется, что ее откровения рождаются помимо ее воли, что они даются ей свыше. Таковы ее стихотворения и циклы «Ночь», «Час души», «Заочность», «Так вслушиваются...» и др. Но наибольшей высоты она достигла в «Поэме Воздуха». Тончайшие смыслы ее стиха зачастую не поддаются вербализации, превращают их в сгусты невыразимого, сродни колдовским заклинаниям.

С помощью таких исследований могут быть получены новые данные о содержательном устройстве человеческой ментальности, имеющей отношение к бессознательному. Поэтому необходима дальнейшая разработка данного вопроса, объективный лингвистический анализ данных феноменов.

Эти знания вскрывают для нас некаузальные отношения в мире так мало исследованные, обнаруживая более глубокий закон бытия.

Итак, теперь уже нет сомнений, что изучение языка заведомо неполно без обращения к мыслительным категориям, категориям культуры, сознанию и даже подсознанию человека, т. к. язык представляет собой сложный интегральный феномен и его изучение должно проходить в широком системном контексте.

Сбылись слова Э. Сепира, сказанные им еще в 1929 году о расширении области исследования в лингвистике: «Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка» [3, с. 237].

Однако в нашей стране по-прежнему приговором звучит фраза: «Это не лингвистика». Здесь хочется подчеркнуть, что в сферу лингвистики сейчас входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры.

Список использованных источников

- 1 Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М. : Наука, 1958.
- 2 Преподобный Иустин (Прокопович). Философские пропасти. – М. : Издательский совет РПЦ МП, 2004. – 288 с.
- 3 Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.

О. Н. Мельникова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОЛГ» В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Предметом статьи является фразеологическая репрезентация аксиологически значимого концепта «долг» в русском языке. Исходные представления, лежащие в основе внутренней формы лексемы долг, обуславливают её коннотативные особенности и находят свое выражение в специфике сочетаемости данного слова в современном русском языке.

Категории морали являются основополагающими законами человеческой жизни. Каждому этапу развития человеческого общества свойственны свои моральные нормы, ориентированные на конкретный исторический период. Наиболее значимыми для традиционного русского национального самосознания остаются понятия «добро», «долг», «совесть», «честь», «достоинство», «справедливость», «милосердие», «благородство» и др.

Особенности нравственных представлений русского народа тесно связаны с его историей. Большое влияние на становление моральных принципов носителей русского языка оказала христианская религия. Этические нормы библейских законов были восприняты русским национальным сознанием и выразились в общих представлениях русского человека о том, как должно и нужно поступать. Наиболее общие нравственные положения русского народа выражаются в поговорках, сравн.: *Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит; Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда; Доброго не бегай, худого не делай; К добру гребись, от худы шестом суйся; Учись доброму, а худое и само придет.*

Понятие «долг» относится к аксиологически значимым концептам, которые представляют собой ключевые понятия культуры, опорные точки менталитета народа. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры, – этимология слова, его история, современные ассоциации, оценки, коннотации.

За словом *долг* исторически закрепилось два значения, одно из которых раскрывает материально-предметные отношения между людьми ('взятое взаймы'); другое представлено через значение слова *обязанность* (СРЯ 1, с. 422).

В устойчивых словесных комплексах чаще реализуется более конкретное значение 'взятое взаймы': *в долг (взять)* 'с условием возврата, взаймы' (*взять деньги в долг*); *жить в долг* 'жить на занятые деньги, с последующей оплатой расходов'; *войти (влезть, залезть) в долги (долг)* 'сделать много долгов или большой долг'; *в долгах по уши (по горло) быть (сидеть и т. п.)* 'иметь большие долги'. В поговорках и поговорках компонент *долг*, как правило, реализует материально-предметную семантику. При этом внимание акцентируется на эмоциональных переживаниях, связанных с необходимостью возврата долга, сравн.: *Брать в долг – сладко, возвращать – горько; Долг не ревет, а спать не дает.*

Реализация более абстрактной семантики, синонимичной значению слова *обязанность*, также представлена во фразеологических единицах: *быть в долгу у кого* или *перед кем* 'быть обязанным кому-либо в чем-либо'; *по долгу чего* 'в силу вытекающих из чего-либо обязательств' (*по долгу службы*); *не остаться в долгу у кого* или *перед кем* 'оплатить тем же самым, тем же поступком, отношением'; *отдать последний долг кому* 'проститься с умершим, присутствовать при его погребении'; *человек долга* 'человек, честно и непреложно выполняющий свои обязанности'.

Во внутренней форме слова *долг* выявляется связь с пространственно-временными представлениями. По мнению большинства этимологов, наиболее вероятной представляется гипотеза о связи праславянского **dьlgъ* 'долг' с прилагательным **dьlgъ* 'длинный, долгий' (ЭССЯ 5, с. 180); таким образом, предполагается, что в понятие долга включалось представление

о сроке. А. Брюкнер в качестве семантических параллелей, подтверждающих данное сближение, приводит лит. *ilges* ‘дань’ (т. е. ‘то, что следует воздать; должное’) и *ilgas* ‘долгий, длинный’ (Brückner, с. 90). А. Г. Преображенский также указывает на то, что *долг* и *долгий* ‘longus’ – одно и то же слово: долг – это то, чего ждут, выдерживают, терпят; сравн.: лат. *indulgeo* ‘быть снисходительным’ (первоначально: ‘быть великодушным, долготерпеливым к чему-либо’) (Преобр. 1, с. 188–189). По-видимому, в основе исходного значения слова *долг* лежит семантическая аналогия: протяженность, длительность пространственная и временная – постоянство, непреходящий характер моральной нормы, долга.

Понятие долга, необходимости обнаруживает ассоциативную связь с понятием времени и пространства постольку, поскольку они характеризуются общностью восприятия. Время и пространство существуют здесь и везде, сейчас и всегда, объективно, независимо от чье-либо сознания. При этом «человек относительно свободен в пространстве, но подчинён объективному ходу времени» [1, с. 126]. Моральные нормы также мыслятся как существующие изначально, они вечны, непреходящи. Долг рассматривается как аналог логической необходимости, выраженной в нравственных требованиях, сравн.: *Не все должно, что можно* (Д. 1, с. 461).

Данные представления находят свое выражение и в особенностях сочетаемости данной лексемы. Так, достаточно устойчивыми в русском языке являются словосочетания *голос долга*, *повиноваться долгу*, *долг велит*, *веление долга*. *Голос долга* воспринимается как высшая инстанция, которая определяет линию поведения человека, сравн.: *Признаюсь вам, мне было тяжело бороться с совестью; с одной стороны представлялось мне, что преступление, как оно ни велико, содержит в себе столько наивных, столько симпатичных сторон; с другой стороны, вопиял иной голос – голос долга и службы, доказывавший мне, что я, как следовательно, не имею права рассуждать и тем более соболезновать...* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки). При этом часто подчеркивается, что велению долга подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели: *В самом главном, если будете со мной не согласны, то я все-таки сделаю, как мне долг велит* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, реконструируя представление о долге на основе употребления соответствующего существительного в русском языке, отмечают: «Долгом нельзя кого-либо обременить, его нельзя принять на себя, как обязательства. Долг можно в какой-то момент осознать, можно счесть что-то своим долгом, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался» [2, с. 19].

Итак, можно говорить о тесной связи модального значения долженствования с темпоральной семантикой. Ассоциативная связь этих значений обусловлена сходством в осмыслении времени и нравственной категории долга, которые мыслятся как объективно существующие, вечные, непреходящие. Эти особенности восприятия времени способствуют развитию модальной семы долженствования, необходимости, которая свойственна некоторым темпоральным лексемам и чаще реализуется в сочетании с инфинитивом, сравн. *время идти*, *не время сидеть сложа руки*, *пора задуматься* и др.

При употреблении в тексте слово *долг* регулярно выступает в качестве синонима слову *обязанность*. Однако в языковом поведении слов *долг* и *обязанность* имеются существенные различия. Прежде всего отметим, что лексема *обязанность* регулярно сочетается с определениями, актуализирующими семантический признак тяжести, давления (*тягостные / обременительные обязанности*). При этом, если мы говорим, что человек делает что-то *по обязанности*, это часто означает ‘неохотно’: *Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению* (А. С. Пушкин). Сравн.: *Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо* (В. Г. Белинский).

Коннотативные особенности лексемы *обязанность* также связаны с её внутренней формой, а именно с комплексом представлений о стеснении, ограничении свободы действия. Так, глагол *обязать*, отражающий семантику долженствования (‘вменить кому-либо в обязанность, сделать обязательным исполнение чего-либо’ (СРЯ 2, 796)), по происхождению обнаруживает связь с глаголом *вязать* (Преобр. 1, с. 634; Фасм. 3, с. 112), сравн. др.-русск. *обязати* ‘привязать’, ‘обвить’, ‘сделать перевязку’ (Срезн. 2, с. 591), русск. диал. (волог., яросл.,

вят.) *обязать, обязывать* ‘заставлять или нудить, принуждать, приневоливать, налагать долг, бремя, службу, работу, образ действий’: *Служба обязывает, связывает, неволит*; церковн. *обязало* ‘повязка, перевязка’, стар. *обязь* ‘перевязь через плечо для оружия’ (Д. 2, с. 640); сравн. также лексем с этимологически не затемнённой корневой морфемой: русск. диал. *обязать* ‘завязать’ и ‘обязать’, *обязаться* ‘дать обязательство’, ‘обзавестись чем-либо’, ‘быть стеснённым какими-либо обязанностями’, *обязанность* ‘обязанность’, *обязательно* ‘обязательно’ (СРНГ 22, с. 12–13). Очевидно, что в структуре значения данных слов важную роль играет приставка, реализующая сему полноты охвата, а именно ‘направленность действия по окружности, вокруг предмета’ (сравн.: *обвить, обгородить* и др.) (СРЯ 2, с. 708–709), т. е. значение приставки отчасти дублирует и таким образом усиливает исходную семантику рассматриваемых лексем.

В отличие от долга, человек становится носителем обязанности в результате намеренного действия (сравн. *возложить / принять на себя обязанности*); исполнение обязанностей *поручают* кому-либо, обязанности могут *распределяться* между разными людьми.

Долг же понимается как совокупность принципов, предписывающих человеку действовать в соответствии с его внутренними установками, общественными, профессиональными, морально-этическими и иными нормами. Концепт «долг» относится к области абстракции, стоит в одном ряду с другими аксиологически значимыми концептами, сравн.:

И мы пойдем, в сколь тонких дозах

С землей и небом входят в смесь

Успех и труд, и долг и воздух,

Чтоб вышел человек, как здесь (Б. Л. Пастернак, Волны).

При этом употребление слова *долг* не связывается с негативными коннотациями ограничения свободы, сравн.: *Не полюбивши долга, нельзя его исполнить* (И. А. Гончаров); *Долг – это любовь к тому, что сам приказываешь себе* (Л. Н. Толстой).

Таким образом, чувство долга является атрибутом личностного отношения к жизни. Исходные представления, лежащие в основе внутренней формы слова *долг*, обуславливают коннотативные особенности вторичной модальной семантики лексемы и её сочетаемостные возможности.

Список использованных источников

- 1 Попович, М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев : Наукова думка, 1985. – 167 с.
- 2 Булыгина, Т. В. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 14–21.

Перечень условных обозначений

Д. – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III.

Преобр. – Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. I–II.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I–III.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. – М.–Л. : Наука, 1965–1966. – Вып. 1–2; Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1968–1994. – Вып. 3–28.

СРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1984–1988. – Т. I–IV.

Фасм. – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.

Brückner – Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974.

А. В. Никитевич

ОТ КОВЫЛЬНУТЬ ДО ТВИТНУТЬ: ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА

При исследовании динамических изменений, происходящих в лексике, заслуживают внимания особенности словообразования и семантической деривации, характеризующие в синхронно-диахроническом аспекте различные подсистемы русского языка.

Каждая эпоха порождает свой язык. Пусть не масштабно, не кардинально, но какие-то особенности, черты, выражения присущи именно этой эпохе. А есть и «вечные» характеристики, явления, которые лишь по-разному могут быть представлены в языке той или иной эпохи. В любом случае, в русском языке всегда есть то, что не может не удивлять, в крайнем случае, заставляет задуматься. Особенно примечательны слова, семантика которых обусловлена в той или иной степени их строением. Сравн. в современном для нас языке окказ. *коекакеры* 'те, кто привык что-либо делать кое-как' и диалектные: *ковыкать* 'жить кое-как' Ветл. Костром., 1899. *Горе ковыкать*. Будем как-нибудь *горе ковыкать*. Ветл. Костром., 1907; *коекашка* 'о том, кто делает все небрежно, плохо, кое-как'. Нижегород., 1860 [1, т. 14, с. 48]. Пожалуй, некоторые слова можно использовать для характеристики языка любой эпохи!

Заслуживают внимания некоторые параллели в представлении когнитивно значимых значений. К примеру, лишь с появлением *твиттера* появилась возможность *твитнуть*, т. е. написать *твит*. Если выразиться проще – написать короткое твиттер-сообщение, которое увидят все ваши читатели. Сравн.: «*Твиттер*» (*Twitter*, от англ. *to twitter* – 'чирикать, щебетать, болтать') – социальная сеть для публичного обмена сообщениями при помощи веб-интерфейса, SMS, средств мгновенного обмена сообщениями или сторонних программ-клиентов для пользователей интернета любого возраста [2].

И вряд ли способные «твитнуть» теперь знают, что означало *ковыльнуть* 'сделать один взмах ковылем (саженью) при измерении сжатого поля, скошенного луга и т. п.'. *Землю обмеряют ковылем: как ковыльнул раз, так два метра*. Моск., 1968. Для справки: 2. *Ковыль* 1. 'Сажень в виде треугольника с перекалиной для измерения проделанной за день работы (участков сжатого поля, скошенного луга и т. п.)'. Калинин., 1972. *Работаешь на поле, а бригадир вечером смеряет ковылем, сколько ты сделал*. Моск., 1968. 2. 'Мера длины, равная сажени'. Осташк. Твер., 1936 [1, т. 14, с. 37].

Не могут не привлекать порой и слова – свидетельства «расширения» когнитивного и грамматического пространства русского языка. Сравн., к примеру: *ковылькать* 'неправильно делать, выполнять что-либо (например, ошибаться в пении и т. п.)'. *До половины верно поют, а потом ковылькает один*. Том., 1964. *Ковыльк*, междом. в знач. сказ., обозначающее мгновенное действие по знач. глаг. *ковыльнуться*. Осташк. Твер., Пск., 1855. *Поставила бутылку, и она ковыльк и разбилась*. Ленингр. [1, т. 14, с. 37].

Динамика изменений в различных подсистемах русского языка проявляет себя и в количестве родственных слов в рамках семантически тождественных словообразовательных и лексических гнезд. К примеру, гнездо глагола *скользить* включает в себя, помимо производных *заскользить*, *поскользить*, *проскользить*, прежде всего многочисленные префиксальные глаголы от *скользнуть* (*выскользнуть*, *подскользнуть(ся)*, *соскользнуть*, *ускользнуть* и др.), наречия *вскользь*, *скользом* и словообразовательную парадигму прилагательного *скользкий* (*скользко*, *скользкость*, *скользота*, *скользь*) [3, т. 2, с. 112]. Из слов со специфической семантикой можно отметить *скользкость* 'свойство и состояние скользкого', просторечные *скользота* (*скользь*) 'то же, что скользкость', диалектное наречие *скользом* 'не останавливая, не задерживая взгляда, вскользь' [4, т. 13, с. 995]. Мы бы сказали, что ничего необычного для

носителя русского языка нет. Однако обратим внимание на одно из диалектных объединений родственных слов в русском языке, реализующих то же представление о *скользком* и *скользкости*. Сравн.:

Ковзавка ‘Ледяная дорожка, каток’. *Подвязал коньки и пошел на ковзавку*. Глушков. Курск., 1967.

Ковзание ‘Действие по знач. глаг. 1. Ковзаться (в 1-м знач.)’. *Ухо отморозил. Во тебе и ковзания*. Смол., 1914. Сравн. бел. *коўзанне*.

Ковзанка ‘Расчищенная на льду полоса, каток для катанья детей’. Даль [без указ, места]. Слов. Акад. 1910 [с пометой «обл.»].

Ковзануть ‘То же, что ковзнуть’. *Ковзани его на санках*. Смол., 1914. Сравн. бел. *коўза-нуць*.

Ковзатъ ‘Катать кого-либо на санках по льду или на лошади в санях’. *Я тебя буду на ковзели (катке) ковзатъ*. Смол., Слов. Акад. 1910. Сравн. бел. *коўзаць*.

Ковзаться 1. ‘Скользить, кататься по льду’. Курск., Южн., Даль. *Он ковзался и упал*. Глушков. Курск., 1967.

Ковзаться ‘Кататься на коньках’. *Ковзаются мальцы по льду*. Смол., Слов. Акад. 1910. Зап.-Брян. || Кататься на лошади, запряженной в сани. Смол., Слов. Акад. 1914.

Ковзёлица ‘Гололедица’. *Куды ты идешь? На вулице страшенная ковзелица*. Зап.-Брян., 1957.

Ковзель 1. ‘Всякое скользкое место, каток, где катаются дети’. Росл. Смол., 1852. Смол. *Нема их, пошли на лед ковзель делать*. Зап.-Брян. Пск. *Дети же пошли на ковзель*. Зап. 2. ‘Ледяная горка для катанья’. Дорогоб. Смол., 1887–1893. *Ишь, девки ковзаются с ковзеля на говнянках*. Смол. Брян. Сравн. бел. *коўзэль*.

Ковзиль, глаг. междом. ‘То же, что ковзь (в 1-м знач.)’. *Як только кобыла на лед, ковзиль и лежит*. Смол., 1939–1956.

Ковзкий ‘Скользкий’. *Сягни дорога ковзкая*. Смол., Слов. Акад. 1910. *Мост дужа ковзкий*. Стародуб. Брян.

Ковзко, нареч. ‘Скользко’. *Ехатъ ковзко по льду*. Смол., Слов. Акад. 1910. Красногор. Брян.

Ковзь, междом., обозначает очень быстрое, мгновенное действие. а) ‘Поскользнуться’. *Ён ковзь, да об лед головой*. Смол., Слов. Акад. 1910. *Ковзь на льду и завалился*. Смол. б) ‘Выскользнуть’. *Мень ковзь из рук*. Смол., 1914. [1, т. 14, с. 30–31].

Среди единиц данного лексико-словообразовательного гнезда есть слова, представляющие значения, не реализованные в русском литературном языке в рамках словообразовательного гнезда глагола *скользить*: ‘Ледяная дорожка, каток’, ‘Катать кого-либо на санках по льду или на лошади в санях’, ‘Кататься на коньках’, ‘Ледяная горка для катанья’, ‘Кататься по льду’. Самое существенное: ряд значений вообще не имеют однословного выражения в системе русского литературного языка.

С развитием общественных отношений, с изменениями в окружающем мире неизбежно происходят изменения и в языке. Новые потребности требуют заполнения новыми словами.... При этом всегда есть то, что в силу разных причин будет обозначено отдельным словом. Емко, сжато, точно. Например, хорошо известное новообразование *хрущоба*, появившееся в результате контаминации фамилии одного из советских руководителей Н. С. Хрущева и слова *трущоба*. Новое слово в шутку (а для многих и не в шутку!) появилось для обозначения особенностей квартир и домов, характерных для определенного периода жилищного строительства.

Динамику изменений в языке, в его лексическом составе можно почувствовать, наблюдая над функционированием одних и тех же «кусочков материи» в различных подсистемах русского языка и на различных синхронных срезах. К примеру, в белорусских говорах зафиксирован глагол *ажалезіцца* ‘збраціцца цвёрдым ад доўгага ляжанья ў вадзе’. *Ажалезіцца дзерава і можа сто лет ляжаць у вадзе* (Вецярэвічы. Пух.) [5, т. 1, с. 67]. В родственном белорусскому русском языке (по данным лексикографии) слова с данным значением нет: **ожелезиться* – Ø. Однако если обратиться к простейшей поисковой системе интернета google, то можно найти немало

употреблений данного глагола, причем с различной и достаточно очевидной мотивацией. Остановимся на следующих примерах: «Лето, есть возможность подшабашить – денег поднять и ожелезиться (приобрести машину)». «Следует только духом ожелезиться...». «Можно ожелезиться сиропом алоэ...». «Хотя по нашим трубам пока водичка пробежит, она должна настолько ожелезиться, что магнитом притягиваться будет...».

Немало интереснейших наблюдений можно сделать, отталкиваясь от языка русской художественной литературы XIX века. В одном из романов Н. С. Лескова читаем: «К сумеркам он отшагал и остальные тридцать пять верст и, увидев кресты городских церквей, сел на отвале придорожной канавы и впервые с выхода своего задумал попитаться: он достал *перенедельничавшие* у него в кармане лепешки и, сложив их одна с другою исподними корками, начал уплетать с сугубым аппетитом...» [6, т. 1, с. 450]. Какой интересный глагол *перенедельничать*! Данное слово в традиционной (печатной) лексикографии отсутствует, оно не отмечено даже в Словаре русских народных говоров! Можно лишь предположить возможные значения: 1) лепешки пролежали *целую неделю* (это можно представить, хотя при этом вряд ли мы смогли бы их «уплетать с сугубым аппетитом»); 2) лепешки пролежали все *воскресенье* (есть такое значение у диалектного слова *неделя*). Любопытно, что глагол *перенедельничать* в определенном смысле получает вторую жизнь (в разных значениях) уже в интернет-пространстве языка. Сравн.: *Перенедельничали!* Выходные дышат в затылок! На завтра напланировала дел, сама пугаюсь – налоговая, парикмахерская, дизайн балкона, ну и по мелочи... Ну и при любом раскладе *недельничать* в барах, мягко говоря, не лучшее решение... Так чего же мы пашем тогда, как папы Карло, – всю неделю надо *недельничать!* Потому он остался ночевать */недельничать/* гостить в близлежащей деревне...

Если же говорить о морфемике, всегда возможной и имеющей место омонимии морфем, достаточно интересными представляются и следующие слова из [1, т. 21, с. 10–11]: *неделица* ‘нерадивая, ленивая женщина’, *неделевать* ‘жить, гостить неделю’, *недель* ‘имение, наследство, не разделенное между наследниками’, *недель* ‘занятие пустяками’.

При исследовании динамических изменений, происходящих в лексике, заслуживают внимания особенности словообразования и семантической деривации, характеризующие в синхронно-диахроническом аспекте различные подсистемы русского языка.

Список использованных источников

- 1 Словарь русских народных говоров : 1965–2007. – М.– Спб. : Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. – Вып. 1–41.
- 2 Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 28.09.2017.
- 3 Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1–2.
- 4 Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.
- 5 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5-ці т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1985.
- 6 Лесков Н. С. Сочинения : в 3-х т. / Сост. и коммент. В. Туниманова. – М. : Худож. лит., 1988.

УДК 811.161.1

Т. Г. Никитина

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062).

В статье представлена авторская концепция лексикографической репрезентации традиционных русских пословиц и их современных трансформаций. На примере словарной статьи показаны возможности экспликации этнокультурного фона паремий, их изменяющегося оценочного содержания и ситуативных характеристик.

Преобразование устойчивых выражений, прежде всего пословиц, отражающих традиционные ценности, является средством отображения происходящих в обществе социокультурных изменений.

Первым опытом лексикографической интерпретации идеологизированных пословичных трансформаций стал «Словарь языка Совдепии», куда были включены преобразованные в соответствии с «государственным заказом» паремии, типа *Завод красен не планом, а перевыполнением; Не красен цех плакатами, а красен результатами* (< *Не красна избы углами, а красна пирогами*) [4, с. 109, 307], а также специально созданные политически ориентированные обороты, стилизованные под пословицы: *Набирайся силы у груди матери, а ума у Коммунистической партии* [4, с. 293]. Идеологемы, возведенные в ранг государственной политики, закреплялись также в советских лозунгах и крылатых фразах, в том числе с различными трансформациями: *передовым везде у нас дорога* (сравн.: *молодым везде у нас дорога* – из песни на стихи В. Лебедева-Кумача) [5, с. 50].

В постперестроечный период пословицы и крылатые фразы-советизмы начали активно подвергаться всевозможным преобразованиям, отражающим перемены в общественном сознании, сдвиги ценностных ориентиров и общую тенденцию к демократизации языка, ориентации говорящего на языковую игру:

Слышали, Ельцин вышел из ума. – Спятил, что ли? – Да нет, вышел из ума, чести и совести нашей эпохи [2, с. 108] – из анекдота, построенного на обыгрывании крылатой фразы, источником которой стала статья В. И. Ленина «Политический шантаж» (1917), где автор характеризует партию большевиков как «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Преобразования этого периода также нашли отражение в «Словаре языка Совдепии» [4] с контекстуальными иллюстрациями и отсылками к исходным устойчивым выражениям:

ПРИЗРАК, а, м. ****Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.** /Выражение из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, 1848 г./ 1. Ирон. О распространении, торжестве коммунистических идей. *Сахар за июль я так и не получил. Видимо, товарищ Ф. Кастро решил наказать нас за отступничество от коммунизма, призрак которого все еще продолжает бродить на тростниковых плантациях Кубы.* Огонек, 1991, № 39. *Сегодня в России принято пугать друг друга призраком коммунизма: вот придет Зюганов!* Комс. правда, 14.05.96. 2. трансф. О распространении каких-л. пугающих идей. *Призрак бродит по Европе 1990 года: призрак единой Германии.* Лит. газета, 27.06.90. *Призрак бродит по московским корпунктам иностранных изданий – призрак «долларизации» отношений между прессой и государственными чиновниками.* Моск. новости, 1991, № 47. 3. Жарг. арм. Шутл. О дежурном по части. *Призрак бродит по Европе – дежурный по части* (Запись 1996 г.) [4, с. 332].

Трансформы пословиц и крылатых выражений, зафиксированные в XXI веке, в меньшей степени политизированы, но не менее наглядно отражают динамику общественного сознания. На примере такой общечеловеческой ценности, как труд, эту динамику прослеживает Н. Н. Федорова [6]. По ее наблюдениям, современные пословичные трансформы выражают порой неоднозначное, часто ироничное отношение к труду, например, отмечают, что честным трудом не заработаешь больших денег: *Не так страшен труд, как его оплата*, в шутливо-иронической форме оправдывает безделье: *Один раз поработай, семь раз отдохни*; отражают актуальные производственные отношения: *На слово директора надейся, а сам не плошай; Баба с возу – бухгалтерии легче* [6, с. 103–106].

Основная масса проанализированного Н. Н. Федоровой паремиологического материала, представлена в словаре Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» [1]. В данном словаре пословичные трансформы не сопровождаются семантизацией,

ситуативной характеристикой, какими-либо социокультурными комментариями, что затрудняет оценку трансформационного потенциала исходной паремии, денотативного и оценочного диапазона ее индивидуально-авторских вариаций. Решить эту задачу, на наш взгляд, могла бы более детализированная лексикографическая разработка паремиологических трансформов в единой статье с их исходными традиционными вариантами:

КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ. Употребляется как призыв к работе или при распределении вознаграждения за труд: человек, который отлынивает от работы не получит вознаграждения. < Выражение библейского происхождения; восходит к словам из послания апостола Павла к Фессалоникийцам: «...если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [3, с. 207]. – Скажите, какая нежная! Тогда гуляй себе, но хлеба не получишь. У нас кто не работает, тот не ест (М. Шолохов. «Поднятая целина»). ** **Кто не работает, тот ест.** (Из кинофильма «Операция «Б» и другие приключения Шурика», 1965 г.). Фраза принадлежит одному из героев кинофильма, который отлынивает от принудительных работ, но получает усиленное питание. ** **Кто не работает, тот подрабатывает** (В роли заголовка). О возможностях зарабатывать без отрыва от учебы (<http://www.pravda-nn.ru/archive/number:505/article:7716/>). ** **Кто не работает, тот зарабатывает.** Шутл.-ирон. (В роли заголовка). Об обещаниях высокого заработка при минимуме работы – как правило, затем такие обещания не выполняются работодателями (<http://www.znakisudbi.ru/prakticheskaya-psichologiya/kto-ne-rabotaet-tot-zarabativayet.html>) ** **Кто не работает, тот сидит.** Шутл.-ирон. (В роли заголовка). О предложениях законодателей ввести уголовную ответственность для тех, кто не работает более шести месяцев (<https://rg.ru/2015/09/24/tuneyadstvo.html>) ** **Кто не работает, тот платит.** Шутл.-ирон. (В роли заголовка). О новых правилах налогообложения лиц, которые скрывают свои источники дохода (<https://rg.ru/2015/09/24/tuneyadstvo.html>).

Таким образом, в словарной статье, раскрывающей культурный фон традиционной паремии и предлагающей функционально-семантические комментарии паремиологических трансформов, будут отражены ценности изменяющегося мира в их паремиологическом отображении, показаны новые сферы употребления паремий оценочного характера, новые социокультурно-детерминированные смыслы, передаваемые современными вариантами пословиц.

Список использованных источников

- 1 Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 396 с.
- 2 Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург–Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 145 с.
- 3 Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко и др. – СПб. : Нева; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 352 с.
- 4 Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 505 с.
- 5 Никитина, Т. Г. Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте / Т. Г. Никитина. – Псков : Логос-Плюс, 2011. – 140 с.
- 6 Федорова, Н. Н. Современные трансформации русских пословиц / Н. Н. Федорова. – Псков : ООО «Гименей», 2007. – 226 с.

УДК 811.161.1'42: 821.161.1-1*Белый

Т. А. Осипова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ХРИСТОС ВОСКРЕС»

Поэма Андрея Белого «Христос воскрес» является откликом на революционные события в России 1917 года. Различные лингвистические средства, в том числе образные,

позволяют автору создать яркие картины общественных потрясений. Анализ языка поэмы показывает, что революция для Андрея Белого – это событие Божественное, предопределенное свыше, подобное воскресению Христа.

Многие поэты – современники революционных событий в России – откликнулись на них в своем творчестве. Интересно проследить, как общественные потрясения отражаются в языке художественной литературы. В данной статье рассмотрим особенности употребления языковых средств в поэме Андрея Белого «Христос воскрес».

Как пишет А. В. Лавров, «годы, проведенные Белым в Швейцарии, были временем возникновения новых катастрофических предчувствий в его мировосприятии. Эти настроения с особой силой проявились у Белого с начала мировой войны, которую он сразу же осознал как величайшую катастрофу, чреватую неисчислимыми бедами для человечества и символизирующую гибель самых основ цивилизации». И далее: «Исход Белый видит теперь в революции, которую ждет и приветствует как выводящую из общего кризиса, животворящую стихийную силу. И если в «Пепле» он оплакивал «исчезающую в пространство» родину, то в его стихах 1917 г. Россия – «мессия грядущего дня» [1, с. 571–572.].

В то время Андрей Белый увлекся антропософией Штейнера. Как указывает А. Л. Казин, «антропософия Штейнера – это мистическое учение, ставящее на место Бога обожествленного человека. Все, что происходит в антропософском космосе, особенно в переживании поэта Белого, – это события внутри человеческого сознания и сверхсознания, расширенного до пределов вселенной» [2].

По мнению исследователей, поэму «Христос воскрес» можно сопоставить с блоковской поэмой «Двенадцать» и с есенинской «Инонией». Андрей Белый, как и Александр Блок, помещает фигуру Христа в современную революционную действительность. Отличие в том, что у Блока Христос появляется только в финале, а у Белого – это центральный образ, проходящий через всю поэму.

Другие ученые считают, что трактовка революции у А. Белого и А. Блока различается. «Г. Г. Шпет противопоставил поэму Белого «Христос воскрес» «Двенадцати» Блока как раз по адекватности в поэзии вектора революционных изменений социальной действительности. Несмотря на обилие религиозных символов в поэме «Христос воскрес», ее главная идея, по словам Шпета, вполне реалистична и социалистична» [цит. по: 3].

Как отмечает С. А. Серегина, «для обоих поэтов [Белого и Есенина – Т. О.] время революции – это время воплощения их собственного мифа – мифа о преображении мира и человека. Этот миф разворачивается в их произведениях революционных лет – в цикле революционных поэм Есенина и в поэме «Христос Воскрес» Белого» [4]. «Для Белого воплощение революции – это воплощение новой культуры. В его представлении соединение антропософской доктрины с «плотью народа» должно было повлечь за собою становление нового сознания. Логике этого мифа Белый следовал, создавая образ России – Мессии грядущего дня в стихотворении «Родине», опубликованном во втором альманахе «Скифы». В этом тексте революция предстает как взрыв жизнотворческой энергии, открывающий новый цикл существования мира» [4]. Как мы указывали в статье, посвященной анализу концепта «Россия», «с присущим А. Белому как символисту мистицизмом он видит избавление Родины (России) в духовном мире: *Сухие пустыни позора, Моря неизливные слез – Лучом безглазого взора Согреет сошедший Христос* («Родине»)» [5, с. 120].

Поэма Андрея Белого начинается вестью о воскресении Христа: – *Да пребудет Весть: – «Христос Воскрес!»* [6].

Революция у поэта предстает как судьбоносное событие, предопределенное свыше, существующее в вечности: *Есть. Было. Будет; Прорезывался луч В Новозаветные лета...; Когда что-то Заряло Из вне-времени*. Поэт употребляет книжную, высокую, в том числе устаревшую лексику соответствующей тематики: *В глухих Судьбинах; Сиянием Омолнило Лук; Простирающего длани От века и до века; И взор – В пустыне Тверди...; И тяжёлым грохотом*

Ответствовали Земли, Мы над телом Покойника Посыпаем пеплом власы. Революция в России имеет планетарное и даже космическое значение: В землетрясениях и пожарах Разрывались Старые шары Планет; Совершается Мировая Мистерия...

Образ Иисуса Христа проходит через всю поэму. Картина распятия Иисуса Христа занимает в ней значительное место. Распятие представлено как страшное, чудовищное событие, потрясающее Землю и весь космос: Проступали в туманы Неясные Пасты Чудовищной глубины...; От огромной скорби Господней Упали удары Из преисподней, Обнажались Обманы И ужасные Страсти Выбежавшего на белый свет Сатаны. Описание распятого Христа натуралистично и масштабно: Перегорающее страдание Сиянием Омолнило Лик, Как алмаз; После Он простёр Мертвеющие, посинелые от муки Руки И взор – В пустые Тверди... Руки Повисли, Как жерди, В густые Мраки... Упомянуты библейские места: Назарет; Иордан.

Далее автор проводит параллель с Россией. А. Белый считает, что Родина хоть и находится в упадке, но она святая: Страна моя Есть Могила, Простёршая Бледный Крест; Святое, Пустое Место, – В святые Твои сыны! Появляются библейские мотивы в характеристике страны. Россия – Невеста Небесного Жениха, и впереди – светлое будущее: Россия, Ты ныне Невеста... Приемли Весть Весны... На Кресте вырастают розы.

Затем в поэме появляются реалии революционных событий: Третий Интернационал, револьверные выстрелы (Раздаются сухие трески Револьверных переливов; И в сухие трески Револьверных взрывов...), свистки паровика, пушечный гул, красный хохот браунинга, лепет знамен. Перестрелки предстают как сатанинское действие – из вне-времени: Злая, лающая тьма Нападает Из вне-времени – Пулемётами... Революция – это крик, слезы, кровь: На крик и на слёзы – Ответствуют паровозы; Из раздробленного Темени, С переломленной Руки – Хлещут красными Фонтанами Ручьи... Убийства людей подаются А. Белым масштабно. Повторяются фразы, описывающие распятие Христа: Проволокли, – Точно жёлтую палку, Забинтованную В шелестящие пелены – Проволокли В ей уготованные Глубины. Без слов И без веры В воскресение... (о Христе); Проволокли В пещеры – В тусклом освещении Красных факелов. И какое-то ужасное Оно С мотающимися перекрученными Руками И неясными Пятнами впадин Глаз – Стремительно Проволокли – Точно жёлтую забинтованную Палку, – Под ослепительный Алмаз Стоящего вдали Автомобиля (об убитом человеке). Лик Христа, как алмаз; и в последней сцене появляется сравнение с алмазом, но уже в связи с современной реальией – автомобилем.

Далее автор поет осанну России, недвусмысленно называя ее библейской Женой, победившей Змия, облеченной солнцем, Богоносией: Россия, Страна моя – Ты – та самая, Облечённая солнцем Жена, К которой Возносятся Взоры... Вижу явственно я: Россия, Моя, – Богоносца, Побеждающая Змия... По мнению А. Белого, Россия укажет путь в будущее всему миру, и это Божественное действие: Народы, Населяющие Тебя, Из дыма Простёрли Длани В Твои пространства, – Преисполненные пения И огня Слетающего Серафима. Как мы отмечали, «А. Белый представляет Россию как мессию, проводя параллель с Иисусом Христом: Россия, Россия, Россия – Мессия грядущего дня! («Родине»)» [5, с. 121]. То есть Россия не только библейская Жена, она приравнивается к Христу.

Заканчивается произведение тем же возгласом: – «Сыны Возлюбленные, – Христос Воскрес!»

Поэма включает разнообразные образные средства – сравнения: Омолнило Лик, Как алмаз; Жёлтым Маревом, Как заревом, Запрядала разорванная мгла; эпитеты: Перегорающее страдание; Блеснувши неимоверно; Угрожая, мертвенные Мысли Остро, грозно, мертвенно Прорезываются в нас; Злая, лающая тьма; многочисленные метафоры: сухие трески Револьверных взрывов; красный хохот браунинга; лепет знамен; Приемли Весть Весны...; Твердят Голосящие Вдали паровики; Дождичек стрекочет И твердит: «Третий Интернационал» и многие другие.

Распятие Христа, революционные события в России предстают как природные явления – гроза, буря, молния, ветер: Перегорающее страдание Сиянием Омолнило Лик, Как алмаз, – И провело В ухо Вострубленной Бурею Духа: – И перегорающим страданием Века Омолнилась

Голова. Обращают на себя внимание авторские новообразования тематической группы природных явлений: *омолнило, омолнилась*.

Характерно представление о ситуации в России в сравнении с туманом, мраком в природе: *Глаз остеклею впадиною Уставился пусто И тупо В туманы И мраки, Нависшие густо; Железнодорожная Линия, Убегающая в сети Туманов; – Обнимает Странными туманами Тела*.

Таким образом, поэма Андрея Белого «Христос воскрес» является откликом на революционные события в России 1917 года. Для языка поэмы характерно употребление высокой, книжной лексики, в том числе устаревших слов. Различные лингвистические средства, в том числе образные, позволяют автору представить яркие картины общественных потрясений. Лексика соответствующих тематических групп создает сакральные образы – Иисуса Христа, библейской Жены и т. п. Революционная Россия в поэме «Христос воскрес» предстает избранной страной, с которой должно начаться преображение всего мира. Во имя воплощения этого Россия должна пройти крестный путь на Голгофу, после которой она возродится.

Вслед за А. Л. Казиным отметим, что Христос в данной поэме менее всего Христос Евангелия – это именно космический световой луч, оказывающийся вместе с тем лучом взгляда самого автора-мистика [2].

Анализ языка поэмы показывает, что революция для Андрея Белого – это событие Божественное, предопределенное свыше, подобное воскресению Христа.

Список использованных источников

1 Лавров, А. В. Андрей Белый // История русской литературы : в 4 т. / А. В. Лавров / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980-1983. – Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881—1917). / Ред. тома: К. Д. Муратова. – 1983. – С. 549–572 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/irl/r10/r14/r14-5492.htm?cmd=p>. – Дата доступа : 25.08.2017.

2 Казин, А. Л. Христианская тема в творчестве Андрея Белого советского периода / А. Л. Казин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=23204871>. – Дата доступа : 25.08.2017.

3 Чубаров, И. Символ, эффект и мазохизм. Образы революции у А. Белого и А. Блока / И. Чубаров. – НЛЮ, 2004. – № 65 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/chub9.html>. – Дата доступа : 25.08.2017.

4 Серегина, С. А. Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Серегина. – М., 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/andrei-belyi-i-sergei-esenin-tvorcheskii-dialog#ixzz4u2Q8dlhN>. – Дата доступа : 26.08.2017.

5 Осипова, Т. А. Вербализация концепта «Родина» в поэзии А. Белого / Т. А. Осипова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, 2017. – Гуманитарные науки. – № 4 (103). – С. 119–122.

6 Андрей Белый. Поэма «Христос воскрес» / Белый Андрей // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст., коммент. М. Ф. Пьяных. – М. : Высш. шк., 1990. – 687 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://er3ed.qrz.ru/belyi-khristos.htm>. – Дата доступа : 22.08.2017. Все поэтические контексты взяты из данного источника.

УДК 811.161.3'276.6:611

А. М. Палуян

АСАБЛІВАСЦІ ФАРМІРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ АНАТАМІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

В статье дается определение понятиям «терминология» и «термин», рассматриваются особенности формирования белорусской анатомической терминологии.

Разграничиваются процессы натурального пополнения терминологической лексики в процессе развития определенной области знаний и собственно терминологическая работа по упорядочению этой лексики. Названия органов и частей тела человека и животных относятся к древней лексике, имеют высокую степень систематизации, в основной своей части совпадают с терминологической. Становление современной белорусскоязычной анатомической терминологии начинается в 20-е г. XX в.

Паводле сферы выкарыстання лексіка беларускай мовы падзяляецца на агульнаўжывальную і абмежаванага выкарыстання. Да лексікі абмежаванага выкарыстання адносяць дыялектныя, спецыяльныя і жаргонныя словы. У сваю чаргу спецыяльная лексіка ўключае тэрміналогію, прафесіяналізмы і наменклатуру.

Слова *тэрміналогія* выкарыстоўваецца ў двух асноўных значэннях: ‘сукупнасць тэрмінаў адной галіны ведаў (адной навукі ці навуковага кірунку), якая адлюстроўвае адпаведную сукупнасць паняццяў’, ‘сукупнасць тэрмінаў усіх галін дзейнасці’ [1, с. 15]. Тэрмін – гэта слова ці словазлучэнне, якое абазначае спецыяльны прадмет ці навуковае паняцце, мае дэфініцыю і займае дакладна акрэсленае месца ў пэўнай тэрмінасістэме.

Анатомія – навука пра форму і будову асобных органаў, сістэм і арганізмаў ў цэлым. Адрозніваюць анатомію чалавека, анатомію жывёл і анатомію раслін. Анатомія чалавека складае аснову медыцынскай і бялагічнай навук. Тэрміналогія анатоміі чалавека ўключае найменні, звязаныя з формай і будовай арганізма чалавека, яго сістэм і органаў, іх тапаграфіяй.

Пры аналізе фарміравання тэрміналогіі трэба адрозніваць працэс натуральнага папаўнення тэрміналагічнай лексікі ў ходзе развіцця пэўных галін навукі і ўласна тэрміналагічную работу па ўпарадкаванні гэтай лексікі.

Спрадвечная беларуская анатамічная лексіка бярэ свой пачатак ў агульнаіндаеўрапейскай і агульнаславянскай мовах-асновах. З глыбіні стагоддзяў дайшлі да нас зафіксаваныя ў старажытных рукапісных помніках словы, якія і дагэтуль абазначаюць часткі цела чалавека, разнастайныя ўнутраныя органы, прадукты ўнутранай сакрэцыі: 1) індаеўрапеізмы: *бровы, вока, вуха, грудзі, зуб, калена, кроў, мозг, нос*; 2) агульнаславянскія словы: *гартань, губа, жоўць, сцягно, сэрца, цела, шыя* [2, с. 43, 48].

Першапачатковае ўяўленне пра будову арганізма чалавека нашы продкі атрымлівалі з акаляючых іх матэрыяльных умоў. Своеасаблівым анатамічным аб’ектам ім служыла ўласнае цела, а для параўнання – арганізм свойскіх і дзікіх жывёл. Пашырэнню анатамічных ведаў садзейнічала развіццё жывёлагадоўлі, ужыванне ў ежу мяса, што было звязана з разбіраннем тушы і дэталёвым азнаямленнем з вантрабамі.

Адна з крыніц набыцця анатамічных ведаў – рамёствы, асабліва тыя, пры якіх узнікае цесны кантакт чалавека з рознымі часткамі і органамі жывёл. Напрыклад, касцярэз павінен быць добра знаёмы з фізічнымі ўласцівасцямі косці, асаблівасцямі яе будовы. Анатамічныя веды чэрпаліся з назіранняў над працэсамі смерці, пахавання, эксгумацыі трупаў, актамі судова-прававога характару, пры аказанні медыцынскай дапамогі ў выніку траўм і раненняў. Анатама-фізіялагічныя характарыстыкі, назвы, прыкметы запаўнялі жыццё і быт старажытнага чалавека: імі абазначаліся мянушкі людзей, геаграфічныя найменні, назвы меры, вагі, адлегласці.

Унутраная неабходнасць, умацаванне міжнародных сувязей, распаўсюджванне адукацыі садзейнічалі з’яўленню ў літаратурных крыніцах звестак з галіны анатоміі і фізіялогіі чалавека. Такія звесткі прыводзяцца ў “Рускай праўдзе” (XII ст.), перакладных “Варотах Арыстоцелевых” (XV–XVI стст.). Анатамічная лексіка выкарыстоўваецца ў выданнях Ф. Скарыны: *бедро, бок, горла, гортань, голова, груди, грудина, живот, жыла, кішка, колена, кость, лоно, мозг, мышца, нога, ноготь, ноздря, палец, пазноготь, пуп, пята, печень, рот, рука, сердце, стегно, твар, ухо, чрево, язык* [3].

Такія экстралінгвістычныя фактары, як забарона беларускай мовы Варшаўскім сеймам 1696 г., пазней забарона яе царскім урадам Расіі, выклікалі больш чым стагадовы перапынак

у развіцці пісьмовай мовы, адмоўна ўздзейнічалі на пераемнасць развіцця лексікі беларускай мовы. Відавочна, што ў найбольшай ступені адмоўна ўздзейнічаў перапынак функцыянавання беларускай мовы ў пісьмовай форме на фарміраванне тэрміналогіі, “паколькі замацаванне тэрмінаў адбываецца перш за ўсё ў пісьмовых тэкстах” [4, с. 346].

Станаўленне сучаснай анатамічнай навукі на Беларусі звязана з арганізацыяй у 1921 годзе кафедры анатоміі на медыцынскім факультэце БДУ. З утварэннем БССР сфера функцыянавання беларускай мовы значна пашырылася. Тэрмінаў старабеларускай мовы, якія ўвайшлі ў новую беларускую тэрміналогію, было недастаткова для абазначэння новых паняццяў. Але і таго запасу тэрміналагічнай лексікі, якім валодала народная гаворка, было недастаткова для выдання падручнікаў, навуковых прац, падрыхтоўкі спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй. Неабходна было распрацаваць навуковую тэрміналогію на беларускай мове.

Гісторыя развіцця беларускай анатамічнай тэрміналогіі пачынаецца з 20-х гадоў XX ст. – пачатковага этапу навуковага апрацавання і ўнармавання беларускай літаратурнай мовы, свядомага і мэтанакіраванага фарміравання беларускай нацыянальнай тэрміналогіі. Станаўленне анатамічнай тэрміналогіі адбывалася па законах фарміравання іншых тэрміналогій, прынцыпы і шляхі ўтварэння якіх разгледжаны ў працах В. П. Краснея, Г. А. Цыхуна, Л. А. Антанюк і іншых навукоўцаў.

Распрацоўка анатамічнай тэрміналогіі пачата ў канцы 1923 года супрацоўнікам прыродазнаўчай секцыі Інбелкульта Іванам Цвікевічам. Пазней гэтай працай пачала займацца медыцынская секцыя, якая стварыла тэрміналагічную камісію ў складзе медыкаў Івана Цвікевіча, Паўла Трэмповіча, Паўла Каравайчыка.

Стваральнікі анатамічнай тэрміналогіі кіраваліся агульнымі прынцыпамі, выпрацаванымі Навукова-тэрміналагічнай камісіяй пры Наркамаце асветы. За аснову тэрмінатворчасці была ўзята жывая народная мова, а ў выпадку адсутнасці ў народнай мове найменняў, якія маглі быць выкарыстаны ў функцыі тэрмінаў, утвараліся неалагізмы. Не выключалася выкарыстанне запазычанняў.

Пры падборы беларускіх адпаведнікаў укладальнікі абапіраліся на анатамічную і фізіялагічную тэрміналогію Язэпа Драздовіча, медыцынскія назвы з этнаграфічных прац пра Беларусь і слоўніка Вацлава Ластоўскага, на зборнікі тэрміналогіі, выдадзеныя раней Інбелкультам. Парадак укладання тэрміналогіі і яе аб’ём вызначаліся дзейнай у той час Базельскай анатамічнай наменклатурай.

У сціслыя тэрміны былі распрацаваны і выдадзены тры выпускі першай нацыянальнай анатамічнай тэрміналогіі, якія ўключалі 6710 тэрмінаў, пададзеных на лацінскай, рускай і беларускай мовах, паказальнік беларускіх тэрмінаў і заўвагі, у якіх даецца тлумачэнне шэрага тэрмінаў [5; 6; 7].

Пэўнае значэнне для станаўлення беларускай анатамічнай тэрміналогіі мелі выданні пра будову, функцыі і хваробы цела чалавека, якія папярэднічалі выхаду ў свет слоўнікаў па тэрміналогіі анатоміі [8].

Тэрмінатворчасць 20-х гадоў XX ст., арыентаваная на выкарыстанне ўласных моўных багаццяў, на стварэнне неалагізмаў і непрыняцце запазычанняў, мела як станоўчыя, так і адмоўныя вынікі. Анатамічныя тэрміны гэтага перыяду недастаткова ўнармаваныя, ім уласцівы сінанімічнасць, дублетнасць і варыянтнасць. Частка з прапанаваных тэрмінаў не вытрымала выпрабаванне часам, аказалася штучнай, непрыгоднай для мовы навукі: *каморка* ‘клетка’, *зборня* ‘цыстэрна’, *кноцік* ‘канацік’, *жыжка* ‘вільгаць’, *мязга* ‘парэнхіма’, *прысенак* ‘пераддзвер’е’, *дзядзіна* ‘вобласць, абсяг’, *дзіркаватыя косці* ‘губчатыя’, *тканіна* ‘тканка’, *скабы* ‘рэбры’, *судзіна* ‘сасуд’, *дыхальныя мяхі* ‘лёгкія’ і інш.

“Перарывістасць працэсу фарміравання беларускай тэрміналагічнай лексікі ў выніку гістарычных умоў развіцця і функцыянавання беларускай мовы ў 17–18 стст. не толькі выклікала разрыў паміж традыцыямі страбеларускай мовы і традыцыямі сучаснай беларускай мовы і аказала адмоўны ўплыў на пераемнасць развіцця тэрміналагічнай лексікі, а і абумовіла некаторую спецыфіку шляхоў і прынцыпаў развіцця новай беларускай навуковай

тэрміналогіі” [4, с. 360]. У 20-ыя гады ХХ ст., калі вялася актыўная распрацоўка паняццйна-тэрміналагічнага фонду беларускай навуковай тэрміналогіі, склалася своеасаблівая сітуацыя суадносін розных пластоў лексікі беларускай мовы як крыніц фарміравання навуковай тэрміналогіі. Асноўнай крыніцай стварэння новых тэрмінаў стала кніжная і размоўная лексіка новай беларускай мовы, аднак многія лексемы характарызаваліся вялікай варыятыўнасцю і не мелі стабільнай практыкі выкарыстання, што ўскладняла іх прымяненне ў якасці тэрмінаў. Усё гэта паслужыла прычынай актывізацыі дыялектнай лексікі як крыніцы фарміравання беларускай навуковай тэрміналогіі.

Да запазычвання як спосабу папаўнення тэрміналагічнай лексікі ўкладальнікі слоўнікаў падыходзілі з асцярожнасцю і з улікам розных галіновых тэрмінасістэм. “У агульным падыходзе ўкладальнікаў выпускаў да запазычанняў знайшлі адлюстраванне тэндэнцыі нацыянальнага пурызму, харктэрныя для ўсіх народаў у перыяд бурнага фарміравання нацый” [4, с. 362].

Другі этап у развіцці беларускай анатамічнай тэрміналогіі (30–60-я гг.) вызначаецца тым, што праблемы ўпарадкавання і нармалізацыі былі вырашаны праз збліжэнне з адпаведнікамі рускай мовы. Асноўным прынцыпам намінацыі на другім этапе фарміравання анатамічнай тэрміналогіі былі яе інтэрнацыяналізацыя і словаўтваральнае калькаванне з рускай мовы [9].

Трэці этап звязаны з ажыўленнем тэрміналагічнай працы на Беларусі ў 70-я гады ХХ ст. Для яго пачатку таксама характэрны інтэрнацыяналізацыя, калькаванне і запазычванне з рускай мовы, пра што сведчыць анатамічная лексіка, прадстаўленая ў 12-томнай “Беларускай Савецкай Энцыклапедыі” (1969–1975) і 5-томным “Тлумачальным слоўніку беларускай мовы” (1977–1984).

Тэрміналагічная работа 90-х гг. ХХ ст. нагадвае пачатковы этап фарміравання анатамічнай тэрмінасістэмы з арыентацыяй на ўласныя сродкі беларускай мовы, але на больш якасным узроўні. У прыватнасці, аўтары “Анатамічнага слоўніка” [10] пры наяўнасці раўназначных уласных і запазычаных з рускай мовы адпаведнікаў аддавалі перавагу нацыянальным назвам. Але пры гэтым не вырашаны праблемы ўпарадкавання і ўнармавання беларускамоўнай анатамічнай тэрміналогіі, паколькі 1) не апрацаваны многія вузкасפעцыяльныя тэрміны; 2) назвы, зафіксаваныя ў слоўніку, не прайшлі апрацацыю ва ўмовах прафесійнай практыкі з прычыны амаль поўнага выключэння беларускай мовы з медыцынскай, навуковай і практычнай дзейнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 247 с.
- 2 Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.
- 3 Слоўнік мовы Скарыны : у 3 т. / пад рэд. У. В. Анічэнкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977–1994.
- 4 Плотнікаў, Б. А. Беларуская мова: лінгвістычны кампендыум / Б. А. Плотнікаў, Л. А. Антанюк. – Мінск : Інтэрпрэсэсэрвіс, Кніжны Дом, 2003. – 672 с.
- 5 Беларуская навуковая тэрміналогія. – Вып. 9. Анатамічныя назвы. Вып. 1. – Менск, 1926. – 110 с.
- 6 Беларуская навуковая тэрміналогія. – Вып. 13. Анатамічныя назвы. Вып. 2. – Менск : Выд. Ін-та бел. культуры, 1927. – 181 с.
- 7 Беларуская навуковая тэрміналогія. – Вып. 13. Анатамічныя назвы. Вып. 3. – Менск : Выд. БелАН, 1929. – 112 с.
- 8 Краскоўскі, А. Аб чалавечым целе здаровым, хворым і спосабах яго лячэбнай самаабароны / А. Краскоўскі. – Вільня : Выд. газ. “Голас беларуса”, 1924. – 110 с.
- 9 Праект слоўніка (БелСЭ). – Вып. XIV. Анатомія, медыцына, фізіялогія. – Менск : Выд. БелАН, 1935. – 118 с.
- 10 Анатомический словарь: русско-белорусско-латинский, белорусско-латинский, латинско-белорусский / С. П. Ярошевич, Л. Н. Бойцов, Д. В. Ковалева и др. – Минск : Дизайн ПРО, 1998. – 480 с.

А. П. Пантелеева

ЛИНГВОСОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

В статье описывается современная этноязыковая ситуация на постсоветском пространстве, анализируются коммуникативные позиции русского языка в Эстонии, описано лингвосоциальное поле республики на современном этапе.

Как известно, дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века привели к трансформации коммуникативного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств (официальные данные, без учета частично признанных государств) стала формироваться новая этноязыковая ситуация, специфика которой определяется языковой политикой данной страны или региона.

Языковая политика (как один из видов социального регулирования) – явление многоаспектное, параметры которого существенно варьируются в каждом из постсоветских государств, но объективно неизменной остается ее органическая связь с политикой национальной. Не случайно на смену государственному русскому языку во многих случаях пришли языки национальные, все интенсивнее принимающие доминантную форму в различных сферах коммуникации [2, с. 382]. Так, после выхода в 1991 году Эстонии из СССР и обретения республикой независимости, русский язык на ее территории был лишен государственного статуса. В процентном соотношении доля обучающихся на русском в школах в период СССР неуклонно возрастала: в 1980 – 32,5 % по республике (в Таллине 46,9 %), в 1990 году уже 37,0 % по республике (54,2 % в Таллине) [1, с. 227]. В настоящее время в Конституции Эстонии нет упоминаний о статусе русского языка и на территории страны он считается иностранным, хотя на момент выхода Эстонии из Союза около трети населения владели русским языком и, вероятно, мог быть рассмотрен вариант установления двуязычия.

Под влиянием исторических и геополитических факторов территориально расселение русскоязычного населения происходило неравномерно, соответственно этому и языковая ситуация в разных районах страны отличается. Традиционно большой процент русского населения проживает в столице страны – Таллине, в уезде Хартумаа русское население составляет около 30 %, при этом имеются целые русские районы, например Ласнамяэ. Кроме того, в уезде Ида-Вирумаа русское население составляет более 70 %, т. к. фактически некоторые промышленные города страны были исконно заселены русскими – Нарва, Кохтла-Ярве, Силламяэ. Нарва наиболее сильно заселена русскими: они составляют более 80 % всех проживающих в городе. В уездах Тартумаа и Валгамаа русских более 12 %. Несмотря на преобладание русского населения над эстонским в определенных частях страны, законодательно это нигде не отражено и никакого особого статуса такие уезды не имеют.

В настоящее время правовой статус языка в Эстонии регулируется сразу несколькими юридическими актами:

- Конституцией;
- Законом о языке;
- Законом о национальных меньшинствах;
- Вопросы языка отражены также в Законе о гражданстве.

Кроме того, в стране существует специальная Языковая инспекция, осуществляющая надзор и контроль в сфере знания и применения государственного языка. На международном уровне не раз поднимался вопрос статуса русского языка и ущемления прав языковых меньшинств в Эстонии. На распространенность русского языка в стране и отсутствие у него опре-

деленного статуса при том, что четверть населения является этнически русскими, а более половины владеет им, влияют политические факторы. В стране принимаются меры, ограничивающие использование негосударственных языков.

Русский язык имеет статус иностранного, и согласно Закону о языке он может использоваться в рекламе, вывесках, указателях и объявлениях в общественных местах, маркировке товаров и информации о лекарствах (по добровольному желанию фирм-производителей) только в качестве дополнительного и не превышать по содержанию эстонский оригинал. В области СМИ и распространения информации также имеются ограничения: введены специальные квоты на радио- и телепередачи на негосударственных языках. Например, ТВ вещание не на эстонском на местных каналах не может превышать 10 % от недельного объема вещания на нем.

Образование в стране регулируется сразу несколькими законами:

- об образовании;
- об основной школе и гимназии;
- о частной школе.

Если обобщить содержащуюся в них информацию по вопросу обучения русскому и на русском, то можно отметить следующее: существуют школы и гимназии с обучением как на эстонском, так и на русском; русский язык может быть выбран как первый или второй иностранный язык в школе и гимназии, где обучение ведется на эстонском; в школах и гимназиях с обучением на русском вторым языком обязательно выступает эстонский; в школе или классе, где обучение ведется не на эстонском языке, изучение эстонского языка является обязательным с первого класса, что обеспечивает обучение эстонскому языку на уровне, позволяющем выпускникам основной школы продолжить учебу в учебном заведении с эстонским языком обучения. В большинстве гимназий предметное обучение ведется на эстонском языке, второе место по количеству занимают школы, где 60 % предметного обучения ведется на эстонском языке и 40 % – на русском. Перевод высшего образования как в государственных, так и в частных ВУЗах на эстонский язык завершился в 2013 году. Теперь высшее образование можно получать на эстонском или английском языке. Хотя некоторые учебные заведения предоставляют возможность обучения на многоязычных программах по принципу 60 на 40: одновременно на эстонском и русском, естественно, доля государственного языка больше. Например, в Нарвском колледже доступны многоязычные программы с русским языком, где на эстонском ведется от 50 до 80 % обучения.

Несмотря на отсутствие официального статуса, русский язык в Эстонии не потерял своей актуальности. В отличие от многих других бывших советских республик за годы независимости удельный вес русского населения здесь снизился незначительно, что подтверждают статистические данные.

Представленные данные свидетельствуют о том, что миграционные процессы, свойственные постсоветскому пространству, подразумевающие отток населения в Россию, проходят в Эстонии не так активно, как в других странах. Доля русского населения за прошедшие годы сократилась менее чем на 5%. Актуальные данные о национальном составе страны за 2013 и 2016 годы демонстрируют незначительные демографические изменения [6]. Если рассматривать количественное соотношение русского населения к эстонскому, опираясь на официальные данные государственной статистики страны, то количество русских в Эстонии на 2011 год оценивается в 326 тысяч человек. Общее количество проживающих в стране, независимо от национальности, пола и возраста составляет более 1 миллиона 200 тысяч человек. А по данным 2017 года наблюдается небольшой прирост населения до 1 миллиона и 300 тысяч человек. Возрастает и количество русских, по данным Департамента статистики Эстонии на первый месяц 2016 года, их в стране уже более 330 тысяч (таблица 1).

Таблица 1 – Численность населения по этническому компоненту (все национальности)

	2012	2013	2014	2015	2016
Total	1 325 217	1 320 174	1 315 819	1 313 271	1 315 944
Estonians	917 075	913 262	909 307	907 937	905 805
Russians	335 268	333 929	332 816	330 258	330 263
Other ethnic nationalities	66 732	66 076	65 556	64 232	68 122
..Ukrainians	23 285	23 113	22 994	22 562	23 256
..Belorussians	12 956	12 763	12 575	12 215	12 171
..Finns	8 069	7 838	7 634	7 321	7 659
..Tatars	2 051	2 036	2 024	1 982	1 981
..Latvians	1 904	1 892	1 884	1 840	2 198
..Poles	1 738	1 719	1 696	1 643	1 747
..Jews	2 109	2 099	2 074	2 042	2 023
..Lithuanians	1 813	1 787	1 767	1 757	1 882
..Germans	1 612	1 600	1 600	1 552	1 913
Ethnic nationality unknown	6 142	6 907	8 140	10 844	11 754

Количество владеющих русским языком как иностранным среди нерусского населения Эстонии, независимо от возраста, пола и родного языка оценивается в 545 тысяч. Стоит отметить, что статистка страны доступна на двух языках: эстонском и английском, даже если касается русского языка и социальной сферы [6].

Таким образом, русским языком на разных уровнях владеет почти половина населения страны. И этот иностранный язык «де факто» широко применяется на бытовом уровне, в сферах торговли, туризма и услуг. Доминирует русский язык и в интернете: в эстонском сегменте сети русскоязычные ресурсы используются чаще. Это объясняется тем, что количество информации, публикуемой в интернете на русском языке или переводимой на него, существенно больше. Даже государственные учреждения Эстонии имеют русские версии сайтов. Из культурных заведений в стране сохранился Русский театр, осуществляющий свою деятельность на русском языке.

Достаточно острой проблемой для русского населения Эстонии остается гражданство. В Эстонии статус неграждан регулирует «Закон об иностранцах». Люди без гражданства получают соответствующий документ – паспорт иностранца, дающий им сокращенный ряд гражданских, политических и социально-экономических прав. Таким образом, все русскоязычное население Эстонии делится на три категории: граждане, граждане России, проживающие за рубежом, и неграждане или лица с неопределенным гражданством.

Все данные свидетельствуют, что официальная идеология Эстонской Республики опирается на отрицание прошлых достижений в области культуры, размежевание с периодом совместного проживания их народов в составе СССР. И хотя русский язык все еще остается языком межличностного общения и активно используется в Эстонии, его интегрирующая роль резко снижается.

Список использованных источников

- 1 Арефьев, А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков / А. Л. Арефьев. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 450 с.
- 2 Боженкова, Н. А. Современная языковая ситуация в Молдове: положение русского языка Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты / Н. А. Боженкова, А. П. Пантелеева // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения». – М. : Ярославль; Редмер, 2017. – С. 380–383.
- 3 Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2007. – 264 с.
- 4 Лавров, С. В. Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения / С. В. Лавров. – М. : Центр сравнительного прогнозирования, 2005. – 320 с.
- 5 Межпарламентская ассамблея: центр публичного права, свод законов стран постсоветского пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.booksite.ru/fulltext/nov/ie/kon/sti/tuc/novie_konstitucii/index.htm, свободный. – Дата доступа : 22.01.2017.
- 6 Данные департамента статистики Эстонии <https://www.stat.ee/>

С. А. Приходько

**ЛЕКСИКА ПАССИВНОГО СЛОВАРНОГО ЗАПАСА
В СОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ
(на примере полемических трудов В. И. Ленина)**

В статье рассматриваются устаревшие слова и неологизмы советского дискурса, приводятся примеры их использования. Анализируются виды и особенности данных лексем в дискурсе В. И. Ленина.

Русский язык обладает постоянно меняющимся словарным запасом: некоторая ранее часто употребительная лексика в настоящее время почти не используется, другие лексемы, наоборот, употребляются всё чаще.

Примеры устаревших слов и неологизмов многочисленны, что свидетельствует о развитии языка. Подобные явления тесно связаны с изменением общественной жизни: слово возникает с появлением нового понятия, если люди больше не обращаются к некоторому предмету или явлению, то не употребляется и термин, служащий для его обозначения.

Весь 2017 год проходит под знаком столетия Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций. Юбилей революций вызвал отклики в различных слоях российского общества. В Беларуси, Германии, Испании, Киргизии, России, Турции, Франции и многих других странах проходят выставки, конференции, «круглые столы» и семинары, приуроченные к началу коммунистической эпохи в нашем государстве и других странах.

Выходят фильмы о советской действительности, публикуются многочисленные монографии и статьи. Внимание к советскому дискурсу постепенно усиливается, поскольку большинство населения стран СНГ и Балтии составляют люди, родившиеся в Советском Союзе. Затронув русский язык и множество других систем, Октябрьская революция изменила жизнь сотен миллионов людей.

Интерес к полемическому наследию В. И. Ленина начал возрастать в 2000-х годах, задолго до столетия Великой Октябрьской социалистической революции. На фоне юбилейных мероприятий неуклонно усиливается интерес к основателю и руководителю первого в мире социалистического государства – В. И. Ленину. Хотя В. И. Ленин являлся выдающимся политическим деятелем, его языковая деятельность не ограничивалась политическими рамками. Председатель СНК РСФСР работал практически во всех стилях русского языка. Многие труды В. И. Ленина балансируют на грани различных, взаимодополняющих видов дискурса. Такая интеграция и создаёт неповторимый дискурс В. И. Ленина.

Именно ленинский дискурс заложил основу советского языкового стандарта. Определение ему даёт Н. В. Дубровина: «Советский языковой стандарт – это не только отступление от традиций национального русского литературного языка, но и этап его истории, сформировавший исторически сложившуюся часть русской языковой картины мира» [1, с. 3].

В советское время книги В. И. Ленина считались шедеврами философской мысли. Каждая его работа определялась как краеугольный камень образа жизни советских граждан и поэтому *par excellence* не допускала какой-либо критической оценки. После распада СССР монографии, письма, речи и статьи вождя мирового пролетариата, как и большая часть марксизма-ленинизма, были благополучно забыты. Затем фактически всё, что относилось к марксизму и его наследию, было вытолкнуто на далёкую периферию исследовательского сознания не только в России, но и на просторах СНГ.

Можно смело утверждать, что в силу ряда социально-политических условий и содержательных элементов ленинские монографии входят в категорию наиболее влиятельных книг, увидевших свет в XX столетии. Влиятельными полемические труды В. И. Ленина стали

потому, что они были многократно изданы, известны, изучались, читались и переосмысливались миллионами, десятками миллионов людей и воспринимались как выдающиеся философские произведения, поэтому настраивали на вдумчивое и серьёзное отношение к философии, а также, если учитывать трактовку К. Маркса и Ф. Энгельса как великих мыслителей, волей или неволей прививали обществу уважение к философскому мышлению и гуманитарной мысли в целом.

Ленинские идеи не смогли завоевать всю планету, хотя оказали влияние на все государства мира. Примерно таким же стало в середине XX в. соотношение языков коммунистических стран. Несмотря на лидирующую роль СССР в социалистическом лагере, русский язык не стал официальным языком мировой системы социализма. Точно так же и английский язык не стал общим для стран НАТО [3, с. 34].

Неологизмы и архаизмы используются в различных целях. Неологизмы – новые, ещё не ставшие повседневными и привычными слова. Их состав непрерывно меняется.

Неологизмы можно создать несколькими способами:

1) образованием лексического неологизма (нового термина) из уже имеющихся в языке морфем и слов по существующим моделям: *гипсокартон, дисковод, оптоволоконный*;

2) заимствованием некоторого иноязычного слова с последующим образованием от него новых по существующим в языке моделям словообразования: *сканер, сканирование, сканировать*;

3) возникновением нового лексического значения у существующего в языке термина (в таком значении слова называются семантическими неологизмами), происходящим в том числе с помощью калькирования значений слов другого языка: *мышь* – и устройство для ввода в компьютер информации, и животное; *винчестер* – и приспособление для хранения в компьютере информации, и ружьё;

4) образованием некоторых устойчивых словосочетаний с новым значением (включая и калькированные): *материнская плата, жёсткий диск*.

Советские неологизмы русского языка составляют подавляющее большинство лексических новшеств. Именно они в первую очередь придают современной русской лексике особый колорит свежести и новизны, отличающий её от старого (дореволюционного) словаря. Основная часть таких лексических новообразований – слова общелитературного и частого употребления, без которых нашу речь представить себе просто невозможно. Наконец, что особенно важно, многие из них являются не только неологизмами советской эпохи, но и советизмами – такими словами, которые в качестве наименований отражают специфические особенности нашей жизни, предметы и явления нашей советской действительности (*партийный, райком, перевыполнить, марксистско-ленинский, сверхплановый, ударничество, по-комсомольски, агитпункт, общественник, самодеятельность, партбюро, комсорг, сельсовет, всесоюзный* и т. д.).

В своих книгах и статьях В. И. Ленин прибегал к неологизмам. Впервые в русскую лексику В. И. Ленин ввёл следующие слова: *партийность, середняк, хвостизм, субботник, экономизм, ударник*.

Устаревшие слова – такие слова, которые в данное время либо очень редко употребляются, либо не используются совсем (например, *десница, чадо, красноармеец, уста, нарком*). Устаревание слов – процесс, поэтому различные понятия могут находиться на различных его стадиях. Слова, ещё не вышедшие из активного употребления, но используемые реже, чем раньше, называются устаревшей лексикой.

Среди вышедшей из употребления лексики выделяют архаизмы и историзмы. Служащие названиями уже исчезнувших понятий, предметов и явлений слова называются историзмами. Историзмы – слова, которые перестали применяться в связи с тем, что исчезли обозначаемые ими явления и предметы: *кафтан, бурса, посадник*. Они употребляются преимущественно в научных и художественных текстах, описывающих прошлые исторические периоды. Архаизмы ничем принципиально от историзмов не отличаются. Если последние лексемы

представляют собой названия некоторых устаревших предметов, то первые средства являются устаревшими наименованиями понятий и явлений, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни.

Использование В. И. Лениным архаизмов доказывает, что советский лидер опирался на широкий историко-культурный контекст в процессе формирования нового пафосного языка, нового высокого стиля [2, с. 9]. Архаизмами в дискурсе В. И. Ленина являются лексемы: *сей, сугубо, кто-либо с братией, ибо, сиречь, вкупе, путаник, паки и паки*. Намного менее частотны историзмы (*авгур* и *урядник*).

Проведённый анализ подтверждает, что В. И. Ленин владел русским языком в совершенстве. Примеры виртуозного владения русским языком можно обнаружить в любом его труде. Основатель и руководитель первого в мире социалистического государства отвергал ложную наукообразность дискурса, считая, что чаще всего она сочетается с неясностью в понимании рассматриваемых тем или иным автором проблем, поэтому опирался на интересную архаику, в которой воплощены традиции и национальная самобытность [2, с. 151], а также чутко реагировал на реалии нового общества, отражаемые неологизмами.

Список использованных источников

1 Дубровина, Н. В. Лингвостилистические и риторические особенности литературы социалистического реализма (на примере советских романов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Дубровина. – Волгоград : ВГСПУ, 2012. – 19 с.

2 Коростелева, Т. В. Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Коростелева. – Ростов-на-Дону : РГЭУ, 2015. – 180 с.

3 Павлова, Е. К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.20 / Е. К. Павлова. – М. : МГУ, 2010. – 47 с.

УДК 811.161.1

Е. И. Роголёва

НОРМЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЛАДШЕМУ ШКОЛЬНИКУ (на лингвокраеведческом материале)

Статья выполнена в рамках проекта № 17-16-60001 а(р), поддержанного РФФИ.

В статье обозначается проблема эффективного обучения нормам эпистолярного жанра младших школьников. Предлагается авторская концепция методического пособия по обучению младших школьников жанру письма на лингвокраеведческом материале. Представлена структура данного пособия, приводятся примеры заданий.

Широкий диапазон исследований эпистолярия (от описания норм эпистолярного жанра до лингвокультурологических характеристик эпистолярного текста) позволяет, по словам Т. П. Акимовой, выделить такую особую отрасль, как лингвистическое эпистоловедение [1, с. 11].

Предметом нашего исследования являются приемы и способы репрезентации норм эпистолярного жанра, эпистолярной культуры младшему школьнику, что обусловлено требованиями «Примерной образовательной программы образовательного учреждения. Начальная школа», согласно которой в основное содержание учебного предмета «Русский язык» на ступени начального образования включается знакомство младших школьников с жанром письма [4, с. 79].

Проблема обучения написанию писем младших школьников хотя и не нова, но и не решена в связи с частой нарочитостью, искусственностью заданий, мотивирующих ребёнка написать письмо. Важно создавать такую обстановку при написании писем, которая была бы естественна и побуждала детей передавать в письме то, что они действительно хотят передать [3, с. 147].

По мнению Л. С. Выготского, при обучении у детей должна быть выработана естественная потребность, надобность в письменной речи [2, с. 196]. Данная задача была успешно решена на кафедре теории и методики гуманитарного образования ПсковГУ, где было выпущено пособие «Пишите письма» [5], в котором представлены учебно-методические материалы лингвокраеведческого содержания по развитию письменной речи младших школьников, которые могут использоваться непосредственно на уроке русского языка в начальной школе или в качестве модели для разработки подобных комплексов заданий и упражнений, обучающих написанию сочинений в жанре письма с соблюдением всех норм эпистолярного жанра.

С целью включения ребёнка в жизненную ситуацию, в которой составление письма становится для него необходимым, авторами пособия был создан вымышленный мир адресатов и адресантов.

Главным персонажем на протяжении всех занятий, разработанных в пособии, является пожилая женщина Надежда Ивановна Кузнецова. Она живёт совершенно одна в деревне Синицы Псковской области. До пенсии Надежда Ивановна работала учителем, но теперь сельскую школу закрыли, потому что молодые семьи с детьми переехали в город. По сюжету Надежде Ивановне стали приходить письма от школьников Псковской области. Читая эти письма и отвечая на них, женщина перестала чувствовать себя одинокой. Благодаря письмам, Надежда Ивановна вновь обрела семью: она нашла своего племянника, к которому потом и переехала.

Приведем первое задание из данного пособия: **Прочитай текст и выполни послетекстовое задание.**

В одной далёкой деревне Псковской области живёт одинокая бабушка Надя. Муж её умер, а детей нет. До пенсии Надежда Ивановна работала учительницей. Многие её ученики теперь известны по всей России. Это и знаменитые врачи, и учёные, и писатели, и актёры. Школу в деревне давно закрыли, потому что молодые семьи с детьми переехали в город. Теперь единственная радость в жизни бабушки Нади – это её хозяйство. У неё есть огород, где она выращивает овощи, есть два петуха, две курицы, несколько крольчат, корова по кличке Зорька и дворový пёс по кличке Филипп.

И всё-таки Надежде Ивановне очень хочется простого человеческого общения. Но у неё нет ни телефона, ни компьютера. Лишь старый почтовый ящик висит на заборе, но в него почтальон уже много лет не опускает письма.

Догадайся, как можно скрасить одиночество бабушки и побеседовать с ней. Выбери ответ: позвонить бабушке Наде по телефону; отправить ей СМС-сообщение; написать и отправить бумажное письмо; найти Надежду Ивановну «ВКонтакте» и написать ей сообщение; отправить бабушке письмо по электронной почте [5, с. 5].

По мнению И. А. Чесноковой, корреспонденция XXI века не всегда являет собой тщательно продуманные и обработанные продукты речетворчества, отражающие внутренний мир человека. Электронное сообщение замещает индивидуальность внутренней рефлексии механичностью и машинностью восприятия, где текст оценивается с позиции функциональной полезности, информационной значимости, без сопровождения культурной ценности [6, с. 31].

Приведем пример задания, выполняя которое младший школьник может оценить особенности бумажных и электронных писем.

Задание. Прочитай диалоги между бабушкой и внучкой, дедушкой и внуком. Подчеркни фразы, в которых говорится об особенностях электронных и бумажных писем.

Бабушка. Ну, внученька, письмо дедушке в санаторий мы написали. А как же мы теперь его отправим?

Внучка. А вот так, бабуля! Кликаем слово «отправить», и всё.

Бабушка. И всего-то! Как быстро! А в молодости, когда дедушка в армии служил, я ему одно письмо писала по нескольку дней. Сначала на черновик, потом переписывала. Старалась каждым словом передать свою любовь к нему. Потом брала флакончик духов, что он мне подарил, и сбрызгивала ими письмо, чтобы не забывал меня... [5, с. 9].

На занятиях по материалам пособия школьники знакомятся с этикетом письма, под которым подразумеваются правила написания писем, а именно: знание особенностей эпистолярного жанра, понимание цели, ради которой пишется письмо (благодарность, сочувствие, извинение, совет, пожелание, сообщение о чем-либо, просьба), соблюдение структуры письма (зачин, основная часть, концовка), владение языковыми средствами выражения различного содержания и достижения определенных прагматических целей, таким образом, они осваивают нормы эпистолярного жанра, которые затем и будут соблюдать в собственно коммуникативных упражнениях по написанию писем.

Приведем пример задания, когда вводится такая цель письма, как благодарность.

Задание. Восстанови письмо, пронумеруй части по порядку. Догадайся, с какой целью написано это письмо, опираясь на однокоренные слова.

Хотим поблагодарить Вас за то, что Вы свою жизнь посвятили воспитанию учеников. Благодаря Вашему труду и таланту многие Ваши ученики теперь известны по всей России. Это и знаменитые врачи, и учёные, и писатели, и актёры. Спасибо Вам за это!

До свидания!

Дорогая Надежда Ивановна!

Чем Вы сейчас занимаетесь? Растаял ли у Вас в деревне снег? Что собираетесь сажать на огороде этой весной?

28 февраля 2017 года, г. Великий Новгород.

Передайте привет от нас всем Вашим питомцам.

Всего Вам самого доброго! Здоровья Вам и ещё раз спасибо!

С уважением и благодарностью ученики 4 «Б» класса [5, с. 14].

Лингвокраеведческие материалы пособия «Пишите письма» объединены пятью темами, каждая из которых включает собственно обучающую часть «Учимся писать письма», а также рубрики «Письма литературных героев», «История России в письмах», «Добрые письма и добрые дела». Задания в каждой рубрике также разработаны с использованием лингвокраеведческих материалов.

Приведем пример задания из рубрики «История России в письмах», где жанр письма используется как средство перифразирования текста.

Задание. Прочитай текст о княгине Ольге и выполни послетекстовые задания.

Первое упоминание о Пскове в древней летописи (примерно 903 г.) связано с именем простой девушки-псковитянки Ольги, которая впоследствии стала великой княгиней, мудрой правительницей и просветительницей, а еще позже – Святой и небесной покровительницей Пскова.

Однажды, когда Ольга навещала родные места, она остановилась на левом берегу реки Великой. Три солнечных луча пробились сквозь облака и указали на высокий, заросший лесом мыс* противоположного берега. Тогда и решила Ольга, что «на месте сем (этом) будет храм Пресвятой Троицы и град (город)». А потом прислала людей, которые построили здесь город и возвели в нём первую христианскую церковь.

*Мыс – часть суши, выдающаяся острым углом в море, озеро или реку.

Восстанови письмо от княгини Ольги, используя информацию из предыдущего текста.

Здравствуй, мой юный друг!

Пишет тебе княгиня Ольга. Я хочу немного рассказать о себе.

Я жила очень-очень давно. Более лет назад. Сначала я была простой девушкой из ..., а потом стала великой княгиней, мудрой правительницей, а еще позже – Святой и небесной ... Пскова.

Потом я часто навещала ... места. Однажды я остановилась на левом берегу реки ... Вдруг я увидела, как ... солнечных луча пробилась сквозь облака и указали на высокий, заросший лесом противоположного берега. Тогда я решила, что на этом месте будет храм ... и город. А потом сама прислала людей, которые построили здесь город и возвели в нём первую ... церковь.

Интересуешься ли ты родной историей? Знаешь ли ты легенду о том, как я стала великой княгиней? Напиши мне об этом в своем письме.

Желаю тебе любить свою родную землю.

С низким поклоном, княгиня Ольга [5, с. 17].

Ответное письмо, как и в других разделах пособия, предполагает практическую реализацию полученных навыков написания писем с соблюдением всех норм эпистолярного жанра.

Материалы пособия прошли успешную апробацию в начальных школах Псковской области, Карачаево-Черкесии, Эстонии и Латвии.

Список использованных источников

1 Акимова, Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.) : дис. ... докт. филол. наук / Т. П. Акимова. – Волгоград : ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2017. – 421 с.

2 Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6-ти т. – Т. 3. Проблемы развития психики / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983. – 368 с.

3 Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников / М. Р. Львов. – М. : Просвещение, 1985. – 176 с.

4 Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / Сост. Е. С. Савинов. – М. : Просвещение, 2010. – 204 с.

5 Рогалёва, Е. И. Пишите письма. Практикум по развитию речи. Методические материалы для учителей полиэтнической начальной школы и магистрантов профиля «Теория и методика обучения русскому языку как неродному» / Е. И. Рогалёва, М. С. Михайлова. – Псков : Изд-во ПсковГУ, 2016. – 80 с.

6 Чеснокова, И. А. Жанровая специфика письма в будущем в англоязычном виртуальном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Чеснокова. – Томск, 2015. – 176 с.

УДК 811.161.2'271

Л. И. Ромащенко

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (на примере украинского языка)

В статье рассматриваются негативные процессы в украинском языке, обусловленные изменениями в социально-культурной жизни общества: создание искусственных лексем, использование ненормативной лексики, засилье англицизмов и заимствований из других языков, наличие т.н. «агрессивной» лексики и т. п.

Язык как общественное явление чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе. За годы независимости Украины их произошло немало, и они так или иначе нашли отображение в языке.

Активизация украиноцентричных процессов (национализм был возведен в ранг государственной политики) в разных сферах общественного бытия (в том числе и культурно-языковой сфере) привел к вытеснению из языкового обращения лексических и грамматических единиц, общих для украинского и русского языков (как якобы попытка противодействовать процессам русификации). Вместо слов *шприц*, *трубка* (телефонная), *аэродром*, *вертоліт*

(вертолет), *розвиток* (развитие), *карта* (географическая) имеем *штрикалку*, *слухавку*, *летовище*, *гелікоптер*, *гвинтокрил*, *розвій*, *мапу*.

Подобные потуги – это попытка насаждения искусственных лексем или попытка узаконить галицкий вариант украинского правописания, функционирующий в диаспоре. Однако подобные попытки не имели успеха даже в досоветский период. Так, выходец из центрального региона, классик украинской литературы И. Нечуй-Левицкий категорически не принимал галицкого варианта украинского языка, поскольку на него в значительной степени повлиял польский. Языковедческие рассуждения Ивана Семеновича актуализируются в настоящее время, когда педальруется использование галицко-диаспорных языковых норм, вместо украинского литературного языка, в основе которого говоры Средней Надднепряны.

Действительно, слово *розвій* происходит от польского *rozwój* – развитие, эволюция. Так же и *наразі* – от польского *na razie* – пока что, а не *теперь*, *сейчас*, как часто употребляют; *потяг* (*поезд*) от *rosiąg*. И таких примеров можно привести немало.

Не выдерживают никакой критики утверждения отдельных диаспорных исследователей, что проявлением языкового невежества, суржигом является употребление слов *машина* вместо *авто*, *урок* вместо *лекція*, *виклад* [1, с. 25]. На самом деле, проявлением языкового невежества являются именно такие утверждения. Ведь смысл слова *машина* значительно шире, чем *авто*: 1. Это механизм, который производит какую-либо работу. 2. Автомобиль, самолет, который движется благодаря действию любого механизма.

Семантика слова *урок* также более широкая: 1. Промежуток времени, отведенный для занятия по отдельному предмету. 2. Учебная работа, задания, которые даются ученику для подготовки к следующему заданию. 3. Что-то поучительное, из чего можно сделать вывод на будущее, жизненный опыт. Как видим, слово *лекція* может заменить слово *урок* лишь в первом значении, и то не всегда: в высших учебных заведениях принято называть *лекція*, а в школьной практике – *урок*. Что же касается второго и третьего значений слова *урок*, то они вообще не могут быть заменены на *лекція* или *виклад* (*уроки життя* (уроки жизни), а не *виклади життя* или *лекції життя*). Да и само слово *лекція* заимствовано из латинского, а *виклад* в том значении, которое предлагает исследователь, употребляется в польском языке (*wykład*).

Создание искусственных лексем или форсирование диаспорного правописания – затея бесперспективная, потому что делает язык оторванным от народа – его носителя.

Применение ненормативных форм правописания (радикализация языковой проблемы) угрожает языковым суржигом, который сказывается не только в устной речи рядовых носителей языка, но и в научных публикациях, письменных работах студентов. К примеру, организаторы международной конференции в Эстонии (Таллинн, 2008) без согласования с участниками напечатали их доклады (в том числе и автора настоящей статьи) согласно диаспорному правописанию, что вызвало справедливое нареkanie.

Наряду с исключением слов, которые давно функционируют в языке, и заменой их на якобы истинно украинские, существует абсолютно противоположная тенденция – чрезмерное использование иностранных слов, что усложняет общение. Эта тенденция также вызвана социальными процессами: на смену борьбе с «преклонением перед Западом», пришло чрезмерное увлечение Западом, происходит «американизация» общества (засилье фильмов, передач, праздников (Хэллоуин), пропаганда американского образа жизни) и, соответственно – «англицизация» языка.

Конечно, в последнее время в украинском языке появилось немало новых слов, связанных с новыми понятиями и явлениями, вызванными развитием новейших технологий (*комп'ютер*, *принтер*, *монітор*, *сканер*, *ксерокс*, *домофон* и др.) или негативными общественными явлениями (*секс-індустрія*, *шоу-бізнес*, *остарбайтер*). И если функционирование слов, особенно первой группы, в определенной степени оправдано, то этого нельзя сказать об использовании слов, имеющих украинские соответствия. СМИ, выступления политиков, чиновников, да и рядовых граждан изобилуют кальками из других языков, преимущественно английского: *мер*, *спікер*, *провайдер*, *брокер*, *брифінг*, *креативний*, *пролонгувати*, *моніторинг*

и т. д. К сожалению, и русский язык активно засоряется англицизмами, о чем с тревогой говорила участница Крымских международных Шмелевских чтений (Алушта, 15–19 сентября 2011 г.) Г. Нефагина в докладе «Сохраним ли мы русскую речь? Проблемы сохранения национальной идентичности в эмигрантской среде».

Вот названия некоторых черкасских магазинов, фирм, развлекательных заведений, значения которых не всегда могут объяснить даже их сотрудники: *Mult – T – Lock, Molli, Fresh, Giza, Mann, Isana, Babydream, Самбука, Кенвуд, Евант, Сіон, Місада, Шалений ровер*. Для сравнения приведем названия, которые функционировали в Черкассах в советское время: *Троянда (Роза), Берізка (Березка), Україна, Юність, Молодіжний, Промінь (Луч), Обнова* – магазины, *Пролісок (Подснежник), Колос, Чайка* – рестораны, *Ромашка, Славутич* – дома быта. Подобная ситуация во всех городах Украины. Поэтому радуют взгляд одиночные названия на улицах нашего города: *Мрія (Мечта), Мальва, Леся, Ярославна, Красуня (Красавица), Хрещатик, Черевички*.

Засилье иностранной лексики абсолютно не контролируется и вызывает осуждение у писателей, ученых и рядовых граждан.

Изменение общественно-политического строя (социалистического на олигархическо-капиталистический, мафиозно-олигархический) обусловило исключение из сферы общения формы обращения *товариш* (товарищ) (слово якобы имеет пренебрежительный оттенок: мол, *товарищами* называли тех, кто вместе пас скот – *товар*).

Если следовать такому принципу, то нужно отказаться от значительного количества украинских фамилий: *Тонкошкур, Перебийніс, Підкуймуха, Убийбатько, Забийворота, Смердюк, Тхорук, Щур* (Криса) и др. А что уже говорить о фамилии *Гімненко*, носитель которой стал прототипом героя комедии Н. Кулиша. Драматург как-то зашел в загс и прочитал список измененных фамилий. Среди прочих там фигурировала фамилия *Гімненко* (не от *гімн*), измененная на *Алмазов*.

Что же касается слова *товариш*, то его значение никоим образом не пренебрежительно. По существу, оно является синонимом к слову *казак*. В Войске Запорожском – это форма обращения друг к другу. В гетманском войске (2-я пол. XVII–XVIII ст.) – чин: *товариш войсково́й, товариш бунчуковий, товариш значковий. Товариш гетмана* – звание (должность) при украинских гетманах, введенное Петром I в 1709 г. В Русской империи XIX ст.-1917 – заместитель, помощник руководителя министерства, ведомства, должностного лица (*товариш министра юстиции, товариш прокурора*). *Товариш* министра утверждался и освобождался от должности непосредственно императором. Должность *товарища* министра существовала и в УНР. Упомянутое слово активно функционировало в украинской, еще досоветской литературе (произведения И. Франко, Б. Лепкого).

Предложенная форма обращения *пан, пані (господин, госпожа)* – не украинская, а заимствована из польского, и ее использование является попыткой узаконить на языковом уровне реанимируемое кастовое разделение (кстати, с понятием *пан*, как и с понятием *народ*, идентифицировала себя лишь польская шляхта, и никоим образом не крестьяне).

Деморализация, криминализация общества, снижение общего культурного уровня наших соотечественников, отсутствие любых моральных запретов привели к засилью вульгаризмов в языке. И это позорное, на наш взгляд, явление также имеет социальную почву. В сплошной бедности, в поисках куска хлеба насущного, где уже там беспокоиться о повышении речевой культуры.

Известный критик И. Дзюба с тревогой констатирует, что размываются «моральные границы», в результате чего превозносится, облагораживается ненормативная лексика, а это является симптомом более «широкой и более глубокой болезни человеческого духа», отмиранием «тонких структур души, сформированных многими тысячелетиями развития рода человеческого» [2, с. 16–17]. Тревогу И. Дзюбы разделяет и современный украинский писатель Р. Иванчук. В его повести «Замок» героиня Екатерина (а с ней и сам автор) выражает обеспокоенность по поводу потери современниками высоких духовных ориентиров, преобладания

культурной безвкусицы. Справедливы рассуждения героини о литературе, которая раньше прокладывала дорогу к святыням, а в годы независимости направилась к борделям; ожидаемая свобода оказалась творческим своеволием: «Новейшая литература – это сплошная неврастения, упадок, копание в сексуальных извращениях, смакование жестокостью, убийствами, пытками, казнокрадством...» [3, с. 23].

К сожалению, злоупотребление вульгаризмами стало уже атрибутивным признаком современной постмодерной литературы, и не только украинской. Так, исследовательница из Польши И. Мянковская, выступая на Крымских международных Шмелевских чтениях (2011), отметила похожие тенденции и в польской литературе. Она с сожалением констатировала, что очередная престижная премия Ника была вручена двадцатилетней писательнице за книгу, где каждое второе слово – обценная лексика. И это очень опасная тенденция, когда писатели, по существу, благословляют использование вульгаризмов рядовыми носителями языка (да и отдельные литературоведы считают, что использование нецензурных выражений в быту помогает снять психологическое напряжение, а в произведениях является проявлением эстетики уродливого).

Культивирование жестокости, насилия (печатная продукция, фильмы, компьютерные игры и т. д.) закономерно порождает использование соответствующей, так сказать, «агрессивной» лексики. Вот, например, программа телепередач (на новогодние праздники!) предлагает просмотр фильмов: «Убийца», «Убийца, который плачет», «NCIS: охота на убийцу»; «Двойное убийство», «Мой муж – мой убийца», «Сугубо английское убийство», «Убить Билла», «Киллер», «Леон-киллер», «Смерть по телефону», «Снайпер», «Антиснайпер», «Пристрелите их!» и т. д.

Общество задыхается от внутренних дрязг, вражды, идейной нетерпимости. Известная украинская поэтесса Л. Костенко с болью констатирует: «Я украинка, а люблю весь мир. Нет нации и языка, которых не люблю. И просто не понимаю конфронтаций. Уже нельзя выдержать: **все всех ненавидят**. В такой атмосфере нельзя жить» [цит. по: 4]. И эта агрессия отражается в публичных выступлениях деятелей разных рангов, СМИ, литературе. Так, громкий резонанс вызвала публикация «Дневника» В. Захарченко – лауреата Национальной премии им. Т. Г. Шевченко. Кстати, напечатан он не согласно нормам действующего правописания. Сам автор приветствует изменения в «Украинском правописании», они для него «освобождение украинского языка от насажденных коммунистической Москвой русских наслоений» [5, с. 259]. Мы не будем цитировать преисполненные злобы строки, ибо подобная риторика не способствует взаимопониманию. Агрессия В. Захарченко вызвана, очевидно, его обидой за вынужденный тюремный опыт. И все же он действительно позиционирует себя как верующего человека, поэтому должен помнить известную библейскую заповедь.

В этом контексте следует напомнить о судьбе выдающегося польского философа и общественного деятеля, борца с фашизмом и жертвы сталинских репрессий, профессора Барбары Скарги. Этой женщине-мыслителю были чужды идеи национальной замкнутости, она выступала за объединение народов на принципах равенства, свободы, достоинства. Невзирая на то, что Барбару репрессировали по решению КГБ, она никогда не сетовала на Россию, призывала не отождествлять социально-политическую систему с русским народом, увлекалась русской культурой. Ее тревожило злопамятство, попытка всюду искать врага. «Ненависть – это болото», она только разрушает и ничего не создает. Даже о своей десятилетней ссылке Барбара вспоминала со свойственным ей юмором: «Это очень интересный опыт, но слишком долгий». И только сожалела, что стала забывать греческий, латынь и даже польский, потому что начала мыслить по-русски. «Против ненависти» – так называлась одна из статей Барбары Скарги последних лет. Именно эту статью рядом с некрологом перепечатала «Gazeta Wyborcza» [6] как дань памяти Философу и Гражданину.

Как видим, язык как общественное явление ярко отражает социокультурные тенденции, имеющие место в человеческом континууме.

Список использованных источников

- 1 Наум'як, П. Дещо про російщення правопису / П. Наум'як // Зерна : Літературно-мистецький альманах українців Європи. – 1994. – Ч. 1. – С. 25–32.
- 2 Дзюба, І. Вимирання слова / І. Дзюба // Вища освіта України. – 2004. – № 4. – С. 13–18.
- 3 Іваничук, Р. Замок / Р. Іваничук // Березіль. – 2004. – № 1. – С. 8–50.
- 4 Яновська, Л. Настав час не нидіти / Л. Яновська // Урядовий кур'єр. – 2010. – 21 груд.
- 5 Захарченко, В. У магнієвому спаласі: Щоденник / В. Захарченко. – Черкаси, 2009. – 635 с.
- 6 Skarga, B. Przeciw nienawiści / B. Skarga // Gazeta Wyborcza . – 2009. – 18 września.

УДК 811.161.1-3*А.С.Пушкин:398.9

А. В. Самодурова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПОХИ

В данной статье поставлена задача проанализировать фразеологические единицы, употребленные в произведениях А. С. Пушкина, в аспекте их репрезентации в разные эпохи. В результате анализа мы выяснили, что в устойчивых оборотах из текстов автора нашла отражение та часть фразеологии русского языка, которая находится в активном фонде на протяжении двух с лишним столетий, что позволяет говорить о языке поэта как отражающем эпоху явления.

В эпоху коренных изменений в русском языке фразеология как бесценное культурное и национальное достояние народа сохраняет социально-историческую значимость и по праву может называться «зеркалом жизни нации» [2, с. 20]. Во фразеологических единицах проявляются особенности любого национального языка и таким образом выражаются дух и своеобразие нации или данного народа. Язык устойчивых оборотов не только хранит память о событиях народной истории, в нем также живут исполненные глубокой мысли афоризмы, вышедшие из-под пера художников слова.

Безусловно, сквозь призму веков А. С. Пушкин по-прежнему остается великим национальным поэтом, по мысли Г. О. Винокура, «крупнейшим мастером языка и стиля в русской литературе» [1, с. 159], чья деятельность как основоположника русского литературного языка неразрывно связана с общей величайшей ролью в развитии русской литературы и передовой общественной мысли. В языке А. С. Пушкина осуществился всесторонний синтез русской языковой культуры. Основой в этом синтезе явился общенародный русский язык во всем его многообразии: разговорные, народнопоэтические и просторечные слова, выражения, формы и синтаксические конструкции.

Действительно, из общенародного языка А. С. Пушкин отбирал речевые средства, которые широко употреблялись в народно-разговорной речи. Одним из таких средств, активно использованных в его произведениях, являются фразеологические единицы. С их помощью поэт с огромной полнотой, глубиной и художественной силой выразил национальные особенности, широту и могущество духовных сил русского народа. Исследовательский материал, собранный нами путем сплошной выборки фразеологизмов из поэтических, прозаических и эпистолярных текстов А. С. Пушкина, показал, что в них нашла отражение та часть фразеологии русского языка, которая находится в активном фонде на протяжении двух с лишним столетий.

Известно, что фразеологические единицы подразделяются на семантико-стилистические группы с точки зрения структуры, устойчивости состава, семантической слитности, происхождения, стилевой принадлежности. В произведениях А. С. Пушкина представлены фразеологические сочетания различных видов. Например, именные: *адмиралтейская коллегия,*

ангел во плоти, александрийский стих, сыны Амона, анисовая водка, армейский анекдот, архивный юноша, аспидная доска, беспорочная служба, бесстыдная женищина, библейская зала, конфетный билет, блага земные, благовидный предлог, сила бранная и др. Рассмотрим наиболее интересные с семантико-стилистической точки зрения примеры употребления фразеологизмов. Отметим, что выбор поэтом определенных фразеологических сочетаний обусловлен стремлением к повышению образности текста и определяется прежде всего авторской позицией.

Так, фразеологизм *ангел во плоти* употребляется в значении 'о прелестной, обаятельной женщине' [3, с. 22] в следующих поэтических строках: *Как ангел во плоти!* («Стихотворения», 5, 2, с. 156). Поэт использует данное сочетание для того, чтобы описать прелести неземной красоты девушки, которой сам не обладает. Примечательно, что значение фразеологизма является узуальным, так как отражено только в «Словаре языка Пушкина» и не представлено во фразеологических словарях русского языка.

Сыны Аммона – фразеологизм, означающий представителей восточной нации – египтян: *И встал тогда сынов Аммона военачальник Ахиор* («Стихотворения», 5, 3, с. 252). А. С. Пушкин называет египтян именно так для того, чтобы провести параллель с тем, что эти люди и есть потомки бога и все, кто верит в него, находятся под защитой Аммона.

Фразеологическая единица *метать баламут* – 'о шулерском способе ведения карточной игры' [4, с. 43] представлена автором в следующем контексте: *Вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут; а мы еще понтируем!* («Письма», 5, 11, с. 534). Поэт употребляет данное фразеологическое сочетание в тексте письма для того, чтобы сохранить разговорный стиль, указать на то, что за карточной игрой сидят люди, разбирающиеся в ходе игры.

Устаревший фразеологизм *поставить на барьер*, т. е. 'довести дело до дуэли' [4, с. 49], в контексте романа в стихах «Евгений Онегин» *Умел он весело поспорить, – Друзей поссорить молодых И на барьер поставить их* («Евгений Онегин», 5, 8, с. 6) используется для точной передачи лексики 19 века: по автору, именно в этом значении использовали фразеологизм в пушкинскую эпоху. Семантика фразеологического оборота в «Словаре языка Пушкина» совпадает с дефиницией, представленной во фразеологическом словаре.

Фразеологизм *до бесконечности* в значении 'в высшей степени' [3, с. 84] в контексте *Мысли же могут быть разнообразны до бесконечности* («Письма», 5, 8, с. 542) наделен экспрессивностью и помогает автору выразить разнообразие мыслей человека. По мнению А. С. Пушкина, ни одна мысль не похожа на другую и может варьироваться во всевозможных вариантах.

Фразеологическая единица *бесов кум*, употребляющаяся в бранном обращении *Выходи, бесов кум!* – *сказал мне усастый вахмистр* в повести «Капитанская дочка» («Капитанская дочка», 5, 8, с. 360), используется в разговорной речи для выражения эмоций героя. Автор приравнивает человека к родственнику беса, унижая тем самым его достоинство.

С помощью фразеологизма *блага земные*, употребленного в значении 'о материальных ценностях' [3, с. 103], автор показывает, насколько беден герой, у него нет ничего, даже небольшой материальной ценности: *Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных* («Путешествие в Арзрум», 5, 8, с. 475).

В контексте *Принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы* («История села Горюхина», 5, 8, с. 140) фразеологизм *бразды правления* в значении 'власть, управление' [3, с. 157] указывает на то, что герой принимает на себя лидерство, инициативу и ответственность власти, в больших масштабах. Бразда – это узда, вожжи, которыми управляют лошадей, и поэт утверждает с помощью этой лексемы управление народом.

Употребляя устаревшее фразеологическое сочетание *сила бранная*, имеющее значение 'войско, военная сила' [3, с. 158], в контексте *Но лишь чуть со стороны Ожидать тебе войны, Иль набега силы бранной, Иль другой беды незваной, Вмиг тогда мой петушок Приподымет гребешок, Закричит и встрепенется И в то место обернется* («Золотой петушок», 5, 3, с. 41), А. С. Пушкин сохраняет поэтичность сказки и подразумевает под синтагмой *бранная сила* поэтический смысл 'боевая сила'.

Один из общеизвестных фразеологизмов *буря рукоплесканий* получает авторское семантическое переосмысление в контексте *Вы поэт, вы поймете меня лучше их, и ваше тихое ободрение дороже мне целой бури рукоплесканий...* («Египетские ночи», 5, 8, с. 268). А. С. Пушкин употребляет это сочетание для сравнения: *буря рукоплесканий* – это восторженность, эмоциональность зрителей по отношению к актеру или герою. Поэт утверждает, что одно тихое ободрение герою дороже, чем такой шквал эмоций и благодарности.

Итак, в ходе проведенной работы было выявлено, что многие фразеологизмы, представленные в поэтическом языке А. С. Пушкина, несут в себе исключительное значение для современного понимания и истолкования их смысла и по праву могут занимать важное место в отражающем эпоху языке.

Список использованных источников

- 1 Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.
- 2 Сафи, Р. Х. Структура, семантика и функции фразеологизмов прозы А. С. Пушкина (на материале произведений «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и «Дубровский»): автореф. дис... канд. филол. наук / Р. Х. Сафи. – Воронеж, 2012. – 22 с.
- 3 Словарь языка Пушкина : в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд, доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2000.
- 4 Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей, 4-е изд., стереотип. / А. И. Молотков, Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Фёдоров. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.
- 5 Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1949.
- 6 Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13 000 фразеологических единиц, 3-е изд., испр. / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

УДК 811.161.1`373:070

И. В. Серикова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОВЕТИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена актуализации устойчивых словесных комплексов, отражающих реалии советской эпохи и активно функционирующих в русскоязычной прессе Беларуси в начале XXI века.

Фразеологическая система русского языка всегда чутко реагировала на глобальные экономические, общественные и политические изменения. Революционные события 1917 года и смена политического режима неизбежно потребовали новой фразеологии, отражающей реалии советской власти. Хронологические рамки советского периода ограничиваются 1917–1991 гг. В «Большом лингвострановедческом словаре» отмечается, что русский язык в советскую эпоху «подвергался существенному и целенаправленному воздействию политики и идеологии, что привело к появлению так называемого «нового языка» («новояза»), одной из характерных особенностей которого были советизмы» [1].

Термин «советизм» был предложен в 80-е годы И. Ф. Протченко для обозначения реалий советского времени: «...эти слова дают наименования характерных особенностей, присущих именно советской действительности. Напр.: *ленинизм, Октябрь, партиец* и т. п. Как видим, советизмы – это лексические единицы, которые представляют собой своеобразную летопись новой жизни, в них запечатлены новые общественные отношения, этапы нашей борьбы, созидательного труда и побед советских людей, а также – в ряде случаев – это слова, вошедшие

(из русского) в языки других народов Советского Союза и зарубежных стран, главным образом народов социалистических стран» [2, с. 57]. Во фразеологии под *советизмами* будем понимать «крылатые единицы (лозунги, призывы, фрагменты патриотических, пионерских, комсомольских песен, изречений В. И. Ленина, других лидеров советской эпохи и т. д.), выражавших патриотические чувства граждан бывшего СССР и отражавших суть социалистической идеологии» [3, с. 524].

После 80-х годов в лингвистической науке помимо советизмов учеными стали рассматриваться другие варианты наименования слов Советской эпохи, так как не все лексемы подходили под вышеназванные критерии или имели иные черты и особенности функционирования. Были предложены два термина – идеологемы и советские интернационализмы. Нас интересует термин «идеологема» – «знак или устойчивая совокупность знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного – правильного мышления и безупречного поведения – и предупреждающих их от недозволенного» [4, с.14].

Важное отличие идеологем от советизмов заключается в том, что они всегда эмоционально окрашены и употребляются с идеологической целью воздействия на массовое сознание народа. Идеологемы функционируют в языке на основе стилистического и идеологического критериев, которые являются для них первостепенными.

Интересно проследить функционирование фразеологических советизмов (в нашей работе будем называть их устойчивыми словесными комплексами (УСК)) в позиции заголовочного комплекса (ЗК) русскоязычной прессы Беларуси («Аргументы и факты в Беларуси» – далее АиФ, «Обозреватель» (далее – О), «Советская Беларусь» – (далее– СБ), газеты в газете СБ («Деловой вторник» – далее ДВ, «Союз»), «Республика» (далее – «Р»)) начала XXI века (2001–2005 гг).

Анализ фактического материала, извлечённого из газет методом сплошной выборки, позволил сделать следующие выводы: 1) из всего корпуса фразеологических единиц (всего зафиксировано 3000 ФЕ; фразеология рассматривается в широком смысле), собранных автором статьи, фразеологические советизмы – идеологемы и песенные УСК – малочисленны (около 50); 2) практически все советизмы зафиксированы специальными фразеологическими словарями [5; 6 и др.]; 3) не отмечены ни в одном из словарей, которые рассматривают фразеологию в широком смысле [5; 6 и др.], девиз пионеров *Будь готов! Всегда готов!* и текст плаката *Первомай шагает по стране*; 4) фразеологические советизмы служат базой для создания окказиональных заголовков; 5) в ЗК трансформированные УСК чаще всего употребляются в роли собственно заголовков к различным в жанровом отношении газетным текстам, иногда – внутренних заголовков и рубриках; 6) большинство УСК имеют тенденцию к разнообразным структурно-семантическим преобразованиям, что позволяет выявить «динамические модели смысла и установить наиболее распространённые, типичные для каждого устойчивого выражения способы преобразования значения формы» [7, с. 5]; 7) различны устойчивые словесные комплексы по количеству употреблений; 8) модификации более всего подвержены ленинские цитаты, а также лозунги, плакаты и надписи к ним.

Все фразеологические советизмы были разделены на идеологемы и песенные цитаты. Ниже представлена классификация идеологем.

1. Цитаты руководителей советского государства, среди которых преобладают ленинские цитаты:

– изречения В. И. Ленина (**Мы пойдём другим путём** < *Мы пойдём другим путём* СБ, 10.04.2002 // *Инфаркт пошёл другим путём* АиФ, № 8, 2001);

–формулировки В. И. Ленина из работ (**Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны** < *Канализация всей страны* (Россия по гамбургерскому счёту) АиФ, № 4, 2004 // ... *Плюс хоррификация всей страны* (Ужас как высшая степень цивилизации) СБ, 03.11.2003 // *Плюс телефонизация всего района* О, № 26, 2004 // ... *Плюс всеобщая киборгизация?* СБ, 02.02.2002 // *Минус электификация всей страны?* 20.01.20014 // *Минус приватизация* О, 05.09.2003; **Низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому** < *Революция начинается?*

Европейские футбольные «верхи» больше не хотят жить по-старому. Что остаётся «низам»? СБ, 6.02.2003); **Учиться, учиться и [ещё раз] учиться** < Учиться, уехать и ещё раз учиться АиФ, № 33, 2004 // «Учу, учишь, учимся...» «Р», 16.01.2003 // Учицца, учицца и учицца! ДВ, 17.09.2002);

–название статей В. И. Ленина (**Лучше меньше, да лучше** < Лучшие меньше, да лучше СБ, 26.11.2002; СБ, 13.03.2003; О, 3.10.2003; // Лучшие меньше, но лучше О, 04.10.2002 // Лучшие меньше да лучше? «Р», 03.09.2002 // Лучшие меньше, да больше СБ, 03.05.2002 // Лучшие меньше, но больше СБ, 12.03.2005 // Лучшие меньше, но не хуже СБ, 04.12.2003 // Меньше, да лучше СБ, 06.11.2004 // Всегда ли меньше – лучше? СБ, 13.03.2003).

Цитаты И. В. Сталина малочисленны: **Кадры решают всё** < Видеокадры решают всё? СБ, 30.09.2003 // Кадры, которые решают СБ, 22.11.2003; **От каждого – по способностям, каждому – по труду** < Каждому – по заслугам, от каждого – на условиях конкуренции О, 14.11.2003 // Каждому по потребностям СБ, 24.12.2004 // От каждого – по способностям (рубрика) АиФ, № 4, 2004.

2. Лозунги: **Вся власть Советам!** < Вся власть – студсоветам? СБ, 29.11.2002; **Летайте самолётами Аэрофлота** < Летайте самолётами О, 12.03.2004 // Летайте УАЗами! СБ, 20.03.2003 // Не летайте самолётами «Аэрофлоты!» АиФ, № 20, 2004; **Мир хижинам, война дворцам!** < Мир – фабрикам. Война – дворцам ДВ, 04.02.2003 // Война хижинам, мир дворцам? СБ, 05.07, 2003 // Мир – дворцам, война – хижинам СБ, 25.10.2003 // Мир – дворцам! СБ, 20.08.2003 // Мир дворцам СБ, 19.05.2004 // Мир хижинам и ...дворцам СБ, 18.05.2002 // Мир хижинам и дворцам СБ, 04.12.2003 // Война льготам, мир привилегиям АиФ, № 33, 200 // Дворцы – провинциям АиФ, № 48, 2004 // «Война хижинам и мир дворцам» – вот лозунг дня? (К нам спиной); **Пролетарии всех стран, соединяйтесь!** < Белорусско-польские туристы, объединяйтесь АиФ, № 4, 2005 // Мигранты всех стран – готовьтесь О, 31.01.2003 // Заключённые объединяйтесь АиФ, № 6, 2004; **Чистота – залог здоровья** < Чистота – залог безопасности СБ, 8.10. 2003 // Чистота – залог новых состояний СБ, 27.11.2002 // Лень – залог здоровья? АиФ, № 39, 2004).

3. Плакаты:

–название агитационных плакатов (**Родина-мать зовёт!** < Роженица-мать зовёт! СБ, 20, 05.2003 И 2, 56);

–тексты плакатов (**Первомай шагает по стране** < Интернет шагает по стране АиФ, № 5, 2005 // Баскетбол шагает по стране СБ, 10.10. 2002; **Ленин умер, но дело его живёт** < Дело Ленина живёт и побеждает СБ, 3.09.2002 // Дело Плюшкина живёт и побеждает СБ, 23.04.2003 // Тело Пирогова живёт и побеждает ДВ, 03.09.2002); **Труд, Мир. Май // Мир, труд, май** < Май, миф, труп... СБ, 03.05.2002);

–подписи под плакатами (**Болтун – находка для шпиона!** < Болтун – находка для шпиона СБ, 19.12. 200 // Болтун – находка для бюджета АиФ. 3 12, 2001 // Шпион – находка для газеты СБ, 29.08.2002; **Ты записался добровольцем?** < Ты записался добровольцем? О, 31.01.2003).

4. Надписи (**Имя твоё неизвестно. Подвиг твой бессмертен** < Подвиг народа – бессмертен СБ, 21.08.2003; **Подвиг Геракла бессмертен!** СБ, 03.08, 2004; **Никто не забыт и ничто не забыто** < Никто не забыт... СБ, 07.08.2004 // Никто не забыт СБ, 12.10, 2002).

5. Слова военных деятелей (**Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва** < Велика земля, а отступать некуда СБ, 17.12.2002 // Велика «Россия», а отступать некуда – позади «Москва» СБ, 14.05.2004 // Велика Россия. А отступать некуда... СБ, 24.03.2004).

6. Пословицы и фразы: пословица **Человек человеку – друг [товарищ и брат]** < Город городу брат и партнёр ДВ, 03.10.2002; **Бурят белорусу брат. И рад Союз**, 06.11.2001; фраза **Говорит и показывает Москва** < Говорят и показывают Калининичи О, 10.10.2003 // Говорит и показывает Тамара Лисицкая СБ, 17.04, 2004 // Говорит и показывает «Мир» О, 11.03.2005 // Говорит и показывает череп АиФ, № 46, 2003 // Говорит и показывает...компьютер АиФ, № 1-2, 2005 // Говорит и показывает О, 04.03.2005.

7. Девиз пионеров (**Будь готов! Всегда готов!** < Будь готов! Всегда готов! СБ. 05.06.2003).
8. Зарок **Честное пионерское** (*Честное ленинское* ДВ, 23.03.2003; *Честное таджикское* ДВ, 06.07.2004).

Список использованных источников

- 1 Советизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/>. – Дата доступа : 15. 11. 2017.
- 2 Протченко, И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. / И. Ф. Протченко. – М. : Наука, 1985.
- 3 Шулежкова, С. Г. Из наблюдений над фондом крылатых единиц русского языка конца XX – начала XXI в. / С. Г. Шулежкова // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Международная научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н. А. М. Мелерович (Кострома, 20–22 мая 2008г.). – М. : ООО «Издательство «Элпис», 2008. – С. 524528.
- 4 Гусейнов, Г. Ч. Материалы к Русскому словарю общественно-политического языка конца XX века / Г. Ч. Гусейнов. – М. : Три квадрата, 2003.–1024 с.
- 5 Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова – М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.
- 6 Крылатые слова: Энциклопедия / Авт.-сост. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 831 с.
- 7 Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц. – 2-е изд., стереотип. // А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
- 8 Маслов, А. Понятие «ци» в боевых искусствах / А. Маслов // Танцующий феникс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://centrshaolin.ru/china-philos-chi.html>. – Дата доступа : 10.01.2017.

УДК 811.161.1'276.6'373.2:004.77

М. Г. Соколова

ДЕНДРОНИМЫ В СЕТЕРАТУРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ВКУСА ЭПОХИ

Данная статья посвящена изучению использования дендронимов в сетературе в аспекте отражения языкового вкуса наших современников. В результате проведенного исследования охарактеризованы доминантные денотативные признаки, воплощающие поэтический образ березы в сетературе, выявлены разновидности метафорического употребления лексемы береза и её коннотативные значения в аспекте языкового вкуса эпохи. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в сетературе последних лет береза продолжает являться неотъемлемой частью национальной поэтической картины мира.

В настоящее время наблюдается интерес современной прикладной лингвистики к проблеме изучения влияния на систему языка культурно-речевой ситуации. В научных исследованиях активно разрабатываются аспекты языкового вкуса эпохи [1], языковой моды [2; 3], лингвозкологии речи [4]. В центре внимания лингвистов оказываются разные языковые явления: внешние и внутренние заимствования, сдвиги в семантике слова, модные слова, новая фразеология, активные процессы в орфографии, фонетике, словообразовании и морфологии, речевая деструкция в педагогическом дискурсе и др.

Проблема изучения дендронимов как самостоятельных единиц и в составе фитонимов в аспекте их социальной роли в различных сферах человеческой деятельности становилась

предметом изучения в работах Т. Ю. Капишевой, А. Р. Хисматовой, К. А. Власовой и др. Так, в исследовании Т. Ю. Капишевой содержится анализ работ, посвященных использованию дендронимов в составе фитонимов в башкирской речи в качестве регионализмов («*Миляш*»/«*Рябина*» (название акционерного общества), сленгизмов («*Отвали, моя черешня*» (уйди от меня); «*Пинать бамбук*» (бездельничать); «*Рухнуть с дуба*» (сойти с ума); урбанонимов («*Калинка*» – Дом культуры имени М. И. Калинина) [5]. Т. Ю. Капишева отмечает роль дендронимов как части фитонимов в циклах анекдотов, в словесной игре, в палиндромах. Исследователь обращает внимание на демократизацию политической речи, в связи с чем в последней активно применяются дендронимы для создания ярких метафор.

В работе А. Р. Хисматовой содержится структурно-семантический анализ фитонимов, миконимов (названий грибов), энтонимов (названий насекомых), зоонимов, предметов, топонимов, антропонимов, содержащих компоненты-дендронимы [6]. Проведенное исследование подчеркивает значимость дендронимов в социальной жизни человека.

В статье К. А. Власовой рассматривается роль растительных образов в наименованиях кондитерских изделий (прагматонимов). Автор отмечает, что в качестве прагматонимов чаще всего выступают названия растений, входящие в состав растительного культурного кода, т. е. имеющие символический статус [7]. Как правило, это широко распространенные и известные каждому в России растения (василек, мак, ромашка, подсолнух, одуванчик).

Однако, несмотря на существование большого числа исследований, посвященных социальным функциям дендронимов, их использование в сетературе в аспекте отражения языкового вкуса наших современников еще не было предметом специального изучения. Между тем сетература как совокупность текстов, рождающихся и реализующихся в Сети, как сообщество авторов, работающих в сетевом пространстве, как культурный феномен нашей эпохи [8] дает большие возможности для исследования языковой картины мира, отраженной в обычном сознании носителей языка.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать доминантные денотативные признаки, воплощающие поэтический образ березы в сетературе, выявить разновидности метафорического употребления лексемы *береза* и описать её коннотативные значения в аспекте языкового вкуса эпохи.

В качестве материала для исследования послужили фрагменты поэтических произведений с лексемой *береза*, отобранные на сайте свободной публикации Стихи.ру [9]. Объем исследуемого материала – более 200 поэтических произведений, размещенных в 2015–2017 годы, с общим количеством словоупотреблений лексемы *береза* 476 единиц. В данной работе из-за ограничений в объеме статьи мы приведем лишь некоторые текстовые иллюстрации (все примеры в рамках статьи цитируются по сайту Стихи.ру с сохранением авторской орфографии и пунктуации).

В настоящее время наблюдается рост национального самосознания россиян, что отмечается во многих гуманитарных исследованиях, напр., [3]. Это находит отражение и в возрастании частотности употребления в русском дискурсе и, в частности, в сетературе, дендронима, являющегося национальным символом России (*береза* и его деривата *березка*).

Как показало проведенное исследование, метафорическое употребление лексемы *береза* чаще всего связано с изображением березы в женском образе. При этом наблюдаются следующие метафорические ассоциации:

– «береза – девушка»: *Снова заневестились березки, / Распустили косоньки до пят. / Подбоченясь, вдоль лесной дорожки / Девицы на выданье стоят* (Л. Ачелова. Березки);

– «береза – возлюбленная»: *Красиво всё: и ствол белёсый, / И листья в солнце серебрятся. / Зелёные серёжки в пышных косах, / И дивный стан, – влюбляться и влюбляться...* (С. Сурский. Молодая береза);

– «береза – подруга, сестра, собеседница»: *Может, мы сёстры, а может, подруги. / Есть в этом дереве чудо родства. / К ситцевой выткани тянутся руки, / Тянутся души и наши сердца* (М. Козыренко. Березка моя, Берегиня);

– «береза – бабушка»: *Бабушка берёза дом мой сторожит, / С прошлого столетия век её летит. / Сколько зим и весен над нею пролетало, / Прежняя хозяйка молодой сказала* (О. М. Никитина. Бабушке-березке).

Основой для метафорического изображения березы в женском образе послужили такие денотативные признаки березы, как тонкий белый ствол, гибкие ветви, семена в виде сережек, характерная форма листа, нежная зелень весеннего листа и др. При персонификации березы используются следующие метафорические модели, часто имеющие устойчивый характер:

– «береза – внешность и атрибуты женщины»: *И шелестит листвою коса / У юной девоньки-берёзки* (Н. Эгемназаров. Пейзаж ожидания); *Глаза берёзки – чистый изумруд, / Как трепетной девчоночки слезинка* (И. Исмейкина. Березка-девчонка!); *Им о чем-то шепчет ветер, / Играя серьгами в кудрях, / Качая легкие причёски / На белых худеньких плечах* (П. Калмыкова. Берёзки);

– «береза – субъект речевой деятельности» (*Глаз радует их девственный наряд, / Шепчутся милые зелёною листвою!* (Н. Лубова. Берёзки русские);

– «береза – черты характера и поведение женщины» (*Берёзы плачут, берёзы плачут, / Берёзы плачут и слезы льют* (Ж. Лебедин. Березы плачут!); *И стоит береза в полной нагоде, / И роняет слезы о своей судьбе. / А ведь был он нежным, стан ее ласкал, / Легким дуновением ветви расправлял* (Н. Шмаева. Плакала береза золотой листвою) и др.

В персонифицированном образе березы, представленном в сетературе, реализуются устойчивые фольклорные коннотации «слезы / плач», «любовное влечение», «разлука», «горькая судьба» [6]. К самым распространенным в сетературе традиционным поэтическим коннотациям лексемы *береза* относятся «береза – символ России», «береза – символ чистоты, нежности, светлой грусти». Приведем иллюстративные фрагменты: *Берёзовая нежность / Пронзительна до слёз. / Мгновения как вечность / Среди родных берёз* (Н. Евстигнеева. Берёзовая нежность); *Русь рождена с берёзкой этой. / Кудрявая – стоишь. Любуюсь. / Ты, Муза русских всех поэтов – / Ты, русская берёза* (А. Дар. Берёзы, русские берёзы); *Ах, белоствольные красавицы Руси, / За эти годы для меня сродни вы стали! / Нет деревца родней вас и милей, / Недаром вас поэты воспевали!* (Н. Лубова. Берёзки русские); *Нежность дерева с моей / Светлой нежностью едины. / Для меня необходимо / Единенье это с ней* (Л. Охотницкая. У берёзы постоять...); *Светлая берёза всю Россию / Укрывает словно плащаницей* (Т. Эйхман. Береза).

Помимо метафор, ставших поэтическими формулами, т. е. устойчивыми выражениями, образная основа которых связана с системой традиционных поэтических образов (ветви – косы, семена – сережки, ствол – сарафан и др.), языковой репрезентаций персонифицированной березы являются устойчивые эпитеты (*белая, белоствольная, кудрявая* и др.), риторические обращения, сравнения. Эпитет *белая* не только выполняет художественно-образительную функцию воплощения внешних признаков березы, но и передает оценочное значение березки как прекрасного образа и символические значения чистоты, одухотворенности.

Таким образом, в сетературе последних лет береза продолжает являться неотъемлемой частью национальной поэтической картины мира. В поэтическом народном сознании, отраженном в сетературе, сохраняются традиционные национально-культурные коннотации березы как русского дерева, как символа России. На образное поэтическое воплощение березы в сетературе оказывает фольклорная традиция, проводившая ассоциативную параллель между девушкой и распутившейся весной молодой березкой. Поэтический образ березы представлен комплексом устойчивых языковых средств, сохранивших связь с системой традиционных для русской лирики образов и мотивов. Высокая частотность употребления лексемы *берёза* в русской лирической сетературе 2015–2017 гг. отражает языковой вкус современной эпохи, свидетельствует о росте национального самосознания россиян, поскольку эта лексема выступает преимущественно национальным символом России.

Список использованных источников

1 Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – 3 изд., испр. и доп. / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.

2 Вепрева, И. Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды / И. Т. Вепрева, А. Мустайоки // Русский язык за рубежом. – 2006. – № 2. – С. 45–62.

3 Врублевская, О. В. К трактовке понятия языковая мода в современной лингвистике / О. В. Врублевская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61) – Т. 1. – С. 84–88.

4 Иванян, Е. Проблемы лингвоэкологии русской речи / Е. Иванян // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. – Z. 12: Studia tekstologiczne. Lingwistyka kognitywna. Lingwokulturologia. Tom jubileuszowy dedykowany Profesorowi Jarosławowi Wierzińskiemu / red. Krystyna Ratajczyk. – Łódź, 2016. – S. 63–68.

5 Капишева, Т. Ю. Опыт сопоставления структурно-семантических и когнитивных категорий в русской и немецкой фитонимной фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Капишева. – Уфа, 2009. – 22 с.

6 Хисматова, А. Р. Дендронимы в башкирском и немецком языках : дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Хисматова. – Уфа, 2005. – 145 с.

7 Власова, К. А. Растительный код культуры в наименованиях кондитерских изделий / К. А. Власова // Филология и культура. – 2015. – № 3 (41). – С. 27–30.

8 Сетература [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://alternative_culture.academic.ru/109/ – Дата доступа : 12.10.2017.

9 Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stihi.ru>. – Дата доступа : 12.10.2017.

10 Пазынин, В. В. Образы деревьев в русской народной лирике (к проблеме ассоциативного наполнения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Пазынин. – М., 2005. – 25 с.

УДК 811.161.1'42:130.122

С. Н. Стародубец

КОННОТАЦИЯ «ДУХОВНОСТЬ» СОСТАВНОГО НАИМЕНОВАНИЯ «НОВЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ДИСКУРСЕ И. А. ИЛЬИНА

В статье рассматривается функционирование составного наименования «новый русский человек» в дискурсе русского религиозного философа И. А. Ильина. Установлено, что лексическое значение номинации «новый русский человек» в контексте произведений философа есть сложная контаминация этнокультурной и духовной коннотации и идеологической оценочности. Наиболее подробно описывается механизм экспликации и импликации коннотации «духовности» названным составным наименованием в дискурсе И. А. Ильина.

Семиотический анализ языковых единиц, выполненный нами в работе «Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И. А. Ильина», позволил нам разграничить: с одной стороны, узуальные единицы, имеющие семантическую отмеченность – компонент «духовность», т. е. «особого рода оценочность, чувствительность к полюсам «Божественного / противобожественного», «доброе» и «злого», закрепленную в ядерной (дух, духовность, молитва) или периферийной части лексического значения (духовная любовь, духовная вера, духовная свобода); с другой стороны, контекстуальные единицы, маркированные компонентом «духовность» в дискурсе личности, закрепленным в коннотативной части лексического значения (государство, культура, народ, право, правосознание) [8].

В группе контекстуальных единиц, по нашему мнению, необходимо различать: языковые единицы, эксплицитно репрезентирующие компонент «духовность», имеющие в семантической структуре знака семантическое содержание, называемое микроконтекстуальной коннотацией «духовности», и языковые единицы, имплицитно репрезентирующие компонент «духовность», имеющие в семантической структуре знака семантическое содержание, называемое макроконтекстуальной коннотацией «духовности» (сравн.: «коннотация контекста» в понимании В. И. Говердовского [1, с. 9]).

Основой разграничения духовной оценочности и духовной коннотации, на наш взгляд, должна быть приемлемая большинством лингвистов концепция имяславия, наиболее ярко выраженная в работах о. Павла Флоренского и А. Ф. Лосева: «Слово есть самая реальность, словом высказываемая, – не то чтобы дублет ее, рядом с ней поставленная копия, а именно она, самая реальность в своей подлинности, в своем нумерическом самоидентификации. <...> в высочайшей степени слово подлежит основной формуле символа: оно больше себя самого». («Имя неотделимо от Него Самого, и потому в Имени и Именем мы соприкасаемся с Самим Господом и усвояем себе от Него Самого даруемое Им спасение» [9, с. 285, 328].) Духовная оценочность есть результат бытийного тождества двух реальностей (Духа и духа) в знаке. Кроме того, духовная оценочность есть сублимация метафизического объекта вследствие духовного опыта индивида или социума. Духовное в ядре представляет собой, как мы полагаем, сигнификативно-денотативный аналог сверхъестественного в естественном, «дуновением», целеустремленным к Абсолюту («Имя есть именуемое»). Идея духа → Духа становится внутренним содержанием знака.

Соответственно, духовная оценочность и духовная коннотация есть сущность бытия знака и в то же время его энергия: приоритеты сущности и энергии определены местом материализации (ядро и периферия), т. е. в оценочности доминирует сущностная составляющая, в коннотации – энергия.

В аспекте осмысления макроконтекстуального оценочного со-значения, коннотации «духовности» в дискурсе И. А. Ильина рассмотрим составное наименование, образованное посредством вторичной номинации, *новый русский человек*, «смысловое поле» (термин А. А. Залевской [3]) которого репрезентировано философом в работе «Наши задачи» (раздел «О главном», 16 июня 1949 г.): «России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из нового духа, ради новых великих целей*... В этом главное. <...> Будет новая Россия. <...> И вот к ней мы должны готовиться; и ее мы должны готовить, – ковать в себе самих, во всех нас *новый русский дух*, по-прежнему *русский*, но не *прежний русский* (т. е. больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом главное.

<...> Для этого необходимо, во-первых, справиться с соблазнами. Их целый ряд. И первый из них – соблазн *большевицкой «свободы»*, «свободы» от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины. Это соблазн не русского происхождения. <...> Второй соблазн есть соблазн *тоталитарного государства и <...> коммунистической каторги*.

<...> Второе задание наше – *очистить душу от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого*.

<...> И вот наше третье, *положительное* задание – обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически *древних*, но по содержанию и по творческому заряду *обновленных* основах. Мы должны научиться верить по-новому, *созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески*... <...> Мы должны научиться *не разделять веру и знание*... <...> Мы должны научиться *новой нравственности*, религиозно-крепкой, христиански совестной...

<...> Мы должны воспитать в себе *новое правосознание*, – религиозно и духовно укорененное, доляльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое *чувство собственности* – заряженное волею к качеству, облагоустроенное христианским чувством; <...> *новый хозяйственный акт*...

<...> России нужен *новый русский человек*, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом» (Курсив автора – примечание наше: С.С.) [2, с. 182–186].

Атрибутивное составное наименование *новый русский человек* мы рассматриваем как номинативную единицу (как и ряд других в дискурсе И. А. Ильина), образованную посредством сложной, двухступенчатой вторичной номинации, считая, что «возникшее словосочетание является своего рода «промежуточным звеном» между старым, свободным значением и новым, связанным. Каждый компонент такого словосочетания наполняется оттенком значения

другого; семантически проникая в значение друг друга, они тем самым меняют значимость, присущую им в свободном употреблении» [6, с. 32–35].

Такое идеологически-оценочное составное наименование в дискурсе становится средоточием всех потенциальных функций, которые реализуются в микро- и макроконтексте. Актуализация семантических компонентов смыслового поля идеологизированного сочетания детерминирована метафизической символической программой дискурса И. А. Ильина, энергожизнью текста, определяемой синергией внешней и внутренней формы текста, – символической программой, в которой мифема «Дух / дух» является энергетическим «сердцем», механизмом, обеспечивающим ее «работу» [7].

Макроконтекстуальный план содержания составного понятия *новый русский человек* складывается посредством смысловых полей вторично номинированных соединений: *новое правосознание, новая нравственность, новое чувство собственности*.

Ключевым родовым объединяющим понятием, в смысловом поле которого суммарно имплицировано лексическое значение всех названных сочетаний, является составное наименование *новый русский дух*. Последнее непосредственно эксплицирует уже макроконтекстуальную (глубинную) соотнесенность плана содержания всех компонентов с мифемой «Дух / дух».

Кроме того, макроконтекстуальный план содержания составного понятия *новый русский человек* обусловлен также декодированием скрытых ключевых семантических маркеров дискурса, «функторов-смыслопульсаров национально окрашенных идей, обеспечивающих иррадиацию «множества смыслообразов в разные планы» [5, с. 26], проекцию смыслового поля одних текстовых элементов в другие. Такими «функторами-смыслопульсарами» являются составные наименования, формирующие концептуальный вектор религиозно-философского дискурса И. А. Ильина, «*созерцающее сердце*» («*поющее сердце*») и «*верующее знание*» («*знающая вера*»), представленные в анализируемом фрагменте опосредованно: «*созерцать сердце*»; «*Мы должны научиться не разделять веру и знание*».

Таким образом, описанное преобразование значения слова в составе атрибутивного словосочетания является следствием «семантического заражения» (термин Е. С. Копорской [4, с. 160]), т. е. слово, употребляясь в синтагматически обусловленном индивидуальном контексте, приобретает особое контекстуальное значение, экспликация которого возможна только в составном наименовании.

Составное наименование (двух- либо трехкомпонентное) в процессе употребления реализует свое смысловое поле и, будучи результатом «комбинаторного приращения смысла», функционирует в дискурсе.

Номинация *новый русский человек* является, с одной стороны, идеологически-оценочной, так как эксплицирует в дискурсе смысловое поле, детерминированное религиозно-философской картиной мира автора, с другой стороны, имплицированной коннотацию «духовности» за счет глубинной (макроконтекстуальной) соотнесенности с мифемой «Дух / дух» и, наконец, что очевидно, посредством атрибута *русский* реализующей этнокультурную коннотацию.

Список использованных источников

- 1 Говердовский, В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01. / В. И. Говердовский. – М., 1977. – 20 с.
- 2 Ильин, И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. / И. А. Ильин; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Айрис-пресс, 2008.
- 3 Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1990. – 205 с.
- 4 Копорская, Е. С. Семантические преобразования слова, контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые / Е. С. Копорская // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. VI. – М., 1982. – С. 154–166.
- 5 Мышкина, Н. Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход : автореф. ... дис. доктора филол. наук : 10.02.19 / Н. Л. Мышкина. – Уфа, 1999. – 43 с.

6 Снитко, Е. С. Семантическая основа устойчивости составных наименований в современном русском и украинском языках / Е. С. Снитко // Русское языкознание. – Вып. 9. – Киев, 1984. – С. 31–37.

7 Стародубец, С. Н. Изоморфизм структуры символа и текста в дискурсе И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 81–88.

8 Стародубец, С. Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И. А. Ильина : автореф. ... дис. доктора филол. наук : 10.02.01. – русский язык / С. Н. Стародубец. – М., 2009. – 39 с.

9 Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский // П. А. Флоренский. Христианство и культура. – М.; Харьков : АСТ : ФОЛИО, 2001. – С. 15–343.

УДК 811.161.2.'373

Л. А. Стребуль

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ОДНОГО ВИДА НАИМЕНОВАНИЙ

В статье анализируются современные официальные наименования высших учебных заведений, тенденции и варианты их переименований; определяются основные тенденции современного процесса номинотворчества в сфере наименований вузов.

Постоянно изменяющееся и развивающееся состояние языка (о чем Л. В. Щерба писал: «... язык находится в состоянии более или менее устойчивого и сплошь и рядом вовсе неустойчивого равновесия» [5, с. 50]) характерно и для процесса номинотворчества, особенно активно происходящего на территории бывшего СССР с конца XX – начала XXI вв. в силу социально-экономических преобразований в обществе. Эти изменения существенно повлияли на значительную часть ономастического пространства, в частности, на наименования организаций, объединений, учреждений и высших учебных заведений. Эта сфера наименований достаточно узкая, но интенсивно развивающаяся и совершенствующаяся.

В данной статье исследуются структурно-семантические особенности современных названий вузов, представляющих собой специфический тип речевой деятельности, где первоочередным является его соответствие коммуникативному предназначению – кратко и доступно донести до коммуниканта необходимую информацию.

На наш взгляд, любое изучение основных тенденций процесса номинации представляется актуальным.

Исследование номинации находится в центре внимания многих современных ученых-лингвистов, в частности, В. Г. Гака (1972), Е. С. Кубряковой (1986), Г. В. Колшанского (1975), А. А. Уфимцевой (1997), В. А. Горпинича (2004) и других.

Например, В. Г. Гак определяет номинацию «как процесс и результат наименования, при котором речевые элементы соотносятся с объектами, которые они обозначают» [2]. По мнению Е. Кубряковой, «номинация демонстрирует заинтересованность коммуниканта признаками задействованного в его деятельности объекта» [3, с. 9]. «Акт номинации как акт семіоза связывает тело знака с той группой концептов, которую сформировал интерпретант» [Там же].

Как отмечает А. Уфимцева [4, с. 8], «номинация есть процесс обращения фактов действительности в знаки, значения и категории, отражающие общественные аспекты носителей языка».

Продолжая наши исследования в сфере номинации вузов, в данной статье проанализируем наименования вузов России, Украины, Беларуси и других стран. Как правило, информация, представленная в наименованиях вузов, складывается из значений компонентов, образующих целостную содержательную структуру названия. Эти составляющие представляем так:

1) слово, указывающее на объект и статус вуза (*академия, университет, институт, факультет, филиал вуза, центр, высшая школа* и др.);

2) слово или сочетание слов, указывающие на местонахождение вуза (*Днепропетровский, Апатюркский, Кабардино-Балкарский, Евразийский*);

3) слово или словосочетание, указывающие на специализацию вуза (*институт восточнославянской филологии, институт сервиса и туризма*).

Отдельные наименования не имеют компонента по специализации, а именуется так: *Южный федеральный университет*.

Для наглядности приведем примеры современных номинатов, отражающих продуктивную 3-х компонентную конструкцию ААС, где А – определение, выраженное согласованным именем прилагательным, С – стержневое слово, имя существительное в Им. п. ед. ч.: *Российский новый университет*.

Наиболее продуктивными являются 3-х, 4-х-компонентные синтаксические структуры: ААС, АААС, ААСС, в которых: А – согласованное определение, выраженное именем прилагательным в Им. п. ед. ч., С – стержневое слово, выраженное именем существительным в Им. п. ед. ч., С – несогласованное определение, выраженное именем существительным в Р. п. ед. ч. Например: *Мексиканский национальный автономный университет, Московская пресвитерианская духовная академия; Харьковский университет радиоэлектроники, Национальная академия управления*.

К продуктивным синтаксическим конструкциям наименований вузов мы относим также и 4-х-5-ти-компонентные с указанием имени: ААСС – *Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Варненский свободный университет им. Черногорца Храбра, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина*.

К непродуктивным синтаксическим конструкциям можно отнести наименования с нетрадиционной синтаксической структурой: 1) с профильным компонентом в препозиции – к объекту вместо локализирующего компонента – *Технологический университет Подолья*, 2) *Государственный университет «Львовская политехника»*, где компонент «Львовская политехника» объединяет два признака: локализирующий и профильный.

Сравнивая наименования вузов СНГ и некоторых стран зарубежья, можно отметить краткость и упрощенность структур, например: *Университет Фрибур* (Швейцария), *Карлов университет в Праге* (Чехия), *Университет КА Фосфари* (Италия), *Сельчукский университет* (Турция).

Очевидно, выбираются варианты комбинаций, оптимально осуществляющие коммуникативную цель и представляющие собой образцы адаптации в коммуникации.

Наглядно представляем те изменения номинации, что произошли за последние 25 лет, приводя примеры названий до 90-х годов XX столетия и современных.

В качестве иллюстрации рассмотрим переименования вузов г. Днепропетровска: *Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени воссоединения Украины с Россией* (до 1990 года); *Днепропетровский государственный университет* (с 1993 по 1998 год); *Днепропетровский национальный университет* (статус национальный присвоен вузу в связи с 80-летием); *Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара* (имя выдающегося украинского писателя и общественного деятеля, Героя Украины, 2008 г.).

Эта тенденция к первоначальному упрощению структуры наименования и компрессии содержащейся в нем информации была характерной для большинства названий вузов бывшего СССР.

Как мы видим, в переименованиях 1-ой волны (условно 1993–1996 годы) крайне редкими стали компоненты-детерминанты, указывающие на присвоение вузам орденов и медалей бывшего СССР, так как была утрачена их социальная значимость при переименованиях. То же можно сказать и об именах государственных деятелей: они унифицировались. 2-ая волна (1996–2000 годы) принесла замену компонентов «государственный» на «национальный».

3-я волна (с 2000-года) принесла изменение статуса большинства вузов: академия→университет, институт→академия, высшее училище→институт. В последнее десятилетие появилась тенденция к новым специальностям, вызванным выполнением инновационных программ международного рынка образовательных услуг (*криогенная техника, имиджеология, религиоведение, ресурсосбережения* и др.).

Так, появились *Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Академия иудаики (Ешива) Торат Хаим* и др.

Данное исследование дает возможность проследить механизм образования и содержательную базу, отражающую восприятие наименований в коммуникации и их прагматико-ценностное отношение к реалиям.

Видоизмененные и функционирующие сегодня наименования вузов позволяют говорить о достаточно глубоком проникновении социального в ткань языка, о содержательной роли информации – предельно точно и кратко характеризовать объекты образовательной системы.

Список использованных источников

1 Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М. : Издательство АСТ; ООО Русские словари, 2002. – 960 с.

2 Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1972. – С. 353–355.

3 Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М., 1986. – 159 с.

4 Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация (Виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 5–85.

5 Щерба, Л. В. Очередные проблемы языкознания / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 50.

УДК 811.161.1'06'373.43

А. Л. Стрижак

ИДЕОЛОГЕМА СТАЛИН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматриваются особенности функционирования антропонима Сталин и его производных (сталинец, сталинист, сталиница, сталины) в публицистических и художественных текстах периода 1930-х – 2010-х годов.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий термин «идеологема» активно используется при изучении языка советского периода и связанных с этим временем идеологических коннотаций [4; 2; 7; 8; 1 и др.]. В настоящей работе под идеологемой мы вслед за Е. Г. Малышевой будем понимать особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого актуализируются концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе и политических институтах [6].

Объектом рассмотрения статьи станут особенности функционирования антропонима *Сталин* и его производных (*сталинец, сталинист, сталиница, сталины*) в публицистических и художественных текстах периода 1930-х – 2010-х годов.

Обращение к материалам Национального корпуса русского языка показывает широкую сочетаемость идеологемы *Сталин* с различными словами-характеристиками (*великий, гениальный, мудрый, друг, учитель, отец* и др.), выбор которых для нашей работы обусловлен

частотой употребления названных слов в дискурсе советской эпохи. Так, сочетание антропонима *Сталин* и определения *великий* встречается в НКРЯ 249 раз, при этом большая часть контекстов содержит положительную оценку референта. Вместе с тем еще на заре становления культа личности И. Сталина можно встретить резко негативные оценки его деятельности: *Партийный аппарат и кучка окружающих Сталина карьеристов и льстецов упорно, на всех перекрестках трубят о том, что Сталин – великий теоретик и вождь* (М. Н. Рютин. Сталин и кризис пролетарской диктатуры (1932)); сравн.: ... тогда все же была хоть небольшая группа интеллигентов и революционеров, которые не пресмыкались перед властью, а теперь даже писатели, и те унижаются вплоть до превозношения Сталина «гениальным» (Л. Ю. Бердяева. Дневники (1935)).

Следует отметить, что характерной чертой функционирования идеологемы *Сталин* является своеобразное «нанизывание» хвалебных эпитетов в пределах одной фразы: *Сталин – великий, гениальный человек* (Встречи с товарищем Сталиным (1939)); *С именем Сталина, великого друга народа, вступаем мы в новую избирательную кампанию* («Литературная газета», 1950.01.11); *Товарищ Сталин, великий мыслитель нашей эпохи* («Наука и жизнь», 1953).

Характерно, что даже после известного выступления Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в публикациях советского периода редко встречаются отрицательные оценки деятельности И. Сталина: *Он, солдатик великого Сталина, поступал по велению его* (Василий Гроссман. Все течет (1955–1963)). Нами отмечено 22 контекста, где использовано словосочетание *мудрый Сталин*, и только один из них содержит негативное отношение автора к объекту публикации: *Зная обстановку, надеялись, что «вождю народов» известно нечто такое, что позволило ему отметить все предостережения. Теперь стало очевидным: «мудрый Сталин» просчитался. Война обрушилась на страну* (Валентин Бережков. Рядом со Сталиным (1971–1998)).

В современных условиях нередко встречаются неожиданные контексты употребления исследуемой идеологемы, что может быть обусловлено постоянным поиском журналистами новых выразительных средств: *Самое смешное, что вовсе не был он, Сталин, Великим Инквизитором* («Октябрь», 2003); *Леонид Михайлович Баткин называет Сталина Великим Кадровиком эпохи и Великим Вором в Законе* («Знание – сила», 2005).

Показательно, что в процессе анализа материала нами не было выявлено ни одного компонента, антонимичного адъективам *великий, гениальный, мудрый* (т. е. *жалкий, заурядный, глупый*), который бы сочетался с идеологемой *Сталин*. Это может свидетельствовать о наличии в значении идеологемы определенного семантического ядра, которое содержит различную оценочную модальность, но исключает возможность сочетаемости идеологемы с некоторыми лексическими единицами.

Общее число иллюстраций, где встречаются оценочные субстантивы *друг, полководец, вождь, отец, дедушка* – 64 контекста, из которых только четыре содержат пейоративную оценку: *Запахло дедушкой Сталиным, и всё разом исчезло* (Ю. М. Нагибин. Дневник (1969)); *Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи что Сталин – друг каждого, отец народа, гений и прочее* (Никита Хрущев. Воспоминания (1971)); *Сталин – лучший друг народа, Сталин – отец народа!* (там же); *С тех пор и повелось считать товарища Сталина другом кого ни возьми* (Владислав Быков, Книга века (2000)).

Оригинальная трактовка идеологемы *Сталин* содержится в следующей иллюстрации: *Культ Сталина, как и всякий культ, породил тенденцию превращения партии в особую церковную организацию, где «пастыри» – руководители с непогрешимым «папой»-Сталиным во главе – отделены от паствы – рядовых членов партии* («Знамя», 1989).

Производный от идеологемы *Сталин* субстантив *сталинец* ‘последователь учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина’ встречается в 31 контексте, реализуя преимущественно положительную либо нейтральную оценку: *К тому же он верный и стопроцентный сталинец* (Б. Г. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина (1980)); *В президиум ВЦСПС был введен другой верный сталинец – Л. Каганович* («Знамя», 1989); *Слышал я и еще одно мнение. Спирин был убежденный сталинец* (Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)).

Новые оттенки значения реализует лексема *сталинец* в следующих иллюстрациях: *И хотя времена были уже хрущевские, но не забудем, как Хрущев сказал в гневе: во всем я – ленинец, а в отношении к искусству – сталинец* («Знамя», 2002), где *сталинец* – ‘тот, кто последовательно, неуклонно придерживается какого-н. мировоззрения’; сравн.: *Жил рядом со мной в Пскове маляр, бывший партизан, пожилой человек, еще и сегодня сталинец чистой воды* (Надежда Мандельштам. Воспоминания (1960–1970)).

Отрицательную оценку слово *сталинец* реализует только в двух контекстах: *После смерти Сталина далеко не сразу потерял свое положение в ЦК КПСС махровый сталинец Александров* (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998)); сравн.: *Давно пора забыть марксистский жаргон и словечки типа «чекист», «сталинец», «ветеран партии» и т. д.* («Вестник США», 2003.08.06).

Характерной особенностью употребления лексемы *сталинист* ‘сторонник личности и деятельности И. Сталина’ является её функционирование как яркой негативнооценочной единицы во всех собранных иллюстрациях (30 примеров, представленных в НКРЯ): употребление в речи лексики, составлявшей фундамент советского идеологического кода и отражавшей факт общественной договоренности о смысле слов, обнаруживает также прогнозирование говорящим типовой коммуникативной реакции отторжения со стороны адресата [9]. Иными словами, использование агента *сталинист* представляет собой своего рода условный знак, показывающий отношение пишущего к референту: *Еще причина в том, что Твардовский – чистый сталинист, которого сломал Хрущев* (Варлам Шаламов. Дневники (1954–1979)); сравн.: *Константинов, сталинист, который не признает ничего теперешнего, полон энергии, очень крепко стоит на ногах* (В. В. Биbihин. Алексей Федорович Лосев (1975–1977)).

Достаточно регулярно рассматриваемая лексема распространяется оценочными прилагательными: *Он старый член партии, сталинист такой дубинноголовый, держался* (там же); сравн.: *Арафат же законченный сталинист, преступник, маньяк, абсолютная копия таких политиков, как Мао, Сталин и Кастро* («Известия», 2001.09.05); или: *Человек крайне невежественный, явный сталинист, Трапезников был тогда одиозной фигурой среди ученых и творческой интеллигенции* (Р. Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове (2002)). Случай контекстуальной энантиосемии реализуется в следующем контексте: *Здесь ему и мог сгодиться гуманист-сталинист Роллан, зарубежный соратник Горького на ниве оправдания и прославления террора* («Звезда», 2001), где *гуманист* ‘приверженец гуманизма; тот, кто признаёт ценность человека как личности, его право на свободу и счастье’.

Анализ материалов НКРЯ показал невысокую степень употребительности субстантива *сталинщина* ‘тоталитарный, репрессивный режим, установленный в СССР И. В. Сталиным и его окружением в конце 1920-х – начале 1950-х годов’ (14 контекстов) по сравнению с синонимичной ей лексемой *сталинизм* ‘политическая система в СССР в конце 1920-х – начале 1950-х годов и лежавшая в её основе идеология’ (89 контекстов). Подобное расхождение может быть обусловлено экспрессивным характером номинации *сталинщина*, образованной по аналогии с устоявшимися словами-характеристиками *есенинщина*, *булгаковщина* и др.: *Нет, сталинщина – это не что-то преходящее, связанное с жизнью и деятельностью отдельного человека, это самая суть социалистической идеологии* (Виктор Старков. Дневник (1963–1964)); сравн.: *Во-первых, такая беда, перед которой мы не устояли и от которой не спасли страну, была. Имя ей – сталинщина* (Л. К. Чуковская. Не казнь, но мысль. Но слово (1968)); или: *Есть не только свобода воли, но и свобода безволия. Это сталинщина. И некоторые до наших дней ощущают свободу безволия как истинную свободу* (Давид Самойлов. Из подённых записей (1971–1990)); сравн. также: *Все было: пережили крепостное право, потом сталинщина* («Огонек», 2015).

Как справедливо отмечает Р. А. Комарова, антропонимы апеллируют в условиях реального функционирования языка, в результате семантической деривации превращаясь в эмоционально-оценивающие варианты тех лексем, что уже существуют в языке [3].

Характерная черта этого процесса – приобретение апеллятивами обобщенного лексического значения, которое, как известно, отсутствует в прототипических именах собственных. Это обстоятельство позволяет говорящему в лаконичной форме выразить своё мнение, а также вызвать у адресата определённую эмоциональную реакцию. Характерной чертой функционирования апеллятива *Сталины* (19 контекстов) является активизация коннотативного компонента семантики данной идеологема, которая выступает символом жестокого, хитрого, беспринципного руководителя, стремящегося к безраздельной власти: *А что скажете вы, господа вожаки бюрократии Сталины, Бухарины и К°?* (Г. И. Мясников. Программа «рабочего государства» (1931)); сравн.: *Какие они все дьявольски неустанные, двуязыльные – Ленины, Троцкие, Сталины, фюреры, дуче!* (И. А. Бунин. Дневники (1940–1953)); или: *Я не ребенок и прекрасно понимаю, что все эти Сталины, Черчилли, Гитлеры – исключение из общего правила* (А. И. Батюто. Дневник (1944)). Как показывает анализ материала, более половины рассмотренных контекстов относятся к советской эпохе, что свидетельствует о достаточно долгой традиции употребления антропонима *Сталины* в роли прецедентного имени собственного, при этом только одна иллюстрация советского периода реализует положительную оценку: *Иногда гении. То есть Сталины и Станиславские. Имею в виду тех, которые долгие десятилетия трудились над созданием декораций жизни* (Александр Володин. *Одноместный трамвай* 1990)).

Использование апеллятива *Сталины* в современных условиях демонстрирует трансформацию семантики прецедентного имени собственного: *Другое дело – Сталины, эти рождаются сами собой, рождаются вне* («Новый мир», 1993); сравн.: *А то всем нужны свои Наполеоны, Сталины, Гитлеры – кто там еще-то?* («Новый мир», 1997); или: *Похоже, рано или поздно эту истину постигают все «сталины» и уходя, либо передают своё место сыну-наследнику, либо – вообще не заботятся о преемнике* (Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.19), где лексема *Сталины* реализует диффузное значение ‘бессменный руководитель государства, пользующийся непререкаемым авторитетом’.

Таким образом, анализ собранного материала показал, что идеологема *Сталин* и производные от нее субстантивы *сталинец, сталинист, сталиница, сталины* в русском языке XX – начала XXI века последовательно выступают как яркие оценочные единицы, аксиологический модус которых зависит от времени функционирования в тексте, а также политических и идеологических предпочтений адресанта.

Список использованных источников

- 1 Гусейнов, Г. Ч. Советские идеологема в русском дискурсе 1990-х / Г. Ч. Гусейнов. – М. : Три квадрата, 2003. – 272 с.
- 2 Земская, Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 23–31.
- 3 Комарова, Р. А. Семантическое преобразование антропонимов как способ вторичной номинации / Р. А. Комарова // Вопросы романо-германского языкознания. – 1986. – № 8. – С. 15–16.
- 4 Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург; Пермь. – 1995. – 210 с.
- 5 Купина, Н. А. Советизмы: к определению понятия / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (28). – 2009. – С. 35–40.
- 6 Мальшева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Мальшева // Политическая лингвистика. – № 4 (30). – 2009. – С. 32–40.
- 7 Мирошниченко, А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Мирошниченко. – Ростов н/Д, 1996. – 22 с.
- 8 Нахимова, Е. А. О лексикографическом представлении идеологем / Е. А. Нахимова // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 23–24 октября 2003 / Урал. гос.пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 190 с.

В. В. Струкаў, Г. В. Юдзянкова

РЭГІЯНАЛЬНЫ КАМΠΑЕНЕНТ У СЕМАНТЫЧНАЙ СТРУКТУРЫ ПРОЗВІШЧАЎ

В статье рассматривается семантическая структура фамилий литературных персонажей в произведениях И. Мележа, Б. Саченко, И. Науменко. Проанализированы региональные ономастические особенности фамилий отапеллятивного происхождения, отражены их основные функции в канве художественного произведения.

Анамастычны рэгіяналізм – рацыянальна-прадуманая насычэнне мастацкага тэксту асабовымі ўласнымі імёнамі, прозвішчамі, мянушкамі, тапанімічнымі адзінкамі, якія ўласцівы пэўнаму рэгіёну і выразна ілюструюць непаўторнасць, адметнасць мясцовасці і падзей, што адлюстраваны ў творы.

Прозвішчы ў мастацкім тэксце з’яўляюцца важным кампанентам моўнай сістэмы твора, паколькі яны валодаюць не толькі функцыямі асобаснай ідэнтыфікацыі, сацыяльнай і нацыянальнай дыферэнцыяцыі, але і функцыямі тэкстастварэння, тыпалагізацыі мастацкага характару, узнаўлення этнарэгіянальнага і гістарычнага каларыту. В. І. Фанякова прапануе вылучаць у семантыцы ўласнага імені, ужытага ў мастацкім тэксце, наступныя этапы: 1) *даантрапанімічны* (даанамастычны, апелятыўны); 2) *уласна анамастычны* (які ўзнікае ў тэксце мастацкага твора); 3) *аданамастычны* (“паслятэкставы перыяд”, калі ўзнікае апелятывацыя ўласнага імені падчас яго агульнага і паўагульнага ўжывання) [1, с. 27].

Глыбінна ўвасабляючы адказнасць чалавека перад часам, у сваіх творах пісьменнікі Гомельшчыны ХХ ст. (І. Мележ, І. Навуменка, Б. Сачанка) узнавілі пераломныя гістарычныя падзеі ў шырокіх сувязях і ўзаемасувязях: “чалавек – грамадства – гісторыя”, “людзі – падзеі – гісторыя”, “чалавек – індывідуальнасць – характар-тып”. Таму заканамерна і абгрунтавана ўспрымаецца ўвядзенне ў мову іх раманаў антрапонімаў, якія адпавядаюць сістэме тагачасных прозвішчаў палескага этнарэгіёна.

Большасць з выяўленых намі сюжэтных падзейных персанажаў у раманах “Палескай хронікі” І. Мележа маюць тыповыя для Палесся прозвішчы, многія з якіх этымалагічна ўзыходзяць да мянушак: Савасцей *Апенька*, Яўхім *Глушак*, Халімон *Глушак*, Ахрэм *Грыбок*, Алёша *Губаты*, Андрэй *Дзяцел*, Хама *Заяц*, Аніся *Карась*, Хведар *Кулеш*, Аўдоцця *Сарока*, Косцік *Хвошч*, Змітро *Чарняк*, Ганна *Чарнушка* і інш. Да былых мянушак узыходзяць і многія прозвішчы персанажаў трылогіі І. Навуменкі “Сасна пры дарозе”, “Вецер у соснах”, “Сорак трэці”: Павел *Бондар*, Таццяна *Бурак*, Мікола *Галемба*, Шура *Гарнак*, Нупрэі *Гіль*, Іван *Лобік*, Міша *Ключнік*, Саша *Плоткін*, Аляксей *Прымак*, Міця *Птах*, Сцяпан *Птах*, Грыша *Цукар*. Адмянушкавымі ўтварэннямі з’яўляюцца асобныя прозвішчы ў раманах Б. Сачанкі “Вялікі Лес”: Раман *Багавік*, Іван *Дарошка*, Адам *Зайчык*, Клаўдзя *Коўдра*, Васіль *Кулага*, Язэп *Мядзведзь*, Пархвір *Рыкуль*, Мацей *Тхорык*, Змітро *Шламак* і інш.

Зместавы кампанент паняцця прозвішча ў мастацкім тэксце складаюць дэнататыўна-сігніфікатыўныя аспекты яго семантыкі, якія рэалізуюцца праз: 1) суадноснасць з рэальнай сістэмай антрапонімаў у сацыюме; 2) валоданне ідэнтыфікацыйна-адрознівальнай функцыяй; 3) прэзентацыю сацыяльнай і нацыянальнай прыналежнасці, этнарэгіянальнага і гістарычнага каларыту; 4) стварэнне жанравай і стылістычнай адметнасці твора; 5) удзел у тэкстастварэнні і стварэнні мастацкага характару.

Шлях да прозвішчаў літаратурных персанажаў у пісьменніках не просты, ён ляжыць на перасячэнні прозвішчаў жыццёвых прататыпаў, этнарэгіянальнага анамастыкону і аўтарскай фантазіі, якая падпарадкавана мастацкай канцэпцыі вобраза. Выразная словаўтваральная база намінацыі дазваляе аб’ектыўна актуалізаваць унутраную форму слова і стварыць за кошт

гэтага дадатковыя семантычныя характарыстыкі, у выніку чаго пэўны персанаж становіцца больш экспрэсіўным, ярка выражаным. Выкарыстанне такіх онімаў “грунтуецца на наўмысным ажыўленні значэння апелятыўнай утваральнай асновы прозвішча” [2, с. 129]. Як вядома, адным з жыццёвых прататыпаў *Апейкі* быў кіраўнік хойніцкіх камуністаў у перадваенны перыяд *Н. А. Бельскі*. Іван Мележ узяў ад прататыпа толькі яго асобныя рысы характару, ва ўсім астатнім, у тым ліку і ў прозвішчы, ён застаўся незалежным ад рэаліі. Іван Анісімавіч напачатку быў *Падбельскім, Аленькам* і толькі ў канчатковым варыянце рамана стаў *Апейкам* [3, с. 405].

Парадыгма прозвішчаў *Бельскі – Падбельскі – Аленька – Апейка* дае магчымасць асэнсавана ўсвядоміць асобу літаратурнага персанажа, пастаянна трымаць на ўвазе яе характарыстычна-тыпалагічную адметнасць, якая асацыятыўна прысутнічае як першапачатковая ў прозвішчы *Апейка*, акрэслена намі як метафарычная характарыстычнасць і ўзыходзіць да метафарызаванага значэння апелятыва *апенька* ‘быць у гурце людзей, пастаянна трымацца гэтага гурту’.

Знешне не ўтрымлівае характарыстычнасці і ўспрымаецца як нейтральнае прозвішча *Апенька*, якім названы родны брат *Апейкі* Савасцей, у мінулым – селянін-бядняк, дапамагаў брату ў партызанскай барацьбе з белапалаякамі, а цяпер – хутаранін, які з уладальніка “культурнай” гаспадаркі стаў кулаком, “міраедам-кулаком”, як сказана ў “злоснай” запісцы з кампраметуючых матэрыялаў для партыйнай чысткі старшыні райвыканкама *Апейкі* Івана Анісімавіча: *Былі запіскі, у якіх наракалі на парадкі ў раёне. Дзве з іх былі напісаны, мабыць, тымі ж людзьмі, якія пісалі на Башлыкова: у адной скардзіліся, што не хапае солі і карасіны, у другой – што прыцясняюць веруючых. Потым ужо адна – вось яно! – пэцнула брудным намёкам: “Чаму таварыш Апейка скрывае, што сапраўднае яго прозвішча не Апейка, а Апенька. Ці не таму, што вядомы міраед-кулак Апенька – яго родны брат?”* [4, с. 277]. Такім чынам, у працэсе знаёмства з жыццёвымі абставінамі, у якіх апынуўся *Савасцей Апенька*, антрапонім *Апенька* набывае адмоўнае семантычнае нападненне, суадносна з гістарычнымі падзеямі, адлюстраванымі ў творы. І пісьменнік мэтанакіравана падкрэслівае адрозненні ў прозвішчах *Івана Апейкі*, старшыні *Юравіцкага райвыканкама*, і *Савасцея Апенькі*, яго роднага брата – кулака.

Стылістычнай маркіраванасцю надзелены і такія прозвішчы, праз якія на ўзроўні асацыятыўных сувязей раскрываюцца ўнутраныя якасці іх носьбітаў. Так, *Птах* – прозвішча галоўнага героя раманаў трылогіі *І. Навуменкі*, якое ўказвае на лірычнасць і летуценнасць яго носьбіта, Асабліва выразна рамантычнасць вобраза *Міці Птаха* выяўляецца ў яго перажываннях у перыяд першага кахання: *І ўсё-такі кожнага дня ён ловіць сябе на жаданні пабачыць Сюзану, з нецярпеннем чакае вечара. Дзве сілы абудзілі, узвіхрылі Міцевы пачуцці: вайна і Сюзана* [5, с. 39]. Аднак старэйшага прадстаўніка сям’і – *Сцяпана Птаха* – ніяк не назавеш рамантыкам: яму, бацьку пяцярых дзяцей, зусім не да рамантыкі, бо ён увесь у працы, у клопатах, як пракарміць сям’ю: *Птах заўсёды крочыць па чыгунцы да сваёй будкі з дзвюма буханкамі пад пахай. Меней ён не носіць. Сям’я не малая і патрабуе харчу* [5, с. 9].

Яўхім у раманах *Б. Сачанкі* “*Вялікі Лес*” – нікчэмны чалавек, які ні на лесніковай пасадзе, ні ў гаспадарцы не праяўляе руплівасці, не ўмее ладзіць з людзьмі, а ў час вайны ідзе ў памагатыя да ворага, – надзелены прозвішчам *Бабай*, якім на Мазыршчыне палюхаюць дзяцей-неслухаў: *Мікалай з сынам ужо канчалі агароджваць палянку, як з хмызняку неспаддзявана вынырнуў ляснік Яўхім Бабай. Не вітаючыся, панура прайшоўся сюд-туд па паляне, потым спыніўся... моўчкі дастаў з скураной торбы, што была перакінута цераз плячо, паперу, аловак, прагундосіў: – Ну што ж, акт будзем складаць* [6, с. 37–38].

Такім чынам, прозвішчы, ужытыя для рэпрэзентацыі персанажаў у творах пра Палессе, – пацвярджэнне глыбіннай далучанасці пісьменнікаў да народнага жыцця, арганічнай сувязі з этнабытам беларускага народа, яго этнарэгіянальнымі вытокамі, з агульнанароднай і народна-дыялектнай мовай як крыніцай моўных скарбаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 104 с.
- 2 Бірыла, М. В. Антрапанімія паэтычная / М. В. Бірыла // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1984. – Т. 1. – С. 129.
- 3 Мележ, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Мележ / рэдкал. Ю. С. Пшыркоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 5. Людзі на балоце: Раман з “Палескай хронікі”. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 415 с.
- 4 Мележ, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Мележ / рэдкал. Ю. С. Пшыркоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 6. Подых навалыніцы. Раман з “Палескай хронікі”. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 573 с.
- 5 Навуменка, І. Збор твораў : у 6 т. / І. Навуменка. – Т. 3. Сасна пры дарозе: Раман. Бульба. Інтэрнат на Нямізе: Аповесці. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 511 с.
- 6 Сачанка, Б. Выбраныя творы : у 3 т. / Б. Сачанка – Т.1. Вялікі Лес: Раман у 3 кн. Кн.1 і 2 / прадм.: С. Андраюка. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 590 с.

УДК 811.161.1'373.2

Н. Р. Тачыла

АДЭТНАНІМІЧНЫЯ ЎТВАРЭННІ З АСНОВАЙ ЛІТВІН / ЛІЦВІН У ГАВОРКАХ МАЗЫРСКАГА ПАЛЕССЯ

Артыкул прысвечаны апісанню адэтанімічных назваў (антрапанімаў, мікратапанімаў), што маюць у сваім складзе этнонім літвін / ліцвін і сустракаюцца ў гаворках Палесся. Для супастаўлення далучаюцца антрапанімічныя і тапанімічныя назвы іншых рэгіёнаў Беларусі, а таксама рэгіёнаў суседняй Расіі са славянскім насельніцтвам. Абагульненні дапаўняюцца паказчыкамі, якія атрыманы метадам выбаркі з серыі кніг “Памяць” (пераважна палескія раёны), анамастычных і іншых слоўнікаў, манаграфій, падрыхтаваных вядомымі даследчыкамі лексікі і гісторыі Беларусі.

Этнонімы (ад грэч. *ethnos* – племя, народ, *опута* – імя) – пласт лексікі, які ў кожнай мове прадстаўлены назвамі розных этнічных супольнасцяў: нацый, народаў, народнасцей, плямёнаў, племянных саюзаў, родаў. А. Супяранская разглядае іх як “групавыя абазначэнні людзей, якія вылучаюць асоб, што маюць пэўныя этнічныя характарыстыкі, з масы іншых людзей, якія не валодаюць гэтымі характарыстыкамі” [1, с. 206]. Вывучэннем этнонімаў і адэтанімічных адзінак займаюцца прадстаўнікі самых розных навук – лінгвісты, географы, гісторыкі, этнографы, псіхолагі, літаратуразнаўцы.

Сярод беларускіх лінгвістаў, што даследавалі праблемы этнонімаў, патрэбна адзначыць Т. Аліферчык, В. Вярэніча, Ю. Гурскую, М. Даніловіча, С. Паўлоўскага, А. Рогалева, Г. Сагановіча, А. Станкевіч, В. Шура і інш.. На тэрыторыі суседняй Расіі этнонімы і ўтварэння ад іх намінацыі вывучалі Р. Агеева, А. Бялецкі, У. Ніканаў, А. Супяранская, У. Шапашнікаў і інш.

Этнонімы з’яўляюцца базай для ўтварэння антрапанімаў – асабовых імёнаў, мянушак, прозвішчаў. Паводле У. А. Ніканава, “антрапанімы могуць служыць каштоўнай гістарычнай крыніцай, дапамагаюць высвятліць былы этнічны склад і міграцыі насельніцтва ў мінулым” [2, с. 5]. Яны таксама цесна звязаны з тапанімамі і мікратапанімамі: гэтыя адзінкі ўтвараюць асобую групу намінацый, якія з’яўляюцца носьбітамі важнай інфармацыі для мовазнаўства, сведчаць аб суседстве і сумесным пражыванні беларусаў з іншымі этнасамі, адлюстроўваюць факты перасялення народаў у Беларусь [3, с. 44].

Мазырскае Палессе ў мінулыя часы з’яўлялася тэрыторыяй Вялікага Княства Літоўскага, дзе на працягу некалькіх стагоддзяў узаемадзейнічалі многія лінгвакультуры: беларуская, літоўская, руская, украінская, латышская, татарская. Паводле гісторыка-

этнаграфічных звестак, у даўніну этнонімам *літвін* / *ліцвін* называлі не жыхароў сённяшняй Літвы, а насельніцтва шматнацыянальнай дзяржавы Вялікага Княства Літоўскага, якое існавала з сярэдзіны XIII ст. па 1795 год на тэрыторыі сучасных Беларусі і Літвы, а таксама часткова Украіны, заходніх абласцей Расіі, Латвіі, Польшчы і Эстоніі. Так, некаторыя даследчыкі, аналізуючы тагачасныя тэксты, зафіксавалі як мінімум восем значэнняў гэтага этноніма. Звесткі аб этнічным становішчы Беларусі, якая спачатку ўваходзіла ў склад Вялікага Княства Літоўскага, а з канца 60-х гадоў XVI ст. – Рэчы Паспалітай, і беларусаў, якія тады называліся *русінамі*, *руськімі*, *рускімі*, *ліцвінамі* і *беларусцамі*, сустракаюцца ў працах польскіх аўтараў, многія з якіх лічылі, што ўсе славяне ў старажытнасці мелі адзінага продка. Рускі гісторык XVII ст. В. Тацішчаў зрабіў спробу этнічнай класіфікацыі насельніцтва Расіі па моўных, этнагенетычных і канфесіянальных прыкметах. Усходняя частка была аб'яднана ім па гэтых прыкметах разам з *велькарусамі* пад назвай *рускія*. Заходнюю частку беларусаў разам з *літоўцамі* В. Тацішчаў назваў *ліцвінамі* [4, с. 18]. І. Шчалепін, В. Завітневіч падтрымлівалі другую этнагенетычную канцэпцыю: на іх думку, *ліцвіны* заходніх абласцей Беларусі і Усходняй Літвы па паходжанню былі выключна *літоўцамі* [4, с. 31]. Найбольш пераканальнымі, як адзначае І. Гапоненка, з'яўляюцца два значэнні: этнічнае як найменне *літвінаў* (пераважна жыхароў Аўкштоты) і палітычнае – для наймення старажытнай дзяржавы ВКЛ [6, с. 230]. Даследчыкі (В. Жучкевіч, Ю. Гурская, І. Каралёва, В. Шур) *літвінамі* / *ліцвінамі* называюць беларусаў. На аснове этноніма *літвін* і імя-мянушкі *Літвін* узнікла цэлае гняздо беларускіх прозвішчаў: *Літвін*, *Літвінаў*, *Літвіновіч*, *Літвіненка*, *Літвінюк*, *Ліцвінаў*, *Ліцвіновіч* [5, с. 227].

У гаворках Палесся засведчаны адэтнанімічныя антрапонімы-прозвішчы з асновамі *-ліцв* / *-літв*, якія маюць розныя суфіксальныя афармленні – усяго 230 фіксацый гэтых адзінак: *Літвін* (17 Маз., 11 Жыт., 6 Петр., 3 Нар., 2 Светл., 2 Хойн., 1 Рэчыц.), *Літвіновіч* (6 Жыт., 1 Петр., 1 Калін.), *Ліцвін* (4 Буда-Каш., 1 Калін., 1 Рэч.), *Літвіненка* (16 Калін., 3 Светл., 3 Лельч., 3 Жлоб., 1 Ельск., 1 Жыт., Лоеў., 1 Ветк., 1 Рэч., 1 Акцябр., 1 Браг.), *Ліцвіненка* (2 Карм., 2 Рэч., 1 Светл.), *Літвінчук* (19 Маз., 4 Лельч., 4 Ельск.), *Літвінка* (29 Жлоб., 4 Калін., 1 Жыт., 1 Буда-Каш.), *Ліцвінка* (2 Жыт.), *Літвінаў* (15 Калін., 15 Добр., 13 Ветк., 4 Нар., 3 Лоеў., 3 Жлоб., 3 Хойн., 2 Буда-Каш., 2 Лельч., 1 Рагач., 1 Петр.), *Літвіноўскі* (2 Жлоб., 1 Карм.), *Ліцвінаў* (4 Буда-Каш., 2 Маз., 2 Светл.). На думку В. Лемцюговай, антрапонімы з асновай на *-літв* / *-ліцв* узыходзяць і ад імя-мянушкі *Літвін*, што фіксуецца старабеларускімі пісьмовымі крыніцамі з сярэдзіны XVI ст.: *Якуб Літвін*, *Мікалай Літвін*, *Ян Літвін*, *Арцём Літвін*, *Сцяпан Літвін* і г. д. [6, с. 227].

Адэтнанімічныя антрапонімы сустракаюцца і ў гаворках суседніх з намі народаў. На Смаленшчыне І. Каралёва засведчыла наступныя прозвішчы – *Літвінчук*, *Літвінчукоў*, *Літвяк*, *Літвякоў*, *Літвячэнка* [5, с. 200]. У слоўніку І. Ганжынай адзначаны антрапонімы тыпу *Літвінёнак*, *Літвінчаў*, *Літвішкаў* [10, с. 284].

Ад этноніма *літвін* (*ліцвін*) утвораны некаторыя мікратапонімы-дрымонімы: *Ліцвінаў Лес* – (Загорыны Маз., Прудок Маз., Мерабель Маз.) [7, с. 114]; *Ліцвінскія Горы* – “пясчаныя горкі, што прымыкаюць да возера *Ліцвін*” (Юравічы Калін.) [7, с. 114]; гідронім – *Літвінскі Брод* (Альгомель Стол.) [8, V, с. 393]. У Жлобінскім раёне ёсць адзінкавы харонім – вёска *Ліцвінаўка*, катаяконімы (назвы жыхароў па месцу жыхарства), утвораныя ад гэтага хароніма – *літвінавец* (*ліцвінавец*), *літвінаўцы* [6, с. 150]; Калінкавіцкі раён – *Вялікія Літвінавічы* [6, с. 179], *Малыя Літвінавічы*, катаяконім – *малаліцвінаўцы* [6, с. 190]; Кармянскі раён – пасёлак *Літвінавічы*, жыхары – *літвінаўцы* [6, с. 201].

У іншых рэгіёнах Беларусі таксама сустракаюцца мікратапонімы з асновай-этнонімам *літвін* / *ліцвін*. Так, на Магілёўшчыне С. Клімуць адзначае наступныя: агронімы – назвы палёў, зямельных надзелаў, апрацаваных участкаў, ніў: *Ліцвінаўшчына* – “поле, раней быў лес, у якім жылі (ліцвіны), так раней называлі беларусаў” (Сухары Маг.) [9, с. 123]; *Ліцвінскае Поле* – “поле, што раней належала ліцвінам” (Быхаў) [9, с. 123].

У анамастычных слоўніках зафіксаваны айконімы з асновай *-літв* / *-ліцв*: *Літвінка*, *Літвіца*, *Літвяны*, *Літвінавічы*, *Літвінава*, *Ліцвякі*, *Ліцвінава*, *Ліцвінавічы*, *Ліцвякова*, што

засведчаны ў Маладзечанскім, Слонімскім, Стаўбцоўскім, Кобрынскім, Вараноўскім, Астравецкім, Уздзенскім, Ляхавіцкім, Драгічынскім, Круглянскім, Браслаўскім, Глубоцкім, Докшыцкім, Калінкавіцкім, Полацкім, Дубравенскім, Гарадоцкім раёнах.

Прадуктыўным спосабам утварэння адэтнанімічных антрапонімаў з'яўляецца суфіксальны. Фарманты размяркоўваюцца наступным чынам: *-оў/-аў/-эў* – *Літваінаў, Ліцвінаў* (28 фіксацый Калін., Ветк.); *-ын/-ін* – *Літвін* (27 фіксацый Маз., Жыт.); *-енка/-інка* – *Літвіненка, Ліцвіненка, Літвінка* (25 фіксацый Жлоб.); *-ук* – *Літвінчук* (19 фіксацый Маз.); *-овіч* – *Літвіновіч* (Маз, Калін., Гом.).

Па сваёй марфалагічнай структуры адэтнанімічныя адзінкі ўтвараюцца рознымі шляхамі: аснова (*pluralia tantum*) – *Ліцвіны, Літвіны, Літвяны, Ліцвякі*; апелятывы на *-шчына* – *Літваінаўшчына, -ічы* – *Літвінавічы, Ліцвінавічы*; сінтаксічны спосаб – аб'яднанне двух слоў у адну лексічную адзінку: першае слова – атрыбутыўна-генетыўны кампанент, што суадносіцца са значэннем этноніма і ўказвае на прыналежнасць да пэўнай мясцовасці ці народа, другое – прывязка да тапаграфічнага аб'екта, які заключае ў сабе яго рэальную характарыстыку (лес, поле, брод, гара, даліна), напрыклад, *Ліцвінаў Лес, Літвінскі Брод, Літвінскае Поле, Літвінская Гара* і г. д.

На прыкладах адэтнанімічных утварэнняў выразна прасочваецца такая з'ява, як трансанімізацыя. Паводле Н. Падольскай, трансанімізацыя – гэта пераход оніма з аднаго разрада ў другі [11, с. 138]. Галоўнае ў гэтым працэсе пераходу – суаднясенне з прадметам, таму ў выніку метанімічнай трансанімізацыі ў імён уласных змяняецца прадметна-намінатывае суаднясенне. Матываваныя словы (*ліцвін, літвін*) у працэсе трансанімізацыі – ключавыя, яны ўплываюць на з'яўленне наступных онімаўтваральных ланцужкоў:

- этнонім *ліцвін* → антрапонімы (*Ліцвін, Ліцвінаў, Ліцвякоў*) → айконім *Ліцвінаўка* → катайконім *ліцвінаўцы* (*літвінаўцы*) → мікратапонімы (гідронімы *Ліцвін, Літвінскі Брод*, драмонім *Ліцвінаў Лес*, агронім *Ліцвінскія Горы*);

- этнонім *літвін* → антрапонімы (*Літвін, Літвінчук, Літвякоў, Літвінёнак*) → айконім *Літвінавічы* → катайконім *літвінаўцы* → мікратапонім-гідронім *Літвінскі Брод*.

Такім чынам, мы скампанавалі адэтнанімічныя адзінкі з асновай *-літвін / -ліцвін* у групы (антрапонімы, мікратапонімы), паказалі частотнасць іх ужывання ў гаворках Мазырскага Палесся. Так, на даследуемай тэрыторыі ў вялікай колькасці засведчаны адэтнанімічныя антрапонімы (230 фіксацый), сярод якіх найчасцей сустракаюцца прозвішчы *Літваінаў* (62 фіксацыі), *Літвінка* (35), *Літвіненка* (33), *Літвінчук* (27). Адэтнанімічныя мікратапонімы ўжываюцца рэдка, было зафіксавана ўсяго 7 адзінак у Мазырскім і Калінкавіцкім раёнах.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
- 2 Никонов, В. А. Этнонимия / В. А. Никонов // Этнонимы. – М. : Наука, 1970. – С. 5–33.
- 3 Грынблат, М. Я. Беларуска-латышскія сувязі ў тапаніміі і антрапаніміі БССР / М. Я. Грынблат // Беларуская аанамастыка; рэд. М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – С. 43–49.
- 4 Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя / В. К. Бандарчык, І. У. Чаквін, І. Г. Углік і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 215 с., іл.
- 5 Королева, И. А. Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королева. – Смоленск : СПГУ, 2006. – 368 с.
- 6 Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і Исскуство, 2008. – 416 с.
- 7 Иванова, А. А. Микропонимия Мозырского Полесья / А. А. Иванова. – Мозырь : УО «МГПУ», 2003. – 219 с.
- 8 Тураўскі слоўнік : у 5-ці т. Т. 1–5 / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–1985.
- 9 Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны / склад. С. В. Клімуць [і інш.]. – Магілёў : МДУ імя А. Куляшова, 2004. – 208 с.

10 Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М. : ООО “Издательство Астрель”: ООО “Фирма Издательство АСТ”, 2001. – 672 с.

11 Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

Умоўныя скарачэнні

Брэс. – Брэсцкі раён, Браг. – Брагінскі, Буда-Каш. – Буда-Кашалёўскі, Бярэз. – Бярэзінскі, Гом. – Гомельскі, Драг. – Драгічынскі, Ельск. – Ельскі, Жыт. – Жыткавіцкі, Жлоб. – Жлобінскі, Калін. – Калінкавіцкі, Карм. – Кармянскі, Лун. – Лунінецкі, Лельч. – Лельчыцкі, Лоеў. – Лоеўскі, Маз. – Мазырскі, Маг. – Магілёўскі, Нар. – Нараўлянскі, Петр. – Петрыкаўскі, Рагач. – Рагачоўскі, Рэч. – Рэчыцкі, Стол. – Столінскі, Светл. – Светлагорскі, Слуц. – Слуцкі, Сен. – Сененскі, Хойн. – Хойніцкі.

УДК 811.161.1'06'373.23

Е. И. Тимошенко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ СЛОВА *ТОВАРИЩ* В ЯЗЫКЕ XX ВЕКА

В статье анализируется смысловое наполнение слова товарищ в языке XX века (рассматриваются предреволюционный и советский периоды), обусловленное идеологической позицией носителей языка. На материале текстов, принадлежащих представителям разных политических партий и течений, прослеживается история оценочных коннотаций, сопровождающих слово, и его социальных функций.

В любом языке существуют так называемые «идеологизированные» [1, с. 141] слова, смысловое наполнение которых, с одной стороны, связано с господствующей в обществе политической идеологией, а с другой – может варьироваться в зависимости от политической позиции, занимаемой автором высказывания. В русском языке предреволюционного периода (1917) такими словами являются названия политических партий и течений, их сторонников, государственных и политических учреждений и организаций, различных явлений политической жизни и т. п. (*революция, большевик, меньшевик, большевизм, меньшевизм, социалист, социалист-революционер, социал-демократ, кадет, совет, советский, агитация* и под.). Смысловое наполнение подобных слов в тексте, обусловленное указанными факторами, создает то, что в современной лингвистике принято обозначать термином *политический дискурс*. Появившийся в 70-е годы 20 в. термин *дискурс*, первоначально употреблявшийся в значении близком к значению термина *функциональный стиль*, постепенно приобрел самостоятельное значение. Ю. С. Степанов в работе «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности», рассматривая определения дискурса, известные в советском языкознании, наиболее удачным признает определение В. З. Демьянкова, данное им в «Англо-русском словаре терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста». В данном словаре дискурс понимается как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения», элементами которого являются: «а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [см.: 2, с. 37–38]. Ю. С. Степанов характеризует дискурс как особое использование языка для выражения определенного типа ментальности, что «в конечном счете в свою очередь создает особый “ментальный мир”» [2, с. 38–39]. Показательным примером может служить советский политический дискурс, в частности дискурс советской идеологии хрущевской и брежневской поры, исследованный Патриком Серио и получивший во Франции название «деревянного языка». Основными чертами этого дискурса считаются, во-первых, бессубъектность, формирующаяся за счет

номинализованных конструкций (таких, в которых основную смысловую нагрузку несут абстрактные существительные) и способствующая созданию «обезличенности», которая равнозначна отсутствию чьей бы то ни было ответственности; во-вторых, сочинение (сочинительная, а также бессоюзная связь), объединяющее в синонимические (или похожие на синонимические) ряды понятия, далеко не тождественные, но сближающиеся благодаря такой связи и создающие впечатление их реального, жизненного единства (*я = (Генсек) = ЦК = вся партия = наша страна = мы*).

Таким образом, под политическим дискурсом, на наш взгляд, в широком смысле можно понимать отражение в тексте с помощью языковых средств «контекста эпохи», включающего преобладающие идеологические и мировоззренческие установки общества, его моральные ценности, отношения и оценки и т. п. Вместе с тем, о дискурсе можно, по-видимому, говорить и как об индивидуальном явлении.

Двадцатый век разделил историю России на два периода, между которыми пролегла пропасть, оборвавшая поступательное развитие общества и естественный ход жизни (естественный, несмотря на всю ее несправедливость). Революционный переворот общественного устройства не мог не сказаться на языке. Появились новые слова, среди которых оказалось большое количество аббревиатур (часто весьма несуразных), новым политическим и идеологическим смыслом наполнились старые слова – такие, как *совет, красный, белый, товарищ* и т. п. Остановимся более подробно на рассмотрении особенностей употребления последнего, обусловленных сменой политических реалий.

Существительное *товарищ* фиксируется в древнерусских текстах начиная с 14-го века в значении ‘участник, сотоварищ’ [3, т. III, ч. 2, с. 969]. К новому времени семантика слова несколько расширяется: в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., кроме значения ‘находящийся в одном с кем-либо обществе, участвующий в делах или занятиях другого’, подается значение ‘помощник, сотрудник’ (*Товарищ министра*) [4, т. IV, с. 283]. Положительные оценочные коннотации, свойственные основному значению слова (синонимами к *товарищ* в этом значении выступают такие слова, как *приятель* и *друг*), обусловили его использование в функции обращения сначала в среде сторонников установления демократического общественного строя, а после победы революции 17-го года – в качестве официально принятого обращения в обществе. Пафос всеобщего равенства и братства, который несли с собой революционные идеи переустройства жизни на началах справедливости, естественным образом отразился в стремлении поменять и формы вербального общения. Новое обращение должно было подчеркнуть принципиально иное (не только как к равному, но как к другу, духовно близкому человеку) отношение соотечественников друг к другу по сравнению с прежними отношениями между ‘господами’ и ‘слугами’, ‘белой костью’ и ‘чернью’.

Политическое переосмысление слова *товарищ* начинается уже в период первой русской революции 1905–1907 гг. и продолжается после нее. Слово сразу приобретает амбивалентные смыслы в среде сторонников и противников социальной революции. В 1906 г. кадеты начинают издавать газету «Товарищ», которая должна была способствовать освободительному движению в России. В этом же году пролетарский писатель М. Горький пишет сказку «Товарищ» – настоящий гимн волшебному слову *товарищ*: «..это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека...; ...яркой, веселой звездой, путеводным огнем в будущее, сверкало простое, емкое, как сердце, слово: – Товарищ!» [5]. Окончательное закрепление слова *товарищ* как официально принятого обращения состоялось после издания большевиками 23 ноября 1917 г. декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». В 1920 г. А. А. Богданов в тезисах «Пути пролетарского творчества» пишет о слове *товарищ* как о «всемирно установившейся форме вежливости» [6]. Новая страна слагает песни о том, что «наше слово гордое *товарищ* нам дороже всех красивых слов».

В среде противников революции слово звучало совсем в другом контексте. Прежде всего надо отметить регулярность иронического употребления слова *товарищ*, проявляющегося

в его закавычивании и отражающего глубокое неприятие новой идеологии и неверие в возможность становления «новых» общественных отношений: *В Совете и Комитете РД роль играет Гиммер (Суханов), Н. Д. Соколов, какой-то «товарищ Безьяманный», вообще большевики (З. Гиппиус. Дневники); Настроение у толпы веселое. Идут еще какие-то. «Правые или левые? Правые или левые?» – кричит молодежь. Те молча и сосредоточенно проходят. «Видишь – правые, молчат», – заявляет какой-то «товарищ» (Е. Я. Кизеветтер. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов. Из дневников) [6]; Под вечер, вернувшись с прогулки, я застал у себя Кизеветтера в беседе с Лизой. Много говорили о «товарищах», которых он изучил в совершенстве [7, с. 358]. (Имеется в виду профессор Московского университета кадет А. А. Кизеветтер. К 1917 году кадеты уже не вкладывали в слово *товарищ* прежнего смысла).*

Далее, обращает на себя внимание лексический контекст, в который помещается (или подразумевается) слово *товарищ* и который содержит не просто крайне уничижительную – уничтожающую оценку революционеров: *В прочих головах членов советов рабочих, «батрацких» и прочих депутатов, т.е. в головах той шайки, которая ими руководит, одни узенькие теории, у иных даже простые шаблоны и никакого практического смысла, никакой способности видеть действительность. Просидев много лет в подполье, где они учились по плохоньким переводам с немецких брошюр, они разучились присматриваться к настоящему миру Божьему и его понимать [7, с. 388]; [Партия социалистов-революционеров дразнит] аппетиты несбыточными надеждами, которые нельзя осуществить [7, с. 393]; Вечер провели в обществе соседей за политическими разговорами. Мы очень сходимся во взглядах, и с кем ни поговорим, все говорят одно и то же: беспорядок, разнузданность, анархия, отсутствие безопасности и т.д. и т.д. [7, с. 393]; Социал-революционеры потерпели полный провал, никому не дав «земли», которую они обещали на выборах в общую городскую думу. Большевики свою победу обеспечили еще более наглым обманом: их агитаторы перед выборами ходили по дворам и обещали, если их выберут, выдавать по 1 1/2 ф. хлеба на человека в день вместо выдаваемых теперь 1/2 ф. [7, с. 428]; [На Совещании общественных деятелей 12 октября 1917 г. в Москве] говорилось о «товарищах», об их темноте и бессилии, о том, что их нечего бояться, что они мираж, наваждение и болотное испарение... [7, с. 440]; в социалистических листках, кроме хамской пошлости и взаимной ругани, никаких известий нет [7, с. 454]. Профессор Московского университета историк М. М. Богословский в своих дневниках пишет о совершенно недопустимом, преступном обращении «товарищей» с русским языком: «Господи, на каком безобразном интернациональном воляпюке говорят эти товарищи-большевики. Совет рабочих и солдатских депутатов начинает издавать декреты и выражается так: «Принимая во внимание, что предприниматели, саботируя производство, провоцируют стачки, совет декретирует» и т. д. Что станет с русским языком после таких упражнений. Уже эта одна порча языка есть их великое преступление против России» [7, с. 444–445].*

К сожалению, как справедливо замечает русский философ и правовед Н. В. Устрялов, мгновенный переход от деспотизма к братству невозможен. Между этими двумя состояниями должен быть длительный период гражданского общества, в котором каждый сознает себя свободным гражданином, в равной степени с другими ответственным за судьбу своего отечества («свобода обяывает»). Мы же, – пишет Н. В. Устрялов, – «не удовлетворились свободой и равенством. Мы захотели братства. Нам показалось мало хорошего государства. Мы отказались от звания “граждан”, чтобы стать “товарищами”. Хотели дать указующий урок миру, а дали устрашающий пример. Мечтали о земном рае, а создали нечто, весьма похожее на ад». И оказалось, что и «слово звучит как-то фальшиво, и словно чувствуется в нем мефистофельская ирония...» [8].

Список использованной литературы

1 Брагина, А. А. Русское слово в языках мира. Книга для внеклассного чтения / А. А. Брагина. – М. : Просвещение, 1978. – 191 с.

2 Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века; Российская Академия наук, Институт языкознания РАН. Под ред. академика Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 35–73.

3 Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Репринтное издание. – М. : Книга, 1989. – Т. I–III.

4 Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4-х томах. – Т. IV. – СПб., 1847. – 487 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://etymolog.ruslang.ru/doc/dict1847_R-Fita.pdf. – Дата доступа : 05.10.2017.

5 Горький, М. Товарищ (сказка) / М. Горький [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/rasskaz/tovarisch.htm>. – Дата доступа : 07.10.2017.

6 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru/>. – Дата доступа : 05.10.2017.

7 Богословский, М. М. Дневники (1913–1919): из собрания Государственного Исторического музея / Отв. ред С. О. Шмидт. – М. : Время, 2011. – 800 с.

8 Устрялов, Н. В. Товарищ и гражданин. 1917 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://monocler.ru/tovarishh-i-grazhdanin/>. – Дата доступа : 10.10.2017.

УДК 811.161.1-26'06:091.5:94(470)"1649"

Т. Г. Трофимович

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ И ЯЗЫКОВЫХ ВКУСОВ ЭПОХИ В ОФОРМЛЕНИИ ПОДПИСЕЙ К УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА

В публикации анализируется список подписей (рукоприкладств) к Соборному уложению 1649 года – крупнейшему кодексу феодального права Русского централизованного государства. Оформленные особым образом, эти подписи отразили сложившиеся представления о социальной иерархии общества, а также некоторые особенности старорусского языка поздней эпохи его существования.

Соборное уложение 1649 года, как считают историки русского права, появилось на гребне обострения сословных и классовых противоречий России середины XVII века и стало результатом эволюции тогдашнего социального и политического строя. Именно с принятием Уложения начинается переход от сословно-представительной монархии и абсолютизму [1, с. 6].

Известно, что над написанием текста Уложения работала созданная по приказу царя Алексея Михайловича комиссия, которую возглавлял князь Н. И. Одоевский. Принять Уложение должен был Земский собор – высшее сословно-представительское учреждение России, собрание представителей всех слоёв населения (кроме крепостных крестьян), предназначенное для обсуждения политических, экономических и административных вопросов [2, с. 10]. После долгих обсуждений и исправлений Уложение было принято и 29 января 1649 года вступило в силу.

Текст Уложения, первоначально представлявшего собой рукописный свиток, подписали 315 участников Земского собора. Подписи, которые тогда назывались *рукоприкладствами* (от устойчивого выражения *руку приложить – поставить подпись*) [3, в. 22, с. 243], располагались на обороте свитка и впервые привлекли внимание исследователей в 1767 году, когда по заданию Екатерины II они были скопированы. С того времени список рукоприкладств неоднократно изучался преимущественно историками русского права. Он содержит не только много значимой информации о социальном устройстве тогдашней России, но и сведения по истории старорусского языка. Обратимся непосредственно к анализу.

Подписей в современном понимании этого слова список не включает, поскольку такими являются написанные от руки фразы. Обратим внимание на порядок оформления этих

фраз. Почти все они строятся по устойчивой схеме: *кто (должность и / или указание на социальный статус) + антропоним + «р. п.»* (сокращенно: *руку приложил*). Например: *Боярин Иван Васильевич Морозов р. п.*; *Торопчанин Иван Веригин р. п.*; *Кадомец посацкой человек Сенька Иванов р. п.*

Фразы-подписи могут быть и не такими лаконичными. Судя по всему, часть членов Земского собора была неграмотной, поставить свои подписи они были не в состоянии, поэтому поручали сделать это другим. Такие факты фиксировались. Например: *Романовец посадской человек Васька Провов сын Щепетинник и вместо зараченина посадского человека Бориска Мелентьева сына Масленика да белозерца посадского человека Вани Мелентьева сына Бабина по их велению, что они грамоте не умеют, р. п.* Как видно из примера, запись становилась более пространной, однако общей схеме соответствовала. Такие подписи содержат различную дополнительную информацию о том, в каких отношениях находились подписавший и тот, по чьей просьбе подписано. Можно установить, что просили подписать родственников (*Вместа тарушенина Ондreja Оленина сын ево Елисей р. п.*), земляков (*Яраславец Наум Хомутов вместо ярославца ж Петра Непоставова р. п.*), знакомых (*Вместо дмитровца Федора Чаплина Федор Шокуров р. п.*).

Показательной является очередность расположения фраз-подписей. Первые 13 из 315 принадлежат высшему духовенству: *святейший Иосиф патриарх московский и всяя Руси, ростовский митрополит Варлам, митрополит крутицкий Серапион, архиепископ Маркел вологоцкий, архимандрит Никон, архимарит Силивестр* и т. д. (*Архимандрит, архимарит* – почетное звание, дававшееся игуменам крупных монастырей [3, в. 1, с. 52]). Это говорит о значительной роли православной церкви в жизни тогдашнего общества.

Далее следуют подписи лиц, стоявших на вершине социальной лестницы: *боярин, боярин князь, окольниковый*. Как известно, высшим чином в Русском государстве XV–XVII вв. был *боярин* [3, в. 1, с. 308], за ним следовал *окольниковый* [3, в. 12, с. 334]; *князь* – это титул, а также лицо, имевшее этот титул [3, в. 7, с. 208]. Например: *Окольниковый князь Федор Федорович Волконский р. п.*

Следует отметить, что в большинстве последующих подписей указания на должность или чин нет, но есть указание на то, какой город подписавший представлял. Для этого используется катойконим: *новгородец, резанец, черниговец, торопчанин, бежеченин, ярославец, псковитин, вологженин* и т. д. Приведем несколько примеров таких подписей: *Псковово пригорода апоченин Якимко Иванов р. п. (житель Опочки); тверитин Иван Гостенев р. п.; казанец Сава Аристов р. п.* Понятно, что такие наименования появляются в подписях не случайно: в предложенном порядке представительства знатные горожане занимали значительное место [2, с. 10]. Кроме указания на то, какой город или поселение представляет подписавший, в подписях нередко содержится указание на то, что это был *посадский (посацкий) человек* – представитель тяглогового торгово-ремесленного населения русских городов [3, в. 17, с. 153].

Анализируемый список может стать источником по истории катойконимов. Приблизительно 250 подписей их содержат, причем нередко встречаются различные варианты наименований: орфографические (*орзамасец / арзамасец*), словообразовательные (*галиченин / галичанин, вязьмятин / вязьметин*). Оценить статус вариантов достаточно сложно, учитывая тогдашнее состояние норм и уровня грамотности писавшего.

Интересно, что подписи под номерами 279–285 выполнил яранец Потешка Семенов, который расписался еще за нескольких участников Земского собора, в том числе и за *да вместо города Менска Петрушки Романова*.

В некоторых подписях указывается на то, что подписавший *гость – купец* [3, в. 4, с. 107], *выборный пятидесятник, выборный человек, пятисотный дьячек* и т. п. Вот пример подписи с подобными указаниями: *Гаврилова приказу Бакина вместо пятидесятников и десятников и рядовых ити сот человек того ж приказу стрелец пятидесятник Федотко Семенов р. п.* Представители подобных сословий подписали Соборное уложение в числе последних (подписи № 304–315). Не вызывает сомнений, что в порядке расположения и особенностях

оформления фраз-подписей отразилось общественное устройство тогдашней России, сложившиеся социальные предпочтения.

Анализируемый список рукоприкладств представляет несомненный интерес и с точки зрения того, как в нем отразились языковые вкусы эпохи. Прежде всего, это касается антропонимики. В каждой подписи содержится антропоним, который приводится в соответствии со сложившейся традицией его употребления.

Как уже указывалось, первыми подписали Соборное уложение представители высшего духовенства. В подписях они традиционно называют одно имя, которым, как известно, священники из белого духовенства, нарекаются в момент совершения над ними Таинства Крещения, и после принятия священства оно не меняется [4]. Поэтому после указания духовного звания следует каноническое полное имя: *митрополит Варлам, архиепископ Маркел, епископ Рофаил, архимандрит Серапион* и т. д.

Показательно, что имена высших чинов представлены полной моделью, совпадающей с современной: *имя + отчество + фамилия: боярин князь Алексей Никитич Трубецкой; боярин Глеб Иванович Морозов; окольничей Борис Иванович Пушкин* и т. п. В многочисленной научной и научно-популярной литературе по антропонимике указывается, что именно во времена Русского централизованного государства закрепляется такая трехчленная модель именования человека, что в таком виде первыми начинают именоваться представители высших сословий [5].

Иногда встречаются подписи, выполненные с употреблением так называемого полуотчества, т. е. не отчества в современном понимании слова, а конструкции с упоминанием отца. Так, читаем: *Чюхломец посажкой человек Кирилко Гаврилов сын Смолинский р. п.; Иванов сын Телятева Никифорко р. п.* Встречаются подписи, в которых слово *сын* не употребляется: *Вместо волоченина Фетьки Иванова Михеева Дмитровской сотни тяглец Фомька Иванов р. п.* Очевидно, что отчества как таковые пока по форме не устоялись, но прецеденты их использования налицо. Обязательными же частями антропонима они становятся, как известно, во времена Петра I.

Список рукоприкладств содержит подписи, в которых употребляется двучленный антропоним, представляющий собой имя и фамилию: *новгородец Федор Харламов, резанец Иван Фомин, брянченин Алексей Безобразов, ростовец Гаврило Гордеев, гость Богдан Щепоткин, вязмитин Яков Буноков* и т. д. Следует указать на то, что приблизительно третья часть всех подписей включают неофициальные, неканонические формы имен собственных: *Клинениц Игнашко кромин р. п.; галичанин посажкой человек Оска Кувашов р. п.; Ивашко Кононов р. п.; казанец посажкой человек Мишка Ермолин р. п.* и т. п. Подобная практика использования имен собственных зафиксирована. В XVI–XVII веках при обращении человека низшего сословия к персоне из высшего или при обращении нижестоящего чиновника к вышестоящему сформировалась традиция именовать себя посредством особой уничижительной формы – полуименами: *Абрашко, Нестерко, Ивашка, Петрушка, Васька* вместо *Абрам, Нестер, Иван, Пётр, Василий* [6]. При оформлении подписей к Уложению 1649 года подобная ситуация не имела в виду, можно, скорее всего, говорить об осознании подписавшим собственного социального статуса или об определенной игре, если угодно, коммуникативной тактике писавшего: стать в уничижительную позу прилично, выгодно, положено и т. п.

Подведем итоги предпринятого нами краткого рассмотрения списка рукоприкладств. Очевидно, что порядок расположения подписей определен социальной иерархией: первыми подписали Уложение высшие чины духовенства, а далее чиновники, представители городов и приказов.

Список рукоприкладств отражает антропонимические предпочтения эпохи: полное трехчленное имя называет только представителей высшей знати, используются антропонимы с полуотчеством, широко практиковалось в сфере делопроизводства использование уничижительных форм имени. Так, казалось бы, вспомогательная часть памятника письменности может оказаться ценным в научном смысле слова источником.

Список использованных источников

- 1 Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л. : Наука, 1987. – 448 с.
- 2 Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. – В. 6. / Ред. К. С. Софроненко. – М. : ГИЮЛ, 1957. – 553 с.
- 3 Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова / Гл. ред. Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. – М. : Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.
- 4 Каким образом присваиваются духовные имена Батюшкам? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eparchia.kg/answers/410>. – Дата доступа : 08.10.2017.
- 5 Русское имя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа : 10.10.2017.
- 6 Русское личное имя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа : 10.10.2017.

УДК 811.161.3'367.522'38:398

К. Л. Хазанова

ИНВЕРСИЯ: ГІСТАРЫЧНАЯ З’ЯВА І СРОДАК ВЫЯЎЛЕНЧАЙ ВЫРАЗНАСЦІ

Формирование языкового явления происходит параллельно с развитием стилистического потенциала ранее существующего. Исследование инверсии как популярного приёма изобразительной выразительности фольклорного текста иллюстрирует развитие у характерного для предшествующего периода развития языка явления ярко выраженной коннотации.

Мова – з’ява сацыяльная. Як сродак зносін прадстаўнікоў соцыуму мова непасрэдна залежыць ад светапогляду, каштоўнасных арыентацый, узроўню культуры і духоўнасці носьбітаў. Адбываюцца змены ў грамадстве – змяненні адбываюцца ў мове. Прычым трансфармацыі адбываюцца на ўсіх моўных узроўнях. У лексіцы змяненні больш відавочныя, іх можна прасачыць і выявіць: адны слова страціліся носьбітамі мовы, іншыя – з’явіліся ў функцыянаванні грамадства. У іншых моўных адзінках змяненні адбываюцца павольней, у выніку чаго заўважыць іх магчыма толькі пры параўнанні тэкстаў, паміж датамі стварэння якіх існуе значная часавая адлегласць.

Некаторыя моўныя рысы страчваюцца паступова з літаратурнай мовы і з мовы штодзённага ўжытку грамадства, аднак захоўваюцца ў фальклоры. У адносінах да моўных змяненняў адметнасць фальклорных твораў у іх дваістасці. З аднаго боку, тэксты вуснай народнай творчасці канцэнтруюць рысы мовы старажытнасці, з другога – кожнае новае пакаленне дапаўняе творы папярэднікаў чымсьці новым.

Моўныя змяненні, расцягнутыя па часе, адлюстроўваюцца ў сістэмна-структурнай арганізацыі фальклорных песенных тэкстаў, у прыватнасці – у сінтаксічных сродках выяўленчай выразнасці.

Адным з такіх моўна-выяўленчых сродкаў з’яўляецца пашыраная ў беларускім абрадавым фальклоры інверсія – змяненне звычайнага парадку слоў і словазлучэнняў, якія складаюць сказ, з мэтай узмацніць выразнасць мовы. Сучаснай беларускай (як і іншым усходнеславянскім) мове ўласцівыя прамы парадак і намінатыўны лад, калі дзейнік у форме назойнага склону пачынае сказ, наступны за ім выказнік выражаны асабовай формай дзеяслова. Пры гэтым азначэнні звычайна займаюць прэпазіцыйнае становішча адносна азначаемага слова. Такі сінтаксічны парадак у беларускай мове сфарміраваўся гістарычна не адразу.

У старажытнасці ў агульнаўсходнеславянскай мове храналагічна больш раннія кароткія, іменныя, формы прыметнікаў звычайна ўжываліся пасля азначаемага слова. З часам развіліся поўныя, займеннікавыя, формы прыметнікаў, якія замацаваліся ў прэпазіцыйным

становішчы і сінтаксічнай функцыі азначэння [1, с. 293]. Аднак многія фальклорныя творы данеслі да сучасных чытачоў і слухачоў постпазіцыйнае ўжыванне азначэнняў-прыметнікаў:

Мой унучак даражэнькі, Мне ж дамоў не хочацца [2, с. 335].

Такая паслядоўнасць з пазіцый сучаснай беларускай мовы можа разглядацца як інверсійны парадак слоў. У народным дыскурсе такая інверсія становіцца стылістычным сродкам і накіравана на ўзмацненне выразнасці тэксту: *Бабулька мая гордая, Парадзіха твая лёгкая* [2, с. 340].

Экспрэсіўнасці садзейнічае інверсійнае выкарыстанне дэмінітыўных прыметнікаў, узмоцненае паўторам:

*У мяне бяседка, у мяне бяседка
Всялюсенькая,
Всялюсенькая.*

*Мая бабулька, мая галубка –
Маладзюсенькая,
Маладзюсенькая* [2, с. 331].

Часам інверсія азначэнняў у фальклорных тэкстах суправаджаецца паўтораным ужываннем прыназоўніка:

На вуліцы на шырокай Мяцель замятайць [2, с. 329].

Для фальклору ўласціва своеасаблівая слоўная гульня з інверсійнымі азначэннямі, калі экспрэсіўнасць тэксту дасягаецца шляхам ужывання разнастайных форм прыметнікаў: адмоўных ад'ектываў у супастаўленні з формамі вышэйшай ступені параўнання:

*А на гарэ дуб незялёны,
А на куце люд невясёлы,*

*А ў нізіне дуб зелянейшы,
А ў парозе люд весялейшы* [2, с. 352].

Пашыраным тыпам інверсіі ў фальклорных тэкстах з'яўляецца ўжыванне выказніка перад дзейнікам:

*Сядзіць бабулька на куце,
як галубка на кусце* [2, с. 330];
*П'юць, гуляюць малойчыкі,
За мной паслы шлюць* [2, с. 335];

*Спілася бабка, спілася,
Пад загнетам звілася* [2, с. 341];
*Кукавала зязюля
У зялёным лесе* [2, с. 342].

Прэпазіцыя прэдыката актуалізуе ўвагу аўдыторыі на суб'екце дзеяння і надае тэксту новае выразнае адценне:

*Пайду я, пайду я вобак ракою,
Сарву я красачку правай рукою* [2, с. 348];
Ой, коціцца чарачка З пакуту ў канец [2, с. 348];
Папілі гарэлку суседзі твае, І вышлі на вулку судзіць аб табе [2, с. 349].

Інверсія прэдыката таксама часта суправаджаецца паўторамі:

*Ляцела сава з-пад Барысава,
Шуры-буры, з-пад Барысава,
Ляцела сава ды на хрэсьбінкі,
Шуры-буры, ды на парозе* [2, с. 353].

Інверсійны парадак выкарыстоўваецца разам з выклічнікамі

Ой, плача Манечка, ой, плача, Ад мамкі выходзіць не хоча [2, с. 361].

Інверсія прэдыката ў фальклорных творах сустракаецца пры рэалістычным апісанні падзей, пры фіксацыі чалавечых адносін:

Прыехалі заручнічкі Без скрыпачкі, без дудачкі [2, с. 363];

*Выбіраецца млада Гэлечка да вянца,
Пытаецца ў роднай мамачкі грабянца* [2, с. 370];

Прыехала дзевачка з вянца, Да з вялікае дарожачкі [2, с. 370].

Народны абрадавы дыкурс прапануе інверсійны парадак слоў у анафарычных спалучэннях:

*Прыехалі кавалеры,
Палажылі венчык на талеры,
Прыехалі камісары,
Нашу Настачку запісалі*
[2, с. 375];

*Засталіся мае гулі недагуляныя,
Засталіся мае скокі недаскаканыя,
Засталіся мае ігры недаіграныя,
Засталіся мае песні недаспяваныя*
[2, с. 375].

Спалучэнне інверсіі і анафары дазваляе засяродзіць увагу рэцыпіентаў на перадачы дзеянняў, працэсаў, станаў лірычных герояў, што стварае адметную эмацыянальнасць народных песень. Такім чынам у аўдыторыі выклікаецца спачуванне і суперажыванне дзеючым асобам.

Яшчэ адна асаблівасць беларускага народнага абрадавага дыскурсу – спалучэнне паралелізму і інверсіі:

А ў садзе рабінкі, А ў нас сённа радзінкі.

А мы ж рабінкі Да ламаць будзем,

А мы ж радзінкі Да гуляць будзем [2, с. 316].

У шматлікіх выпадках фальклор прапануе выкарыстанне інверсіі ў пейзажных замалёўках, дзе праз метафару і паказ жыцця прыроды схавана перададзена жыццё чалавека:

Кланялася вольха зялёнай бярозе,

Будзе наш Іванка ў далёкай дарозе [2, с. 370];

Пайшла Настачка ў агарод,

Сядзіць рутачка ля варот [2, с. 375].

Малюнкi прыроды ў паралелізме могуць быць рэальна існуючымі і схопленымі складальнікамі фальклорных тэкстаў “з прыроды”, а могуць з’яўляцца плёнам фантазіі аўтара:

Расцвіла каліна дый на захад сонца,

Плакала дзяўчына, глядзячы ў аконца [2, с. 378];

Лятуць, лятуць лебядзі цераз сад,

Вядуць, вядуць Настачку на пасад [2, с. 365].

Аснова для стварэння паралелізму – вобразнае мысленне аўтара і імкненне да рыфмавання радкоў:

Кацілісь калёсцы Да на раннай росцы,

Да плакала дзевачка Да на русай косцы [2, с. 378].

Прыродная замалёўка ў паралелізме мае на мэце стварыць адпаведны настрой аўдыторыі перад успрыманнем апавяду пра чалавечыя адносіны:

Цячэ рэчка з возера у мора,

Едзе дзевачка з роскашы ў гора [2, с. 391].

У большасці выпадкаў беларускія народныя абрадавыя песні адлюстроўваюць жыццёвыя цяжкасці і горасці чалавека, таму стан прыроды ў народнай паэтыцы абыгрываецца накшталт падзеям у жыцці асобы.

Калі песня апавядае пра сумныя змены, пра смутак чалавека, то і прыродныя з’явы ў паралелізме адлюстроўваюцца, або, хутчэй, нараджаюцца народнай фантазіяй стваральнікаў і выканаўцаў фальклору сумныя. У такіх выпадках прыродзе, птушкам, зьярам, раслінам прыпісваюцца адмоўныя чалавечыя эмоцыі:

Не ведала зязюлечка, як у садзе жыць,

Не ведала матулечка, як дачушку збыць [2, с. 393].

Або аўтары імкнуцца ўявіць патэнцыяльныя паводзіны прыроды ў выпадку падобных чалавечым перажыванням і пераносяць пачуцці чалавека на стан прыроды:

Шуміць бярозка, шуміць белая, Над ракою стоячы.

Плача дзевачка маладзенькая, Па дворэ ходзячы [2, с. 394].

Больш прыемныя, пазітыўныя мерапрыемствы ў паралелізме знаходзяць выяўленне ў адлюстраванні іншых прыродных з’яў. Аўтары ўяўляюць, што прырода радасна і весела адгукаецца на веселасць і свята людзей:

Зазвінелі чарачкі на сталі І заржэлі конікі на дварэ [2, с. 382].

Вялікая колькасць выпадкаў паралелізму разам з інверсіяй у беларускім народна-паэтычным дыскурсе робіць спалучэнне гэтых прыёмаў сістэмна-структурнай арганізацыі тэксту спецыфічнай адметнасцю фальклорных твораў. Паралелізм садзейнічае выразнасці і эмацыянальнасці песеннага тэксту, а інверсія актуалізуе ўвагу аўдыторыі на неабходнай складальнікам інфармацыі [3, с. 165].

Інверсія з’яўляецца пашыраным прыёмам стварэння выяўленчай выразнасці беларускага народнага песеннага тэксту. Захаваны са старажытнасці, гэты сродак сістэмна-структурнай арганізацыі інтанацыйна выдзяляе і лагічна падкрэслівае адпаведныя часткі тэксту, ствараючы эмацыянальнасць і выразнасць твораў. Прыведзеныя беларускія фальклорныя тэксты выяўляюць цікавую адметнасць мовы як дынамічнай сацыяльнай з’явы: фарміраванне новых моўных рыс адбываецца паралельна з пашырэннем стылістычнага патэнцыялу раней існуючых, у выніку чаго камунікатыўныя функцыі пачынае выконваць моўная з’ява ў новым выяўленні, а яе папярэдняя версія набывае ярка выражаную канатацыю.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1989. – 400 с.
- 2 Песні народных свят і абрадаў: беларускі фальклор у сучасных запісах / уклад. і рэд. Н. С. Гілевіча. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1974. – 464 с.
- 3 Станкевіч, А. А. Рыторыка : вучэб. дапам. / А. А. Станкевіч. – Мінск : РІВШ, 2010. – 316 с.

УДК 811.161.1'0'37

Р. И. Хашимов

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА: ИСТОРИЯ И СЕМАНТИКА ТЕРМИНА

Рассматривается проблема возникновения термина «ключевые слова текущего момента». Составной характер термина не вызывает сомнения, каждая часть термина имеет свою историю и семантику. Истоки данного термина восходят к XIX столетию.

Термин **ключевые слова текущего момента** восходит к двум составным терминам: **ключевое слово** и **текущий момент**. Известный языковед Т. В. Шмелева [10] не сразу пришла к этому актуальному в современной лингвистике названию. В своих первых публикациях начала 90-х годов XX века она использовала «Словарь одного события» о слове *путч*, «Словарь текущего момента» о словах *Белый дом*, *ваучер* и др. в цикле лингвистических заметок под общим названием «Слова и люди». Лишь затем она удачно использовала существующий в лингвистике и литературоведении термин **ключевое слово**.

Однако терминологическое значение сочетание *ключевое слово* имеет древние истоки. В качестве церковного устойчивого словосочетания данный термин был зафиксирован в Словаре Академии Российской в 1792 г. [6, с. 643] как синоним к сочетанию *ключь границь*, которое, в свою очередь, обозначало каждую из тридцати пяти букв (письмен) для определения, какого числа «въ известномъ году праздновать должно день Св. Пасхи и все зависящие отъ него подвижные праздники. Называется же каждая таковая буква ключемъ границь по тому, что отверзаетъ как бы дверь къ точному познанию предѣловъ времени» [6, с. 642]. На синонимичность этих двух сочетаний слов – *ключ границь* и *ключевое слово* – указывает и В. И. Даль [9, с. 308]. Таким образом, первоначально сочетание *ключевое слово* имело значение ‘значимый, главный предел (отсчета)’, которое позволяет быть средством познания чего-либо. Именно это определительное значение послужило основой для возникновения переносного значения у слова *ключевой* ‘наиболее значительный в каком-л. отношении’ [7, с. 61]. Данное значение не зафиксировано ни в Словаре языка А. С. Пушкина, ни в Словаре Академии Российской 1847 года [8]. На наш взгляд, в подобном значении прилагательное *ключевой* впервые стало использоваться в конце XIX столетия: *Теперь, всматриваясь в современную экономию общества, замечаем, как истоится старое, из рода в роде передававшееся понятие*

о благородстве, бывшее когда-то прежде **ключевым сводом** политического здания (К. П. Победоносцев. Московский сборник (1896)) [НКРЯ].

В современном переносном значении 'основной, главный, стержневой' лексема **ключевой** стала использоваться в начале XX столетия в сочетании с широким кругом слов при определении чего-либо существенного: *Но, безошибочно следуя привычке, он уже окончил символ веры, сказал «аминь» и по древнему **ключевому распеву** возгласил: «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди»* (А. И. Куприн. Анафема (1913)); *Прежде чем приступить к начертанию первой **ключевой фразы** в своем сочинении, Фирсов стремительно носился по благушинским людям, уплотняя их судьбы в живые узлы, пока не запульсирует единое сердцебиенье, – прищуренным глазком, по-плотнически, выверяя прямизну задуманного действия* (Л. М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927)); *Божья рука уже прикоснулась к нашему срывающемуся, трудному, **ключевому**, совсем не такому, как надо – жизнью-бытью* (О. А. Бессарабова. Дневник (1922)); *Юшунь является тактическим **ключевым** пунктом Крыма: дальнейших естественных рубежей, на которых мог бы задержаться обороняющийся, нет* (С. Покровский. Работа белой авиации в Крыму и северной Таврии в 1920 году (1922) // «Авиация и космонавтика», «Авиационный сборник», 1994); *Свои слова Эн вообще контролировал, но рано или поздно это должно было случиться, потому что слишком много набралось дурных мыслей, сходящихся в некоей **ключевой** формуле: как тягостна праздная, душевно паразитическая старость* (Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)) [НКРЯ].

На значение 'главный, основной, самый важный' прилагательного **ключевой** оказало влияние переносное значение лексемы **ключ** 'средство, возможность для разгадки, понимания чего-л., для овладения чем-л.', которое и стало отправной точкой создания лингвистического термина **ключевое слово**. Следовательно, сложение этих двух переносных значений и послужило основой для возникновения фразеологического значения 'главный, значимый элемент' у сочетания **ключевое слово**. Лингвистическое значение этого термина, можно полагать, впервые было использовано в середине XX века в различных статьях [1; 2; 5 и др.]. Далее **ключевое слово** породило ряд сочетаний, в которых в качестве переменной единицы выступила лексема **слово**. Данное сочетание элементов стало весьма употребительным. Так, отмечается очень широкий круг лексических единиц самой разнообразной семантики и широкого спектра тематических групп. Возникли сочетания **ключевая лексема, ключевое слово-репрезентант, ключевой термин, ключевые элементы, ключевой мотив, ключевой образ, ключевые понятия, ключевой компонент, ключевой концепт, ключевой тезис, ключевое звено, ключевой топос, ключевое явление, ключевое требование, ключевое условие, ключевой комплекс, ключевой фрагмент, ключевой свойство, ключевая фигура, ключевая тема** и т. д. и т.п.

Истоки второй части сложного термина **ключевые слова текущего момента** мы находим в публицистическом дискурсе XIX столетия, когда данное словосочетание не имело еще терминологического значения. Например, еще в XIX столетии М. Н. Катков называл текущим моментом «убегающее явление», «мимолетную фазу нашей жизни» [3, с. 393]. В начале XX века данное словосочетание появляется в политических текстах: сравн. статью В. М. Шулятикова «К оценке текущего момента» (Рабочее знамя, 1908, ноябрь, № 6): *И все же, оценивая **текущий момент**, мы никак не можем упускать из виду этого стремления капитала внутренне переродиться. Оно существует, оно развивается* [11, с. 3]. Следовательно, термин **текущий момент** приобретает терминологическое «облачение» сначала в политическом дискурсе.

Впервые терминологическое понятие «текущего момента» было сформулировано в 1906 году во втором вопросе повестки дня IV съезда РСДРП в виде «О современном моменте и классовых задачах пролетариата». А с 1917 года словосочетание **текущий момент** превращается в политический термин, он вводится в виде отдельного вопроса на VI съезде РСДРП, при этом предлагается рассмотреть а) войну и международное положение; б) политическое и экономическое положение в стране. Следовательно, прилагательное **текущий** приобретает значение 'современный; наличествующий в данное, настоящее время, теперешний' [7, т. 4, с. 347].

Этот термин используется не только в речи делегатов съезда, но и на собраниях трудящихся вплоть до середины 30-х годов прошлого века. Он был действительно ключевым как один из старейших политических терминов, т. к. имел хождение в различных слоях русского общества. Это отражено в художественной литературе, описывающей данный период жизни народа: *На повестке дня стоит семь очень важных по сложности и по содержанию вопросов: 1. Текущий момент. 2. Экономическая политика Советской власти* (Д. А. Фурманов. Мятёж (1924)); *На митингах освещался главным образом стереотипный «текущий момент»* (Д. А. Фурманов. Чапаев (1923)); *Но нельзя отрицать: эмигрантская пресса сделала все от нее зависящее, чтобы оттолкнуть от себя население современной России без различия классов, положений и направлений. В беседах часто затрагивали «текущий момент». Все единодушно констатируют хозяйственный подъем* (Н. В. Устрялов. Россия (У окна вагона) (1926)); *Я знаю «текущий момент», «национальную политику», «международные вопросы»* (Вениамин Каверин. Два капитана (1938–1944)) [НКРЯ]. Контекст приведенных иллюстраций, особенно наличие определения *стереотипный*, свидетельствует о фразеологизации выражения *текущий момент*.

Гибридизация терминологических систем разных научных направлений стала ведущей тенденцией при создании терминов различных наук.

Список использованных источников

- 1 Айзерман, Л. С. Ключевые слова / Л. С. Айзерман. – Русский язык в школе. – 1973. – № 4. – С. 39–43.
- 2 Зализняк, А. А. К типологии относительного предложения / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – Вып. 6. Грамматические и семиотические проблемы. – М.: ВИНТИ, 1975. – С. 51–101.
- 3 Катков, М. Н. Роман Тургенева и его критики / М. Н. Катков // Русский вестник. – 1862. – Т. 39. – № 5 – С. 393–424.
- 4 НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 24.05.2017.
- 5 Роднянский, В. Л. О роли ключевого слова в понимании текста / В. Л. Роднянский // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 106–114.
- 6 Словарь Академии Российской: в 6 частях. – Часть III: от З до М. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1792. – 761 с.
- 7 Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 2: К – О. – 1983. – 736 с.
- 8 Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4-х т. – САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ: Въ Типографии Императорской Академии Наукъ, 1847. – Томъ 1. – 416 с.
- 9 Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Третье, исправленное и значительно дополненное издание под редакцию проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Т. 1–4. – С.Петербург-Москва: Издание т-ва М. О. Вольф, 1903–1907. – Т. 1: А – З. – 1724 с.
- 10 Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
- 11 Шулятиков, В. М. К оценке текущего момента / В. М. Шулятников // Рабочее знамя. – 1908, ноябрь. – № 6.

УДК 811.161.1: [81'373:398.9]: 001.891

Е. И. Холявко

ИЗБАВИ НЫ ОТ НЕПРИЯЗНИ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА СЛОВА

Статья посвящена проблеме своеобразия русского литературного языка, обусловленного его историей, роли церковнославянского языка в обогащении концептосферы русского

языка. В качестве иллюстрации приводится славянская интерпретация греческого повтора в тексте Молитвы Господней.

Весь мир берет свое начало в Слове
Д. С. Лихачев

Размышляя о роли русского языка в судьбе русского народа, Д. С. Лихачев формулирует идеи, ставшие методологической основой современного лингвокультурологического исследования. «Язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности. Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» [1]. Богатство языка не исчерпывается богатством словарного запаса и грамматического потенциала. Богатство языка определяется также и глубинными смыслами, понимание которых удерживает системную целостность культуры, сохраняет осознанное восприятие духовной ценности, решает проблему национальной самоидентификации.

Своеобразие русского литературного языка обусловлено его историей, взаимодействием церковнославянского языка и русской разговорной речи. Следует принять во внимание не только сакральный, культурный характер церковнославянского языка, но и его надэтнический характер. Будучи литературным языком православных славян, церковнославянский язык имел более широкое распространение по сравнению с любым славянским языком, что дает основание считать его интеллектуальным наследием славянских народов, объединяющим духовным элементом. Авторитет апостольского языка, проросшего в виде церковнославянского языка русской редакции в высоких книжных стилях, органически слившегося с природной энергией народной речи, наполняет созидательной духовной силой русское слово. Это обеспечивает особые семантико-стилистические возможности современному русскому языку.

Н. И. Толстой пишет о значении древнеславянских текстов: «Говоря о роли кирилло-мефодиевской традиции в истории славянской письменности, мы имеем в виду прежде всего стремление к нормализации и сохранению древнеславянского (церковнославянского) языка как орудия межславянской культуры. Стремление это не всегда вело к возрождению архаических норм, хотя следует признать, что в принципе и такая цель ставилась при каждой достаточно широко задуманной попытке нормализации» [2, с. 144]. Характерно, что при книжных справах в истории Руси обычно заявлялась цель нормализации, которая интерпретировалась как следование архаичному образцу. Это способствовало «более широкой коммуникации не только в пространстве (для древнеславянского в ареале «греко-славянского мира»), но, что не менее важно, во времени. Последнее давало возможность сохранения и усвоения почти в полном объеме всего <...> литературного и культурного славянского наследия» [2, с. 54].

Д. С. Лихачев справедливо утверждает, что «церковнославянские слова, выражения и формы слов служили не только расширению русского литературного языка и просторечия, но и вносили оценочный элемент в мышление» [1]. Поэтому для современной лингвокультурологии важно исследование сакральных текстов, поскольку «постоянное обращение к молитвам, к богослужебным текстам, и особенно к Псалтыри, к текстам на церковнославянском языке на протяжении тысячелетия служило важнейшим источником обогащения концептосферы русского языка» [1].

Таким духовно значимым текстом является текст Молитвы Господней. Являясь продолжением пророческого старославянского языка, церковнославянский наследует функцию выражения сакральных смыслов. Духовная сила Слова закономерно облечена в церковнославянскую форму. Духовная ценность церковнославянского Слова обусловлена единством заветного содержания и соответствующей формы. Поэтому на Руси всегда значительное внимание придавалось соблюдению кирилло-мефодиевской традиции – традиции пословного перевода. В этом отношении показателен выбор слова, сделанный славянским книжником при переводе молитвы Господней.

Перевод Кирилла и Мефодия не сохранился. В Мариинском Евангелии, относящемся к началу XI в., вывезенном в XIX в. из скита Богородицы на Афоне русским лингвистом

В. И. Григоровичем, находим наиболее древний из доступных для нас текстов: *Тако оубо молите вы с\.* *Отъче нашъ иже си на небесъхъ да св\титъ с\ им\ твоє. Да придетъ цѣсарьство твоє. Да бѹдетъ вола твоє ако на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ наставъшааго дъне даждь намъ дънесъ и отъпусти намъ длъгы наш\ ако и мы отъпоуштаемъ длъжъникомъ нашимъ и не въведи насъ въ напасть нъ избави ны отъ неприязни. ако твоє естъ цѣсарьство и сила и слава въ вѣкы. Аминь.* (Мф., 6, 9–13) [3, с. 17]. Приведенный выше с графическими погрешностями, обусловленными техническими причинами, текст значительно отличается своим лексическим составом от известного всем современного варианта.

Ближе нам оказывается текст Остромирова Евангелия – наиболее раннего датированного восточнославянского памятника. Книга была переписана со старославянского оригинала для новгородского посадника Остромира диаконом Григорием с 21 октября 1056 г. по 12 мая 1057 г. [4, с. 11]. А. Х. Востоков издал Остромирово Евангелие и высказал мысль о том, что текст этого памятника восходит к переводу Кирилла и Мефодия. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что последнее прошение переведено иначе, чем в современной редакции, но так же, как и в приведенном выше тексте Мариинского Евангелия: *Отъче нашъ иже си на небесъхъ да св\титъ с\ им\ твоє. Да придетъ цѣсарьство твоє. Да бѹдетъ вола твоє. ако на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насѣитъныи даждь намъ дънесъ и оставь намъ длъгы наш\.* *ако и мы оставляемъ длъжъникомъ нашимъ и не въведи насъ въ напасть нъ избави ны отъ неприязни. ако твоє естъ цѣсарьство и сила и слава въ вѣкы. Аминь* [5, лист 123–124].

Таким образом, привычное *Не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого* восходит к *Не введи нас в напасть, но избавь нас от неприязни*, где последняя словоформа является переводом греческого *πονηροῦ* в значении ‘от зла, от злого’. Славянское соответствие *неприязни* обнаруживается и в Архангельском Евангелии XI в., Новгородской Триоди XIII в., Сербском Часослове XIV в., но в Часослове 1423 г., Острожской Библии 1581 г. и в других более поздних памятниках записано *избави нас от лукавого*. Этот перевод более позднего времени следует святоотеческой традиции, сообразно которой греческое *πονηρός* ‘зло’ естественно связывается с обозначением противника Бога, врага, злокозненного, хитрого и лживого. Мнения библеистов расходятся относительно того, является ли славянская лексема субстантивом мужского или среднего рода, а обозначаемое понятие – табуизированным выражением конкретной сущности или отвлеченного представления. Для лингвокультуролога в этой ситуации наиболее значимым оказывается актуализация внутренней формы избранных лексем, выводящая исследователя в устойчивую систему концептосферы, где доминирующим оказывается признак кривизны, отклонения от нормы, на основе которого закономерно формируются все вторичные смыслы – зла, вражды, лжи, коварства, лукавства [6, с. 34–39, 58, 73–74].

Концептуальная семантика более раннего славянского перевода также обусловлена глубинной семантикой избранного слова. Казалось бы, славянский переводчик руководствовался личным восприятием сокровенного текста. Однако этот субъективный выбор опирается на объективные универсалии, характеризующие картину мира не только православного книжника, но и просто русского человека. В заключительном прошении главной молитвы мы обращаемся с просьбой избавить от зла, где зло называется *неприязню*. Если принять во внимание значение слова (ст.-слав. *неприязнь* ‘зло’, ‘злой дух’ [7, с. 372]) и его структуру (ст.-слав. *приянь* ‘φιλία’, ‘дружба’, ‘преданность’ [7, с. 516]; др.-рус., рус.-цслав. *приятти* ‘любить’ [8, с. 1502]), то обращаемся с просьбой избавить нас от *не-любви*, что, конечно же, согласуется с глубочайшим духовным смыслом христианской молитвы. Любовь основана на свободе выбора, она формируется как способность и потребность отношений принятия себя, другого и мира. Это свет, направленный изнутри наружу, роднящий человека с другим и с самим собой. Путь семантического развития корня *люб* подтверждает устойчивые концептуальные связи: ‘свет, огонь’ > ‘желание, стремление, воля’ > ‘предпочтение’ > ‘выбор’. Если семы стремления, предпочтения легко обнаруживаются в семантике современного глагола *любить*, то сема выбора проясняется в родственных языковых единицах: разделительном союзе *любо, либо* или местоимении *любой* ‘каждый’; ‘какой угодно’. Можно привести и лат. *libĕr* ‘свободный’ дух’ [9].

Таким образом, избранное славянским книжником слово становится источником обогащения концептосферы русского языка. Употребляясь и вне сакрального текста, оно сохраняет свою глубинную связь с исходным образом, приобретая с течением времени новые семантические оттенки. Но в составе молитвы намеренно созданное для передачи заветного смысла славянское слово является живым свидетельством многовекового духовного поиска человека. И в этом состоит непреходящая ценность светского научного исследования церковнославянского текста, способного объединить славян во времени и пространстве.

Список использованных источников

- 1 Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/koncept.php. – Дата доступа : 18.10.2017.
- 2 Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1988. – 239 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://danefae.org/djvu/istrusla>. – Дата доступа : 18.10.2017.
- 3 Новикова, А. С. Старославянский язык / А. С. Новикова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 278 с.
- 4 Новгородский край в русской литературе / ред. кол.: А. Л. Гавриков, Т. В. Игошева, В. А. Кошелев, Д. Б. Терешкина; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 927 с.
- 5 Остромирово Евангелие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.docme.ru/doc/847327/ostromirovo-evangelie-perevod>. – Дата доступа : 21.10.2017.
- 6 Холявко, Е. И. Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова / Е. И. Холявко; под ред. В. И. Ковалю. – Гомель: УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», 2002. – 176 с.
- 7 Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. В. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с.
- 8 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. – Т. 2: Л–П. – 1802 с.
- 9 Холявко, Е. И. Любить любого: о глубинной семантике древнего корня / Е. И. Холявко // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. научн. статей. Вып. 8 / редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.), И. Н. Афанасьев, Н. В. Сулова; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 217–222.

УДК 811.512.164'373.233

Н. И. Шаблдаева

АРХИТЕКТОНИКА ТУРКМЕНСКОГО ИМЕНИ

Данная статья посвящена исследованию структуры сложного туркменского имени. В результате установлено, что мужских композитных имён значительно больше, чем женских. Только некоторые имена проявляют продуктивность и способны сочетаться с другими именами. Некоторые части сложного имени не имеют гендерной закреплённости.

Теоретическому осмыслению имени собственного на материале разных языков посвящено немало работ. Имя собственное рассматривается с разных точек зрения. Чаще исследуется его семантика, вернее связь с нарицательной лексикой языка. А. В. Суперанская с полным основанием утверждает: «Общее число имен собственных всех типов в каждом языке чрезвычайно велико, и отпечаток этой «громкости» ложится на каждое отдельное имя... [1, с. 9].

Н. И. Лапицкая справедливо отмечает: «ИС гораздо более чем другие языковые знаки, будучи универсалиями языка и культуры, выполняют функцию хранения и трансляции национального самосознания, традиций, истории, культуры народа. Они являются сложными языковыми знаками» [2, с. 140]. Мы в данной работе предпримем попытку исследовать туркменское имя собственное с точки зрения его структуры, не затрагивая его связи с апеллятивами, т. е. возможной семантикой этих имён. Цель данного исследования – изучить композитные туркменские имена, в том числе личное имя, отчество и фамилию, т. к. туркменские фамилии образованы от личных имён. В качестве фактического материала послужили списки туркменских студентов филологического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. В связи с этим мы отдаём себе отчёт в том, что перечень имён не достаточно полный. Но уже имеющиеся факты говорят об очень большом разнообразии имён в туркменском языке.

Мужские композитные имена очень разнообразны. К компонентам, стоящим на первом месте, относится элемент *Араз-(Ораз-)*, который зафиксирован не только в именах *Араз-мырат*, *Ораз-мырат*, но и в фамилии *Араз-дурды-ева* и отчестве *Ораз-гелди-евна*, *Ораз-гелди-евич*. Кроме того, этот элемент представлен и в женских именах *Ораз-джемал* и *Араз-гул*. Во всех случаях он стоит только на первом месте. В качестве первой части имени используется также компонент *Ага-*: *Ага-мырат*, *Ага-довлет*. Он же присутствует и в фамилии *Ага-ныязов*. Такое же положение занимает и компонент *Ак-* в мужских именах *Ак-мырат* и *Ак-мухаммет* и в женском имени *Ак-гозел*, а также в составе фамилий *Ак-маммедова*. В качестве первого компонента имя *Аман* входит в состав фамилии *Аман-назаров* и отчества *Аман-гелдиевна*. Часть сложного имени *Джума-* зафиксирована в имени *Джума-назар*, в фамилиях *Джума-гелдиев*, *Джума-кулыева*, в отчествах *Джума-евна*, *Джума-дурдыевна*, *Джума-гелдиевна*. В составе отчества выявлен компонент *Тач-* (*Тач-мухаммедович*), он же имеется и в женском имени *Тач-гул*. В обоих случаях исследуемая часть стоит на первом месте. Самостоятельное имя *Хал* входит в качестве первого компонента в фамилию *Хал-мырадова*. Только в качестве первой части используется элемент *Худай-*: *Худай-назар*, *Худай-бердыевна*, *Худай-кулыевна*. Компонент *Яз-* вычленяется в отчестве *Яз-мырадовна* и фамилии *Яз-мамедова*.

Компоненты, стоящие на втором месте в сложном имени, также представлены широко. В туркменском мужском именослове имя *Мырат* в качестве второго элемента входит в большое количество мужских имён, отчеств и фамилий. Элемент *-мырат* выделяется в следующих именах: *Ага-мырат*, *Ак-мырат*, *Араз(Ораз)-мырат*, *Баба-мырат*, *Берди-мырат*, *Дурды-мырат*, *Ил-мырат*, *Нур-мырат*, *Сахет-мырат*, *Чары-мырат*, *Ша-мырат*, *Шир-мырат*. Указанная часть *-мырат* выделяется в составе отчеств, в которых чаще встречается вариант слова, в котором гласный *у* выступает на месте *ы* и согласный *д* – на месте *т*, а именно *-мурад-*, что может свидетельствовать о закреплении озвончения согласного на письме (сравн. *Ага-мырат* – *Ага-мурад-овна*). Наличие отчества подтверждает существование имени: *Берди-мурад-ович*, *Гельди-мурад-ович*, *Яз-мурад-овна*, *Сапар-мурад-овна*. Фамилии, образованные от имён, ещё больше расширяют круг имён с данным элементом: *Мухаммет-мурад-ова*, *Овез-мурад-ова*, *Хал-мурад-ова*. Часть *-мырат/-мурад-/-мурад-* встречается только в качестве второго элемента. Группа имён со вторым компонентом *-назар* включает следующие имена: *Джума-назар*, *Худай-назар*, *Ыхлас-назар*. Элемент *-назар-* присутствует в отчестве *Бай-назар-ович*.

В качестве компонента сложного имени на первом и втором месте стоит элемент *Дурды-*. Кроме рассмотренного *Дурды-мырат*, он выявлен в фамилии *Араз-дурды-ева*, в отчествах *Джума-дурды-евна*, *Гурбан-дурды-евна*, *Байрам-дурды-евна*. Видим, что чёткой закреплённости у данного компонента в имени нет. Элемент *-мухаммет-*, кроме вышеприведённого *Ак-мухаммет*, представлен в композитных фамилиях и отчествах *Мухаммет-мурадова*, *Тач-мухаммед-ович*, *Нур-мухаммед-овна*. Близкий в фонетическом отношении компонент *-мамед-/маммед-* зафиксирован в составе фамилий *Ак-маммедова*, *Яз-мамедова*, отчества *Анна-маммедовна*. К разноместной группе относится и элемент *-нур-*. В мужских именах стоит только на первом месте: *Нур-гелди*, *Нур-мырат*, отчествах *Нур-гелдиевна*, *Нур-мухаммедовна*,

в женских именах нет строгой закреплённости: *Ай-нур*, *Нур-набат*. Имена, объединённые вторым элементом *-гелди*, включают в свой состав: *Ораз-гелди*, *Нур-гелди*, *Пена-гелди*, *Реджеп-гелди*. Он выявлен и в составе фамилий и отчеств: *Джума-гелди-ев*, *Джума-гелди-евна*, *Аман-гелди-евна*, *Довлет-гелди-евна*, *Гурбан-гелди-евна*, *Нур-гелди-евна*, *Ораз-гелди-евич*, *Ораз-гелди-евна*. Только в одном отчестве исследуемый элемент имени стоит на первом месте *Гелди-мурадович*. Элемент композита *Берди-* может стоять на первом месте (*Берди-мырат*, *Берди-мурадович*, *Берди-гулыев*) и на втором (*Ходжа-берди*, *Эгем-берди-ев*, *Худай-берди-евна*). В туркменском именослове имеется имя *Ходжа-мурат*, не зафиксированное в наших списках.

Можно предположить, что части *-гулы-* и *-кулы-* являются фонетическими вариантами и выделяются в качестве вторых компонентов в отчестве *Худай-кулы-евна*, фамилии *Берди-гулы-ев*, *Джума-кулы-ева*. Для сравнения приведём белорусскую фамилию *Бердикулова*, которая, без сомнения, источником имеет туркменское имя. В данном случае представлено квазичередование г//к, широко представленное также в славянских, и в частности в русском, языках [3, с. 118].

Фамилия *Гурбанов* свидетельствует о наличии имени *Гурбан*, которое входит в качестве первой части в мужские имена и образованные от них фамилии (*Гурбан-бај-эв*) и отчества (*Гурбан-гелди-евна*, *Гурбан-дурды-евна*), а также женские имена без строгой закреплённости (*Гурбан-джемал*, *Огул-гурбан*). Элемент *-бай-* также является разноместным и в нашем списке представлен в составе фамилий и отчеств (*Гурбан-бај-эв*, *Гадам-бај-эвна*, *Бай-назарович*).

Женские имена менее разнообразны, чем мужские. К компонентам, стоящим на первом месте в сложном имени, относится элемент *Ай-*, который выделяется только в женских именах: *Ай-болек*, *Ай-гозел*, *Ай-гул*, *Ай-джерен*, *Ай-зада*, *Ай-нур*. Все составляющие, кроме последнего *-нур*, используются только в женском именослове. Компонент *Огул-* также является очень продуктивным при образовании женских имён: *Огул-герек*, *Огул-гурбан*, *Огул-донди*, *Огул-хан*, *Огул-шат*, *Огул-ширин*. Имя *Махри* / *Мяхри* может связываться и с другими именами или элементами имени. Выявлены следующие сложные имена: *Махри-бан*, *Махри-джемал*.

Среди компонентов, стоящих на втором месте в сложном имени, некоторую продуктивность проявляет компонент *-гозел*, который отмечается в именах: *Ай-гозел*, *Ак-гозел*, *Миве-гозел*. Мужское имя *Хан* включено в качестве второго компонента в женское имя *Огул-хан*.

К разноместным элементам сложного имени относится *-гул-*, который в нашем списке имён предпочитает второе место (*Ай-гул*, *Араз-гул*, *Тач-гул*, *Эне-гул*), но может быть и на первом (*Гул-набат*).

В результате исследования имеющегося в нашем распоряжении списка имён туркменских студентов можно сделать вывод, что в качестве первого компонента сложного имени используется 34 элемента: *Ага-*, *Ак-*, *Аман-*, *Анна-*, *А(О)раз-*, *Баба-*, *Бай-*, *Байрам-*, *Берди-*, *Гадам-*, *Гелди-*, *Гурбан-*, *Довлет-*, *Джума-*, *Дурды-*, *Ил-*, *Мухаммет-*, *Нур-*, *Овез-*, *Пена-*, *Реджеп-*, *Сапар-*, *Сахет*, *Тач-*, *Хал-*, *Ходжа-*, *Худай-*, *Чары-*, *Ша-*, *Шир-*, *Ыхлас-*, *Эгем-*, *Яз-*, *Яны-*. Ни одному из них не отдаётся особое предпочтение. Наибольшее количество сочетаний, а их всего четыре, выявлено с компонентом *Джума-*. По три варианта образуют такие первые части, как *Ага-*, *Гурбан-*, *Худай-*. Все остальные компоненты используются по одному или два раза. Вторых компонентов выявлено десять: *-бай*, *-берди*, *-гелди*, *-гулы/-кулы*, *-довлет*, *-дурды*, *-назар*, *мухаммет/-маммед-*, *-мырат/-мурад*, *-ныяз*. Зато некоторые из них проявляют несравненно большую продуктивность. К таким относятся *-мырат/-мурад-* (19 из 34), *-гелди* (8 из 34), *-назар* (5 из 34). Имя *Довлет* в композитном имени в качестве первого и второго элементов используется только по одному разу (*Довлет-гелди*, *Ага-довлет*). Все остальные также имеют слабую валентность, что увеличивает разнообразие имен, а далее отчеств и фамилий.

Первой частью женских имён выступают следующие компоненты: *Ай-*, *Ак*, *О(А)раз-*, *Гул-*, *Гурбан-*, *Махри-*, *Миве-*, *Нур-*, *Огул-*, *Тач-*, *Эне-* (всего 11). Компоненты *Ай-* и *Огул-* сочетаются по шесть раз из 11, элемент *Махри-* дважды, остальные по одному разу. Вторые компоненты женского имени более разнообразны: *-болек*, *-бан*, *-герек*, *-гозел*, *-гул*, *-гурбан*, *-джемал*, *-джерен*, *-донди*, *-зада*, *-набат*, *-нур*, *-хан*, *-шат*, *-ширин* (всего 15). Из вторых

элементов некоторую продуктивность проявил компонент *-гул* (4 из 15), *-джемал* – 3, *-гозел* – 2, остальные по одному разу.

Композитами и мужского, и женского имени могут выступать одни и те же элементы: *А(О)раз-*, *Ак-*, *Гурбан-* (муж.)/*-гурбан* (жен.), *Нур-* (муж., жен.) / *-нур* (жен.), мужское имя *Хан* и женское *Огул-хан*.

Сложное имя может использоваться в редуцированной форме. В таком случае в мужском имени берётся первый компонент имени: *Сахетмырат* – *Сахет*, *Чарымырат* – *Чары*, *Пенагелди* – *Пена*. О женских именах информации меньше. Но, например, имя *Нурнабат* сокращено до *Набат*, т. е. сохраняется вторая часть. Для сравнения в русском языке «формы, являющиеся результатом сокращения производящей основы в чистом виде, крайне немногочисленны» [4, с. 69].

В составе разных имён и фамилий выявляются композитные мужские имена, элементы которых не вступают в отношения с другими компонентами, кроме приведённых: *Ил-* (*Илмырат*), *Ша-* (*Ша-мырат*), *Шир-* (*Шир-мырат*), *Баба-* (*Баба-мырат*), *Сохет-* (*Сохет-мырат*), *Пена-* (*Пена-гелди*); *Овез-* (*Овез-мурад-ова*), *Эгем-* (*Эгем-берди-ев*), *-ныяз-* (*Ага-ныяз-ов*); *Байрам-* (*Байрам-дурды-евна*), (*Гадам-*) *Гадам-бай-евна*, *Сапар-* (*Сапар-мырад-овна*), *Яны-* (*Яны-бай-эв*). Часть женских имён также имеет элементы, не повторяющиеся в других именах: *Миве-* (*Миве-гозел*), *Эне-* (*Эне-гул*); *-бан* (*Махри-бан*), *-болек* (*Ай-болек*), *-герек* (*Огул-герек*), *-донди* (*Огул-донди*), *-зада* (*Ай-зада*), *-шат* (*Огул-шат*).

Из числа туркменских студентов только два человека являются тёзками с именем *Шамырат*.

Можно предположить, что комбинации в туркменском имени почти не имеют границ. Вероятно, могут сочетаться почти все простые имена друг с другом. Данный вопрос требует дополнительных исследований.

Список использованных источников

1 Суперанская, А. В. Теоретические проблемы лингвистики. Эволюция теории имени собственного в Европе / Суперанская А. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=5639634>. – Дата доступа : 12.10.2017.

2 Лапицкая, Н. И. Имена библейских персонажей в пословицах / Н. И. Лапицкая // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. науч. статей. Вып. 5. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 140–144.

3 Шабулдаева, Н. И. Названия хлеба с корнями **kom-*, **gom-*, **žę-/*žьm-* в восточнославянских языках / Н. И. Шабулдаева // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову (к 90-летию со дня рождения) : сб. науч. трудов. Вып. II. – Минск : РИВШ, 2015. – С. 118–127.

4 Лапицкая, Н. И. Особенности употребления и образования неофициальных форм имени в русском языке / Н. И. Лапицкая // Известия Гомельского государственного университета. № 3 (42). – Гомель, 2007. – С. 69–72.

УДК 811.161.1-26'276.11:321.02

Шарифова Салида Шахммед Кызы

ЕДИНЫЙ ЯЗЫК И ЕДИНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена проблемам формирования единого тюркского языка как фактора дальнейшей интеграции на евразийском пространстве. Раскрываются основные задачи по формированию такого языка. Определены принципы, по которым возможно создание такого языка. Предложены подпрограммы по созданию единого тюркского языка и единой тюркской литературы. Озвучены основные меры, которые должны быть включены в эти подпрограммы.

Мир стал глобальным, а значит, стала глобальной и политическая борьба. Сегодня друг другу противостоят не государства – а группы государств, не нации – а цивилизации. Внешнее проявление этого процесса мы наблюдаем в создании союзов государств. В качестве примера можно привести Британский союз, который под неформальным руководством США образует единство, основанное на общности языка и веры.

Второй пример – это Европейский союз, в рамках которого наблюдается формирование доминирующего германоязычного ядра. Несмотря на всю гуманитарную маску, Европейский Союз – это клуб христианских стран. Турция сама убедилась в этом, столкнувшись с нежеланием ее принятия в эту организацию. Неужели известные своей криминальностью Албания и Румыния более придерживаются требований ЕС, чем Турция?

Особо следует отметить и Китай – эта гигантская страна пытается объединить вокруг себя многочисленные китайские диаспоры в единую сеть. Сегодня во многих странах Дальневосточного региона и Океании политическая воля не может быть сформирована без учета фактора китайской диаспоры. Китай последовательно реализует собственный вариант американской концепции «слабой силы», которая была сформулирована профессором Джозефом Найем. Китайская версия «мягкой силы» включает в себя умелую работу с зарубежной китайской диаспорой.

Чем же отвечает Евразия (ойкумена) на этот вызов? Разобщенностью и противостоянием. Славянский, арабский и тюркский миры – теряют свое цивилизационную идентичность, а значит, неконкурентоспособны на глобальном уровне.

Славянский мир растворяется в ЕС. Арабский мир пленен потоком нефтедолларов, который приносит с собой «голландскую болезнь». На войну в Ираке можно смотреть под разным ракурсом. С идеологической точки зрения эта война против идеологии единого арабского государства, ведь именно правящая до известных событий в этой стране БААС была последней партией панарабизма. Современный Ирак – это страна, где арабы уже хотят защитить свои права хотя бы как национального меньшинства. Глубину кризиса арабской национальной идеи можно показать на одном примере: некоторые арабские страны не могут даже укомплектовать свою армию офицерами, нанимая граждан других стран. Разве такое возможно в Турции?

Что же касается тюркского мира, то «романтический» порыв 90-ых годов прошлого столетия захлебнулся. С одной стороны, Турция побоялась стать лидером, потому что истеблишмент страны осознал, что не удастся доминировать в Азербайджане и Средней Азии, где нефтедоллары обеспечили резкое усиление власти. А интегрироваться на базе сетевого принципа Турция не оказалась готовой. Тут сыграло свою роль и этническое противостояние в самой Турции: страна не смогла взять бесповоротный курс на создание единого тюркского политического сообщества. А в постсоветских тюркоязычных странах идея тюркского объединения противоречила текущим государственным интересам. Кто-то не хотел сориться с США (в которой тюркская интеграция оценивается как реальная угроза интересам США), кто-то с Россией (в тот период сильны были сепаратные тенденции в Татарстане), кто-то с Китаем (проблема уйгуров), кто-то с Ираном (например, та же Турция). Не случайно, что даже Тюркский совет, созданный 3 октября 2009 года, не смог охватить все тюркские страны.

Исторической особенностью существования тюркского мира является Эля. Периоды существования Эля – это периоды доминирования тюркского этноса. Глобализация дает возможность для восстановления Эля – в форме сетевых общественных структур. Именно по этому пути идут другие. Но для формирования густой сетевой структуры необходимо создать предпосылки: сформировать единое языковое и культурное пространство.

Серьезные исследования в этой области приходится на 90-ые годы XX века. Сформировалась целая плеяда исследователей создания единого тюркского языка. Предлагалось множество методологических решений построения этого языка. Самый упрощенный метод – это «очищение» турецкого языка. Несомненно, что такой подход не будет жизнеспособным. Во-первых, турецкий язык не отображает весь спектр звуков, который присущ тюркским народам. Во-вторых, турецкий язык был сильно подвержен французскому влиянию. Основанное

Ататюрком в 1932 году Турецкое лингвистическое общество очистило турецкий язык от арабского и персидского влияния, взамен усилив «европейское» присутствие.

Для того чтобы сконструировать единый язык, необходимо соблюдать пять принципов.

Первый принцип – отказ от использования отдельного существующего языка как базового. Общeturкский язык должен конструироваться как язык «равноудаленный» от всех иных. Только в этом случае рождающийся язык станет политически приемлем для всех тюркских народов.

В качестве примера можно привести создание на рубеже XIX–XX веков под влиянием идей Исмаила Гаспралы «общего языка» («Lisan-i umumi»), понятного всем народам тюркского мира. Именно «Lisan-i umumi» обеспечил успех и широкое распространение «Терджимана» во многих регионах Евразии. Авторы «Lisan-i umumi» минимизировали фонетические различия в тюркских языках. Но язык не прижился. И одна из причин в том, что в основу был положен один из языков – язык крымских татар.

Такая же участь была уготована и инициативе лидера Туркестанского Национального Общества Мустафы Чокая. Он с 1929 по 1939 годы в Берлине издавал журнал «Яш Туркестан», в котором использовался модифицированный чагатайский литературный язык Туркестана.

Второй принцип – создание единого алфавита, который отображал бы все фонетическое многообразие тюркских языков.

Третий принцип – обращение к орфографическим, грамматическим и фонетическим закономерностям огузского, кипчакского и карлукского языков. Это позволит создать язык, который трудно будет назвать искусственным. Скорее всего, потомки оценят этот процесс как реанимацию прототюркского языка, который бы отвечал требованиям современности. Только такой язык может:

- стать средством общения миллионов, удовлетворяя их насущные потребности;
- отражать ментальность и бессознательное начало тюркских народов.

Четвертый принцип – формирование единого лексикона на основе критерия наибольшей распространенности. По мере возможности, язык должен быть очищен от нетюркских корней. К отобранным корневым конструкциям необходимо применять закономерности словообразования, присущие огузскому, кипчакскому и карлукскому языкам.

Пятый принцип – замена нетюркских слов тюркскими, в том числе путем образования новых слов из существующего массива тюркских корней. Речь идет не только о персидских и арабских заимствованиях, но и о европейских.

Диспут о создании единого языка ведется давно. Необходимость в таком языке обсуждалась и на международном уровне – например, на 11-м съезде тюркских народов, прошедшем в 2007 году в Баку. Эту проблему затронул и Абель Маггерамов, ректор Бакинского государственного университета, выступая 22 сентября 2010 года с докладом на международной конференции «Парламентская демократизация в развитии межгосударственных связей». Однако механизм создания и внедрения этого языка на практике не был запущен.

В отношении литературы ситуация более благоприятная. Несмотря на то, что сегодня нельзя говорить о наличии единого литературного пространства, есть устойчивые интеграционные тенденции, охватывающие содержательную и жанровую составную литературы тюркоязычных народов. В тематическом (содержательном) разрезе эта близость проявляет себя в рефлексии при обращении к мотивам тенгрианства и древнетюркской истории: исторические мотивы трансформируются в «бродячие» сюжеты. В различных частях тюркского ареала создаются произведения, событийность которых охватывает доисламский период тюркской истории. В 1991 году публикуется повесть башкирского автора Булата Рафикова «Всевышние тюрки», в 2004 году – роман российского писателя Анатолия Сорокина «Голубая орда. Воин без племени» [15], в 2005 году – роман азербайджанского автора Сабира Рустамханлы «Гек Танры» («Небесный Тенгри») [5], роман уйгура Ахметжана Аширова «Идикут» и т. д. В жанровом разрезе близость проявляется посредством унификации жанровой системы: под влиянием западной литературы у тюркоязычных народов сформировалась единая по своей конструкции жанровая система, имеющая незначительные «местные» различия.

Несмотря на откат «романтической» волны, в тюркоязычных обществах чувствуется потребность в формировании единого языково-культурного пространства. Это продемонстрировал бешеный успех книги Хильми Дуру «Союз тюркских государств. Туранская империя» [4], которая вышла в 2007 году и стала бестселлером не только в Турции. Площадка для формирования единого культурного пространства создана еще в 1993 году – Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Основной целью организации является сотрудничество с целью сохранения, развития и передачи будущим поколениям общих материальных и культурных памятников тюркских народов. Считаю, что наступило время запускать под эгидой этой организации международную программу по формированию единого языка и единой литературы, которая бы объединила в себе две подпрограммы – по языку и по литературе.

Подпрограмма создания единого тюркского языка должна включать в себя комплекс мер:

- по формированию единого алфавита;
- по формированию единых фонетических, орфографических и грамматических правил;
- по созданию универсальных словарей (орфографического, толкового и т. д.);
- по созданию программ обучения языку и методических пособий.

Подпрограмма формирования единого тюркского литературного пространства должна включать в себя комплекс мер:

- по исследованию тюркской литературы (история тюркской литературы, современная тюркская литература, теория тюркской литературы и т. д.);
- по преобразованию на единый тюркский язык литературных памятников, а также произведений современной литературы;
- по созданию общедоступной электронной библиотеки литературных произведений на едином тюркском языке.

И только в случае успешной реализации этих подпрограмм мы сможем обеспечить доступность законов в одной тюркской стране для граждан другой тюркской страны. На мой взгляд, лишь после этого можно будет говорить о внедрении на практике политических идей Зии Гёкальпа. А до этого все попытки интеграции будут оцениваться как обходные маневры элиты одной тюркоязычной страны укрепиться в другой тюркоязычной стране, будь то в сфере политики или экономики.

Список использованных источников

- 1 Ahmet Caferoğlu, İsmail Gaspıralı. Ölümünün 50. Yıldönümü Münasebetiyle Bir Etüd. – İstanbul, 1964.
- 2 Akcura Yusuf. Uc Tarz-i Siyaset. – Ankara, 1998.
- 3 Battal Taimas. Kazanlı Türkler. – Ankara, 1966.
- 4 Hilmi Düru Turan İmparatorluğu. – Kara Kutu Yayinlari, 2007.
- 5 Sabir Rüstəmxanlı. Göy tanrı. – Bakı, 2005.
- 6 Ziya Gökalp. Türkçülüğün Esasları. – Türkiyə, 1923.
- 7 Ziya Gökalp. Türkleşmek, İslamlaşmak, Muasırlaşmak. – Türkiyə, 1929.
- 8 Абдуқап Қара. Мұстафа Шоқай: өмірі, күресі, шығармашылығы. – Алматы, 2004.
- 9 Сорокин, А. Голубая орда. Воин без племени / А. Сорокин. – Бишкек, 2004.
- 10 Гельб, И. Е. Опыт изучения письма / И. Е. Гельб. – М., 1982.
- 11 Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л., 1969.
- 12 Закиев, М.З. Язык «Кысса-и Йусуф» Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии / М. З. Закиев // Поэт-гуманист Кул Гали : сборник статей. – Казань, 1987.
- 13 Исмаил Гаспринский. Письмо А.Топчибашеву / Ачыкгюз Х. «Прямо ставлю вопрос: что же дальше, как быть?» // Гасырлар авазы. – 1999. – № 1–2.
- 14 Исмаил-бей Гаспринский. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1881.

С. В. Шаров, Т. М. Шарова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

Современное общество характеризуется глубинными процессами информатизации экономики, производства, других отраслей. В этих условиях Интернет считается важным компонентом образовательного процесса, который обеспечивает общение и обучение на расстоянии, хранение большого объема учебной информации. В статье рассматриваются образовательные ресурсы, которые могут использоваться для подготовки будущего учителя-филолога.

С. В. Шаров, Т. М. Шарова

ВИКОРИСТАННЯ ІНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГІЙ ДЛЯ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПІДГОТОВКИ СУЧАСНОГО ВЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

Актуальність. Для отримання освітніх послуг та забезпечення якісної комунікації між суб'єктами навчального процесу останнім часом часто використовуються Інтернет-технології, зокрема чати, соціальні мережі, Skype, Messenger тощо. Інтернет дозволяє здійснити міжособистісну комунікацію між викладачем та студентом, організувати проектну діяльність, оприлюднити методичні та наукові надбання, поширити навчальну літературу серед учасників навчально-виховного процесу. На тлі поширення Інтернету кожного року з'являється низка освітніх ресурсів (авторських сайтів, інформаційних порталів освітнього призначення, сайтів-візитівок навчальних закладів та державних установ різного рівня акредитації). Для студентів-філологів знайомство з такими ресурсами є корисним, оскільки вони містять багато методичної та наукової документації з організації навчального процесу.

Аналіз останніх досліджень. Проблемам використання інформаційно-комунікаційних технологій у навчальному процесі, створенню освітнього електронного середовища присвячено роботи таких відомих науковців як В. Биков, М. Жалдак, В. Лапінський, Ю. Машбиць, Н. Морзе, Ю. Рамський, О. Співаковський, О. Спінін та ін. Водночас, є актуальним огляд освітніх ресурсів гуманітарного спрямування, зокрема для підготовки філологів.

Метою статті є аналіз можливостей мережі Інтернет для фахової підготовки молоді, повідомлення про наявні інформаційні ресурси освітнього призначення, які можуть бути використані студентами-філологами у процесі здобуття вищої освіти.

Виклад основного матеріалу. За допомогою Інтернету можна удосконалити мовну підготовку здобувачів вищої освіти. Особливо це можна помітити під час розвитку комунікативної складової навчання та інформаційної культури майбутнього фахівця. На думку О. Гарнапольського «існує декілька основних переваг використання Інтернет-технологій у навчанні..., які дають можливість значно підвищити якість навчального процесу» [5, с. 47].

Характерною ознакою сучасної освіти слід вважати інтенсивне впровадження інформаційно-комунікаційних технологій, що відбувається на різних щаблях освітянської ниви, починаючи ще з початкової школи і завершуючи вищою школою. Використання електронних форм подання начального матеріалу надає можливість систематично оновлювати навчальні та робочі програми у відповідності до сучасного стану технологічного прогресу, створювати різноманітні комп'ютерні тренажери, за допомогою яких здійснюється закріплення вже набутих знань. Крім того, використання Інтернет-технологій дозволить урізноманітнити форми проведення аудиторних та позааудиторних занять [2, с. 14].

Інформаційно-комунікаційні технології, зокрема мережа Інтернет, надають широкий спектр можливостей для модернізації освіти, у тому числі урізноманітнення новими формами організації навчально-виховного процесу. Водночас, реалізовувати такі технології на занятті можна лише тоді, коли викладач і студенти будуть готовими до їх використання.

Використовуючи Інтернет, можна знайти великі обсяги навчальної інформації, яка потрібна для вивчення конкретного матеріалу. Освітні сайти можуть замінити різноманітні комп'ютерні програми навчального змісту. Їх використання може бути ефективним, оскільки більшість ресурсів в Інтернеті постійно оновлюються та поповнюються сучасною інформацією [5, с. 48]. Робота користувачів в Інтернеті здійснюється засобами мови, що дозволяє говорити про комунікативний підхід до використання сучасних онлайн-технологій.

Використовуючи Інтернет-технології, студенти-філологи можуть розвинути власну комунікативну компетенцію. Т.В. Карабин наголошує на тому, що «під час роботи у віртуальному середовищі суттєво знижується вплив захисних механізмів особистості, згасає зовнішня по відношенню до мисленнєвої та комунікативної діяльності соціально престижна мотивація, яка має нормативне підґрунтя і виражається в орієнтації на зовнішню оцінку, прагнення відповідати соціальним стандартам. Включаючи сильний захисний компонент, ця мотивація актуалізується при спільній діяльності в соціально значимій ситуації» [1].

С. Криштоф у своїх наукових дослідженнях визначає основні напрями застосування Інтернету під час вивчення гуманітарних дисциплін. Дослідницею визначено, що до основних напрямів такого процесу слід віднести:

- використання інформаційних мережевих ресурсів з метою систематичного оновлення змісту освіти, покращення та збагачення засобів навчального процесу;
- використання комунікаційних технологій з метою організації індивідуальної навчальної діяльності учнів і їх колективної взаємодії [3, с. 69].

Реалізувати можливості Інтернету можна за допомогою різноманітних інформаційних сервісів. Найбільш корисним та динамічним сервісом слід вважати World Wide Web, глобальну інформаційну систему, в основі якої покладена гіпертекстова структура. Для студентів-філологів вищого навчального закладу найкориснішою системою може бути електронна пошта та сервіси відправлення миттєвих повідомлень. З їх допомогою можна обмінюватися різноманітною інформацією, надсилати текстові повідомлення, графічні та відеофайли. Така форма роботи з навчальним матеріалом під час вивчення дисципліни значно скорочує час на опанування тем курсу та надає змогу обговорити найбільш важкі питання, які розглядалися на лекції. Якщо розглядати питання забезпечення комунікації під час навчання, то спілкуватися цілими групами та брати участь у дискусіях можна за допомогою електронних конференцій та різноманітних чатів.

Слід зазначити, що останнім часом студентам стало зручніше читати книги в електронному вигляді. Це пояснюється більшою доступністю таких видань та постійною наявністю пристрою для читання у вигляді смартфонів практично у кожного студента. В Інтернеті є значна кількість електронних бібліотек, де зберігаються книги різної тематики в електронному вигляді.

В. Лапінський акцентує на тому, що метою роботи в мережі Інтернет найчастіше є пошук необхідної інформації та обмін ідеями між людьми. Саме завдяки мережі Інтернет став можливим вихід навчальних закладів у світовий простір [4, с. 20]. В освітньому процесі вищої школи використання Інтернет-технологій досить часто асоціюють з дистанційним навчанням. Під час такого навчання за допомогою Інтернету можна спілкуватися із викладачем конкретної дисципліни, тим самим визначаючи першочергові завдання курсу. Також за допомогою такої форми навчання в Інтернеті можна проходити тестові завдання, знайомитись з великим масивом інформації, а також легко копіювати та роздруковувати.

Сучасному філологу у нагоді можуть стати такі Інтернет-джерела:

1. Енциклопедія «Українська мова» – <http://litopys.org.ua/ukrmova/um.htm>.

2. «Нова мова» – <http://www.novamova.com.ua>.
3. Лінгвістичний портал «МОВА.інфо» – <http://mova.info/>.

Коли студент працює з енциклопедією «Українська мова», він має можливість працювати з гіпертекстовою структурою. Матеріали, які містяться у даному Інтернет-джерелі можна копіювати та використовувати на занятті навіть в аудиторії, де відсутній Інтернет.

Інтернет-портал «Нової мови» може бути використаний під час виконання навчальних проектів. Частіше за все даний ресурс використовують для вирішення проблемних питань стилістики української мови. Студенти-філологи можуть досить легко закачати потрібну інформацію, а також скопіювати підручники та посібники, словники та довідники.

Не менш потрібним та доцільним під час викладання української мови є лінгвістичний портал «МОВА.інфо», за допомогою якого можна переглянути великий масив методичної літератури (тести, вправи, схеми, таблиці).

Сучасний вчитель-словесник додатково може переглянути інші електронні ресурси, які також можна використовувати в освітньому процесі. До таких електронних ресурсів слід віднести:

Освітній портал «Освітньо-інформаційного центру Інноваційні обрії української словесності» – <http://ukrlit.kl.com.ua/choose.php> – наявність проблемних питань та відповідей щодо вивчення української мови.

Уроки державної мови – <http://mova.kreschatic.kiev.ua/> – наявність відповідей на питання мовного та мовленнєвого аспектів.

Правопис української мови – <http://pravopys.vlada.kiev.ua/> – наявність рубрик щодо вивчення історії мови, української мови для початківців, український синтаксис, етикет та культура спілкування державною мовою.

Освітній портал – <http://osvita.org.ua/ukrtest/docs> – наявність нормативно-правових документів, які стосуються державної мови [6, с. 89].

Слід наголосити на тому, що це далеко не повний список електронних ресурсів, якими можуть користуватися студенти-філологи. Крім того, кожного року з'являються багато нових інформаційних ресурсів.

Висновки. Отже, Інтернет та різноманітні електронні ресурси освітнього призначення мають важливе значення для забезпечення підготовки сучасного здобувача вищої освіти, зокрема майбутнього вчителя-філолога. Завдяки освітнім сайтам можна знайти потрібну інформацію навчально-методичного призначення та розвинути професійні компетенції.

Список використаних джерел

- 1 Карабин, Т. В. Вплив особливостей спілкування в мережі «Internet» на процес соціалізації студентської молоді : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Т. В. Карабин. – К., 2005. – 261 с.
- 2 Криштоф, С. Д. Використання інтернет-технологій як засобу урізноманітнення форм організації навчальної діяльності / С. Д. Криштоф // Педагогіка та психологія. – № 40(2). – 2011. – С. 9–14.
- 3 Криштоф, С. Використання Інтернету для підвищення якості навчання предметів гуманітарного циклу / С. Криштоф // Гуманітарний вісник Державного вищого навчального закладу Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди. Педагогіка. Психологія. Філософія. – № 35. – 2014. – С. 63–70.
- 4 Лапінський, В. В. Освіта та Internet / В. В. Лапінський // Комп'ютер у школі та сім'ї. – 1999. – № 1. – С. 18–22.
- 5 Тарнопольський, О. Б. Використання Інтернет-технологій у навчанні англійської мови для професійного спілкування студентів немовних спеціальностей / О. Б. Тарнопольський // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2010. – № 53. – С. 47–51.
- 6 Шаров, С. В. Методологічні аспекти комп'ютерної підтримки самостійної роботи студентів-філологів : навч.-метод. посіб. – 2-ге видання: доп. і перероб. / передмова проф. І. Л. Михайлина / С. В. Шаров, Т. М. Шарова. – Х. : Федорко, 2014. – 218 с.

Т. Ф. Шумарина, Е. А. Давыдова

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале речи сотрудников органов внутренних дел города Одессы)

В статье предпринимается попытка экспериментального исследования корреляционной зависимости средств речевой агрессии и социальных признаков языковой личности – профессиональных и возрастных. Анализ фактических данных свидетельствует о том, что в конфликтном общении работников органов внутренних дел репертуар средств речевой агрессии идентичен языковым стереотипам соответствующей возрастной общности, однако его реализация подвергается профессиональной адаптации.

В языке каждого этноса существует множество способов, приводящих к эффекту коммуникативной перверсии. Коммуникативная перверсия – речевое решение, подчиненное выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности языковой личности путем использования маркеров такой речевой модели социальной стратификации, с которой лицо не может согласиться ввиду потери прежнего авторитета или самоуважения [1, с. 204].

Конфликтный дискурс в современной психолингвистической конфликтологии неразрывно связан с понятием волонтактивно-инвективной функции. Реализация данной функции – отрицательного речевого воздействия на объект – осуществляется в рамках поведенческих норм, квалифицируемых в эколлингвистике как вербальная агрессия. Достижение целей агрессивного поведения выполняется посредством речевой стратегии дискредитации, реализуемой в форме тактик оскорбления, обвинения, угрозы и других подобных, вариативные наборы которых широко представлены в работах современных исследователей.

В профессиональной культуре общения немаловажная роль отводится социально-психологическим характеристикам, в частности соответствию речи социальным ролям, а конфликтно-агрессивный тип коммуникации квалифицируется в качестве противоречащего нормам корпоративной этики. Соблюдение принципов, норм и правил поведения, в том числе и речевого, является нравственным долгом каждого сотрудника органов внутренних дел, независимо от занимаемой должности и специального звания. 7 ноября 2015 года на Украине вступил в силу закон «О Национальной полиции» и Положение о Национальной полиции, утвержденное постановлением Кабинета министров Украины от 28 октября 2015 года [3]. Среди прочего в документах специально оговариваются недопустимость речевой агрессии и нарушения социокультурной нормы в общении с гражданами со стороны работника полиции, а именно: любые высказывания и действия дискриминационного характера по признакам пола, возраста, расы, национальности, языка, гражданства, социального, имущественного или семейного положения, политической или религиозной принадлежности; чрезмерный тон, грубость, некорректность замечания, предъявление неправомерных, незаслуженных обвинений; угрозы, оскорбительные выражения или реплики.

Сотрудник органов внутренних дел – гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и, следовательно, безоговорочного исполнения правил, зафиксированных в кодексе профессиональной этики.

Однако, как известно, в современном профессиональном общении функционируют, так называемые «малые» нормы, своеобразный профессиональный узус, или профессиональная конвенциональная норма, понимаемая нами как выработанное профессиональной группой представление о речевой реализации нормы ролевыми партнерами в профессиональной коммуникации.

Определить диапазон форм реализации вербальной агрессии и приемы их локализации в профессиональной коммуникации работников внутренних дел г. Одессы – одна из задач исследования. Фактический материал собран с использованием метода непосредственного наблюдения и экспериментальным путем в среде сотрудников младшего и среднего состава – от рядового до капитана.

Как свидетельствуют наблюдения, в профессиональной коммуникации младшего и среднего состава работников внутренних дел г. Одессы используются все табуированные правилами профессиональной этики речевые средства, причем как эксплицитные, так и имплицитные.

Доминирующим средством речевой агрессии оказывается инвектива. Фактически термин «инвектива» понимается нами в работе как оскорбление словом. Оптимальную в этом смысле дефиницию, на наш взгляд, содержит работа «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой коммуникации», выполненная в юрислингвистическом аспекте А. А. Леонтьевым, В. Н. Базылевым, Ю. А. Бельчиковым и Ю. А. Сорокиным. Инвективная лексика, отмечают авторы, – «это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это как можно в более резкой и циничной форме» [2, с. 56]. Типология инвективной лексики, предлагаемая в данной работе, расширяется нами на основе фактического материала, собранного в профессиональной коммуникации сотрудников г. Одессы, и дополняется такой группой единиц, как обцензизмы, лексемами с негативной характеристикой без указания на деятельность (*хам, изверг*), сравнением личности с отходами жизнедеятельности, а также со значением принадлежности к расе или национальности и отождествления с одиозными историческими личностями, литературными и мифологическими персонажами.

Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность. Этот тип чаще используется средним составом: «Не рыпайся, *мошенник*, знаешь тут свои права!», «Явно ты не первый *бандюк*, которого мы видим!» (3.8 %). Доля подобных употреблений в среде младшего состава составляет 1.8 %. Количество лексических единиц с ярко выраженной негативной окраской (*белобрысый, расист, рябой, морда*) в профессиональной коммуникации младшего состава – 4.5 %, среднего – 4.8 %. Число названий непрестижных профессий, употребляемых в переносном значении (*проститутка, мясник, кат*), доминирует у среднего состава – 2.9 %. Показатель функционирования данного типа инвективной лексики в среде младших сотрудников составил 1.8 %. Иные способы выражения инвективы в речи младшего и среднего состава работников внутренних дел г. Одессы распределились следующим образом: зоосемантические метафоры (*лошадь, хряк, скотина, козлина, бык*) – соответственно 14.5 % и 13.3 % («Не лай тут, *псина*»); просторечные глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой (*спихнуть, хапнуть*) – 9.1 % и 4.8 % («*Спихнул* ему наркоту?»); слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности (*дрянь, ничтожество, мразь, недоразвитый*) – 8.6 % и 8.4 % («Успокойся, *ничтожество!*»); эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер – 9.1 % и 11.4 % («Ты нездоровый?»). В речи младшего состава частотными оказываются обцензизмы (17.3 %) и негативная характеристика без указания на деятельность (3.6 %): «То еще *мурло!*». У среднего состава доля обцензизмов составляет 16.2 %, негативная характеристика без указания на деятельность – 2.9 %.

Несмотря на запрет дискриминации по расовому признаку, соответствующие инвективные образования функционируют в следственной коммуникации, хотя в нашем материале они встречаются только в речи младшего состава (1.8 %): «Не нужно здесь жужжать, *черномазый*», «Хачи!», «Чурки приехали беспределить!». Частотнее в младшей группе и лексемы, обозначающие сравнение личности с отходами жизнедеятельности (1.8 %). В речи сотрудников среднего состава они составляют всего 1 %.

Ожидаемые окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата, отождествление адресата с одиозными

личностями истории, литературными и мифологическими персонажами, в данной профессиональной среде не зафиксированы.

Имплицитные способы реализации речевой агрессии в нашем материале представлены императивом: *сиди смирно, закрой рот, заткнись*; «*Перестань дергаться, иначе я...*» (императив подкреплён угрозой, чаще с включением обсценизмов), имплицитно агрессивными фразами, в том числе вопросами («*Ты плохо слышишь?*»), иронией и сарказмом. Таким образом, как свидетельствуют факты, у представителей обеих групп сотрудников внутренних дел средства выражения речевой агрессии отличаются незначительно.

К числу возможных средств локализации нарушений культуры речи и минимизации речевой агрессии можно отнести следующие приемы: «принцип терпимости к собеседнику», игнорирование, переключение внимания, положительные оценочные высказывания, юмор. Корректное речевое поведение может быть достигнуто посредством выработки и совершенствования навыков профессиональной коммуникации путем проведения разъяснительной работы, практических занятий и тренингов по использованию в профессиональном общении речевого этикета и допустимых языковых средств суггестии.

Декларируя взаимосвязь функционирования средств речевой агрессии с профессиональными характеристиками коммуникантов, не следует забывать, что корреляционная зависимость отмечается и между иными типами социальных параметров. В кругу проблем совместного варьирования языковых единиц и других социальных признаков языковой личности – интеллектуально-культурного уровня, гендера, родного языка, возраста – вопрос о силе влияния социальных признаков на языковые предпочтения до сих пор в социолингвистике относится к весьма сложным и малоразработанным. Учитывая вышеизложенное, представляется уместным установить, какой из признаков является определяющим при выборе средств речевой агрессии в производственной коммуникации младших и средних сотрудников внутренних дел – профессия или возраст (именно эти параметры были избраны нами в качестве объекта наблюдения в экспериментальном исследовании; гендер и интеллектуально-культурный уровень информантов – постоянные величины).

В результате анализа можно заключить, что основные языковые средства экспликации агрессии в исследуемой профессиональной среде практически идентичны средствам, предпочитаемым младшей группой (20–30 лет) в разновозрастной коммуникации. Сила влияния профессионального параметра, несмотря на жесткие рамки возрастных стереотипов, проявляется в доминировании языковых проявлений социальной позиции «начальник» в ситуации «начальник» – «подчиненный». При этом этические нормы речевого общения, даже в разновозрастной коммуникации (младшая группа → геронтная группа), нивелируются (возможно, с целью речевой манипуляции).

Таким образом, можно утверждать, что в конфликтном общении младшего и среднего состава работников внутренних дел качественный репертуар средств речевой агрессии идентичен языковым стереотипам их возрастной группы, однако его реализация осуществляется с нарушением кодекса профессиональной этики, что является следствием влияния ролевых конвенциональных норм.

Список использованных источников

1 Кусов, Г. В. Использование специальной терминологии в судебной лингвистической экспертизе / Г. В. Кусов // Теория и практика общественного развития. – М. : Хорс, 2011. – № 6. – С. 203–210.

2 Леонтьев, А. А. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. А. Сорокин. – М. : Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.

3 Приказ «Об утверждении правил поведения и профессиональной этики лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Украины» от 22.02.2012. – № 155 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0628-12>. – Дата доступа : 07.09.2017.

В. В. Шур

ВЫНІКІ БЕЛАРУСКА-РУСКА-ПОЛЬСКАГА ЎЗАЕМАДЗЕЙННЯ Ў СІСТЭМАХ АНТРАПОНІМАЎ-ПРОЗВІШЧАЎ

В статье на материале типичных антропонимов-фамилий, известных в обществе и социуме, прослеживаются особенности белорусско-русско-польского взаимодействия в ономастических системах, объясняются причины, вызванные самыми разными влияниями и взаимодействиями, приводятся различные примеры искажения фамилий, засвидетельствованные в печати и в художественной литературе.

Агульнавядома, што суседнія мовы ўзаемадзейнічаюць і ўплываюць адна на адну на розных узроўнях. Выразна беларуска-руско-польскі ўплыў выяўляецца на шматлікіх уласных імёнах, прозвішчах, тапанімічных адзінках. Так, утварэнне прозвішчаў ва ўсходніх славян дакладна дыферэнцыявана ў адпаведнасці з сацыяльным становішчам. Працэс працягваўся б стагоддзямі: у князёў і баяраў прозвішчы сфарміраваліся ў XIV–XVI стст., у дваран – у XV–XVII стст., у купцоў – у XVII–XIX стст., у сялян – у XVIII–XIX стст., а ў некаторых народаў былога СССР – у савецкі перыяд. Асноўнай падставай утварэння і юрыдычнага замацавання прозвішча за пэўнай асобай з’яўляецца абавязковая дакладная ідэнтыфікацыя, якая выдзяляе чалавека ў грамадстве, а таксама вызначае прыналежнасць яго (індывідуума) да пэўнай сям’і, пэўнага роду. Такім чынам, ідэнтыфікацыя была абавязковай і неабходнай на любых этапах развіцця грамадства і станаўлення прозвішчаў [1, с. 5–10].

Тэрмін *прозвішча* (па-руску *фамилия*) не адразу замацаваўся ў беларусаў як афіцыйная назва антрапанімічнага радавога і сямейнага наймення. Яму ў беларускай і рускай анамастыцы папярэднічалі «*празванне*», «*праіменаванне*», а таксама састаўныя тэрміны «*родавае празванне*», «*фамільнае прозвішча*», «*сямейнае найменне*», «*фамільнае празванне*», «*родавае празванне*» і інш.

Беларусы першымі з усходніх славян, як сведчаць навуковыя крыніцы, набылі прозвішчы, пра што можна даведацца з прац вядомых даследчыкаў прозвішчаў – М. Бірылы, І. Каралёвай, І. Лепшава, У. Нікананова, Ю. Радзько, А. Супяранскай, П. Сцяцко, Б. Унбегаўна, Г. Усціновіч, Ю. Федосюка. Беларускія прозвішчы даследаваны даволі падрабязна. Лінгвістамі прааналізавана і растлумачана паходжанне, спосаб утварэння, тэрытарыяльная прыналежнасць больш за 56 тысяч беларускіх антрапонімаў, аднак праблемы вывучэння рэгіянальнага антрапанімікону, дзе яшчэ нямала белых плям, застаюцца да нашага часу актуальнымі.

Прозвішчы з фармантамі *-овіч, -евіч, -іч, -ыч* бытуюць ва ўсіх кутках Беларусі, але найбольш тыповыя яны для цэнтральнай часткі Гродзеншчыны. Параўнаем таксама: *К. Міцкевіч (Я. Колас), І. Луцэвіч (Я. Купала), Ф. Багушэвіч, В. Дунін-Марцінкевіч, Н. Гілевіч, Я. Непачаловіч, У. Юрэвіч, М. Ермаловіч, А. Марціновіч, Г. Далідовіч, М. Багдановіч* і інш. Гэтая мадэль беларускіх прозвішчаў, як сведчаць даследчыкі, аказала ўплыў на фарміраванне падобных прозвішчаў у польскай і рускай мовах, якія там атрымалі значнае пашырэнне ў XVIII і наступных стагоддзях.

Мадэль на *-овіч, -евіч* лічылася сацыяльна падвышанай, шляхецкай, у мінулыя часы была дамінуючай у антрапаніміі беларусаў. Даследчыкі беларускага антрапанімікону адзначаюць, што найменні на *-овіч, -евіч* у ВКЛ маглі мець прадстаўнікі ўсіх слаёў грамадства (XV–XVIII ст.ст.), але былі найчасцей уласцівы шляхце, спачатку яны ўяўляліся ў якасці імёнаў па бацьку, а ў суседняй Маскоўскай дзяржаве ім надавалася толькі саслоўнае, шляхецкае (дваранскае) сацыяльна падвышанае значэнне (М. Бірыла, Г. Усціновіч).

У палякаў жа гэта былі прозвішчы пераважна простага люду. З XVI–XVII ст.ст. некаторыя прозвішчы на *-іч*: у польскай мове сталі гаварыць і пісаць *Chodrieicz, Szymonowicz*,

Klenowicz і інш. [2, с. 300]. Спрацоўвала, відаць, лінгвістычная аналогія, такія прозвішчы ў нашых заходніх суседзяў, бо які прасты польскі селянін не марыў стаць шляхціцам, падпраўляючы сваё прозвішча на такі ўзор. Параўн.: вядомыя ў мінулыя часы прозвішчы беларускай шляхты: *Адамовіч, Міцкевіч, Абрамовіч, Данілевіч, Захарэвіч, Сташкевіч, Тамковіч*. Падпраўляюць і цяпер некаторыя беларусы свае прозвішчы, але ўжо часцей на ўзор тыповых рускіх анамастычных узораў: *Калеснік → Калеснікаў, Чыгрын → Чыгрынаў, Кулеш → Куляшоў* і г. д. У часы маладосці пісьменніка Я. Коласа яго ўласнае прозвішча *К. Міцкевіч*, а таксама створанае ім прозвішча галоўнага персанажа трылогіі “На ростанях” (*Лабановіч*) успрымаліся ў грамадстве як сацыяльна падвышаныя. Пра гэта, напрыклад, сведчаць успаміны пісьменніка Міколы Лобана, які пісаў: *Кажуць, калі яго дзед Васіль (пісьменніка – В. Ш.) першы раз пайшоў у школу, настаўнік запытаў: “Як прозвішча?” – “Лабановіч”, – адказаў хлопчук. “Як – Лабановіч? Мужык ды шляхеўцае прозвішча носіш? Лобан тваё прозвішча”, – запярэчыў настаўнік і запісаў: “Лобан Василий”* [3, с. 151].

Яшчэ прыклад. З XVII стагоддзя ў многіх краінах Еўропы ведалі выдатнага вучонага-беларуса *Казіміра Семяновіча*, які ўпершыню ў свеце (!!!) распрацаваў тэорыю стварэння шматступеннай ракеты, абессмяроціў сваё імя стварэннем многаступнявых ракет тыпу “дэльта” і іншымі вынаходніцтвамі ў галіне артылерыі і ракетнай тэхнікі. Яго імя доўгі час прыпісвалі іншым вучоным. Аднак арфаграфічная адметнасць блізкіх па гучанні беларускіх і польскіх прозвішчаў блытала, а часам і, наадварот, дазваляла даследчыкам праз стагоддзі ўносіць карэктывы адносна паходжання носбіта прозвішча. Так, даследчыкі мінулага спрабавалі далучыць гэтага таленавітага чалавека да палякаў ці літоўцаў. Аднак А. Бельскі і М. Ткачоў, адшукаўшы звесткі з радаслоўнай, а таксама выкарыстаўшы асаблівасці напісання прозвішча самім *К. Семяновічам*, паказалі, што знакамiты вучоны быў не палякам і не літоўцам, а беларусам. “Дакументы, якія захаваліся з XVII ст., – адзначаюць даследчыкі, – асабліва напісаныя рукою самога *К. Семяновіча*, даюць правапіс прозвішча ў гучанні таго часу як *Siemienowicz* (Семеновіч). У дакументах жа кароннай артылерыі яго часам перайначваецца на польскі манер – “*Siemionowic*” (Семёновіц). Варыянт *Siemjonowicz* (Сем’ёновіч) не сустракаецца. Натуральна, што сапраўдны правапіс свайго прозвішча ведаў найперш сам вучоны. Гэта адназначна, і таму ў гісторыі сусветнай навукі назаўсёды застанецца прозвішча, якое ён сам ужываў” [4, с. 16].

У беларускіх прозвішчах, як заўважана, найвыразней, чым у іншых словах, адлюстравалася ўплыў суседніх моў – польскай, рускай і ў меншай меры ўкраінскай. Гэтая з’ява ў пераважнай большасці рэгулявалася афіцыйнымі органамі кіравання ў Рэчы Паспалітай, а затым у Расійскай імперыі. Так, у 1897 г. праводзіўся ўсеагульны перапіс насельніцтва тагачаснай Расійскай імперыі. Перапісчыкі, якіх спецыяльна вучылі, карысталіся дасланымі з Санкт-Пецярбурга цыркулярамі з адпаведнымі інструкцыямі і ўзорамі, у якіх падрабязна было растлумачана, як запісваць і афармляць лісты. Яны (перапісчыкі), як правіла, валодалі формулай трохчленнага рускага ўласнага наймення і ў працэсе запісу прозвішчаў, асабліва блізкіх па структуры, надавалі роднасным беларускім найменням стэрэатыпнае аблічча. Найчасцей перавага аддавалася ўжо ў значнай меры ўсталяваным «стандартызаваным» польскім або рускім узорам прозвішчаў. Пра гэта, напрыклад, сведчыць наступнае. У класічнай працы М. В. Бірылы “Беларуская антрапанімія: ўласныя імёны, імёны па бацьку, прозвішчы” (Мн., 1966) у звычайнай табліцы пра беларускія прозвішчы (с. 289) засведчана, што ў XVI ст. прозвішчаў беларусаў на *-овіч (-віч)*, утвораных ад імёнаў па бацьку, было 83 % , а на *-ов (-ев)* – 1,75 % , на *-ін* – 1,63 % , а ў наш час, як сведчаць сучасныя даследаванні, такіх імёнаў тыпу *Вярхоў, Кісялёў, Адамаў* 24 % , а прозвішчаў на *-ін (-ын)* тыпу *Пысін, Івашын* 7,88 % , што, на нашу думку, з’яўляецца вынікам істотнага экстралінгвістычнага ўздзеяння рускага антрапанімікону на беларускі. Прозвішчаў на *-овіч (-евіч)* у сучасным беларускім анамастыконе ўсяго 7,3 % . Такіх некалі вельмі пашыраных і вядомых на беларускім этнаграфічным арэалі прозвішчаў (*Кавалевіч, Казакевіч, Івановіч, Васілевіч, Хадкевіч, Пяткевіч, Міцкевіч, Аляксандравіч, Ярмаловіч, Караткевіч* і інш.) у наш час усяго 4102 , усіх

жа прозвішчаў у Беларусі 56300, самыя частыя на *-оў (-еў)*: 13506; на другім месцы на *-ін (-ын)*: 4435, на трэцім – прозвішчы на *-скі (-цкі)*, *-оўскі (-еўскі)*: 5535 [5, с. 73–78].

Так, у двухскладовых беларускіх прозвішчах з націскам на апошнім складзе пераносцяць націск на перадапошні, што, мабыць, з’яўляецца вынікам уплыву польскага антрапанімікону: *Каваль* → *Кóваль*, *Смаляр* → *Смóляр*, *Тарас* → *Тáрас*, *Багдан* → *Бóгдан*, *Гарбач* → *Гóрбач*, *Брахун* → *Брэхун*, *Капач* → *Кóпач*, *Сукач* → *Сúкач*, *Пратас* → *Прóтас*, *Барыс* → *Бóрыс*, *Пятух* → *Пéтух*, *Баран* → *Бáран*.

Можна назваць шэраг сучасных тыпова беларускіх прозвішчаў, створаных на падставе вядомых беларускіх апелятываў, якія ў пэўны час атрымалі неўласцівыя для іх рускія анамастычныя канчаткі: *Вожык* (*аў*), *Турбал* (*аў*), *Язэп* (*кін*), *Калеснік* (*аў*), *Крупнік* (*аў*), *Чыгрын* (*аў*), *Зёлк* (*ін*), *Шмуїла* (*аў*), *Куляш* (*оў*) і інш.

Сярод беларусаў да нашых дзён існуе нігілістычная тэндэнцыя перайначваць, скажаць прозвішчы на *-а* тыпу *Ношка*, *Кукса*, *Масла*, *Буйла*, *Юха*, *Чэчка*, *Крыўка* і інш. Жаночы варыянт прозвішча *Булава* гучыць часам з націскам на першым складзе і г. д. Хвалявала гэтая прыкрая з’ява многіх пісьменнікаў. Так, Уладзімір Дубоўка адзначаў, што ў жывой мове можна назіраць мноства прыкладаў непажаданага перакручвання асобных беларускіх прозвішчаў: цяпер не толькі пішуць, але і вымаўляюць не *Скрыпка*, а *Скрыпко*, не *Дуда*, а *Дудо*. Тыповае беларускае прозвішча *Галоўка* пішуць і вымаўляюць *Галаўко* (гл.: Гардзіцкі А. Дыялогі.– Мн., 1968. С. 52). Выказаў занепакоенасць такой непажаданай з’явай з такімі прозвішчамі і пісьменнік Ян Скрыган: «У беларускіх прозвішчах свая завядзёнка: калі яны прадметныя, то гэтак і выгаворваюцца – *Касіла*, *Кукса*, *Лялька*, *Цвірка*, *Хоцька*, *Лапа*. Але як толькі даходзіць справа да напісання, яны адразу набываюць кніжнасць, якая, трэба меркаваць, пайшла ад царкоўна-папоўскага запісвання ў метрыкі. І прозвішчы пачыналі гучаць іначай: *Касіло́*, *Куксо́*, *Лялько́*, *Цвірко́*, *Хацько́*, *Лано́*. Першааснова прападала, сэнс зацямняўся, у канцы ставілася заўсёды націскае *о*, прозвішча рабілася проста біркаю. А такім прозвішчам, як *Сукала*, *Забела*, *Спрытула*, часта надавалася акраса замежнага паходжання, іх пачыналі пісаць праз падвоеныя зычныя: *Забелло*, *Сукалло*, *Спрытулло*».

На Беларусі як тыповая з’ява ў нацыянальным антрапаніміконе ёсць цэлыя вёскі з прозвішчамі *Верабей*, *Баран*, *Бусел*, *Барсук*, *Казёл*, *Гром*, *Салабай* і інш. аналагічныя. Ідзіўна бывае, калі сустрэнеш недзе ў горадзе маладога “грамацея” або чыноўніка-бюракрата з такой вёскай, але ўжо са змененым прозвішчам: *Вараб’ёў*, *Баранаў* або *Бáран*, *Буслаў*, *Барсукоў* або *Бóрсук*, *Казлоў* або *Кóзел*, *Громаў*, *Салабаеў* і г. д. Ян Скрыган таксама ўспамінаў, што ў гады яго маладосці да яго звярнуўся з парадаю пачынаючы праязіць *Сымон Баранаў*, які моцна шкадаваў, што змяніў некалі ў арміі сваё прозвішча *Баран* на *Баранаў*. Улічваючы, што ён меў ужо справу з маладым пісьменнікам, ён параіў Сымону не вяртацца да былога прозвішча, а ўзяць псеўданім *Баранавых*. Тлумачыў такі выбар наступным чынам: у аснове прозвішча ляжыць сям’я, гурт, гняздо, зборнасць. «*Ты з сям’і Баранавых. Ты цяпер вучышся ў Мінску, то суседзі скажуць: «У Якава Баранавых сын у госці прыехаў». Праўда, мы тады не падумалі, што канструкцыя прозвішчаў на -ых лічыцца сібірскай...*» [7, с. 65].

Лінгвіст Алесь Каўрус таксама не абышоў увагай гэтую заганную практыку вольнага абыходжання з некаторымі беларускімі прозвішчамі. У сувязі з гэтым ён пісаў: «Справаванне на Беларусі вядзецца не адно дзесяцігоддзе і нават стагоддзе. У такіх умовах нацыянальныя беларускія прозвішчы нярэдка падпраўляліся, перайначваліся на ўзор рускіх, украінскіх ці іншых іншамоўных – на слых і густ таго, хто запісваў».

Пісьменнік Ігнат Дубоўскі, палемізуючы з Анатолем Мясніковым пра лёс былога прэзідэнта Беларускай акадэміі навук Антона Жэбрака, прыпамінае, што прозвішча гэтага сусветна вядомага вучонага таксама перацярпела змены, звязаныя з уплывам суседніх моў. «*З Антонам Раманавічам Жэбракам, – згадвае І. Дубоўскі, – я быў знаёмы з 1935 года. Калі ў лютым 1940 года яго выбралі акадэмікам Беларускай акадэміі навук, супрацоўнік «Звязды» Алесь Матусевіч напросіў мяне пазнаёміць яго з Жэбракам. У гутарцы з новым акадэмікам Матусевіч спытаў яго, як правільна пісаць яго прозвішча на беларускай мове – Жэбрак ці Жабрак?*»

– Маё прозвішча на ўсіх мовах – беларускай, рускай, англійскай і іншых – гучыць аднолькава – *Жэбрак*. Некаторыя думваюць, што яно паходзіць ад польскага слова «жэбрак». Нават пытаюць, ці не паляк я. Не, я – беларус. Прозвішча маё паходзіць ад беларускага слова «жабрак». Але ў той час, калі ўводзіліся прозвішчы, усе матрыкулы вяліся на рускай мове, і слова «жабрак» у рускай транскрыпцыі перайшло ў «жэбрак». А па-беларуску – *Жэбрак*. Так сфарміравалася маё прозвішча, такім і застаецца. Калі ж яго пісаць па-беларуску, *Жабрак*, то гэта ўжо будзе іншае прозвішча» (гл.: «ЛіМ». 1994. 11 лют.). Як нам здаецца, вядомы акадэмік не хацеў свядома выпраўляць, «рабіць правільным» і семантычна празрыстым сваё прозвішча, у якім у чыста беларускім варыянце адчуваўся негатывны падтэкст, бо *жабрак* – гэта той, хто збірае міласціну, хто жабруе, нічога не мае, хто зусім бедны. Такіх прыкладаў з беларускімі прозвішчамі мноства: *Шлопак, Бордак, Робак, Смоляр, Дворняк* і інш. Гэта вынік непавагі і абыякавасці да сваіх уласных імёнаў, да памяці нашчадкаў, да саміх сябе. П. Сцяцко, аналізуючы такія прозвішчы, адзначаў, што найчасцей яны ўтвараюцца ад назоўнікаў-мянушак: *дзежка* → *Дзежко, лапа* → *Лапо*; а таксама ад імёнаў: *Барыс* → *Борыс, Валька* → *Валько, Санька* → *Санько*. Гэты даследчык прыводзіць шэраг прыкладаў з мовы гаворак роднай яму Зэльвеншчыны, дзе некаторыя прозвішчы набылі неўласцівыя ім акцэнталагічныя варыянты: *Малачко* → *Малочко, Жабрак* → *Жэбрак, Сачок* → *Сачак, Сідар* → *Сідор*.

Агульнавядомым з’яўляецца факт, што прозвішча сусветна праслаўленага лётчыка-беларуса Мікалая Гастэлы – гэта пераробленае ў дарэвалюцыйнай царскай арміі беларускае прозвішча *Гасціла* (напачатку, відаць, называлі так чалавека, які любіў хадзіць у госці ці гасцінна прымаў іншых). *Гасціла* замянілі на *Гастэла*, відаць, па аналогіі з замежнымі прозвішчамі ці імёнамі тыпу *Атэла*. Федар Янкоўскі, унікшы ў яго паходжанне, дае падрабязнае тлумачэнне гэтага знявечанага беларускага прозвішча, падбіраючы да яго разнастайныя аднакаранёвыя варыянты: «*Гастэла? Беларус Гасціла! Ён адтуль, дзе жылі, дзе жывуць гасцінныя Гасцілы, дзе вёскі, дзе былі хутары-сялібы з назвамі Гасцілы, Гасцілаўцы, Гасцілавічы і іншыя.*

Гасцінцы, гасцяваць, госці-госцейкі! Гасцілаўцы і Гасцілавічы! Гасціла і Гасцюта, Гасцята і Гасцюкевіч!.. (“Звязда”, 1997, 07.10., с. 6).

Бываў на радзіме Мікалая Гастэлы і Уладзімір Караткевіч:

«– *Што гэта ў вас, дзядзька, на магілах ледзь не адно прозвішча?*

– *А так, адно, Гасціла. Шмат у нас Гасцілаў. Гэта ж і Мікола Гасціла адсюль. Гэта ўжо там недзе, у Расіі, яму ці ягонаму бацьку прозвішча на Гастэла перарабілі. Ужо не ведаю, ці пісар ваенны, ці хто»* [6, с. 156].

У гэтым кантэксце цікавымі з’яўляюцца і ўспаміны Аляксандра Шабаліна, рэдактара часопіса «Беларусь», пра першае сваё знаёмства з П. Машэравым: «*І вось я збянтэжана пераступаю парог кабінета – агромістага, аздобленага пад арэх, але строгага і даволі ўтульнага. Гаспадар выходзіць з-за стала, шырока, прыязна ўсміхаецца, працягвае насустрач руку і пытае: «Скажы, як правільна вымаўляецца тваё прозвішча – з націскам на другім ці трэцім складзе?»*

Я адказаў, што розныя людзі, здараецца, па-рознаму мяне называюць, я ўжо прывык да гэтага, таму, маўляў, і Вы, Пётр Міронавіч, гаварыце, як вам зручней. А ён зноў: «А ведаеш, і маё прозвішча без прыгод не абышлося. Я ж Машэра, а не Машэраў! Так-так. Нехта з маіх продкаў дужа захацеў быць рускім, вось і дадаў у нашпарце апошнюю літару. Так і пацягнуўся далей род – ужо як Машэравых» («ЛіМ». 1990. 16 лют.).

Пісьменнік Уладзімір Арлоў пра паходжанне свайго прозвішча пісаў: «*Кацярына II і яе сын Павел I раздалі ў беларускіх губернях сваім памешчыкам 208,5 тысячы душ «мужэска полу»... Браты Арловы, што некалі дапамаглі ёй сесці на трон, пераважна ў далучаных губернях атрымалі 50 тысяч прыгонных. Прозвішча сялянам нярэдка давалі па панах. У адной з «арлоўскіх» вёсак Магілёўскай губерні праз сто гадоў пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі нарадзіўся мой дзед *Арцём Арлоў*». Гэтая асаблівасць была тыповай для антрапаніміконаў тагачаснай Расіі і Беларусі, пра што пераканальна пісаў У. Ніканаў у кнізе “*География фамилий*” (М., 1988).*

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Королёва, И. А. Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королёва. – Смоленск : Изд-во СПГУ, 2006. – 368 с.
- 2 Янкоўскі, Ф. Беларуская мова – 3-е выд., дапрац. / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выш. школа, 1978. – 336 с.
- 3 Лобан, М. Так пачыналася дарога / М. Лобан // Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск : Маст. літ., 1973. – 336 с.
- 4 Бельскі, А. М. Вялікае мастацтва артылерыі / А. М. Бельскі, М. А. Ткачоў. – Мінск, 1992. – 163 с.
- 5 Усціновіч, Г. Нашы прозвішчы: паходжанне, спосаб утварэння, тэрытарыяльная прыналежнасць / Г. Усціновіч // Роднае слова. – 2005. – № 8. – С. 73–78.
- 6 Караткевіч, У. Зямля пад белымі крыламі / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1977. – 176 с.
- 7 Скрыган, Я. Некалькі хвілін чужога жыцця. Апавяданні, успаміны, роздум / Я. Скрыган. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 358 с.

Содержание

<i>Абрамова Е. И., Фомина В. С.</i> Специфика языка и стиля эссе «русская кухня в изгнании» П. Вайля и А. Гениса.....	3
<i>Аксёничкова А. А.</i> Изменение смыслового наполнения концепта «Китай» в русском языковом сознании в период с 1917 по 2017 год.....	7
<i>Банзерук О. В.</i> Анализ концепта «еда» как отражение культурно-бытовых ценностей украинского народа (на материале раннего творчества Н. В. Гоголя).....	10
<i>Беженару Л. И.</i> Номо sovieticus и язык тоталитарной системы.....	13
<i>Белая А. С.</i> Из истории формирования социальной терминологии (на материале СМИ).....	18
<i>Белодед В. А.</i> Социолингвистическая ситуация в современной Беларуси.....	21
<i>Белякова Е. А.</i> Интернет-коммуникация как современное речевое явление.....	23
<i>Бережняк В. Н.</i> Нарушения языковых норм носителями украинско-белорусского пограничья на Черниговщине	26
<i>Биюмена А. А.</i> Особенности номинации в белорусской региональной оккупационной прессе	28
<i>Валеева Л. В., Дёминова М. С.</i> Семантическое своеобразие метафоры в оппозиционной системе «труд / отдых» (на материале русского прогностического текста)	31
<i>Великий А. Н., Ничипорчик Е. В.</i> «Без революции» в дискурсах прошлого и настоящего: лингвоаксиологический аспект.....	33
<i>Головачева О. А., Королевская С. В.</i> Слова со значением цвета в рассказе Н. С. Лескова «На краю света».....	37
<i>Гомонова И. Г.</i> Отантропонимные номинации советской эпохи в публицистическом и художественном дискурсе.....	39
<i>Григоренко Е. С.</i> Стилистика украинских СМИ в период острого политического и экономического кризиса	42
<i>Громова Т. В.</i> Метафора в языке и культуре, во времени и пространстве.....	46
<i>Гушча Н. І.</i> Асаблівасці антрапанімікону рамана Уладзіміра Караткевіча “Каласы пад сярпом тваім”.....	49
<i>Денисюк В. В.</i> Фразеология бунта (на материале восточнославянской историографии XVII–XVIII веков).....	53
<i>Евтухова И. Г.</i> Фразеологизм <i>проходит красной нитью</i> : история и современность..	56
<i>Жадейко Ж. Ф.</i> Приметы времени и язык эпохи в поэме А. А. Блока «Двенадцать»	60
<i>Завтрикова П. С.</i> Динамика представлений о «нашем мире» в публицистических дискурсах	63
<i>Залеская Н. А.</i> Общение через картинки: анализ изображений, размещенных в «Твиттере».....	67
<i>Кавалёва А. В.</i> Перайменаванні назваў населеных пунктаў у прастору і часе	69
<i>Каліта І. У.</i> Беларуская гастронамічная лексіка і фразеалогія ў “Смаленскім абласным слоўніку” У. М. Дабравольскага.....	72
<i>Каличкина Т. И.</i> Ирония в контексте современного политического дискурса.....	76
<i>Капшай Н. П.</i> Постигание поэтического языка и сущности исторической эпохи в единстве лингвистического и литературоведческого подходов (на примере произведений М. И. Цветаевой).....	78
<i>Ковалевич И. О.</i> Коллективное окказиональное словотворчество в современном интернет-пространстве.....	81
<i>Коваль В. И.</i> Устойчивые словосочетания с компонентом <i>империализм</i> как знаки советской эпохи (по данным интернет-источников).....	84
<i>Кодынева Л. Ю.</i> Урбанонимы, мотивированные идеологией общества.....	89

<i>Козлова Е. Ю.</i> Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале названий объектов города Краснодара).....	92
<i>Козловская М. М.</i> Новые фразеологические сочетания в русском языке начала XXI века.....	95
<i>Кот М. С.</i> Варыянтнасць онімаў-алюзій біблейскага паходжання ў творах Якуба Коласа	97
<i>Кошкина Е. И.</i> Репрезентация советизмов в лингвокогнитивном аспекте (на примере годонимов города Брянска).....	100
<i>Кузнецова С. А., Сергеенко И. С.</i> Имена собственные в статье Н. С. Лескова «Литовская железная дорога»: функциональный аспект.....	103
<i>Кураш С. Б., Струков Е. В.</i> Феномен интернета в языковом зеркале эпохи	106
<i>Латицкая Н. И.</i> Устойчивый словесный комплекс <i>Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить</i> : история и современность.....	111
<i>Литвинникова О. И.</i> Фразеология русской частушки советского времени	114
<i>Ляшчынская В. А.</i> Каштоўнасця арыенціры ў фразеалагізмах беларускай мовы з кампанентам <i>вір</i>	119
<i>Маслова В. А.</i> Интерес к глубинному знанию как важнейший принцип лингвистики XXI века	122
<i>Мельникова О. Н.</i> Вербализация концепта «долг» в устойчивых словесных комплексах русского языка.....	125
<i>Никитевич А. В.</i> От <i>ковыльнуть</i> до <i>твитнуть</i> : динамика семантического потенциала слова.....	128
<i>Никитина Т. Г.</i> Современные трансформации устойчивых выражений в словарной интерпретации: отражение ценностей изменяющегося мира.....	130
<i>Осипова Т. А.</i> Лингвистические особенности поэмы Андрея Белого «Христос воскрес»	132
<i>Палуян А. М.</i> Асаблівасці фарміравання беларускай анатамічнай тэрміналогіі	135
<i>Пантелеева А. П.</i> Лингвосоциальное поле Эстонской Республики: современный этап	139
<i>Приходько С. А.</i> Лексика пассивного словарного запаса в советском дискурсе (на примере полемических трудов В. И. Ленина)	142
<i>Рогалёва Е. И.</i> Нормы эпистолярного жанра в социокультурной репрезентации младшему школьнику (на лингвокраеведческом материале)	144
<i>Ромащенко Л. И.</i> Язык как средство отражения социокультурных процессов (на примере украинского языка).....	147
<i>Самодурова А. В.</i> Фразеологизмы в языке произведений А. С. Пушкина сквозь призму эпохи	151
<i>Серикова И. В.</i> Актуализация фразеологических советизмов в современных газетных текстах	153
<i>Соколова М. Г.</i> Дендронимы в литературе как отражение языкового вкуса эпохи	156
<i>Стародубец С. Н.</i> Коннотация «духовность» составного наименования «новый русский человек» в дискурсе И. А. Ильина	159
<i>Стребуль Л. А.</i> Современные коммуникативные модификации одного вида наименований	162
<i>Стрижак А. Л.</i> Идеологема <i>Сталин</i> в русском языке XX – начала XXI века	164
<i>Струкаў В. В., Юдзянкова Г. В.</i> Рэгіянальны кампанент у семантычнай структуры прозвішчаў.....	168
<i>Тачыла Н. Р.</i> Адэтнанімічныя ўтварэнні з асновай <i>літвін / ліцвін</i> у гаворках Мазырскага Палесся.....	170
<i>Тимошенко Е. И.</i> Политические смыслы слова <i>товарищ</i> в языке XX века.....	173
<i>Трофимович Т. Г.</i> Отражение социальных приоритетов и языковых вкусов эпохи в оформлении подписей к уложению 1649 года	176
<i>Хазанова К. Л.</i> <i>Інверсія</i> : гістарычная з’ява і сродак выяўленчай выразнасці.....	179

<i>Хашимов Р. И.</i> Ключевые слова текущего момента: история и семантика термина	182
<i>Холявко Е. И.</i> <i>Избави ны от неприязни:</i> к проблеме выбора слова.....	184
<i>Шабулдаева Н. И.</i> Архитектоника туркменского имени	187
<i>Шарифова Салида Шахмед Кызы.</i> Единый язык и единое литературное пространство как предпосылки для политической интеграции	190
<i>Шаров С. В., Шарова Т. М.</i> Использование интернет-технологий для обеспечения подготовки современного учителя-словесника	194
<i>Шумарина Т. Ф., Давыдова Е. А.</i> Речевая агрессия в профессиональной коммуникации (на материале речи сотрудников органов внутренних дел города Одессы)	197
<i>Шур В. В.</i> Вынікі беларуска-руска-польскага ўзаемадзеяння ў сістэмах антрапонімаў-прозвішчаў.....	200

Научное издание

**ЯЗЫК
КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ**

К 100-летию революций в России

Сборник научных статей

Подписано в печать 16.11.2017. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 24,18.
Уч.-изд. л. 21,06. Тираж 80 экз. Заказ 871.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель